

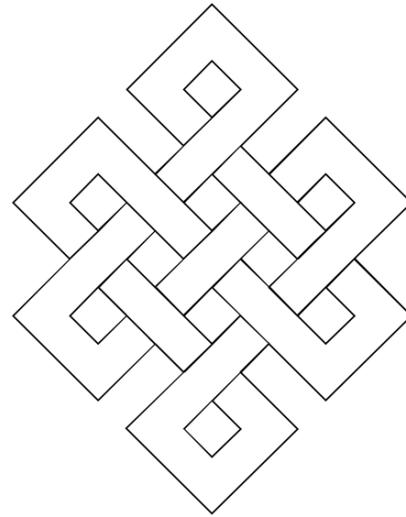
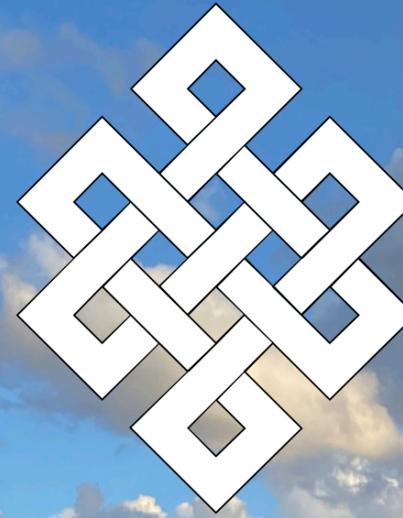
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2023

№ 1

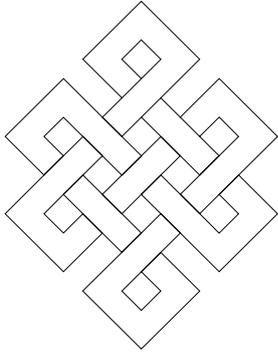
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

№1
2023

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2023

№ 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушка О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Ламажаа Ч. К. (Россия) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция6
Сувандии Н. Д. (Россия) Чер ‘земля’ в паремиях тувинцев26
Майны Ш. Б. (Россия) Представления о чер ‘земле’ современных тувинцев38
Кужугет Ш. Ю. (Россия) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв.64
Санчай Ч. Х. (Россия) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев80
Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. (Россия) Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи110
Анжиганова Л. В. (Россия) Этноконфессиональный неотрадиционализм хакасов: поиск оснований идентификации125
Попков Ю. В. (Россия) «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы)137

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. (Россия) Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы)154

ФИЛОЛОГИЯ

Колмогорова А. В., Натпит А. А. (Россия) Нейросемантические характеристики употребительных слов тувинского языка через призму комплексного психолингвистического эксперимента170
Ондар Ч. Г., Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. (Россия) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы186

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Натсак О. Д. (Россия) Женщины в публичном дискурсе в период Тувинской Народной Республики (историко-социологический анализ по материалам периодической печати)208

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Бредис М. А. (Россия) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков)228
Иванов Е. Е. (Россия) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремическом словаре243
Петрушевская Ю. А. (Россия; Беларусь) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков)259
Досмурзинов Р. К. (Казахстан) Шаманские практики в системе верований казахов и тувинцев (1920-1960-е гг.): сравнительный анализ280

CONTENTS

ASPECTS OF CULTURE

<i>Lamazhaa Ch. K. (Russia)</i> Concepts of Culture: Form, idea, social regulation	6
<i>Suvandii N. D. (Russia)</i> Cher ‘earth’ in Tuvan paroemias	26
<i>Mainy Sh. B. (Russia)</i> Perceptions of ‘cher’ (‘earth’) among contemporary Tuvans	38
<i>Kuzhuget Sh. Yu. (Russia)</i> Tuvans’ attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries ..	64
<i>Sanchai Ch. Kh. (Russia)</i> Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans	80
<i>Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. (Russia)</i> Semantic components in Tuvan students’ perceptions of homeland	110
<i>Anzhiganova L. V. (Russia)</i> Ethno-confessional neotraditionalism of the Khakas: The search for identification grounds.....	125
<i>Popkov Yu. V. (Russia)</i> “Soil” in ethnicity: Traditions of Russian ethnology tested by “perestroika” and post-modernism (problem statement)	137

ETHNICITY AND SOCIETY

<i>Noyanzina O. E., Maximova S. G., Omelchenko D. A. (Russia)</i> The traditional and the modern in constructing axiological foundations of youth’s life prospects (Tuva and other regions)	154
---	-----

PHILOLOGY

<i>Kolmogorova A. V., Natpit A. A. (Russia)</i> Neurosemantic characteristics of common words in the Tuvan language through the prism of a complex psycholinguistic experiment	170
<i>Ondar Ch. G., Dongak V. S., Mongush D. Sh. (Russia)</i> The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects	186

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Natsak O. D. (Russia)</i> Women in the public discourse in the period of the Tuvan People’s Republic (A historical and sociological analysis based on materials of the periodical press)	208
---	-----

DIALOGUE OF CULTURES

<i>Bredis M. A. (Russia)</i> Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)	228
<i>Ivanov Eu. Eu. (Russia)</i> Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary.....	243
<i>Petrushevskaya Yu. A. (Russia; Belarus)</i> Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages).....	259
<i>Dosmurzinov R. K. (Kazakhstan)</i> Shamanic practices in the belief system of the Kazakhs and Tuvans, 1920s-1960s: A comparative analysis	280

Специальная тема
«Земля в современной
тувинской культуре»

Ответственный редактор:
доктор философских наук
Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа

Special issue
“The Earth
in modern Tuvan culture”

Edited by
Chimiza K. Lamazhaa,
Doctor of Philosophy

Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция

Чимиза К. Ламажаа

Независимый исследователь, Российская Федерация

В статье представлен методологический путь для междисциплинарного исследования этнической культуры, названный путем концептуализации этнокультуры. Он ориентирован на дискурс западной культурной антропологии, но основан на российской тезаурусной концепции субъектного знания и рассматривает как методологическое средство понятие «концепт культуры».

Несмотря на активное использование российскими учеными понятия «концепт», в частности «концепт культуры», в исследованиях отмечается лингвокультурологический «перекосяк». Он имеет свои недостатки, связанные с филологической специализацией большинства исследований данной отрасли.

Путь концептуализации этнокультуры предполагает исходить не из дисциплинарных особенностей исследователей, что «дробит» культуру на отдельные ракурсы. Предлагается ставить в центр внимания культуру и изучать ее силами специалистов разных научных областей.

Суть культуры усматривается прежде всего в смысловом поле — тезаурусе, сокровищнице знаний. Ее важнейшие элементы — концепты культуры. Они имеют богатство форм, в том числе словоформ, и диалектически связываются с человеческой активностью (будучи ее результатом и в свою очередь определяющие ее), а также с вещами, материальными объектами, которые воплощают в себе результаты осмысления человеком-создателем этих идей. Все эти аспекты концептов можно реконструировать в трех ипостасях: «форма», «идея», «социальная регуляция».

Особенности реконструкции показаны на примере изучения конкретной этнической культуры — тувинской.

Ключевые слова: концепт культуры; методология изучения культуры; лингвокультурология; российская культурология; российская наука; этническая культура; концептосфера; тувинская культура

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 6-25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Российская Федерация. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Independent Researcher, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

ASPECTS OF CULTURE

Article

Concepts of Culture: Form, idea, social regulation

Chimiza K. Lamazhaa*Independent researcher, Russian Federation*

The article presents a methodological way for interdisciplinary research on ethnic culture. It is called the way of conceptualization of ethnoculture. It focuses on the discourse of Western cultural anthropology, but is based on the Russian thesaurus conception of subjective knowledge and considers the term “concept of culture” as a methodological tool.

Despite the active use of the term of concept (in particular, “concept of culture”) by Russian scholars, the studies note a linguistic and cultural “imbalance”. It has its downsides related to the philological character of most studies in this field.

The way of conceptualization of ethnoculture suggests proceeding not from researchers’ disciplinary characteristics that “split” culture into separate perspectives. It is proposed to focus on culture that specialists in different academic fields should study.

The essence of culture appears primarily in the semantic field — the thesaurus or the treasury of knowledge. Its most important elements are concepts of culture. They have an abundance of forms, including word forms, and are dialectically associated with human activity (being its result and, in turn, determining it), as well as with things and material objects that embody the results of comprehension of these ideas by a person who has created them. All these aspects of concepts can be reconstructed in three hypostases: “form”, “idea”, and “social regulation”.

The features of this reconstruction are shown by the example of studying a specific ethnic culture — Tuvan.

Keywords: concept of culture; methodology of studying culture; linguoculturology; Russian culturology; Russian science; ethnic culture; conceptsphere; Tuvan culture

For citation:

Lamazhaa Ch. K. Concepts of Culture: Form, idea, social regulation [Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 6-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Введение

Как писал в свое время Л. Уайт, некоторым исследователям нравится определять культуру только в терминах идей. Он подчеркивал, что культура действительно состоит из идей, но частично; ведь помимо них отношения, действия и объекты — это тоже культура (White, 1959: 236–237). Несмотря на то, что эти слова из статьи, которая была опубликована более 60 лет назад, данное замечание, на наш взгляд, не потеряло своей актуальности.

Теоретические основания исследования культур, так же как и соответствующие им подходы к изучению отдельных культур, сравнения между культурами — остаются актуальными для гуманитарного знания. И обсуждения этих проблем не прекращаются не только в силу развития самого научного знания, влияния на него самых разных факторов, но и ввиду сложности самого объекта — культуры. Ее ученые понимали и продолжают трактовать самым разным образом, опираясь на разный понятийный аппарат, который соответствует определенным дисциплинарным направлениям, выбранным методологическим подходам.

И помимо всего прочего специализация в науке, дисциплинарная принадлежность и соответствующие ей методологические ограничения стали новым фактором «расщепления» культуры в анализе, рассмотрении ее порой только с одной стороны. Например, если мы говорим о российском

научном поле, достаточно сильно обособленном от мировых дискурсов, то в публикациях, например, о концептах культуры, которые распространились в последние годы¹, очень заметны стремления авторов развивать проблематику в плоскости своих отдельных дисциплин. Это заметно ограничивает рамки работы, сужает представление о культуре. Так, представители лингвокультурологии, чаще всех обсуждающие концепты культур, пишут о концептах как когнитивной базе культуры, практически изучая отражение культурных знаний в языке, то есть ограничиваясь сферой идей, а если еще точнее, то — темой отражения идей в языке.

И именно проблема пропавшего общего поля исследования культур побуждает говорить о необходимости, важности междисциплинарных конкретных исследований филологов, культурологов, этнологов, антропологов, социологов и пр. Разумеется, общий теоретико-методологический подход, единая концепция в этом смысле — вряд ли достижимый идеал, но тем не менее, поскольку мы имеем один общий объект исследования — культуру, стремиться к этому необходимо. Я считаю перспективным для разноаспектного исследования культур опираться на идею концептов, широко распространенную в «родном» ареале использования, в зарубежной науке, где обсуждаются *concepts* как понятия, идеи, образы или как концепции самой культуры. Тем самым я обращаюсь к культуре как содержательному аспекту социальной жизни, одновременно рассматривая не только идеи и их воплощение во взаимодействии между людьми, но и их материализацию в объективированных формах. Речь идет не только о концептосфере, но и о том, как концептосфера находит свое выражение в социокультурных практиках, как связана с ней.

В данной статье я представлю сформированный мною и моими коллегами² методологический путь для междисциплинарного исследования этнической культуры, который мы в целом назвали путем **концептуализации этнокультуры**. Он ориентирован на дискурс западной культурной антропологии, но тем не менее основан на российской тезаурусной концепции субъектного знания (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013), в свою очередь впитавшую много идей российских филологов и культурологов. И наше решение позволит объединить работу дисциплинарно разобщенных российских специалистов, например филологов, этнологов, культурологов, искусствоведов и пр., как это мы уже показали в ряде своих публикаций (Кужугет и др., 2019; Ламажаа, Майны, 2020; Дагылга: тувинские ... , 2021; Майны, Ламажаа, 2022; Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022; Тувинцы. Родные ... , 2022; Өөвүс. Возвращение ... , 2022; и др.³). Это дает объемное представление о культуре с охватом и сферы идей, и сферы социального взаимодействия, и результатов созидательной деятельности. При этом, подчеркну, что основным объектом нашего внимания является этническая культура, имеющая свой язык, а также культурные проявления жизни этноса, которые считаются присущими ему.

Основным методологическим средством для комплексного, междисциплинарного исследования культуры мы рассматриваем понятие «концепт культуры». Поэтому цель данной статьи будет в обосновании данного ключевого понятия в дискурсе российской науки с учетом ее сложившихся особенностей. В анализе я опираюсь на публикации ученых о концептах культуры и на результаты работ моих и моих коллег по изучению тувинской этнической культуры в 2019–2022 гг., изложенных в вышеупомянутых публикациях.

Концепты в российском гуманитарном знании

Тема концептов культуры, вошедшая в российский научный дискурс вслед за исследованиями концептов в англоязычных науках, стала важным направлением в российской филологической науке, прежде всего в лингвокультурологии.

Начало лингвокультурологических разработок восходит к рубежу 1960–1970-х гг. (Телия, 1996; Степанов, 2004, 2007; Арутюнова, 1999; Логический анализ ... , 1991; Маслова, 2001; Воробьев, 2006; Лингвокультурный концепт ... , 2007; Жизненное пространство ... , 2021; и др.). Как пишет В. А. Маслова,

¹ На 05.01.2023 г., например, в каталоге Научной электронной библиотеки (elibrary.ru) насчитывалось около 17 тыс. публикаций, обсуждающих проблематику концептов культуры, большинство из которых лингвистические.

² Соответственно, когда речь идет о наших общих усилиях, я использую местоимение «мы». Когда же я говорю о своем мнении, то пишу от первого лица.

³ Общая концепция проекта, данные участников и списки публикаций есть на сайте лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ: <https://ethnolab.tuvsu.ru/> (дата обращения: 05.01.2023).

сама дисциплина оформилась вследствие того, что «в воздухе носилась» идея — идея изучения культуры через язык (Маслова, 2001: 27). В целом автор определяет ее следующим образом: «Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» (там же: 8). Другое определение отрасли: это «целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков...» (Воробьев, 2006: 4).

Несмотря на то, что в рамках работы лингвокультурологии выходили и выходят теоретические работы, поднимающие вопросы общей культурологии и функционального пространства лингвокультуры (Логический анализ ... , 1991; Алефиренко, 2016), в силу того, что лингвокультурология развивается филологами, дисциплина остается по большей части не столько культурологией, связанной с языкознанием, сколько культурной лингвистикой, или просто отраслью лингвистики, как в итоге считают и сами филологи, следующие по пути своих предшественников¹. Это приводит к обсуждениям о том, возможно ли лингвокультурологию рассматривать как самостоятельную дисциплину или ту, которая может решать культурологические проблемы (Лучинина, 2004; Павлова, 2015; Филиппов, 2018).

Представители лингвокультурологии работают преимущественно с фольклором, с текстами классической литературы, «однако, — как пишет Е. Н. Лучинина, — изучение взаимосвязи языка и культуры исключительно на основании словарных единиц и текстов вряд ли поможет составить его адекватную картину, поэтому продуктивным для развития лингвокультурологии направлением может стать обращение к анализу дискурса» (Лучинина, 2004: 242). А. В. Павлова видит слабость дисциплины в том, что она рассматривает направление связи между языком и культурными особенностями не так, как они формируются в реальной жизни (сначала формируются первоначальные знания, которые и выражаются в языке, см. Павлова, 2015: 201–202). Ю. В. Филиппов отмечает недостатки позиционирования лингвокультурологии, в том числе «междисциплинарный» характер, «пограничное» положение и пр., что не может соответствовать статусу научной дисциплины (только конкретного исследования) (Филиппов, 2018: 15).

Безусловно узкая специализация имеет свои особенности, в том числе позволяет углубленно исследовать определенные предметы, ракурсы. Кроме того, изучение языковых терминов как понятий самой культуры мы считаем действительно важной частью постижения смыслового «поля» культуры в гумбольдтовском смысле (Гумбольдт, 1985), на чем остановимся далее. Тем не менее также хотелось бы обратить внимание коллег на ряд проблемных вопросов, которые возникают, если за специализацией недостаточно учитывать широкий контекст изучаемого объекта.

Посмотрим это на примере недавнего труда в области лингвокультурологии, который нас заинтересовал в том числе благодаря охвату исследуемой нами тувинской лингвокультуры. В конце 2022 г. в издательстве Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук вышла коллективная монография большой группы филологов «Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири» под редакцией Н. Б. Кошкаревой, Е. В. Тюттешева (Новосибирск: Академиздат, 2021²). Данная работа, как отмечено на оборотном титульном листе, стала итогом работы коллектива по проекту «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык», финансируемым грантом Правительства РФ. И в соответствии с общей проблематикой проекта, сформулированной в его названии, исследователи сосредоточились на выявлении концептов языковой картины мира народов Сибири как концептов универсального характера, присущих любой культуре мира, но разумеется выражающих этнокультурные особенности.

В издании, над которым трудились одиннадцать авторов³, представлен значительный итог многолетних исследований языкового материала десяти урало-алтайских языков: древнетюркского, современных тюркских языков (алтайский, чалканский, хакасский, шорский, тувинский, якутский,

¹ Малхазова М. И. Лингвокультурология как самостоятельное направление лингвистики // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 39. С. 134–142; Белозерова А. В., Локтионова Н. М. Лингвокультурология как лингвистическая дисциплина // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7681> (дата обращения: 05.01.2023).

² По выходным данным это издание 2021 г., но фактически в свет издание вышло в конце 2022 г.

³ Е. В. Тюттешева, А. В. Байыр-оол, А. А. Озонова, О. Ю. Шагдурова, А. Р. Тазранова, Н. Н. Федина, Н. Б. Кошкарева, И. А. Невская, И. В. Шенцова, В. А. Горбунова, Я. В. Стручкова.

барабинско-татарский), одного тунгусо-маньчжурского (ульчский) и одного угорского (хантыйский). Опираясь на лексикографические, этнографические, фольклорные источники, тексты художественной литературы, а также привлекая результаты своих полевых исследований, филологи проанализировали нескольких ключевых понятий соответствующих культур.

Исследовательское поле, понятийный аппарат, языки, источники работы — все это вызывает большой интерес к изданию. В целом, его можно назвать одним из заметных событий в российской лингвокультурологии, а тем более — в областях научного знания, направленных на изучение соответствующих этнических культур. Я полагаю, что исследователям культур Сибири работа будет безусловно интересна и полезна, поскольку авторы подняли большое число источников для того, чтобы обобщить универсальные и своеобразные трактовки понимания того, что есть «жизнь», «смерть», «родная земля», «душа» в языках сибирского региона.

Однако, в свете волнующей нас цели междисциплинарного анализа этнических культур я замечая здесь типичные проблемы лингвокультурологии.

Первая проблема. Название грантового проекта, вынесенное в титул издания, сразу указывает на общую направленность этого исследования — выявление и анализ универсальных категорий культуры, о которых еще в свое время писал А. Я. Гуревич (Гуревич, 1972, 1984), формулируя свой методологический подход и применяя его сразу к изучению ментальности людей средневекового Запада. Он считал: «чтобы понять жизнь, поведение и культуру людей средних веков, важно было бы попытаться восстановить присущие им представления и ценности. Нужно выявить “привычки сознания” этих людей, способ оценки ими действительности, особенности их видения мира» (Гуревич, 1984: 24). И полагал, что для этого

«следовало бы пойти по пути обнаружения основных универсальных категорий культуры, без которых она невозможна, которыми она пронизана во всех своих творениях. Это вместе с тем и определяющие категории человеческого сознания. Мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, сверхчувственное, отношение частей к целому. ... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” — ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (там же: 25).

Подход А. Я. Гуревича был очень популярен в 1980–1990-е гг., имел множество последователей, в том числе среди тех, кто изучал категории культур Сибири (см. обзор данных работ: Ламажаа, 2020: 206–207). И кажется несколько удивительным, что последователи данной традиции, которыми очевидно являются авторы данного труда, совсем не упоминают одного из виднейших культурологов страны. Я уже не буду углубляться в тот факт, что сам А. Я. Гуревич являлся последователем французской школы Анналов, впервые в европейской исторической науке показавших плодотворность исследовательского внимания не только к официальной истории, но и к истории повседневности.

Но даже если не обращать особого внимания на эту деталь (у каждой отрасли свои авторитеты), можно отметить проблему применения понятий.

В монографии авторы сразу начинают постановку проблемы с обоснования универсальности культурного содержания как актуальной задачи поиска «надкультурного» единства человечества (Жизненное пространство ... , 2021: 3) и трактовки каждого концепта языка как выразителя этнокультурных представлений начинают с обсуждения того общего, что есть у сибирских языков с русским. Тем самым очевидно, что перед авторами главной является задача выявления языковых универсалий, тем более, что названы они не терминами соответствующих языков, а именно языком той культуры, с которой они сопоставляются — русским языком, который одновременно является для авторов языком национальной (государственной) науки: «жизнь», «смерть», «родная земля (родина)», «душа».

Авторы ссылаются на определение известного лингвиста А. Вежбицки (Вежбицкой) о том, что такое лингвистические универсалии (Жизненное пространство ... , 2021: 3). Но при этом они явно упустили из виду, что сами концепты правильнее называть именно на том языке, на котором они звучат для носителей культуры. Не случайно именно так они приводятся в русскоязычном издании труда А. Вежбицки: «Например, предполагалось, что концепты ‘someone’, ‘something’ и ‘want’, неопределяемые в английском, окажутся неопределяемыми и в других языках и что в других языках тоже найдутся слова (или связанные морфемы) для выражения этих концептов» (Вежбицкая, 2011: 19). И в таком случае очевидно уважаемым авторам рассматриваемой монографии следовало бы обсуждать «жизнь»,

«смерть», «родная земля», «душа» не как концепты культур, а как научные категории, различая их от концептов культуры, о чем собственно пишет сама А. Вежбицка. Приведу в качестве примера цитату из ее оригинального труда на английском языке: ... «The scientific category *Mus musculus* does not correspond to the folk categorization reflected in the concept 'mous'...» (Wierzbicka, 1996: 343) («Научная категория *Mus musculus* (лат. назв. домашней мыши. — Ч. Л.) не соответствует народной классификации, отраженной в концепте 'mous' ('мышь'. — Ч. Л.)»¹).

А. Вежбицки подчеркивает, что *речь идет о различиях между научным знанием и культурным, выраженными в разных типах понятий* (там же: 349). О том, что это два типа анализа, писалось еще российскими филологами в рамках школы Н. Д. Арутюновой (см.: Никитина, 1991).

Вторая проблема. Я не считаю, что лингвокультурологическое внимание к языковому материалу письменных источников должно вызывать серьезные возражения, которые высказывают критики направления. Реконструкция картины мира, мировоззрения, менталитета может опираться на разные источники, а язык — самый важный из них. И если фольклористы «заточены» на изучение текстов фольклора (зафиксированного в текстовом виде, в том числе после расшифровки записей того, что дают носители фольклора), лингвисты — текстов словарей, произведений литературы, то сложно призывать их еще собирать и современный общественный дискурс, тем более, что они просто не подготовлены для этого (хотя готовые тексты СМИ, например, было бы возможно исследовать...). Если же исследователи сами осознают, что обсуждают только один аспект культуры, например картину мира в определенную историческую эпоху, которая восстанавливается только по письменным источникам, а не всю культуру, то это нормальное рациональное ограничение исследовательского поля.

Другое дело — какой именно языковой материал рассматривается в качестве источников. С этим связана третья проблема исторической динамики культуры, которая нередко упускается филологами. В монографии «Жизненное пространство...», с одной стороны удивительным, а с другой — не удивительным (поскольку это типичная проблема лингвокультурологии) выглядит максимально широкий охват источников без различения исторических периодов. Авторы изучили и проанализировали материалы «современных тюркских языков», как они пишут, на «всех доступных лексикографических, этнографических, фольклорных источниках, художественной литературе, результатах полевых исследований, проведенных самими авторами» (Жизненное пространство ... , 2021: 5). Охвачены были самые разные словари (в том числе даже древнетюркский, для того, чтобы проследить этимологию терминов, поднять ранние лексические значения), корпуса фольклорных текстов, художественная литература, публицистика, научно-учебная литература. Очевидно, что эти источники демонстрируют картину мира культуры разных исторических времен, но почему-то авторы видят здесь только «древность» и «современность»: древнетюркскую терминологию и терминологию «современных» тюркских языков. В лингвокультурологических работах порой и вовсе весь языковой материал анализируется как единая концептосфера, которая сложилась на протяжении длительного времени (веками) и рассматривается сегодня как данность (Есенова, 2012: 4).

Такое представление о лингвокультуре, на мой взгляд, упускает сам процесс динамики, вариативности, постоянной изменчивости языка и культуры, для которых, например, даже один век, например, XX в., может оказаться довольно сильным фактором.

Подобную слабую позицию А. В. Павлова, ссылаясь на критическую публикацию польских авторов А. Киклевича и М. Вильчевски о другой лингвокультурологической монографии (Kiklewicz, Wilczewski, 2011), называет принципиальным внеисторизмом, когда «культура в ней предстает как вечная и неизменная» (Павлова, 2015: 203).

Теперь от лингвокультурологии обратимся к культурологическим, а также этнологическим работам в российской науке.

Здесь отмечается очень малая востребованность понятия «концепт». Это связано с общими особенностями развития русскоязычной науки. Как писал В. З. Демьянков, специально исследовавший вопрос хождения термина «концепт» в разных языковых ареалах, «в русской художественной и научной литературе часто встречаем прилагательное концептуальный, но исключительно редко — существительное концепт» (Демьянков, 2007: 615).

¹Перевод наш. — Авт.

Также можно добавить, что в большинстве случаев для культурологов очевидно тема терминологии самой культуры автоматически относится к «народному знанию», ей уделяется место лишь как к раз-делу фольклора, части духовной культуры, «надстройке». Соответственно исследователи старшего поколения, ставшие специалистами в советские годы, пишут и до сих пор издают, переиздают те-оретические труды по культурологии, в которых в большинстве случаев нет термина «концепт».

Культурологами, философами концепты в последнее время обсуждаются скорее как научные по-нятия. Например, в 2017 г. под эгидой МГИМО начал выходить научный журнал «Концепт: философия, религия, культура», который, по мысли Ю. П. Вяземского, может заключать трактовку «концепта» как понимания в общем смысле слова, направленного на установление диалога между культурами, специалистами¹. Выходят публикации о «культур-философских» концептах, концептах картины мира и пр. (Вереитинова, 2015; Перевозникова, 2019; и др.).

В этнологической литературе пока встречаются лишь единичные публикации, демонстрирующие антропологические подходы к основным идеям культуры как к концептам или концепциям (напр., Содномпилова, 2007; Морозов, Ткачук, 2019; Кабицкий, Рудник, 2020).

Тем самым я хотела подчеркнуть неудовлетворенность от тех направлений дискурсов, в которых сегодня бытует понятие «концепт культуры» в российской науке о культуре.

Культура как исследовательское поле

Намерение говорить о концептах, как неких составных элементах, репрезентантах культуры бе-зусловно побуждает сначала обозначить понимание того, что есть культура, как ее можно изучать в целом. Несмотря на большую историю изучения культуры, огромное число работ о культуре в науке, единого понимания учеными не достигнуто. Но, как уже было сказано, это не результат разобщенно-сти научного мира и слабости познавательных схем, а результат сложности самой культуры, которую ученые прежде всего считают неким экстрасоматическим (внеорганизменным) или надбиологическим явлением.

Обосновывая свою концепцию, например, Л. Уайт писал, что «когда вещи и события, зависящие от символизации, рассматриваются и интерпретируются в экстрасоматическом контексте, то есть в терминах их взаимоотношений друг с другом, а не с человеческими организмами, мы можем назвать их культурой» (White, 1959: 231). Свою позицию он пояснял тем, что психические явления и процессы, в том числе поведение человека и пр., являются предметами изучения психологии, но есть иные — культурные явления и процессы, которые психология не в силах трактовать. Оппоненты Уайта А. Крёбер и К. Клакхон считали, что «культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой — как ее регуляторы» (Kroeber, Kluckhohn, 1952: 181).

Из наиболее известных подобных определений в российской науке известно мнение академика В. С. Степина. Он называет культурой «систему исторически развивающихся надбиологических про-грамм человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» (Степин, 2011: 43).

В этих определениях можно отметить две общие характеристики, которые широко распространи-лись в научном знании. Первое: культура — явление, присущее только человеку (хотя, надо огово-риться, что в последние годы появились и исследования культуры животных, определяющейся как способность животных, не являющихся людьми, усваивать и передавать поведение посредством процессов социального или культурного обучения, см.: Whiten, 2021). Второе: культура обнаруживается именно в содержательном, смысловом поле. Так, Л. Уайт средоточием культуры назвал три сферы: 1) концепции, верования, эмоции, установки; 2) процессы социального взаимодействия между людьми; 3) контент материальных объектов, созданных, используемых в культуре (White, 1959: 235). А. Крёбер и К. Клакхон полагают, что «культура состоит из паттернов, эксплицитных и имплицитных, поведения, осваиваемого и передаваемого при помощи символов; представляя собой отличительные достижения человеческих групп, в том числе их воплощения в артефактах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи, особенно те,

¹ Вяземский Ю. П. Вступительное слово главного редактора // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 7–8.

которым приписывается особая ценность» (Kroeber, Kluckhohn, 1952: 181). В. С. Степин также пишет о программах культуры как о «многообразии знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т. д.» (Степин, 2011: 43).

То есть суть культуры усматривается прежде всего в идеях (в общем смысле этого слова), выраженных в разных формах, отражающихся в человеческой активности (в деятельности, поведении, общении, по Степину, см.: там же: 37), а также в результатах деятельности человека. И принимая во внимание такое расширенное понимание культуры, мы выбираем для исследования не только сами идеи, но и язык, символы, образы, области социальных отношений, связей, деятельность людей, их поведение, общение, артефакты культуры. Это общее широкое исследовательское поле для представителей практических всех гуманитарных и социальных дисциплин.

Все это смысловое поле культуры (в разных трактовках: картину мира, систему взглядов, мировоззрение культуры) можно рассматривать как как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира (Луков В., Луков В., 2008: 67). Это общее определение тезауруса (от древнегреч. *thésaurós* — ‘сокровище’, ‘сокровищница’) культуру, ее сокровищницы смыслов, обсуждаемый в тезаурусной концепции Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013).

Знания каждой культуры безусловно имеют много универсальных категорий и смыслов, которые и позволяют говорить об общности и родстве культур. Однако, для нас важно то, что в самой тезаурусной концепции заложено подчеркивание субъектности — понимание своеобразного, важного для самих людей культуры, сформулированного на языке этой культуры, структурированного в виде концептов (базовых элементов) в таком виде, в каком человек этой культуры проходит путь инкультурации (в другом написании — энкультурации).

Этот термин американского антрополога М. Херсковица *enculturation* (Herskovits, 1948) упомянут не случайно. Подобное рассмотрение культуры соотносится с принципом культурного релятивизма, восходящим к идеям Ф. Боаса, разделяющимся другими авторитетными антропологами и развитым Х. Херсковицем. Он сформулировал его следующим образом: «Суждения основаны на опыте, а опыт интерпретируется каждым индивидуумом в терминах его собственной инкультурации» (Herskovits, 1972: 15).

Признание разнообразия суждений, культурных ценностей, культурных отличий, в том числе и права представителей самих этнических культур исследовать свои культуры с точки зрения самооценности культуры, также, как и уважение к этому праву — это та колоссальная проблема, которая сегодня присутствует в российской гуманитарной науке. Поясню, в чем она выражается.

На мой взгляд, в российской культурологии, в этнологических и лингвокультурологических исследованиях поле изучения универсалий стало превалировать (см.: Ламажаа, 2020) также, как в свое время в западной антропологии преобладала «евроцентричность», которая в том числе благодаря работам культурных релятивистов и была признана непродуктивной. Нельзя не заметить и «государственного» подхода с ассиметричным определением культур сообществ и народов в России, как «региональных» (Горлова и др., 2022: 14). И такая регионализация видится авторам подобных работ результатом не столько районирования в рамках культурных ареалов мира, сколько территориально-административного деления одного мультикультурного государства — России (там же: 13–14).

Совершенно типичным местом в дискурсе российской науки стало принятие исследований культур отдельных этносов не только в контексте участия культуры в «государственной культуре», но и с точки зрения типичности культур, универсальности и схожести черт с другими культурами (что в этом случае становится причиной отсутствия интереса к «локальным» исследованиям). Наличие ученых-инсайдеров, изучающих культуру собственного этноса, замалчивается, как и особенности их исследовательского положения и возможностей. И это, несмотря на то, что практически во всех республиках России есть научные центры, большая часть кадров которые по этнической идентификации являются представителями коренных этносов. И изучают они естественно культуру своего этноса, позволяя региональной науке сохранять благодаря этому «свою роль в качестве важнейшего института культуры» (Аблажей, 2022: 13). Однако, их работа, в связи с инерцией восприятия столичных коллег считается скорее работой преимущественно «фольклорной» и по большому счету «местячковой».

Один из ведущих российских культурологов, составителей энциклопедии социокультурной антропологии 2012 г. (Социокультурная антропология ..., 2012) Ю. М. Резник считает, что «одно из важных качеств антропологического подхода как методологии исследования человека и его культуры — это взгляд с позиции иного» (Резник, 2012: 7). И несмотря на то, что он предлагает исследователю-антропологу стараться «отойти от жесткой и в чем-то односторонней позиции наблюдателя и принять позицию наблюдаемых как наиболее полную и адекватную условиям окружающей социокультурной среды» (там же), тем не менее речи о том, что антрополог может быть сам и субъектом культуры, и ее наблюдателем — даже нет. Данное мнение продолжает опираться на анахроническое представление о том, что, как пишет Ю. М. Резник, субъект исследования — это антрополог, а объект исследования — «туземцы», даже несмотря на то, что в качестве изучаемых могут быть не только местное население, но и члены промышленной организации, иммигранты и даже сами ученые (там же).

Если говорить об отношении отечественных этнологов к самой возможности ученых — представителей этносов — изучать культуру собственных этносов, выстраивая собственную методологию и обсуждая свою культуру как самобытную, то здесь отмечается не только молчаливое непризнание, но и даже отрицание. Согласно такому мнению, проекты исследователей из числа самих этносов, направленные на изучение культур с позиции инсайдеров, как представителей индигенного знания можно считать фактически «вызовом», как «попытку узурпации права на интерпретацию культуры аборигенными сообществами — якобы носителями неких архетипов, исключительными «собственниками» индигенных культурных брендов, обладателями свидетельств-патентов на статус «живого культурного наследия»» (Тишков, 2020: 89).

Справедливости ради, надо сказать, что есть голоса и в поддержку перспективы многоголосия, разнообразия самих антропологий: «Если другие культуры описывать как «другие антропологии» (поскольку любая культура — это интерпретация актуального для нее мира), то нам, антропологам, может быть полезно знакомство с альтернативными перспективами и применение практик знания, присущих этим антропологиям» (Баранов, 2021: 90). Но такое мнение высказывают единицы.

Все это определяет актуальность как изменения отношения к изучению отдельно взятых культур в поле российской науки, так и поиска новых теоретико-методологических путей для этого. Наука России стремилась всегда иметь свое место в мировой науке, но тем не менее развивалась, во многом обогащаясь западным опытом. И, учитывая это, коллегам следует признать право исследователей, в том числе инсайдеров, на изучение своей культуры не как части российской, а как самоценной, как сокровищницы знаний. И я утверждаю, что культура каждого этноса, проживающего в России, может и должна соотноситься в научных исследованиях не только с государственной культурой, но со своим культурным ареалом (см.: Ламажаа, 2021b), который может и не соответствовать государственными границами страны. Этот ракурс сегодня изучается культурной географией, но, к сожалению, в значительном отрыве от культурологии (см.: Уваров, 2011).

Я предлагаю изучать культуру, не исходя из дисциплинарных особенностей, что не только «дробит» культуру на отдельные ракурсы, но и обуславливает дальнейший отрыв дисциплин друг от друга (а порой и полное непризнание вклада в общее дело представителей разных научных отраслей). Я исхожу из того, что в центре внимания должна быть сама культура. Это понимание позволяет переступить через дисциплинарные рамки и сотрудничать представителям разных отраслей, используя общую терминологию, признавая подходы и методы друг друга.

Концепт культуры: форма, идея, социальная регуляция

Исследования концептов культуры в англоязычной науке имеют давнюю традицию, восходящую и к традициям хождения термина в «родном» — романском — языковом ареале (латынь, испанский, французский, итальянский языки) с истоком в латыни: *conceptus* ‘зачатый’ и последующими смыслами «зародыш», «источник знания о предмете» и пр. (Демьянков, 2007: 607). Сегодня философские, самые общие трактовки *concept* выражают, как пишется, например, в Стэнфордской энциклопедии философии, абстрактную идею, «кирпичик», или «строительный блок». Они лежат в основе принципов, мыслей и убеждений и играющие важную роль во всех аспектах познания¹.

¹ Concepts [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/concepts/> (дата обращения: 05.01.2023).

В таком широком смысле концепты изучаются в российской психологии, философии, и в междисциплинарном подходе, так называемой когнитивной науке, лингвокогнитивных исследованиях (Караулов, 1981; Карасик, 2002; Дербишева, 2019; Когнитивные исследования ... , 2009, 2019; и др.).

В целом, В. З. Демьянков, исследовав хождение «концепта» в русскоязычном дискурсе, отмечает:

«несмотря на то, что концепт и понятие долгое время (а многими и сегодня) считаются полными дублетами, с самого начала в русском языке у них была разная сочетаемость. Так, словосочетание *концепт о* (с предлогом *о*) по-русски никогда не употреблялось и не употребляется, чаще всего имеем оборот присоединительного типа: *концепт “справедливость”* или, реже, “концепт справедливости”. А словосочетания типа *понятие о математике, понятие о свете* и т. п. употреблялись в XIX в. значительно чаще, чем *понятие математики, понятие света* или *понятие “математика”* и *понятие “свет”*» (Демьянков, 2007: 617; курсив источника. — Ч. Л.).

Ныне же, как он считает, в русскоязычном поле *концепт* и *понятие* достаточно четко различаются и «разграничение проходит по следующей линии: понятия — то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» (там же: 616). То есть понятия — договоренности, а концепты — реконструкции.

Академик Ю. С. Степанов, известный трудами о концептах и соответствующем словаре русской культуры (составленном как словарь концептов), также различал эти две категории: «Понятие “определяется”, концепт же “переживается”» (Степанов, 2007: 16). Сами же концепты он трактовал так: «...это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 2004: 43), это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (там же). В качестве примера «переживаемых» концептов он приводил праздники, которые переживаются, имеют историю, сопровождаются определенными традициями, ритуалами и имеют словесную форму (например, концепт «Восьмое марта» (там же: 46)).

Вал. А. Луков и Вл. А. Луков также подчеркивали различие между понятием и концептом:

«Понятия через обобщение вычлениют общие элементы объективного мира — предметы, свойства, отношения, в то время как в тезаурусе они, сохраняя свое общее свойство быть мыслью о предмете, выделяющей в нем существенные признаки, сверх этого приобретают оттенок, отражающий их значимость для субъекта и, таким образом, характеризующий их в ценностном аспекте. Вот почему имеет смысл для обозначения базовых элементов тезауруса использовать иной термин, каковым и является “концепт”» (Луков В., Луков Вл., 2008: 111).

Вопрос о реальности концептов культуры Ю. С. Степанов разъяснял фактом существования их для людей данной культуры, которые выражаются в трех аспектах концептов: 1) в основном признаке, актуальном, активном слое как словоформа, понятная для людей, которые говорят на языке культуры, 2) в дополнительных, пассивных признаках, которые актуальны для определенных слоев общества, в определенных ситуациях, в определенное время при совершении определенных действий, 3) во внутренней форме, в содержании, этимологии, которая раскрывается лишь исследователями (там же: 47–48). И поскольку, по мнению Ю. С. Степанова, концепт имеет «слоистое» строение и разные его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, то и метод изучения его может быть не одним, а совокупностью различных методов (там же: 49).

Сами же Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, признавая трактовку Ю. С. Степанова, подчеркивали, что концепт выражает «в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа» (Луков В., Луков Вл., 2008: 113). Концепты структурированы в культуре в соответствие со структурой организации тезауруса как субъектно выстроенного знания — полями смыслов: «Свое» — «Чужое» — «Чуждое» (см. подробнее об этом: Луков В., Луков Вл., 2008: 122–139; Тувинцы. Родные ... , 2022: 76–78).

Сохраняя свою приверженность данной концепции, мы развиваем эти идеи и продвигаемся дальше в нашей работе над концептами культуры, разъясняя наш методологический путь.

Итак, Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, сформулировав важность исследования концепта, тем не менее обозначили сложности его понимания: «Как кентавр — не человек и конь, а кончеловек, так и концепт — не понятие и образ, а образопонятие, сплав, в котором граница не видна и не важна. Собственно, соединение в концепте образа и понятия позволяет ему встроиться как в интеллектуальную, так и в чувственную жизнь человека, в жизнь как целостность, без чего ориентация в социокультурном пространстве была бы невозможна» (Луков В., Луков Вл., 2008: 113).

Интересно то, что несмотря на два приведенных определения как Ю. С. Степанова, так и Луковых, построивших на них собственные реконструкции соответственно — русской и европейской культур, руководствоваться ими, надо признать, весьма сложно. Фразы «Как бы сгусток культуры в сознании человека» и «сращение смысла и чувственного восприятия» кажутся слишком абстрактными и трудно оперируемыми. То есть фактически это не строго рационализированные определения с выделением ключевого понятия и перечислением основных характеристик явления, это скорее образы. Но с другой стороны, в таком решении крупных, авторитетных ученых нам видится и своя логика. Концепты культуры действительно настолько сложны для рационального познания, также, как и сама культура, что отчасти именно образы, а не определения, способны передать эту сложность.

О том, что концепты культуры сложно определить так, как научные термины, писали и другие исследователи. Так, С. Е. Никитина, различая научные концепты от «культурных», т. е. самой культуры, писала, что «слова-концепты народной культуры, как и большинство “культурных слов”, вряд ли могут получить четкую дефиницию» (Никитина, 1991: 117). По результатам ее наблюдений, например, сами люди культуры могли трактовать концепты через метафоры или названием типичного действия (там же: 118).

С. А. Аскольдов-Алексеев, на мнение которого ссылается Д. С. Лихачев, называл концепт «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (цит. по: Лихачев, 1993: 149). Сам же Д. С. Лихачев, вводя термин «концептосфера», считал, что концепты «расширяют значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, “дофантазирования” и для эмоциональной ауры слова» (там же: 152). Собственно определение концептов Лихачева такое: это «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте “заместители”, некие “потенции” значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом» (там же: 158).

Поэтому многозначность образов, а также и определенная недосказанность, дают возможность последователям данного направления сформулировать свой образ или понятие, предложить свои характеристики.

Как мы рассматриваем концепты? Как мы выстраиваем путь их реконструкции, анализа?

В нашем понимании концепты культуры являются важнейшими идеями культуры, имеющими богатство форм, в том числе словоформ, диалектически связываемыми с человеческой активностью (будучи их результатом и в свою очередь определяющие ее), а также с вещами, материальными объектами, которые воплощают в себе результаты осмысления человеком-создателем этих идей. Все эти аспекты концептов можно реконструировать в трех ипостасях, которые мы обозначим условно: «форма», «идея», «социальная регуляция».

Важным полем будет изучение концепта как формы. В первую очередь я говорю о языковом термине, позволяющим обозначить концепт, т. е. о концепте-словоформе. И считаю важным, чтобы концептуальность имела словоформу, образованную в результате работы системы мышления и вербализации в языке, по В. Гумбольдту (Гумбольдт, 1985). Немецкий ученый, один из основоположников лингвистики писал: «Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки» (там же: 349). Тем самым Гумбольдт обосновал важность изучения языков народов мира как выразителей своеобразия разных культур.

В словаре Ю. С. Степанова концепты имеют названия, состоящие из одного слова («Мир», «Вера», «Место», «Время» и др.), из двух («Воображаемые миры» и др.), порой и целой фразы («Мир — Вселенная, Универсум»). Д. С. Лихачев также полагал, что в качестве концептов можно рассматривать целые фразеологизмы (Лихачев, 1997: 156). В нашем исследовании важнейшими концептами тувинской культуры, наиболее близкими человеку в его повседневной жизни, мы назвали следующие: *төрөл* ‘родня, родственник, родственники’, *өг* ‘юрта, дом’, *уруг-дарыг* ‘дети, детвора’, *куда* ‘свадьба’, *эрт* ‘мясо’ (Тувинцы. Родные ..., 2022: 86–218). Выделили мы их, опираясь и на список важнейших традиций тувинской культуры, которые сформулировал ее знаток М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 2017). Другим важным источником наших рассуждений о пути инкультурации человека в тувинской культуре и выделении концептов культуры стал наш собственный опыт, потому что все члены исследовательского коллектива являются этническими тувинцами, то есть инсайдерами культуры (Тувинцы. Родные ..., 2022: 29–45).

Именно изучение словоформ и стало основным исследовательским полем для филологов — лингвокультурологов. Здесь они имеют возможности для применения своих профессиональных навыков в исследовании этимологии слова, лексических значениях, синонимов, частотности употребления в разных текстовых корпусах (жанрах фольклора, словарях, литературе) и их вариантов трактовки в текстах. В нашем проекте это направление также имеется и выражается в изучении выделенных концептов тувинской этнической культуры в зафиксированных текстах. Например, выполнив лингвокультурологическое исследование, в текстах нескольких словарей и 10 художественных произведений тувинской литературы мы выявили 27 сочетаний со словом *төрөл* и провели классификацию словообразований (Кужугет и др., 2019; Тувинцы. Родные ... , 2022: 92–98). Это дало нам информацию о том богатом спектре родственных отношений у тувинцев, не только выражающем степени кровной близости, структуры не только нуклеарной, но и расширенной семей, а также то, как многообразна эта сторона жизни у тувинцев.

Другой концепт с лингвокультурологической точки зрения *чер* 'земля' раскрывает Н. Д. Сувандии в исследовании лексической вариативности ее в тувинском фольклоре (Сувандии, 2023).

Если слово *төрөл* мы рассматриваем как концепт культуры и говорим о важности темы родства, родственных отношений для тувинцев, то именно идея родства и составляет саму идею этого концепта. То есть концепт-форма выражает концепт-идею. И, поскольку сама идея может развиваться, то это делает не одну, а много словоформ, причем чрезвычайно вариативных. Например, мы обнаружили интересную словоформу *бурган төрөлдиг*. Она трактуется как «имеющий в качестве родственника бога» (когда о человеке хотят сказать, что он обладает даром ясновидения, например, см.: Кужугет и др., 2019: 154). Очевидно, что связывание человека с богом, подчеркивание особого вида связи и соответствующая фраза не восходят к традиционным тувинским трактовкам о человеке. Как и все всех тюркоязычных культур региона Саяно-Алтая человек у тувинцев отождествлялся с природой, поскольку традиционную картину мира пронизывали тотемизм, анимизм, шаманизм (Традиционное мировоззрение ... , 1989: 8–29). Само слово *бурган* в тувинском языке Б. И. Татаринцев называет вторичным заимствованием из монгольского языка, восходящим к древнеуйгурской буддийской терминологии (Татаринцев, 2000: 295). То есть выражение *бурган төрөлдиг* сформировалось в результате переноса древней идеи родства уже с культурной новацией после заимствования.

Так, *концепт как идея* рассматривается с точки зрения смыслового наполнения словоформы, поскольку субъект говорящий — это одновременно и субъект думающий. Само богатство языка определяется, как писал Д. С. Лихачев, «не только богатством “словарного запаса” и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации» (Лихачев, 1997: 162).

Концептуальность здесь заключается не только в том, что мы обнаруживаем большое число вариаций этой словоформы (что выражает многообразие аспектов, которые люди культуры мыслят в связи с начальной словоформой). Речь идет о большой смысловой значимости концепта, которую исследователи часто называют ценностью культуры. В ходе реконструкции содержания концепта мы понимаем, что не просто говорим о смыслах, а воссоздаем целую систему социальных связей, отношений между людьми, ритуалов, обрядов, традиций, что объединяется в единое смысловое поле и может быть названо «культурой в культуре».

Например, я анализировала концепт *уруг-дарыг* не просто как название детей у тувинцев, не просто как отношение взрослых к детям, а как культуру детства у тувинцев (Ламажаа, 2021а). Тувинцы были (и до сих пор остаются в сельской местности) многодетными, детей растили всегда в любви, дети считались одним из главных богатств, тувинский фольклор чрезвычайно развит. Причем, надо сказать, что в целом я и мои коллеги пока охватили только одну сторону этой культуры, выстраиваемую с точки зрения взрослых. Но ведь есть еще и культура детства глазами детей.

В любом случае столь большая значимость концепта в культуре до сих пор поддерживает традиции многодетности тувинцев и определяет эту особенность демографических процессов в Республике Тыва. Но социокультурные трансформации в республике, прошедшие в XX — начале XXI вв., повлияли на «прочность» концепта. Если раньше родителей, традиции воспитания, заботы о детях контролировала родовая община, то в XX веке интеграция тувинской культуры с советской во многом определила изменения в культуре детства, изменения в системе родительских обязанностей. При том, что дети до сих пор считаются ценностью тувинской культуры, в повседневной жизни отношение

взрослых к детям стало различаться, причем порой радикально. В крайних проявлениях сегодня дело доходит до того, что маленькие дети гибнут от отсутствия должного ухода, от халатного отношения их родителей к своим обязанностям (там же: 66–68). Наше культурологическое исследование концепта *уруг-дарыг*, изменения его в системе всей культуры, включало исторические реконструкции, анализ этнографической литературы, опиралось на методы наблюдения, интервью и включало изучение социокультурных практик, социальных связей, социальных отношений, социальных процессов.

Приведенный пример показывает, что помимо задачи реконструкции концепта-идеи в определенном состоянии важно учитывать факт изменчивости и самой идеи, и ее поддержания в обществе. Именно поэтому столь важны исторические экскурсы, понимание особенностей культурогенеза, в том числе важен учет периодов социокультурной трансформации XX в., что часто упускают лингвокультурологи и филологи. В нашем проекте междисциплинарного изучения тувинской этнической культуры мы начинали свой анализ с выстраивания периодизации истории тувинской культуры, выделяя несколько периодов и отмечая их характерные особенности (Тувинцы. Родные ... , 2022: 11–18).

Особой ипостасью концепта можно назвать его символичность, то есть когда мы рассматриваем концепт-символ. С одной стороны, сами языковые термины, понятия — это символические значения. Этот символизм стал основой концепции семиосферы Ю. М. Лотмана (Лотман, 2000). Ее автор определил как «все присущее данной культуре семиотическое пространство», в которую входит и язык (там же: 251).

Но, с другой стороны, символизм имеет и внеязыковые формы. Так, мы видим предмет, объект материальной культуры, артефакт или даже жест, и понимаем, что он достаточно четко выражает идею определенного концепта. Мы это понимаем без слов.

Например, наш исследовательский коллектив собрал в 2022 г. огромное число примеров разной формы бытования сегодня юрты в тувинской социокультурной жизни, запечатлев это в фотографиях и фактически работая тем самым в области визуальной антропологии (Өвүс. Возвращение ... , 2022). Мы обнаружили, что современные тувинцы используют юрту как гостиницу, как ресторан, как хозяйственную постройку, как летний дом и пр. Также элементы и образы юрты были найдены на других предметах (в архитектуре, в дизайне, на картинах, на сувенирах, на логотипах, на обложках книг и пр.). Концепт *өг* 'юрта' понимается нами как одна из важнейших ценностей тувинской культуры. Словоформы с *өг* позволяют тувинцам говорить не только о доме-жилище, но и семейном-домашнем очаге, наличии семьи и пр. (Тувинцы. Родные ... , 2022: 119–120). Соответственно мы отмечаем стремление тувинцев сохранять ценность традиционного жилища, желание иметь его, окружать себя его элементами и образами. С одной стороны, это формы выражения концепта, но не словесные, не словоформы. С другой стороны, это объекты материальной культуры, в которых содержится сама идея, содержание концепта. Потому что именно в этом виде они и востребованы людьми. Никому из тувинцев по большому счету не надо объяснять зачем это надо, почему использована форма юрты или ее элементы. Собственно, сам этот процесс «возвращения юрты» в селах, городах — там, где казалось бы этот древний тип жилища уже не нужен, стихийный, никем не регулируемый, не организованный. Но достаточно масштабный, что и показывают более 200 фотографий, собранных нами в брошюре (Өвүс. Возвращение ... , 2022). Тувинцы сами с удовольствием окружают себя этими предметами, говоря об особой атмосфере «личного космоса», которая дает юрта (Тувинцы. Родные ... , 2022: 128–130). Все эти примеры, формы, сувениры, элементы юрты, которые мы наблюдаем в Туве — это символы концепта *өг*.

Причем символика не всегда может быть выражена, как мы уже упомянули, на материальных объектах. Мы можем говорить и о звуковой символике, символике движений и пр. Но в ракурсе нашего исследования мы не рассматриваем символы как важнейшие выразители культуры (как это делается в символической антропологии (К. Гирц, Д. Шнайдер, В. Тернер, М. Дуглас)). Для нас в первую очередь важно, как мы уже подчеркивали, опираясь на гумбольдтовскую позицию, чтобы концептуальность имела словоформу, образованную в результате работы системы мышления и вербализации в языке. Именно поэтому Ч. Х. Санчай проанализировала как концепт *торээн чер* 'родная земля, Родина' выражается в песенной культуре, в текстах песен, хотя безусловно сами тексты песен невозможно рассматривать в отрыве от музыкального сопровождения (Санчай, 2023).

Понимание *концепта* в аспекте *социальной регуляции* тесно связано с обсуждением функциональности лингвокультуры. Для филологов аксиомой является тот факт, что язык выполняет познаватель-

ную, назывную и коммуникативную функции. Однако, как еще ранее обосновал В. Гумбольдт, человек в своей деятельности нуждается в соблюдении последовательности и единства своих мыслей и действий. Он должен искать конечную цель, единый и абсолютный масштаб, который должен находиться «в родстве с его внутренней природой» (там же: 337), который ученый назвал «духом человечества», а его выразителем — язык. Поэтому концепты культуры, по нашему мнению, в которых заложены важные для культуры идеи, можно рассматривать как ориентирующие и мотивирующие цели, а если шире — как социальные регуляторы деятельности. Отношения и связи между людьми, их деятельность не просто укладываются в определенную систему, культуру в культуре, но и регулируются определенными смыслами.

Так, например, концепт *төрел* ‘родня, родственник, родственники’ не просто соотносит людей по отношению друг к другу как людей, имеющих определенные узы родства. «Действие» концепта, его нормативность заключается в соответствующих действиях людей, в содержании их намерений, в поведении. Тувинцы, признающие друг друга *төрел*, связаны и традиционными обязательствами помогать друг другу, поддерживать связи, поддерживать дух родства посредством совершения определенных обрядов, в частности обряда *дагылга* (Дагылга: тувинские ..., 2021). И они подчиняются этим нормам, выполняют их. Или не выполняют, но подвергаются осуждению извне и испытывают угрызения совести, чувство дискомфорта.

Другой пример. Концепт *э́т* ‘мясо’ (или *хой э́ди* ‘баранина’) был рассмотрен нами с точки зрения и отношения тувинцев к мясу, и идентификации себя «по мясу» («настоящий тувинец ест мясо»), и в связи с практиками получения и употребления мяса (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022). Специально для анализа этих вопросов мы опирались на разработки *food studies* — антропологии питания, в которой обсуждаются и идеи связи идентичности с питанием, и идеи удобства получения продуктов питания (практик добывания пропитания), и идеи ответственности людей за тем, что они едят, как потребляют и что оставляют после себя.

При этом, когда мы говорим о поле социальной регуляции концепта, мы подразумеваем человеческую активность, но не всю (не вся деятельность, не все поведение относятся к культуре), а именно ту, которая разворачивается в соотношении с действиями других людей и содержит культурные смыслы. Таким образом различал отдельные действия человека от социальных действий М. Вебер, который писал: «“социальным” же действом¹ будет называться такое, которое по своему смыслу, предполагаемому действующим или действующими, соотносено с поведением других и ориентировано на него в своем протекании» (Вебер, 2008: 90). Причем, М. Вебер подчеркивал, что граница между двумя видами действий чрезвычайно подвижна и значительная часть того, что может интересовать социологов, находится в пограничной области (там же).

В качестве примера такой подвижности и пограничности между «простой» деятельностью человека и деятельностью с культурным смыслом мы можем упомянуть традицию коллективного забоя и поедания свежего мяса барана родственниками у тувинцев, которая носит название *изиг-ханнар*, т. е. поедание горячей кровяной колбасы, подготовленной сразу после забоя и сваренной на месте (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022). Данная традиция, совместная деятельность группы людей сложилась на основе ценности концепта *э́т* ‘мясо’ для тувинцев, кочевников-мясоедов. Само по себе поедание мяса — обычный ряд действий для насыщения человека, для удовлетворения им физиологической необходимости (что относится к физиологии и психологии). И к культуре это не имеет отношение, если мы говорим лишь об удовлетворении данной базовой потребности. Даже питание двух человек вместе, одной нуклеарной семьи может рассматриваться как организация питания людей, находящихся в одном месте, имеющих одно жилье, одно место приготовления пищи, общую посуду. Но как только мы в действиях людей усматриваем культурную составляющую, например, тувинскую, то отмечаем, что нормальной практикой для тувинцев считается совместное забивание скота для получения свежего мяса и его употребления с родственниками. Нормой является то, что даже один тувинец стремится запастись мясом, потому что это традиционный вид питания тувинцев. И он может употреблять его, соблюдая некие общие правила, которые он усвоил от родителей. Например, вырезать и поставить

¹ В переводе А. Ф. Филиппова слово *das handeln* из оригинального труда М. Вебера приводится не как «действие», что распространено в русскоязычной литературе, а как «действие» (как процесс), т. к., по мнению переводчика, оно «почти никогда не означает у Вебера конкретного, однократного действия, поступка, акта» (Филиппов, 2008: 87).

на почетное место первые кусочки мяса, жира, определенным образом грызть кость и пр. Но уже не нормальным может рассматриваться желание одной семьи (двух-трех человек) забить барана, не позвав родственников на *изиг-хан*. Ненормальным для тувинцев считается вообще не есть мяса. Поэтому наши поиски среди тувинцев вегетарианцев сопровождались достаточно бурными обсуждениями и встречали искреннее удивление земляков («Разве такие бывают?»). Тем не менее мы нашли пару человек, истории которых приводим как жизни почти маргиналов в родной социокультурной среде (Тувинцы. Родные ..., 2022: 215–216).

Сами социокультурные практики, особенности их исполнения, а также масштабы распространения — это поле работы антропологов, этнографов, социологов. В нашей работе применялись методы наблюдения, автоэтнографии, интервью, социологических опросов.

Тем самым рассмотрение культуры сквозь призму *концептов культуры*, на наш взгляд, позволяет анализировать сразу несколько аспектов культуры, объединяясь в работе специалистов разного профиля, в нашем случае: лингвистов (Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет), литературоведов (Ш. Ю. Кужугет), культурологов (Ч. К. Ламажаа, Ш. Б. Майны, Ч. Х. Санчай), социального философа (Ч. К. Ламажаа), искусствоведа (Ч. Х. Санчай), религиоведов (У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш).

Заключение

Таким образом, мы пришли к формулировке и уточнению методологических оснований нашего исследования этнической культуры в рамках тезаурусной концепции, концепции субъектного гуманитарного знания. Подчеркну, что несмотря на уже активное использование российскими учеными понятия «концепт», в частности «концепт культуры», в исследованиях отмечается лингвокультурологический «перекос». Он имеет свои недостатки, связанные с филологической специализацией большинства исследований данной отрасли. Если же ставится целью исследовать культуру в ее объемной целостности, то необходимо проведение междисциплинарного исследования, в сотрудничестве специалистов в разных областях (филологии, культурологии, антропологии, истории, социологии, искусствоведения и пр.). Еще одним фактором актуальности такой работы является почти полное отсутствие подобных программ исследований этнических культур в российской науке.

Главным методологическим инструментом для изучения тезауруса культуры, по моему мнению, может выступать понятие концепта с тремя, порой сложноразличимыми друг от друга ипостасями: *концепты-формы, концепты-идеи, концепты-социальные регуляторы*. Данная теоретическая схема нами сформулирована в ходе междисциплинарного изучения тувинской этнической культуры и позволяет говорить о том, что мы наметили путь *концептуализации этнокультуры*. И, мы полагаем, постижение культуры путем реконструкции трех аспектов концептов и дает возможность обсуждать не только сферу языка, но и ее взаимосвязь со сферой идей, а также социокультурными практиками, присущими данной культуре.

Благодарности

Сердечно благодарю моих коллег Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, Ч. Х. Санчай, А. В. Монгуш, У. П. Бичелдей за замечательные два года (2021-2022 гг.) работы в лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ; руководство ТувГУ, в частности Е. Д. Монгуша — за поддержку нашего проекта. Спасибо за ценные замечания, вопросы, комментарии и советы рецензентов статьи, которые позволили уточнить ряд формулировок, мою и нашу позицию в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аблажей, А. М. (2022) Место и роль науки в местных сообществах тюркских республик Сибири // *Turkic Studies Journal*. Т. 4. № 3. С. 7–16.
- Алефиренко, Н. Ф. (2016) *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. М. : Флинта. 288 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1999) *Язык и мир человека*. М. : Языки русской культуры. 986 с.
- Баранов, Д. А. (2021) Локальное знание и «другие антропологии» // *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 84–112. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7>

- Вебер, М. (2008) Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 89–127.
- Вежбицкая, А. (2011) Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур. 568 с.
- Воробьев, В. В. (2006) Лингвокультурология. М. : РУДН. 330 с.
- Горлова, И. И., Бычкова, О. И., Костина, Н. А., Саркисова, Е. А. (2022) Методологические основания исследования понятия «региональная культура» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. № 3. С. 11–15.
- Гумбольдт, В. (1985) Язык и философия культуры : пер. с нем. яз. М. : Прогресс. 450 с.
- Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры. М. : Искусство. 318 с.
- Гуревич, А. Я. (1984) Категории средневековой культуры. 2-е изд. М. : Искусство. 349 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Демьянков, В. З. (2007) Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М. : Издательский центр «Азбуковник». 734 с. С. 606–622.
- Дербишева, З. К. (2019) Основы лингвокогнитивного сравнения языков. М. : ФЛИНТА. 335 с.
- Есенова, Т. С. (2012) Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста : Калмыцкий госуниверситет. 160 с.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / под ред. Н. Б. Кошкаревой, Е. В. Тюттешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.
- Кабичкий, М. Е., Рудник, С. М. (2020) «Каталонские страны»: концепт и его восприятие // Этнография. № 4. С. 159–173. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4\(10\)-159-173](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4(10)-159-173)
- Карасик, В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Караулов, Ю. Н. (1981) Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука. 366 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]: в 2 ч. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. Ч. 1 и 2. 360 с. (На тув. яз.).
- Когнитивные исследования языка. (2009). Вып. IV. Концептуализация мира в языке / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 460 с.
- Когнитивные исследования языка (2019). Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. Т. В. Романова. Нижний Новгород : Издательство ДЕКОМ. 1144 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2020) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13, № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой эди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Лингвокультурный концепт: типология и области бытования (2007) / под общ. ред. С. Г. Воркачева. Волгоград : ВолГУ. 400 с.
- Лихачев, Д. С. (1993) Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52, № 1. С. 3–9.
- Логический анализ языка. Культурные концепты (1991) / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 204 с.
- Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство—СПБ. 704 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

- Лучинина, Е. Н. (2004) Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. Вып. 7. С. 238–243.
- Майны, Ш. Б., Ламажаа, Ч. К. (2022) Тувинская традиция передачи старых детских вещей эргинди // Oriental Studies. Т. 15. № 5. С. 1050–1063. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>
- Маслова, В. А. (2001) Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Издательский центр «Академия». 208 с.
- Морозов, И. А., Ткачук, Л. А. (2019) «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // Этнографическое обозрение. № 1. С. 11–26. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150004177-4>
- Никитина, С. Е. (1991) О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 204 с. С. 117–123.
- Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.
- Павлова, А. В. (2015) Лингвокультурология в России: «за» и «против» // Przeglad Wschodnioeuropejski. Т. 6, № 2. С. 201–221.
- Перевозникова, А. К. (2019) Концепт «родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: философия, религия, культура. № 1 (9). С. 54–61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>
- Резник, Ю. М. (2012) Специфика антропологического подхода к изучению общества и культуры // Социокультурная антропология : История, теория и методология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М. : Академический проект ; Культура; Киров : Константа. 1000 с. С. 5–10.
- Санчай Ч. Х. Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>
- Содномпилова, М. М. (2007) Концепт *родина* в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. № 3. С. 124–134.
- Социокультурная антропология : История, теория и методология (2012). Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М. : Академический проект ; Культура; Киров : Константа. 1000 с.
- Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 3-е изд. 992 с.
- Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 246 с.
- Степин, В. С. (2011) Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП. 408 с.
- Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 1. 339 с.
- Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры. 284 с.
- Тишков, В. А. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество (1989) / [Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова], отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 243 с.
- Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.
- Уваров, М. С. (2011) Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // Международный журнал исследований культуры. № 4 (5). С. 6–18.
- Филиппов, А. Ф. (2008) Предисловие переводчика // Социологическое обозрение. Т. 7, № 2. С. 86–88.
- Филиппов, Ю. В. (2018) Лингвокультурология как культурологическая дисциплина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 8 (41). С. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-8-24>
- Kiklewicz, A., Wilczewski, M. (2011) Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*) // Bulletin de la société Polonaise de Linguistique. Fasc. LXVII. P. 165–178.
- Kroeber, A. L., Kluckhohn, C. (1952) Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, Massachusetts : Peabody Museum Press. viii, 223 p.
- White, L. A. (1959) The Concept of Culture // American Anthropologist. New Series, Vol. 61, № 2 (Apr.). P. 227–251.
- Wierzbicka, A. (1996) Semantics: Primes and universals. Oxford : Oxford University Press. xii, 500 p.
- Herskovits, M. J. (1948) Man and Works. The Science of Cultural Anthropology. New York, Published by Alfred A. Knopf. 678 p.

Herskovits, M. J. (1972) *Cultural Relativism: Perspectives in Cultural Pluralism*. New York : Random House. xxvi, 293 p.
Whiten, A. (2021) The burgeoning reach of animal culture // *Science*. Vol. 372, Issue 6537. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abe6514>

Дата поступления: 20.01.2023 г.

Дата принятия: 10.02.2023 г.

REFERENCES

- Ablazhei, A. M. (2022) Mesto i rol' nauki v mestnykh soobshchestvakh tiurkskikh respublik Sibiri [Place and role of science in local communities of the Turkic Siberian republics]. *Turkic Studies Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 7–16. (In Russ.).
- Alefrenko, N. F. (2016) *Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka [Linguoculturology: The value and semantic space of language]*. Moscow, Flinta. 288 p. (In Russ.).
- Arutiunova N. D. (1999) *Iazyk i mir cheloveka [Language and the human world]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. XV, 896 p. (In Russ.).
- Baranov, D. A. (2021) Lokal'noe znanie i «drugie antropologii» [Local knowledge and “other anthropologies”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 84–112. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7>
- Weber, M. (2008) Osnovnye sotsiologicheskie poniatia [Basic concepts in sociology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 89–127. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (2011) *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantic universals and basic concepts]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. 568 p. (In Russ.).
- Vorobiev, V. V. (2006) *Lingvokul'turologiia [Linguoculturology]*. Moscow, RUDN University. 330 p. (In Russ.).
- Gorlova, I. I., Bychkova, O. I., Kostina, N. A. and Sarkisova, E. A. (2022) Metodologicheskie osnovaniia issledovaniia poniatia «regional'naia kul'tura» [Methodological bases for studying the concept of “regional culture”]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, no. 3, pp. 11–15. (In Russ.).
- Humboldt von, W. (1985) *Iazyk i filosofii kul'tury [Language and philosophy of culture]* / transl. from Germ. Moscow, Progress. 450 p. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]*. Moscow, Iskusstvo. 318 p. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo. 349 p. (In Russ.).
- Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]* (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).
- Demiankov, V. Z. (2007) Termin «kontsept» kak element terminologicheskoi kul'tury [The term “concept” as an element of terminological culture]. In: *Iazyk kak materiia smysla [Language as the matter of meaning]* : A collection of articles dedicated to the 90th anniversary of academician N. Y. Shvedova / ed. by M. V. Liapon. Moscow, Publishing center “Azbukovnik”. 734 p. Pp. 606–622. (In Russ.).
- Derbisheva, Z. K. (2019) *Osnovy lingvokognitivnogo sravneniia iazykov [Fundamentals of linguocognitive comparison of languages]*. Moscow, Flinta. 335 p. (In Russ.).
- Esenova, T. S. (2012) *Ocherki po lingvokul'ture kalmykov [Essays on the linguistic culture of the Kalmyks]*. Elista, Kalmyk State University. 160 p. (In Russ.).
- Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]* (2021) / ed. by N. B. Koshkareva and E. V. Tiunteshev. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).
- Kabitskiy, M. E. and Rudnik, S. M. (2020) «Katalonskie strany»: kontsept i ego vospriiatie [“Catalan countries”: The concept and its perception]. *Etnografiia*, no. 4, pp. 159–173. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4\(10\)-159-173](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4(10)-159-173)
- Karasik, V. I. (2002) *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1981) *Lingvisticheskoe konstruirovaniie i tezaurus literaturnogo iazyka [Linguistic construction and thesaurus of the literary language]*. Moscow, Nauka. 366 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tyva changchyl [Tuvan traditions]* : in 2 parts. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 360 p. (In Tuv.).
- Kognitivnye issledovaniia iazyka [Cognitive language studies]*. (2009). Issue IV: Kontseptualizatsiia mira v iazyke [Conceptualization of the world in language] / ed-in-chief E. S. Kubriakova, ed. by N. N. Boldyrev. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences ; Tambov, Publishing House of G. R. Derzhavin TSU. 460 p. (In Russ.).

Kognitivnye issledovaniia iazyka [Cognitive language studies]. (2019) Issue XXXVII: Integrativnye protsessy v kognitivnoi lingvistike: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike. 16–18 maia 2019 g. [Integrative processes in cognitive linguistics: Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics. May 16–18, 2019] / ed. by T. V. Romanov. Nizhniy Novgorod, DEKOM. 1144 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept *törel* ‘rodstvennik’ v iazykovoi kartine mira tuvintsev [The concept of *törel* (‘relative’) in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lamazhaa, Ch. K. (2020) Edinstvo i svoeobrazie sovremennykh etnicheskikh kul’tur narodov Tsentral’noi Azii: tri issledovatel’skikh problemnykh polia [Unity and uniqueness of contemporary ethnic cultures of Central Asia: Three research problem fields]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul’turnykh transformatsiia [Tuvans’ views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religii i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people’s identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Svadebnaia obriadnost’ tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial’noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) *Khoi e”di* dlia tuvintsev. Identichnost’, udobstvo, otvetstvennost’ [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lingvokul’turnyi kontsept: tipologii i oblasti bytovaniia [Linguocultural concept: Typology and areas of existence] (2007) / ed. by S. G. Vorkachev. Volgograd, Volgograd State University. 400 p. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1993) Kontseptosfera russkogo iazyka [The conceptsphere of the Russian language]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.).

Logicheskii analiz iazyka. Kul’turnye kontsepty [Logical analysis of the language. Cultural concepts] (1991) / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000) *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo—SPB. 704 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub”ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniiu cheloveka i ego mira [Thesauri II: The thesaurus approach to the conceptualization of the person and his/her world]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 640 p. (In Russ.).

Luchinina, E. N. (2004) Lingvokul’turologiia v sisteme gumanitarnogo znaniia [Linguoculturology in the system of humanities knowledge]. *Kritika i semiotika*, issue 7, pp. 238–243. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. and Lamazhaa, Ch. K. (2022) Tuvinskaia traditsiia peredachi starykh detskikh veshchei ergindi [Ergindi: Tuvan tradition of sharing children’s clothing and things reviewed]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 5, pp. 1050–1063. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>

Maslova, V. A. (2001) *Lingvokul’turologiia [Linguoculturology]*: A textbook. Moscow, Publishing Center “Academy”. 208 p. (In Russ.).

Morozov, I. A. and Tkachuk, L. A. (2019) «Pravila smerti»: kontsepty «nepravil’nyi mertvets» i «nepravil’noe pogrebenie» v instrumentarii sotsial’nykh i politicheskikh tekhnologii [“The rules of death”: Concepts of “improper dead man” and “improper burial” in the toolkit of social and political technologies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 11–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150004177-4>

Nikitina, S. E. (1991) O kontseptual’nom analize v narodnoi kul’ture [On conceptual analysis in people’s culture]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul’turnye kontsepty [Logical analysis of the language. Cultural concepts]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. Pp. 117–123. (In Russ.).

Öövüs. *Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Our yurt. Return of the Tuvan yurt]* (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ. and Tuv.).

Pavlova, A. V. (2015) Lingvokul’turologiia v Rossii: «za» i «protiv» [Linguoculturology in Russia: Pros and cons]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, vol. 6, no. 2, pp. 201–221. (In Russ.).

Perevoznikova, A. K. (2019) Kontsept «rodina» kak sostavliaiushchaia natsional’nogo obraza Rossii v russkoi kartine mira [The “Rodina” concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the world]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, no. 1 (9), pp. 54–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>

Reznik, Yu. M. (2012) Spetsifika antropologicheskogo podkhoda k izucheniiu obshchestva i kul'tury [The specifics of the anthropological approach to the study of society and culture]. In: *Sotsiokul'turnaia antropologiya: istoriia, teoriia i metodologiya : Entsiklopedicheskii slovar' [Sociocultural anthropology: History, theory and methodology : An encyclopedic dictionary]* / ed. by Yu. M. Reznik. Moscow, Akademicheskii proekt ; Kul'tura ; Kirov, Konstanta. 1000 p. Pp. 5–10. (In Russ.).

Sanchay, Ch. Kh. (2023) Obrazy rodnoi zemli v muzykal'no-pesennoi kul'ture tuvintsev [Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Sodnompilova, M. M. (2007) Kontsept rodina v kul'ture mongol'skikh narodov [The concept of motherland in the culture of Mongolian peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.).

Sotsiokul'turnaia anthropological: istoriia, teoriia i metodologiya : Entsiklopedicheskii slovar' [Sociocultural anthropology: History, theory and methodology : An encyclopedic dictionary] (2012) / ed. by Yu. M. Reznik. Moscow, Akademicheskii proekt; Kul'tura; Kirov, Konstanta. 1000 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2007) *Kontsepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii [Concepts. The thin layer of civilization]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 246 p. (In Russ.).

Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiia i kul'tura [Civilization and culture]*. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences. 408 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'zemlia' v paremiiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 339 p. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. 284 p. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2020) Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiya: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive [From where is Russian ethnology and where is it going? A personal view in global perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 72–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Person. Society] (1989) / E. L. Lvova, I. V. Oktiabrskaya, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova ; ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 243 p. (In Russ.).

Tuvinty. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Uvarov, M. S. (2011) Kul'turnaia geografiia v kul'turologicheskoi perspektive (analiticheskii obzor) [Cultural geography in a cultural perspective (An analytical review)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, no. 4 (5), pp. 6–18. (In Russ.).

Filippov, A. F. (2008) Predislovie perevodchika [Translator's preface]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 86–88. (In Russ.).

Filippov, Yu. V. (2018) Lingvokul'turologiya kak kul'turologicheskaiia distsiplina [Linguistic culturology as a culturology]. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*, no. 8 (41), pp. 8–24. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-8-24>

Kiklewicz, A. and Wilczewski, M. (2011) Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego "Aspects of Cognitive Ethnolinguistics"). *Bulletin de la société Polonaise de Linguistique*, vol. LXVII, pp. 165–178.

Kroeber, A. L. and Kluckhohn, S. (1952) *Culture: A critical review of concepts and definitions*. Cambridge, MA, Peabody Museum Press. viii, 223 p.

White, L. A. (1959) The concept of culture. *American Anthropologist. New Series*, vol. 61, no. 2, pp. 227–251.

Wierzbicka, A. (1996) *Semantics: Primes and universals*. Oxford, Oxford University Press. xii, 500 p.

Herskovits, M. J. (1948) *Man and works. The science of cultural anthropology*. New York, Published by Alfred A. Knopf. xviii, 678 p.

Herskovits, M. J. (1972) *Cultural relativism: Perspectives in cultural pluralism*. New York, Random House. xxvi, 293 p.

Whiten, A. (2021) The burgeoning reach of animal culture. *Science*, vol. 372, issue 6537. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abe6514>

Submission date: 20.01.2023.

Acceptance date: 10.02.2023.

Чер 'земля' в паремиях тувинцев

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается концепт тувинской культуры чер 'земля', значения и аспекты которого анализируются по текстам пословиц и поговорок из разных сборников. В отличие от других лингвокультурологов, которые ориентированы на изучение концепта «родная земля, Родина» (в тув. яз. төрээн чер, төрээн чурт), автор обсуждает более широкий по охвату концепт. Работа выполнена в рамках изучения основных концептов, составляющих тезаурус тувинской культуры.

В том числе отмечается разница между смыслами терминов чер и чурт, которая практически не обсуждается филологами.

Один из аспектов концепта чер выражает тему близости земли к человеку, родственной связи между ними: земля — это мать, это родная сторона. В другом аспекте представления о земле в пословицах также содержат понимание ее плодородия. Поскольку земля имела огромное значение для тувинцев, то ее качества, характеристики постоянно сравнивались с тем, что делает человек, или каким он является.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинцы; устное народное творчество; пословица; поговорка; лексико-семантическая группа; лексика; земля; Родина; родная земля

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Сувандии Н. Д. Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 26-37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Сувандии Надежда Дарыевна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

Cher ‘earth’ in Tuvan paroemias

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines a concept of the Tuvan culture — ‘cher’ (‘earth’). The researcher analyzes its meanings and aspects using proverbs and sayings from different collections. Unlike other linguoculturologists who are focused on studying the concept ‘native land, Motherland’ (‘toreen cher, toreen churt’ in Tuvan), the author discusses a broader concept. The work was carried out within the framework of the study of the main concepts that make up the thesaurus of Tuvan culture.

In particular, it is noted that there is a difference between the meanings of the terms ‘cher’ and ‘churt’, which is almost not discussed by philologists.

One of the facets of the concept ‘cher’ is the aspect of the proximity of the earth to man, the kinship between them: the earth is the mother, it is the native land. In another aspect, the beliefs about the earth formulated in proverbs also contain an understanding of its fertility. Since the land was of great importance to the Tuvans, its qualities and characteristics were constantly compared with what people do or what they are.

Keywords: *Tuvan language; Tuvans; oral folk arts; proverb; saying; lexico-semantic group; vocabulary; earth; Motherland; native land*

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project “Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)” (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Suvandii N. D. *Cher* ‘zemlia’ v paremiakh tuvintsev [*Cher* ‘earth’ in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 26-37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Введение

Фольклорные тексты представляют собой один из важнейших источников реконструкции мифопоэтической картины мира и характерных для традиционного уклада жизни понятий. В них мы видим древние пласты содержания культуры, ценности культуры — то, что мы рассматриваем как концепты культуры (Тувинцы. Родные ... , 2022: 76–84), как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 2004: 43) или как сращение смысла, чувственного восприятия, образа (Луков, В, Луков, Вл., 2008: 113). В основном сегодняшние концепты этнической культуры имеют архаические корни, уходящие вглубь культуuroгенеза. Поэтому для того, чтобы начинать изучать концепты современной культуры, необходимо прежде всего обращаться к языку, к лексике фольклорных текстов.

С древних времен человек познавал себя через окружающую природу, при этом нередко одухотворяя природные объекты и явления. Поэтому ядро основного лексического фонда тувинского языка, как и других языков, составляют названия основных предметов и явлений природы, от которых непосредственно зависела жизнь человека традиционной культуры. К ним относятся «земля», «вода», «солнце», «луна» и др. Подобные лексические единицы тувинской лексической системы широко представлены в паремиях как наиболее древних жанрах фольклора — пословицах, поговорках, загадках.

Очень важную роль в жизни тувинцев — кочевых номадов — играл концепт *чер* ‘земля’ и соответствующие ей лексема, лексические вариации. Как указывает М. Б. Кенин-Лопсан, тувинцы считали *чер* ‘землю’ святыней (Кенин-Лопсан, 1999: 59). Также он пишет, что «древние тувинцы называли землю книгой. Пупок человека считался раз и навсегда слит с землей. В древние времена тувинцы очень бережно обертывали послед новорожденного ребенка чистой шелковой тканью и закапывали в юрте...» (Кенин-Лопсан, 2021: 14).

В различных жанрах устного народного творчества тувинцы часто употребляли лексему *чер* ‘земля’ в значении ‘источник жизни’, что выражает загадка *Чер — ада, дээр — ие* ‘Земля — отец, небо — мать’. Ведь в понимании народа земля — это кормилица, поскольку тувинцы могли питаться ее плодами: *ай-бес* ‘съедобными кореньями’, *кат-чимис* ‘ягодами, фруктами’ и пр.

При этом, мы знаем, что лексический состав тувинских паремий изучен еще недостаточно полно. В некоторых работах исследователей тувинского языка оказывались наименования качеств человека (Доржу, 2012), частей тела человека (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017), обозначение гендерной лексики (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), названия животных (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022), нумеративная лексика (Бредис и др., 2022). Отдельно описывалась в паремиях семантическая неоднородность экспрессивных лексических единиц в тувинской паремиологической картине мира (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), лингвокультурные факторы перевода лексических компонентов тувинских пословиц на другие языки (Бредис, Иванов, 2022), национально-культурная маркированная лексика и семантика тувинских паремий при их словарном описании (Бредис и др., 2021). В некоторых научных исследованиях внимание ученых уделяется смыслообразующей роли лексических единиц при категоризации действительности в паремиях (Иванов, 2022ab), а также их межъязыковой корреляции (Петрушевская, 2022).

Тем не менее, лексико-семантическая группа, посвященная природе и ее объектам, пространству, земле в понимании тувинцев, не была предметом специального изучения в малых жанрах тувинского фольклора. Поэтому цель данного лингвокультурологического исследования — выявление языковых реализаций лексемы *чер* в пословицах и поговорках, определение их семантических особенностей. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: собраны и систематизированы пословицы и поговорки с лексемой *чер* ‘земля’ в пословицах; выявлены лексико-семантические группы лексемы *чер*; даны трактовки лексемы *чер*.

Материалом исследования послужили пословицы, поговорки, опубликованные в сборниках: О. К. Саган-оола, М. А. Хадаханэ (1966)¹, Б. К. Кыргыз (2020)², С. М. Орус-оол, Р. С. Чакар (1991)³, а также Г. Н. Курбатского (2021)⁴.

Концепт *чер* ‘земля’

Исследования представлений о земле в качестве концепта культур — достаточно распространенная тема для лингвокультурологических исследований, как отечественных, так и зарубежных учёных, поскольку земля как часть пространства, окружающего человека, является универсальной для культур. Каждая культура функционирует на определенном пространстве, которое для него становится фактором формирования соответствующему ландшафту типу хозяйствования, определенных черт культуры. Поэтому исследователи отмечают общее в восприятии данного концепта в самых разных культурах (Жээнбекова, Караева, 2020: 45). В том числе земля была важной для тувинцев, для других этносов Саяно-Алтая, Центральной или Внутренней Азии: хакасов (Чугунекова, 2017), калмыков (Есенова, 2011), монголов (Содномпилова, 2009: 34), бурят (Бардамова, 2021: 12).

¹ Чоннуң чечени. Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр = Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1966.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / сост. Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.

³ Матпаадыр / сост. С. М. Орус-оол, Р. С. Чакар. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1991.

⁴ Тыва тывызыклар = Тувинские пословицы / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021.

В тувиноведении представление тувинцев о земле прежде всего увязывается с темой *төрээн чер* ‘родная земля’ и/или *төрээн чурт* ‘родины, родной страны’. И именно они называются концептами тувинской культуры. Так, А. А. Монгуш и М. В. Бавуу-Сюрюн, проанализировав языковой материал разных словарей, тексты стихов тувинских поэтов, выявили 157 лексических единиц, языковых репрезентантов концепта «Родина», образующих одноименное лексико-семантическое поле, центром которого они назвали лексему *төрээн чурт*. Его ядро, по их мнению, составляют лексемы *төрээн чер* ‘родная земля’, *чер-чурт* ‘земля родина’, *ада-чурт* ‘отечество’, *ие-чурт* ‘родина-мать’, *ие чер* ‘мать-земля’, *төрээн чурт* ‘родина’, которые характеризуются высокой частотностью и в минимальной степени зависят от контекста (Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020).

Связь тувинцев с родной землей как родственная рассматривалась нами при изучении концепта *төрел* и его лексических единиц: *төрел бөлүк* ‘родственная группа’, *төрел аймак* ‘родовая группа’ и *өг-бүлө байырлалдары (дой)* ‘семейные праздники’ (Ламажаа, 2021ab; Сувандии, 2021; Кужугет, 2021, Майны, 2021; Тувинцы. Родные ... , 2022).

Коллектив ученых Института филологии Сибирского отделения РАН (Е. В. Тюттешева, А. В. Байыр-оол и др.), специально посвятивших общую монографию концептам языковой картины мира народов Сибири, по итогам изучения большого числа текстов, в том числе тувинского языка, также считает, что ключевым концептом в тувинском языке, передающим понимание Родины, является сочетание *төрээн чурт* (Жизненное пространство ... , 2021: 128).

Поскольку в основе представлений о родных местах, о Родине, все же лежат представления о земле (*чер*), мы рассматриваем его в качестве более общего концепта культуры.

В «Тувинско-русском словаре» даются следующие значения лексемы *чер*: в первую очередь это — земля (суша), Земля (планета) (а также производные: земной, земляной, земельный), определенное место, местность, сторона, край; а кроме того как вспомогательное слово *чер* употребляется для образования имен существительных, обозначающих какой-либо пункт, предприятие, учреждение¹. То есть мы видим, что лексема *чер* охватывает более широкий круг понятий, связанных не только с землей, которая считается родной (и, разумеется, наиболее важной для любого человека). Речь идет и о понимании пространства и его деления, и о мерах этого деления, о том, что может рассматриваться в подобных пространственных категориях.

Надо сказать, что такая же ситуация с представлениями о земле в других культурах — тюркоязычных (Традиционное мировоззрение ... , 1989: 16–106), а также кочевых монгольских.

Так, в хакасском языке *чир* это: земля, планета Земля, мир, вселенная, земной шар; суша; почва, чернозём; земная кора; территория с угодьями, земельные угодья; место, местность, край, сторона, территория, пространство; местность, место, родина, отчий дом, страна; место; пол². В алтайском языке слово *jer* трактуется как: земля; место; место жительства; местность; природа, лес³. В тофаларском языке *чер* [чери]: земля; суша; место; местность, сторона, край; земной, земляной⁴.

Такие же аспекты присутствуют в монгольских языках. Калмыцкая лексема *hazp* ‘земля’ имеет следующие значения: земля, почва; земля, мир; местность; место, пункт; учреждение, орган, управление; пространство, дистанция, расстояние⁵. В монгольском языке *газар*, это: земля, почва; земля, мир; местность; место, пункт; учреждение, орган; управление; пространство, дистанция, расстояние; мера длины, равная 576 м; земляной, земельный⁶.

Очевидно, что отдельной интересной темой исследования должна стать тема соотношения понятий *чер* и *чурт*, которые при обсуждении темы родной земли чаще всего рассматриваются как синонимы.

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 528.

² Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 969–970.

³ Алтайско-русский словарь / под ред. А. Э. Чумакаева. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2018. С. 199–200.

⁴ Рассадин В. И. Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь. СПб.: Дрофа, 2005. С. 115.

⁵ Калмыцко-русский словарь: 26000 слов / сост. Э. Ч. Бордаев, Р. А. Джамбинова, А. Л. Каляев и др.; под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 152–153.

⁶ Монгол-орос толь / ред. А. Лувсандэндэв. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. С. 107–108.

Как пишут новосибирские ученые, понятие *tөрээн чурт* сформировалось в тувинском языке к середине XX в. (Жизненное пространство ... , 2021: 218). Очевидно, что речь идет о словосочетании, которое сформировалось по кальке с русского языка — «родная страна». При этом они же отмечают, что лексема *чурт* как 'страна', а также сочетания *бистиң чуртувус* 'наша страна' *оран-чурт* 'край-страна', встречаются в тувинских текстах 1930–1940 гг. на латинской графике (там же: 218). Такое беглое замечание удивительно, учитывая то, что термин *чурт* восходит к термину древнетюркского языка *jurt* — дом, владение, место жительства, земля, страна¹. И очевидно тем самым он не является каким-то новым заимствованием в тувинском языке, а скорее является одним из древнейших, в том числе образуя корень других слов с помощью добавления аффиксов: *чурттап* 'жить', *чуртталга* 'жизнь' и др. А. А. Монгуш и М. В. Бавуу-Сюрюн выявили, что термин *чурт* встречается в тувинских героических сказаниях, например, «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», в значении территории родоплеменной группы — стойбища (Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020: 108).

В целом можно считать, что *чер* и *чурт* оба выражают землю, а в словосочетаниях со словом *tөрээн* — практически синонимичны (родная земля), тем не менее есть определенные различия. Древнетюркское *jer*, к которому восходит тувинское *чер*, имеет первым значением 'землю'², а *jurt*, как выше сказано, — 'дом', 'владение' и пр. Поэтому первое относится к категориям пространственного восприятия, а второе — скорее — социального в сочетании с пространственным (социально-пространственное), где в основе лежит понимание общественного устройства.

Однако, в языковой практике часто они выступают как взаимозаменяемые слова, а порой и в паре. Так, например, в героических сказках встречаются сочетания *чер-чурт* 'земля-родина':

«Мээң соомдан соңнап,
мээң изим истээн херээн чок,
Устүү оранда Дээр оглу Демир-Мөге алгаш баарды,
Ол кижиге биле месилдежип,
Шыдажып албас сен,
Мөге-мөге күштүг,
Адаанга алымныг кижиге-дир,
Ооң орнунга чер-чуртунуң
Аң-меңин аңнап,
Менди-чаагай
Чурттап чоруп көр»³.

Перевод: 'Нельзя идти за мной, не надо искать моего следа, Меня забрал с небес сын Неба Демир-Мөге, ты не сможешь сражаться с этим человеком, он сильный силач, человек требовательный к мести, лучше у себя на земле-родине живи счастливо, охотясь на зверей'⁴.

Учитывая этот момент, рассмотрим какие лексические единицы представления о земле, выражаемые и с лексемой *чер*, и с лексемой *чурт*, встречаются в паремиях.

Чер как мать и родина

В первую очередь следует отметить, что в пословицах и поговорках лексема *чер* употребляется вместе с другими частями окружающего людей пространства. В загадках немало примеров о *чер* 'земле', *дээр* 'небе', *хүн* 'солнце'. При этом данные объекты одухотворялись, им предписывались свойства родства с людьми и им поклонялись как к старшим:

— *Дээр — ада, Чер — ие* 'Небо — отец, Земля — мать'⁵;

¹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Ленинград: Наука, 1969. С. 282.

² Там же. С. 257.

³ Ары-Хаан. Тыва улустуң маадырлыг тоолдары = Ары-Хаан. Памятники устного народного творчества. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1996. Т. V. С. 6.

⁴ Перевод наш. — Н. С.

⁵ Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 15.

— Хүн — ада, Чер — ие ‘Солнце — отец, Земля — мать’¹;
 — Хүн адалыг, Чер иелиг, Суг угбалыг ‘Имеющий Солнце — отца, Землю — мать, Воду — сестру’²;
 — Чер иезиниң чес мыйызы Чер алдындан көстүп келди ‘Медный рог матери-земли из-под земли показался’³.

Земля при этом чаще всего сравнивается с матерью: *Октаргайның иези — хүн, Кижиниң иези — чер*⁴ ‘Мать вселенной — солнце, мать человека — земля’⁵.

В пословицах также весьма распространено понимание разных земель — родных и чужих, чужбин:

— *Өскен чери — төрөөн ие, Өскелерниң — соңгу ие* ‘Родная земля — мать, Чужая земля — мачеха’⁶,
 — *Ийи хонган черин Ием чурту дивес*⁷ ‘Местность, где провел две ночи, Не называет родиной матери’,
 — *Алды хонган черин Адам чурту дивес*⁸ ‘Местность, где провел шесть ночей, не называют родиной отца’,
 — *Кижичери берге, Киши чери кадыр* ‘Трудно жить на чужбине, Как на собольской крутизне’⁹,
 — *Кижичери кидирээштиг* ‘Чужая сторона — потемки’¹⁰,
 — *Кижичурту хилеңниг, Кижичеми хирзиг* ‘Чужая сторона с упреком, Чужая еда с запашком’¹¹.

В последнем случае мы видим, что лексема *чурт* (*чурту*) практически не различается от *чер* по смыслу и понимается как земля. То же мы видим и на других примерах.

Связь с землей человека уподоблялась той же связи, которая есть в природе у животных к местам обитания: *Куш уялыг, кижичурттуг* ‘У птицы — гнездо, У человека — Родина’¹².

Другой пример:

Адыгуузун мал-даа болза
Өттөөр черлиг, чыдар чыдынныг,
Адыр даванныг кижичаа болза,
Аал-чурттуг, оран-савалыг
 ‘Дикое животное и то имеет
 Свое пастбище и лежбище,
 И у человека есть
 Родимая сторона и свой дом’¹³.

Кроме того, тувинцы четко осознавали, что у них есть не только их личное родное место — место рождения, но и два родных места — это родина отца и родина матери: *Инээм өдээ — ием чурту, Аздым өдээ — адам чурту* ‘Лежанка коровы — родина матери, Лежанка коня — родина отца’¹⁴.

¹Тыва тывызыклар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 15.

²Там же.

³Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 7.

⁴Матпаадыр / сост. С. М. Орус-оол, Р. С. Чакар. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. С. 108.

⁵Здесь и далее, где не указан источник текста перевода — перевод наш. — Н. С.

⁶Там же. С. 45.

⁷Матпаадыр / сост. Орус-оол С. М., Чакар Р.С. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. С. 116.

⁸Там же. С. 116.

⁹Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 108.

¹⁰Там же. С. 108.

¹¹Там же. С. 41.

¹²Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 36.

¹³Там же. С. 6.

¹⁴Там же. С. 102.

Таким образом, одним из аспектов концепта чер в пословицах и поговорках выражает тему близости земли к человеку, родственной связи между ними: земля — это мать, это родная сторона.

Чер как почва и плодородие

Земля для скотоводов, разумеется, была важна как источник пропитания и для людей, и для скота.

Так, в пословице *Чечен менде, чечек черде*¹ ‘Красноречие — мне, цветы — земле’ выражается понимание земли как территории с обильным цветением. В летнее время тувинцы перекочевывали в такие местности, где на много сочной травы, цветов. И многоцветие сравнивается с тем, что любят люди для общения — с красноречием: *Шын сөске чон ынак, Шык черге үнүш ынак*² ‘Народ любит правду, трава любит влагу’, в данной пословице говорится, что каждый человек любит правду, так же как трава — влагу, которая выражается лексемами, концептуальными синонимами: *шын* ‘правда’ и *шык* ‘влага’.

Интересна такая пословица: *Довурактан тодар, малгаштан байыыр*³ ‘От сырой земли — сытость, От жидкой грязи — богатство’⁵. Она по смыслу близка со следующими, которые вариативно передают одну мысль:

Довурактан деспе — Тодуг чуртталгаң ол.

Малгаштан деспе — Бай чуртталгаң ол

‘Не чуждайся (земной) грязи: там сытая жизнь.

Не сторонись (земной) слякоти: там богатство’⁴;

Довурактан деспе —

Тодуг чуртталгаң ол.

Малгаштан деспе —

*Бай чуртталгаң ол*⁵

‘Не чуждайся (земной) пыли:

Там сытая жизнь.

Не сторонись (земной) слякоти:

Там богатая жизнь’;

Довурактан тодар,

*Малгаштан байыыр*⁶.

От пыли — сытость,

От грязи (жидкой) — богатство’⁷.

Синонимы *довурак* ‘грязь’ и *малгаш* ‘слякоть’, также контекстуальные синонимы *тодуг* ‘сытая’ и *бай* ‘богатая’ выражают оценочное отношение не только к тому, что дает земля, но и к соответствующему труду на земле, который связан с грязью как необходимым условием.

Еще две пословицы также можно объединить по смыслу:

— *Даш чок черге тараа тары, Дазыл чок черден ай кас* ‘Хлебом поле засевай — где камней нет, Сарану копай там, где пней нет’⁸,

¹ Чоннуң чечени. Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр = Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. С. 77.

² Там же. С. 77.

³ Там же. 17.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыс. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт “Радуга Тувы”», 2020. С. 26.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Здесь и далее в переводах без ссылок — переводы выполнены нами. — Н. С.

— *Даш чок черге тараа тарыыр, Дазыл чок черден ай казар* ‘Хлеб сей, где нет камней, Сарану копай, где нет пней’¹.

В обоих пословицах лексемы *даш* ‘камень’ и *дазыл* ‘корень’ употреблены как контекстуальные синонимы, которые в отрицательной форме (*даш чок* ‘местность без камней’, *дазыл чок* ‘местность без пней’) выражают указание выбрать земли хорошие качества.

В пословице, которую очевидно, можно отнести к новым, появившимся в начале XX в., *Эртинени черден казар, Эртемнерни номдан тывар* ‘Сокровища в земле найдешь, Знания из книг добудешь’² тувинцы выражали свое отношение к хорошей жизни с достатком и знаниями. Они стали считать, что источником хорошей жизни является учение и это так же верно, как с помощью труда из земли добывать сокровища.

Так, представления о земле в пословицах также выражали понимание ее плодородия.

Чер и хозяйство, человек

Поскольку земля имела огромное значение для тувинцев, то ее качества, характеристики постоянно сравнивались с тем, что делает человек, или каким он является.

*Хавак черге мал ызырынмас, Халас чүве ажык болбас*³ ‘На пригорке вода не удержится, от даром полученной вещи выгоды не будет’. Здесь сравнивается *хавак чер* ‘пригорок’ (небольшой холм) и *халас чүве* ‘даром полученная вещь’. Пословица передает мысль о сходстве между бесполезностью некоторых вещей (полученных даром) и мест, если они неудобны для того, чтобы пасти скот там.

В пословице *Дөш черге малын чалаар, Дөңгелик черге өөн тигер* ‘На косогоре скот пасут, На холми-ке юрту ставят’⁴. Здесь разные участки земли упоминаются для того, чтобы напомнить — не каждая местность универсальна: *дөш чер* ‘косорог’ (возвышенная местность) подходит для того, чтобы скот пасти, чтобы овцы далеко не уходили, а *дөңгелик чер* ‘земля с небольшим холмиком’ подходит для установки юрту, чтобы во время сильных дождей и ливней вода в юрту не попала.

В народных пословицах метко обозначались определенные характеристики человека, которые сравнивались с землей, местами и их разными характеристиками.

Хатчыл черниң ыяжы илдең, Кайгал эрниң караа илдең ‘Ветреное место узнают по деревьям, Удалого молодца — по глазам’⁵. Словосочетание *хатчыл чер* ‘ветренная местность’ указывает на то, что невозможно не заметить деревья, которые колышутся из-за дерева. Точно также невозможно не заметить удалого, лихого парня (*кайгал эр*).

*Кадыг черге мал доктаавас, Харам кижээ эш доктаавас*⁶ ‘На твердой (без сена) земле скот не пасется, у скряги (скупого) человека друзья не задержатся’. Здесь скряга *харам кижэ* сравнивается с *кадыг чер* ‘твердой землей’ (с оттенком «жесткая»).

В пословице *Хулбүс аткан черинден Хүннүң аңнаар* ‘Каждый день охотится там, Где косулю убил’⁷ осуждается тот, кто часто ходит туда, где его не ждут. В данном случае место *чер* называется для того, чтобы указать на одно и то же пространство, в которое возвращается человек, не учитывающий законы природы (возобновляемости ее даров, для чего необходимо постоянно менять места).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыс. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 25.

² Там же. С. 78.

³ Чоннуң чечени. Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр = Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1966. С. 41.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыс. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 58.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 60.

Чораан черинге шончактыг, Барган черинге балалыг¹ 'В какой бы местности ни был, куда бы ни сходил — везде причиняет вред'. Указание на разные места, разные земли, где бывает человек, подчеркивает ту мысль, которая хорошо передается русской пословицей «Не место красит человека, а человек — место», т. е. если сам человек плохой, то куда бы он ни пришел, в какие земли не попал, он все равно таким и остается.

Так, чер 'земля' в народном мировоззрении, выраженном в пословицах, также приобретает и определенное качество мерила — хозяйственных навыков, человеческих качеств.

Заключение

Рассматривая концепты культуры как не только языковые концепты, но и как концепты мышления, образов, ценностей, возможно, на наш взгляд, более объемное представление о народных идеях. Так, в отличие от других авторов, в нашем культурно-языковом материале мы наиболее общим рассматриваем концепт культуры чер 'земля', в состав которого входит и *төрээн чер* 'родная земля' (который можно рассматривать и как отдельный концепт культуры).

Особым видом источников для того, чтобы разобрать аспекты концепта, можно назвать пословицы и поговорки. Мы видим, что народная мудрость, выраженная в них, указывает на разные стороны земли, которые понимают тувинцы. Чер 'земля' это и мать, родная сторона; и почва, источник плодородия; и мерило хозяйственной деятельности, а также человеческих качеств.

Благодарности

Благодарю коллег по лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ за обсуждения текста статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бардамова, Е. А. (2021) Репрезентация пространственных представлений в бурятском языке. Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета. 176 с.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 94–98.
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Есенова, Т. С. (2011) «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (59). С. 39–43.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.
- Жээнбекова, Г. Т., Караева, З. К. (2020) Концепт «земля» в разных культурах // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. № 3. С. 45–49.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 68.

Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 232–348. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кенин-Лопсан, М. Б. (1999) *Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары* [Тувинские традиции. Книга вторая : Священные традиции тувинского народа]. Кызыл : Тувинское отделение педагогического общества при Министерстве образования Республики Тыва; *Новости Тувы*. 352 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 248 с.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 9–2(63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 6–1(72). С. 92–95.

Кужугет, Ш. Ю. (2021) История родственной группы *кужугет* из Барун-Хемчикского района Тувы // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.3>

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) *Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания*. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.

Майны, Ш. Б. (1921). Семейный обряд *хылбык дой* городских тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Монгуш, А. А., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // *Языки и фольклор коренных народов Сибири* № 2. С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Содномпилова, М. М. (2009) *Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов*. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 366 с.

Степанов, Ю. С. (2004) *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект. 991 с.

Сувандии, Н. Д. (2021) Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири (1988) / Львова, Э. Л., Октябрьская, И. В., Сагалаев, А. М., Усманова М. С. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Чугунекова, А. Н. (2017) Концепт чир ('земля') в языковой картине мира хакасов // *Мир науки, культуры, образования*. № 3 (64). С. 338–342.

Дата поступления: 13.01.2023 г.

Дата принятия: 01.02.2023 г.

REFERENCES

Bardamova, E. A. (2021) *Reprezentatsiia prostranstvennykh predstavlenii v buriatskom iazyke [Representation of spatial representations in the Buryat language]*. 2nd ed., revised and enlarged. Ulan-Ude, Buryat State University Publishing Department. 176 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1610-9-2021-1-176>

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisaniye tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislvoi kod tuvinskoi lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan sayings that condemn negative qualities of a person]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1 (12), pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Esenova, T. S. (2011) «Zemlia» kak lingvokul'turnyi kontsept mental'nogo mira kalmykov [“Earth” as a linguistic and cultural concept of the mental world of the Kalmyks]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (59), pp. 39–43. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] (2021) / ed. by N. B. Koshkareva and E. V. Tiuntesheva. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).

Zheenbekova, G. T. and Karaeva, Z. K. (2020) Kontsept «zemlia» v raznykh kul'turakh [The concept of earth in different cultures]. *Dukhovnaia situatsiia vremeni. Rossiia XXI vek*, no. 3 (22), pp. 45–49. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaiia tipologiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kenin-Lopsan, M. B. (1999) *Tyva changchyl. Tyva chonnung ydyktyg changchyl'dary [Tuvan traditions. Book two: Sacred traditions of the Tuvan people]*. Kyzyl, Tuvan Branch of the Pedagogical Society under the Ministry of Education of the Republic of Tuva ; Tuva News. 352 p. (In Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Detskii literaturnyi sait “Raduga Tuvy” ; Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaya, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Phraseological units with the component “ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Philology. Theory & Practice*, no. 9–2 (63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaya, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “hand” in the Tuvan and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1 (72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Istoriia rodstvennoi gruppy kuzhuget iz Barun-Khemchikskogo raiona Tuvy [The history of the kinship group of Kuzhuget from the Barun-Khemchik district of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 31–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.3>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologiya i podderzhanie rodstva [The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lukov, V. A. and Lukov, V. A. (2008) *Tezaurusy: Sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2021) Semeinyi obriad khylybyk doi gorodskikh tuvintsev [Family rite of khylybyk doy of urban Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Mongush, A. A. and Bavuu-Surun, M. V. (2020) Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornykh tekstakh tuvinskikh pisatelei [Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers]. *Iazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 2 (40), pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaya obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Sodnompilova, M. M. (2009) *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoi deiatel'nosti mongol'skikh narodov [The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples]*. Ulan-Ude, Publishing House of Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS. 366 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Akademicheskii proekt. 991 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2021) Terminy rodstva u rodovoi gruppy mongushei s. Aiangaty Barun-Khemchikskogo raiona [Kinship terms of the Mongush tribal group of the Village of Aiangaty in the Barun-Khemchik District]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 22–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world] (1988) / ed. by E. L. Lvova, I. V. Oktiabrskaya, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova. Novosibirsk, Nauka. 225 p. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2017) Kontsept chir ('zemlia') v iazykovoi kartine mira khakasov [The concept of chir ('earth') in the language world picture of the Khakass people]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (64), pp. 338–342. (In Russ.).

Submission date: 13.01.2023.

Acceptance date: 01.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.3

Статья

Представления о чер 'земле' современных тувинцев

Шенне Б. Майны

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен анализ представлений современных тувинцев о земле (тув. чер). "Чер" рассматривается как концепт культуры, поэтому учитывается разнообразие аспектов концепта, в том числе лексических, смысловых. Используются материалы включенного наблюдения в Туве, материалы 12 интервью, записанных в январе 2023 г. с тувинцами преимущественно зрелого, старшего возраста, разных мест проживания (горожане, сельчане, животноводы, проживающие в юртах), а также научной литературы, словарей, текстов СМИ.

Тувинцы чер понимают в первую очередь как свои земли, которых у людей бывает несколько. Это связано с жизненным циклом: место рождения, место проживания, место упокоения. Представления у современных тувинцев о земле, с одной стороны, заметно расширились в связи с изменениями жизни их предков, родителей, нынешней ситуации. Земля также стала предметом юридического владения, но это до сих пор противоречит представлениям о родовых землях. Представления тувинцев о святости «своей» земли сохраняют свою актуальность и это, очевидно, связано с общим процессом религиозного возрождения в Туве. «Свое» пространство, своя родная земля осмысливается как место, где обитают родные, близкие, к этому родному месту тувинец (сельчанин или горожанин) испытывает устойчивые положительные чувства, сильную привязанность. Рассуждая о местах упокоения, современные тувинцы дали также схожие высказывания, что их родные люди старшего возраста хотят захоронения их на местах, где они родились и жили. В общественном дискурсе в качестве нормативных предписаний сильны традиционные представления о святости земли, о том, как соответственно тувинцы должны относиться к ней, преклоняться и соблюдать заповеди предков.

Ключевые слова: земля; родная земля; тувинцы; Тува; Родина; концепт культуры

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Майны Ш. Б. Представления о чер 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 38-63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата 9 лит. В, Тел.: +7 (929) 315-83-49. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (929) 315-83-49. E-mail: shenne85@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9106-2148

Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans

Shenne B. Mainy

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an analysis of contemporary Tuvans' beliefs about the earth ('cher' in Tuvan). 'Cher' is considered as a concept of culture. Therefore, the author takes into account a variety of the concept's aspects, including lexical and semantic ones. We used the data of an overt observation made in Tuva, materials of 12 interviews recorded in January 2023 with Tuvans, mostly of mature and older age from different places (townspeople, villagers, cattle breeders living in yurts), as well as research literature, dictionaries, and media texts.

The Tuvans define 'cher' primarily as their lands. People may have several lands. This is related to the life cycle: place of birth, place of living, and final resting place. Contemporary Tuvans' perceptions about the earth, on the one hand, have significantly expanded due to changes in the lives of their ancestors and parents, as well as in the current situation. The land has also become the subject of legal ownership, but this still contradicts the beliefs about ancestral lands. The Tuvans' ideas about the sanctity of "their" land remain relevant and this is obviously due to the general process of religious revival in Tuva. "One's own" space or native land is understood as a place where relatives and close ones live. A Tuvan (a villager or a town dweller) develops stable positive feelings and strong attachment towards this native place. Talking about final resting places, contemporary Tuvans also made similar statements that their older relatives wanted to be buried in the places where they were born and lived. In public discourse, traditional beliefs about the sanctity of the earth are strong as normative prescriptions. So are ideas about how Tuvans should treat it accordingly, worship and observe the commandments of their ancestors.

Keywords: earth; native land; Tuvans; Tuva; Homeland; concept of culture

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Mainy Sh. B. Predstavleniia o cher 'zemle' sovremennykh tuvintsev [Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 38-63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Введение

Много веков для тувинцев, как и для других тюркоязычных народов Саяно-Алтая, земля (*чер*) понималась как место, где человек находился под защитой от стихий, злых духов пространства, место силы, которое обеспечивало благополучие социума (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 29, 40). Люди прошлого имели сильную эмоциональную связь с землей, которая стала константой культуры. Так, М. Б. Кенин-Лопсан, опросив в ходе своих экспедиций в разные годы тувинцев-долгожителей из разных районов Тувы, выявил главную мысль, «которая выражает отношение тувинского человека к земле — это вера и любовь» (Кенин-Лопсан, 2021: 70). То есть само слово *чер*, несмотря на то, что имеет множество дефиниций¹, людьми в первую очередь понимается как *төрээн чер* 'родная земля', 'Родина'.

¹ Чер имеет следующие дефиниции: 1) чер 'планета'; 2) чер, *девискээр*, *чурт* 'территория'; 3) чер, *довурак*, *хөрзүн* 'почва'; 4) чер, *чурт* 'страна, государство'; 5) чер 'суша' (Русско-тувинский словарь: 32000 слов / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа и др. / под. ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «ИПП "Журналист"», 2015. С. 184). Как вспомогательное слово употребляется для образования имен существительных, обозначающих какой-либо пункт, предприятие, учреждение; *албан чери* 'учреждение'; *бүдүрүлге чери* 'предприятие'; *ном үндүрер чер* 'книгоиздательство'; *баштаар чер* 'правление'; *автобус доктаар чер* 'автобусная остановка'; *өөредилге чери*

И в этом смысле она приобретает характеристики святости. Священная земля — это место, где тувинец родился; места, где упокоились предки (Кенин-Лопсан, 2021: 159).

Но трансформация традиционной культуры, изменения в жизни тувинского общества, произошедшие за XX век, во многом изменили и понимание земли, и отношение к ней. И сегодня, как пишет Ч. К. Ламажаа, сложилась парадоксальная ситуация, когда «мы — тувинцы — скорее больше знаем о своем прошлом, чем настоящем» (Ламажаа, 2021b: 4), потому что нынешнее тувиноведение сконцентрировано прежде всего на реконструировании традиционных представлений, а исследований современных представлений тувинцев гораздо меньше. Хотя, надо сказать, что отношение тувинцев к земле, определяемое до сих пор традициями, и раньше могли влиять на социальные проблемы, и до сих пор могут быть их факторами. В 1990-х гг., например, З. В. Анайбан подчеркивала, что у тувинцев мысли о территориальном, самодостаточном пространстве «родная земля» являются ведущим аспектом групповой идеи: «каждый тувинец осознает и испытывает чувство гордости, сопричастности с тувинской землей, своим народом» (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 104). И это чувство, считала она, «следует рассматривать не как смутное культурное самоосознание, а как высокий уровень духовной близости» (там же). Не случайным также были и споры о юридическом статусе земли в Туве. Традиционные представления о земле как территории общего пользования вылились в дискуссии, республиканский референдум и в итоге — в запрет на частную собственность Конституцией Республики Тыва от 21 октября 1993 г.¹ (Ламажаа, 2013: 169), что противоречило федеральной Конституции и в последствии в 2011 г. пришлось менять (там же).

Поэтому тема отношения тувинцев, коренных жителей Республики Тыва, абсолютное большинство населения (более 82%), к земле — весьма актуальная и социальная проблема, и научная. И поскольку мы говорим о культурно обусловленных представлениях, то мы говорим не просто об отношении к земле, мы говорим о том, как бытует культурный концепт *чер* 'земля', концепт культуры, выраженный на языке этой культуры — тувинской. Если в основном языковые концепты культуры изучаются филологами, лингвокультурологами, то в данной статье мы представим анализ концепта в общественном дискурсе.

Целью данной статьи является анализ представлений современных тувинцев к *чер* 'земле'. Мы также предположили, что отношение у тувинцев к земле будет различаться в зависимости от их места проживания, поэтому рассматривали мнения наших интервьюеров по принадлежности к животноводам, сельчанам и горожанам.

Исследование выполнено как междисциплинарное и направлено на анализ современного состояния представлений людей об одной из традиционных ценностей культуры, что одновременно определяет и их мотивацию, поведение. Поэтому в качестве методов привлекаются и общенаучные методы, и этнографические наблюдения, и антропологические, и социологические (материалы интервью). В том числе, источниками нашего исследования выступили материалы авторских наблюдений в Туве за последние десять лет, материалы 12 интервью, которые автор статьи записала в январе 2023 г. с тувинцами разных поколений, мест проживания². Беседы велись на тувинском языке. Кроме того, мы работали с научной литературой, словарями, текстами средств массовой информации.

Обзор литературы

Как уже было сказано, большая часть научных исследований тувиноведения, посвященных теме земли в тувинской культуре, ориентирована на реконструкцию традиционных смыслов. Однако, нас интересуют далеко не все работы, в которых описываются пространственные категории тувинской культуры. Круг публикаций, важных для нас, мы делим условно на несколько групп.

'учебное заведение'; *шагдаа чери* 'милиция'; *чер ажа* 'большой', 'широкий'; *чер алыр* 'удаляться', 'продвигаться'; *чер аны* 'зверь'; *чер ара* 'с полпути', 'на полпути'; *чер көржеңи* 'торф'; *чер үзү* 'нефть'; *чер болганда* 'езде', 'всюду', 'повсеместно', *чер болгандан* 'отовсюду' (Тувинско-русский словарь: 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 528).

¹ Конституции Тувы. Сборник в 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1999. С. 180.

² Из участников 12 интервью: 3 чел. — городские тувинцы, 7 чел. — сельские тувинцы, 2 чел. — животноводы. Все респонденты выразили согласие на публикацию их данных.

Наше внимание к теме земли опирается на понимание *чер* как концепта тувинской культуры, выраженного в первую очередь на тувинском языке (Тувинцы. Родные ..., 2022: 76–84). В этом смысле нам важны в первую очередь лингвокультурологические работы (первая группа работ). Так, комплексное изучение концепта «Родина», его структуры и содержательного наполнения в стихотворных текстах тувинских писателей рассмотрено в работе филологов А. А. Монгуш, М. В. Бавуу-Сюрюн (Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020). А. В. Хомушку выделил концепт «Родина» в тувинских пословицах и поговорках (Хомушку, 2018). Также недавно вышла в свет коллективная монография большой группы филологов «Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири» (Жизненное пространство ... , 2021). В издании представлены исследования языкового материала десяти урало-алтайских языков, в том числе тувинского. Опираясь на лексикографические, этнографические, фольклорные источники, тексты художественной литературы, а также привлекая результаты своих полевых исследований, филологи проанализировали нескольких ключевых понятий соответствующих культур. Одним из наиболее важных концептов, разумеется, также стал концепт «Родная земля (родина)» (там же: 208–260).

Подобные работы тувинских филологов проводятся в русле активно развивающегося направления лингвокультурологических исследований концептов в разных лингвокультурах: в алтайской (Драчева, Тозыякова, Юрченко, 2015), в калмыцкой (Есенова, 2009: 37–44, 2012), в казахской (Джамбаева, 2010), в русской (Степанов, 2004: 170–180; Есмурзаева, 2009); в бурятской (Гымпилова, 2022; Бороноева, 2011), в монгольской (Белокурова, Мушникова, 2018), в хакасской¹ и мн. др.

Этот подход отличается от исследований категорий культуры (вторая группа работ), который выявляет этнокультурную специфику универсальных категорий, исследования которых были популярны в конце XX в. (Ламажаа, 2020: 206–207). Одним из самых известных в этом смысле трудов Ч. К. Ламажаа называется трехтомник «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (там же: 206), один из которых посвящен анализу пространства в культурах Сибири — в категориях «Родина», «земля-вода», «место и время», «дом» (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 29–71). Тем не менее, этот труд также важен для нас, так как позволяет видеть вписанность тувинской культуры в общий культурный ареал культур, связанных родством происхождения и соответствующими типологическими сходствами.

Третья группа работ, важная для нашего исследования, содержит традиционные этнографические сюжеты, в которых описываются ритуалы, обычаи тувинцев по отношению к земле, к местностям, к пространствам, зафиксированные исследователями по итогам их наблюдений. Это и классические труды этнографов, и исследования уже нашего времени.

В этнографических трудах описываются внутреннее расположение юрты, деление юрты на соответствующие места, закрепленные за определенными ее обитателями, порядок, который должен соблюдать каждый тувинцев по отношению к определенным местам в юрте (Потапов, 1969: 147–167; Вайнштейн, 1961: 100). Определенное значение в свете понимания тувинцами местностей их проживания имеют работы, посвященные административному устройству Тувы. Так, в монографии Е. Д. Прокофьевой выделена отдельная глава про роль городов, поселков и прочих населенных пунктов (Прокофьева, 2011: 146–163).

Среди работ последних лет можно называть труды, посвященные описаниям обрядов *дагылга* (обрядов освящения), которые демонстрируют сохранившиеся традиционные представления тувинцев к своим истокам (Кенин-Лопсан, 2006: 109–112). В исследовании У. П. Бичелдей поднимают вопросы о сохранении и развитии мест, наделенных особым сакральным духовным смыслом². Сакральные места

¹ Бурнаков К. С. Горы — неотъемлемая часть концепта «Родина» в этнической культуре хакасов // Вестник современных исследований. 2019, № 1.1(28). С. 34–37.

² Бичелдей У. П. Сохранение и использование сакральных мест как объектов духовного культурного наследия тувинцев (опыт взаимодействия муниципальных органов местного самоуправления Республики Тыва с сельскими поселениями) // Социально-экономическое и культурное развитие сельских территорий: Материалы Региональной научно-практической конференции с всероссийским участием, посвященной 60-летию Ефремкинскому сельского совета Ширинского района Республики Хакасия, Абакан, 23–24 июля 2022 года. Абакан: ООО «Книжное издательство “Бригантина”», 2022. С. 47–53.

у тувинцев с отрицательной маркировкой представлен в работе А. О. Базырчап¹. К. В. Пименова в своем исследовании выделила сакральные места как активизаторы коллективной памяти, как факторы социальной интеграции и дифференциации, а также места закрепления и эволюции верований (Пименова, 2006: 97–113). В нашей коллективной работе «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке» представлены правила, обязанности, связанные с чер 'землей' при проведении обряда *дагылга* (Дагылга: тувинские ... , 2021).

Также появились исследования «локализованные», в которых рассматриваются особенности культуры населения отдельных районов Тувы. Так, например, в коллективном сборнике «Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина» отражены особенности языка и традиционной культуры самого южного района Тувы, граничащего с Монголией (Локальные особенности ... , 2018). В нем встречаются особо интересные для нас работы, например, Ч. Монхтора, который рассмотрел ритуалы жертвоприношений духам-хозяевам местностей, обитающих на почитаемых и священных горах и водных объектах, а также образы духов-хозяева гор и вод монголоязычных тувинцев Эрзинского кожууна (там же: 149–158). В книгах тувинского историка М.С. Байыр-оола отдельные главы посвящены родным местам автора в Барун-Хемчикском районе².

В целом, можно сказать, что несмотря на наличие научных работ, посвященных концепту чер 'земля', а также пониманию тувинцами пространства, земли, тем не менее проблема современных трактовок тувинцами земли, актуального общественного дискурса, а тем более различий в трактовках, еще не поднималась. Этим и обусловлена новизна нашей работы.

Разные земли

Наши беседы с респондентами, наблюдения, материалы литературы показывают нам, что тувинцы достаточно широко и вариативно понимают чер 'землю', оценивают ее, описывают свое отношение к ней, свои обязанности по отношению к ней. Поэтому мы рассмотрим несколько аспектов обсуждений, начиная с самых общих представлений о земле.

Мы просили объяснить своими словами, как они понимают чер, какой земля бывает для тувинцев, как они могут ее описать, а также что о земле им говорили родители, старшие поколения.

Разные земли. В первую очередь — что говорит о земле тот, кто живет и работает здесь — животновод. По его мнению, земли бывают разные.

А. А. Хомушку (1969 г. р., животновод):

— Чер деп сөс дыка хөй уткалыг. “Чер” дээрге: төрүттүнген чери, өскен чери, баар чери (дуу оранче баар чери).

‘Слово чер имеет очень много значений. “Чер” это: земля, на которой родился, земля, где вырос и земля, куда уйдет (когда человек умрет)’.

Наши респонденты-сельчане тоже разделяют земли на «виды».

Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жительница):

— Чер талазын алыр болза, шынап-ла, кижы болгаш кижиниң чоок-кавы дөргүл-төрели, ада-иези, кижиниң ук дөзү, угу черлиг болур. Кижы төрүттүнген черлиг болур, оон амыдыралдың аайы-биле, агымы-биле салым-чолдуң айыткаан талазы-биле кижы өске черже көже бээр ындыг байдал көстүп келир болза, ол черге болза кижы өзүп-мандыыр апаар. Сээң чашкы үең болза, сээң төрүттүнген чериңге болуп болур.

‘Если смотреть по отношению к земле, то у каждого человека есть родственники, корни, земля. У человека есть место, где он родился. По воле судьбы люди могут сменить место жительства, уехать в другое место, там жить и развиваться. Твое детство может пройти на том месте, где ты родился’.

¹ Базырчап А. Х. О. Сакральные места у тувинцев с отрицательной маркировкой // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия, Кызыл, 20–23 сентября 2018 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2018. С. 33–37.

² Байыр-оол М. С. Көшкүн амыдырал: төрөл бөлүктөр болгаш хонаштар [Кочевой образ жизни: родственные группы и их стойбища (кочевья)]. Кызыл: Тываполиграф КХН, 2019; Байыр-оол М. С. Допчу намдарым: көшкүн эрниң аас-кежиктиг копкалары [Моя автобиография: счастливые пути кочевого мужчины]. Кызыл: Типография МБОУ КЦО «Аныяк», 2022. С. 84–106.

Т. К. Монгуш (1986 г. р., сельчанин):

— Чамдык кижилер төрүттүнген черинге сөөлгү хүннеринге дээр, ол-ла черинге чурттап арткан улус турар. Амыдырал аайы-биле өг-бүлө тудуп чоруй барган келин, күдээлер барган черинге барган улус турар. Бистиң өгбелеривис болза, колдуу ам херээжен улусту келиннеп чоруй барган черинче чер-чурт туда бээр, ам эр улус күдээлеп барган аайы-биле чер-чурт туда бээр. Ам, ындыг-даа болза, кижиниң сагыш-сеткилинде кижги бүрүзү кол төрүттүнген черин “кол черим” деп адап чоруур деп мен ынчаар санап чоруур кижги-дир мен!

‘Есть такие люди, которые до старости лет живут на той земле, где родились. По жизненным обстоятельствам некоторые люди, невестки, зятя, могут жить в другом месте¹. Они могут привыкнуть к тому месту. У наших в основном невестки уходят жить в другие места, также и зятя. Я считаю, что земля, где родился человек, является главным местом’.

При этом сельчане помнят, что тувинцы, даже оставшиеся в местах проживания предков, продолжающие заниматься животноводством, не просто живут на одном месте — они постоянно перекочевывают, как это делали их предки. Поэтому, считается, что у тувинцев-животноводов всегда было «четыре земли».

Т. К. Монгуш (1986 г. р., сельчанин):

— Бистиң тывалар көшкүн амыдыралдыг улус-тур бис. Мал ажылы-биле халбактанган кижги көшкүн амыдыралдыг, ол дөрт черлиг болур турган. Албан чазаглаар, чайлаглаар, кыштаглаар, күзеглээр. Чайлаг соонда күзегже белеткенир. Ол күзегниң чериниң туружу бир өске апаар. Күзегниң соонда кыштаг апаар, ол болза ак меңгилиг дагның артынга турар, хат-шуурган чок чүведен чаглактанып, даг артынга турар. Оон катап-ла чылдың эргилдези-биле чоруп каар.

‘Мы, тувинцы, имеем кочевой образ жизни. Тот, кто занимается скотоводством, кочевой человек, он имеет четыре места. Стойбища для проведения зимы, весны, лета и осени. После лета готовятся к осени. Место для проведения осени отличается от предыдущего. После осени зимовка, она должна находиться за большой горой со снежными вершинами, чтобы гора защищала от ветра и снега. Дальше по временам года кочуют’.

Этнопедагог Г. Д. Сундуй в своей работе выделяет, например, пять родин у тувинцев: материнская утроба как первая родина, место рождения (вторая родина), место проживания в детстве (третья родина), место проживания во взрослом состоянии (четвертая родина), место упокоения (пятая родина) (Сундуй, 2014: 44).

Горожане также говорят о разных землях.

О перекочевках своих предков поведал в интервью о своей маме полковник ФСБ в отставке С. Х. Кашпык-оол:

«Мои предки по линии отца традиционно для кочевников меняли стоянки и пастбища в зависимости от времени года. С девятнадцатого века зимовали в местечке Чанчын-Тей у реки Тес-Хем на территории нынешнего Тес-Хемского района, а лето проводили у подножья хребта Танну-Ола в сегодняшнем Тандинском районе. Места эти очень красивые, богаты могучими кедрами, обильны орехами, зверьем, рыбой, ягодами, полезными травами и целебными источниками.

Во время весенних и осенних перекочевок на лошадях, волах, верблюдах пересекали труднопроходимые хребты Танну-Ола, перегоня весь скот с зимнего на летнее стойбище и обратно, в том числе и верблюдов. Диву даешься, как эти сугубо степные животные проходили по такой сложной таежной высокогорной тропе на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, пересекали бурные реки, а затем спускались к озеру Чагытай и вытекающей из него речке Мажалык»².

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— Кижиниң төрүттүнген черинден аңгыда, өг-бүлө туткан чери, өг-бүлениң төрүттүнген чери, уругланган, ажы-төлденген чери база бар болуп турар. Кайызы-даа ыдыктыг деп ынчаар санап турар мен.

‘У человека также есть место, где создали семью, место, где родилась семья, место, где родились дети’.

¹ Барган чери ‘место, куда пошел’.

² Хажитма Кашпык-оол. Дать жизнь [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, 21 февраля. URL: <http://centerasia.ru/issue/2014/6/4846-azhitma-kashpik-ool-dat-zhizn.html> (дата обращения: 05.10.2022).

У. В. Ондар (1970 г. р., городская жительница):

— *Кижиниң чери деп сөс дээрге төрөөн чери кылдыр санаттынар. Амгы үеде тывалар хоорайда хөй чурттап чоруур болгаш төрүттүнген чер, чурттап чоруур чер деп база чугаалаар. Чүге дизе бистиң төрөл аймаавыста херээжен чон хөй болганда, ооң мурнунда тывалар херээжен кижини өгленип алгаш өөнүң ээзиниң черинче чурттап чоруй баар, ону болза төрүттүнген чер эвес төрөөн чер дээр.*

‘Слово чер для человека считается *төрөөн чери* ‘родной землей’. В настоящее время тувинцы, проживающие в городе, говорят *төрүттүнген чер* ‘земля, где родился’ и *чурттап чоруур чер* ‘земля, где живет’. В нашем роду женщин много. Тувинцы в прошлые времена после сватовства, уводили невестку из родного дома к дому мужа, таким образом то место для нее становится родным местом, а не местом, где родилась’.

Размышляя о различных типах земли, наш респондент далее продолжает:

— *Чер деп сөске төрөөн, төрүттүнген, ыдыктыг, аза четкерлиг черлер деп сөстөрүни хамаарыштырып болур. Чеже-даа үр үе дургузунда барбайн турар болза, кижиниң төрүттүнген чери черле кижиге төрүттүнген чери кылдыр арттып каар.*

‘К слову чер ‘земля’ можно отнести следующие слова: *төрөөн чер* ‘родная земля’; *төрүттүнген чер* ‘место, где родился’; *ыдыктыг чер* ‘священная земля’; *аза четкерлиг черлер* ‘места, где есть черти’. Место, где родился человек, навсегда остается местом, где он родился, даже если он не бывает там в течение долгих лет’.

Интересно то, что горожане уже также говорят о чер ‘землю’ как учреждению, предприятию и т. д.

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— *Канчалдыр-даа көөрүмге, чүгле өскөн төрөөн черим эвес, анаа албан черлерин безин бистер тускай черлер дээр бис. Оон анаа чугаалаар болза тускай чер, чижээлээрге, бис Тываның күрүне университетиниң ажылдакчызы болганывыста, бистиң уругларның өөренир чери деп база билип турар бис. Бистерде ямылар бар болгай, ол аңгы-аңгы ямыларны болза тускай албан черлери деп база билип турар бис. Бүдүрүлге черлерин база бистер тускай бүдүрүлге черлери деп ынчаар билип турар бис. Ынчангаштың чер деп сөстүң утказы дыка делгем болуп турар.*

‘Все, что связано с местом, не только родную землю, я считаю священным местом. Организации, учреждения мы называем специальным местом. Еще можно сказать, о специальных местах, например, я как работник Тувинского государственного университета, считаю, что это место, где учатся наши дети. У нас есть разные министерства, их мы называем *тускай албан чери* ‘специальные учреждения’. Предприятия, производства мы говорим «специальные предприятия», «специальные производства». Поэтому слово чер имеет очень широкое значение, *чер* ‘земля’, *чер* ‘место’, *албан чери*, *бүдүрүлге чери* ‘учреждение, предприятие’.

Тувинский историк М. С. Байыр-оол в своей работе также выделяет несколько своих земель: *төрөөн черим*, *хонаштарывыс* ‘родная земля’, *төрүттүнген черим* ‘место, где я родился’, *чазаар*, *күзээр хонаштарывыс*, ‘весенние и осенние стойбища’, *чайлаавыс* — *Устүү-Ак-Ой бажында* ‘летняя стоянка на верху реки Устуу-Ак-Ой’¹.

Таким образом в представлениях современных тувинцев концепт *чер* понимается в первую очередь как земля, которых у тувинцев бывает несколько. В основном речь идет о землях в связи с жизненным циклом самого человека (место рождения, место проживания, а также место упокоения, о чем мы скажем отдельно). Тем не менее, люди, даже давно «оторванные» от земли, помнят о местах, связанных с традиционным видом хозяйствования.

Но, можно сказать, что в расширительном толковании земель, важных для тувинцев, есть еще и такой интересный нюанс, высказанный горожанином, который также выражается в отдельных языковых формах *албан чери*, *бүдүрүлге чери*². В связи с тем, что земельные участки сегодня являются объектами владения, соответственно «купли и продажи», то теперь тувинцы также занимаются купля-

¹ Байыр-оол М. С. Допчу намдарым: көшкүн эрниң аас-кежиктиг кокпалары [Моя автобиография: счастливые пути кочевого мужчины]. Кызыл: Типография МБОУ КЦО «Аныяк», 2022.

² *Албан чери* ‘учреждение’, *бүдүрүлге чери* ‘предприятие’. См.: Тувинско-русский словарь: 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 528.

ми и продажами, в том числе для того, чтобы обеспечить земель своих детей, о чем свидетельствует активность рынка земли в социальной сети «ВКонтакте»¹.

Төрээн чер ‘родная земля, родина’

Важнейшим аспектом понимания земли для тувинцев является тот, который связан с представлением о Родине, о родной земле. Он выражается лексемой *төрээн чер* ‘родная земля, родина’. Причем знание о родной земле, так же как и знание о своей родословной, о предках, считается важной обязанностью каждого тувинца (Кенин-Лопсан, 2021: 182).

Как мы помним из этнографической литературы, тувинцы прошлого были ограничены в представлениях о пространстве и поэтому считали места, где они жили — большим миром, Вселенной, Оран Танды (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 31). В этом мире у человека было несколько самых знакомых мест, куда семьи перекочевывали вслед за хозяйственными задачами. В XX в., в том числе, как мы выше показали, люди стали говорить не просто о разных землях (рождения, взросления, образования, места жительства семьи и пр.). Географические познания тувинцев расширились в связи с вхождением Тувы в состав большого российского государства, сами люди разъехались не только по территории республики, но и выезжают или регулярно за пределы Тувы («за Саяны»), или даже в другие регионы страны, за рубеж. Поэтому представления о родной земле начинают уточняться или даже расширяться в зависимости от перспективы взгляда.

Ч. Ч. Дувен-Бады (2003 г.р., сельчанин):

— *Кажан Саян дагларын ажа бергеиш, тыва черин, тыва кижилерни сакты бээр, мал-маган безин эргим болур. Бүдүн Тываны кижии төрээн чери кылдыр санаар.*

‘Когда уезжаешь за Саяны, скучаешь по тувинской земле, тувинскому народу, даже скот становится для тебя родней. Всю Туву начинаешь считать родной землей’.

Но а в пределах же Тувы каждый тувинец хорошо знает, где его родной уголок.

Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жительница):

— *Төрээн черим дээрге бичии төрээн чуртум, Тожу кожуунуң Адыр-Кежиг суурну төрээн черим дээр мен, чүге дээрге аңаа бир дугаар төрүттүнгөш, өскөн черим. Оон төрээн черим дээрге Россия, Россияның иштинде — Тыва.*

‘Родной землей для меня считается моя малая родина — Тоджинский район, село Адыр-Кежиг, там я родилась и выросла. Также моя родная земля Россия, в России — Тыва’.

Она же добавляет:

— *Амгы үеде “чаныхсап тур мен” деп база чугаалаар мен, оон өөм ээзи сээң бажыңың бо ышкажыл, канчап чаныхсап тур сен дээр. А мен: Тожу дээрге мээң төрүттүнгөн черим-дир деп харыылаар мен. Өйлеп-өйлеп суурумче чаныхсай бээр чордум.*

‘В настоящее время я иногда говорю “хочу домой”, тогда муж мне говорит: “Вот же твой дом, зачем ты хочешь домой”. Я отвечаю: “В Тоджу хочу, потому что я там родилась”. Временами я скучаю по родному селу’.

Такие же ностальгические настроения есть и у горожан. Причем место родное чаще всего не по фактическому месту рождения, а именно по месту, где человек вырос, где прошли его детские годы. Именно так и говорят наши респонденты.

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— *Төрээн чери дээрге кижиниң эң бир дугаарында өскөн төрээн чери деп билип турар мен. Чижээлээрге, мээң болза өскөн төрээн черим — Эрзин кожуун-даа болза, билип кээримге, Тес-Хемге чурттап турган бис. Төрүттүнгөн черим өске кожуунда-даа болза, бодумнуң өскөн төрээн черим Тес-Хем болгаиш Тес-Хем чурттуг мен деп бодум санап турар мен.*

‘Я думаю, что родная земля — это та земля, на которой человек вырос. Например, земля, где я родилась и выросла — Эрзинский район, но как я помню, мы жили в Тес-Хеме. Даже если я родилась в другом районе, я выросла в Тес-Хеме, поэтому я считаю его своей родной землей’.

¹Тывада черлер, земельные участки в Тыве [Электронный ресурс] // Тывада черлер, земельные участки в Тыве. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/charlaldar17rus> (дата обращения: 05.11.2022).

Говоря о *төрээн чер* 'родной земле', наши респонденты верят, что она может обладать положительной энергией.

Так, например, нам говорил наш респондент-животновод.

А. А. Хомушку (1969 г. р., животновод):

— *Кижиге төрөөн черин сактын, төрөөн черин бодаар барыксай бээр, сакты бээр. Мен бодаарымга, тыва кижиге кайда-даа, ыракта-даа чурттап чоруур өскөн төрөөн черим деп суурга, төрөөн черинге ында-хаяа-даа болза кээп чоруур деп бодаар мен. Мээң ачам ынча дээр: «Бир эвес кижиге каяа-даа чурттап чорааштын төк дээш төрүттүнген черинге баргааштын, аңаа ол чер кырынга кудуруу-биле олуруп алырга, кижиниң кудуруунче ол черден дыка улуг энергия үнер дээр. Ынчангааштын мен база чылдың-на төрөөн черимче баргааштын анаа-ла кызыл-даван кылаштап, оон ам сөгүктелдир олуруп, дыка улуг энергия алыры дыка шын чорду. Ам төрүттүнген өскөн төрөөн черинге кижиниң караанга көзүлбес энергия арттып калган дээр.*

«Так устроен человек, что будет скучать о родной земле, захочет вернуться на родную землю. Я думаю, тувинец, где бы он ни был, даже вдалеке, он иногда возвращается в то село, которого он называет родной землей. Мой отец говорил: «Где бы ни жил человек, придя на то место, где он *төк дээш төрүттүнген* 'родился, усевшись на землю', через копчик позвоночника от земли может получить большую энергию. Поэтому я тоже каждый год возвращаюсь на родную землю, просто хожу босиком, потом сяду на землю прямо, скрестив ноги (т. е. в позе лотоса). Я верю, что так можно получить большую энергию». Говорят, что на земле, в которой родился человек, остается невидимая большая энергия'.

Такое же мнение было у сельчанки.

Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жительница):

— *Кижиге хоорайга шылай бергеш, чаныксай бергеш, аарый бергеш, суурумче чоруптар мен, орукка бар чыткаш-ла, сегий берген ышкаш апаар мен аан, сагыш-сеткил көдүрлүп кээр. Суурумга, төрөөн черимге баргааш, күш алган ышкаш болур.*

«Когда я очень устаю в городе или, когда болею, я уезжаю в свое родное село. По дороге домой мне кажется, что я уже выздоровела, как будто душа радуется. В селе, на родной земле, мне кажется, что я набралась сил'.

Интересны воспоминания педагога В. Б. Монгуш, Заслуженного работника образования Республики Тыва о камне с родных мест: «А вот такой крупный, с таким большим глазом я впервые нашла. Порой прижму этот аянгатинский камень к груди, и он как будто силы дает. Словно согревают меня родные места и все ушедшие за красной солью близкие люди»¹.

Бывший руководитель Тувы (2007–2021), ныне заместитель председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, Ш. В. Кара-оол в 2021 г., выкладывая в социальных сетях для своих подписчиков видео, знакомил их с родной землей своего отца и отмечал, что специально приехал сюда, чтобы зарядиться положительной энергией². Еще одна тувинка, которая долгое время живет в Тайване, в своем интервью подчеркнула, что будет приезжать в Туву, чтобы «зарядиться энергией» родной земли³.

О живительных силах родной природы и общения с близкими говорила Р. С. Чакар, судья Верховного Суда Российской Федерации, которая много лет живет и работает в г. Москва:

«Как-то поймала себя на том, что родной пейзаж на меня действует каким-то волшебным образом, подпитывает, что ли. Особенно — вид гор, их краски.

Бываю, в основном, в Кызыле и его окрестностях, в Эрзине, где родина предков. Озеро Тере-Холь и чуть дальше — родные места моего отца. Какая-то космическая связь с этим местом мне вдруг, внезапно, в какой-то миг почудилась этим летом.

¹ Валентина Монгуш. Сокровища белоголовых [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2017, 23 июня. URL: <http://centerasia.ru/issue/2017/8/5333-valentina-mongush.-sokrovishcha.html> (дата обращения: 05.10.2022).

² На родине моих предков: Кара-Тал, Үрбун, Кашпал. Здесь в глубинах Улуг-Хема лежат останки моего деда. Так и не перехороненного при строительстве ГЭС. Тут энергетика этих земель космическая! [Электронный ресурс] // Шолбан Кара-оол. 2021, 5 июля. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall180881822_94678 (дата обращения: 05.11.2022).

³ Тайвань: следуя за мечтой [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2021, 24 сентября. URL: <https://tuvaonline.ru/2021/09/24/tayvan-sleduya-za-mechtoy.html> (дата обращения: 05.11.2022).

Здесь, в эрзинской степи — на воле, в родных местах — покоится Сотпа Кундукей — мой дед, папин отец. А на могиле лежит его старая шляпа, без которой его образ не был бы узнаваем.

С возрастом начинаешь ценить вещи, которые не очень хорошо воспринимал, понимал в детстве, в юности, в молодости. Вот стоишь на этой земле, чувствуешь дыхание горячей степи, видишь чистое голубое небо, вдыхаешь вольный степной воздух и понимаешь, что это — мое, и только мое.

И такой бывает прилив эмоций, такие мысли одолевают, что с кем-то даже поделиться сложно, так как невозможно их передать словами. И до слез приятно, что люди помнят отца, мать, деда, помнят наш род»¹.

О родной земле как особой земле, и том, что невозможно забыть свой родной тувинский язык, живя за пределами Тувы, рассказывал тувинец А. М. Август-оол, который живет в столице Голландии, в г. Амстердаме:

«Село Кунгуртуг — всегда на особенном, первом месте, потому что это — моя родина. Амстердам — потому что это город моей сбывшейся мечты о свободе.

Приехав домой, с удовольствием общаюсь на тувинском языке. Некоторые слова сходу не скажешь, приходится рыться в памяти, но они не забылись, а только спрятались. В первый день приезда говорил гораздо медленнее и тщательно подбирал слова. Но побыл у родителей в Кунгуртуге, и все пришло само собой»².

В связи с тем, что очень много тувинцев с середины XX в. покинули родные места, получив образование, приобретя профессии и начав работать в разных сферах новой экономики республики (Тувинцы. Родные ... , 2022: 86), представления о родной земле стали различаться даже внутри семей, среди кровных родственников.

Так, Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница) перечисляет:

— *Эн-не улуг угбам Бай-Тайгага төрүттүнген, черле авам Хемчик кижги, ачам чооду. Бичиизинден тура Тес-Хемге өскөн болгаш, бодун база Тес-Хем чурттуг кылдыр санап турар. Улуг оглу Хандагайтыга төрүттүнген болгаш, ажы-төлдөнгөн чери Өвүр кожуун деп санап турарлар. Угбамның сактыышкыннарындан база ынчаар билир мен. Орнукушудар черин мени ыяап-ла Тес-Хемге ажаар силер дээр, чүге дизе бо сөөлгү үеде хеймер оглунунуң чанынга Кызылга чурттап чораан, мени Тес-Хемге ажаар силер, чүге дизе честемни аңаа орнукушуткан болуп турар. Честеңерниң чанынга орнукушудуп каар силер дээр чорду.*

‘Моя самая старшая сестра родилась в Бай-Тайгинском районе, наша мама из Хемчика, отец — чооду. С раннего детства сестра выросла в Тес-Хеме, и считает себя родом из Тес-Хема. Ее старший сын родился в Хандагайты, поэтому она считает Овюр местом, где стала матерью. Я знаю это из воспоминаний сестры. В настоящее время сестра живет в Кызыле в доме младшего сына. Она нам говорит, чтобы мы похоронили ее рядом с мужем, в Тес-Хеме’.

Учитывая то, что горожане-кызылчане старшего возраста, практически все переехавшие в столицу из разных районов республики, своих детей все их детство возили в места проживания родственников, большинство кызыльских детей продолжает считать родными местами эти села, районы. Сегодня, если спросить тувинца-кызылчанина откуда он родом, то он прежде всего назовет места исхода своих родителей. Интересна история моей коллеги Ч. К. Ламажаа, которая родилась в г. Кызыле, но считает своими «родными местами» южные районы: Тес-Хемский район (откуда родом ее мама), и Эрзинский район, где родился и вырос ее отец (Тувинцы. Родные люди, 2022: 252–270).

Моя сестра по отцовской линии, сводная сестра Б. Р. Донгак, родилась в г. Кызыл, в настоящее время с семьей продолжает жить в городе. Но своей родной землей она считает с. Шуй Бай-Тайгинского района. Ее мама родом оттуда и вся ее родственная группа Кужугет Бай-Тайгинского района является очень сплоченной, дружной и ежегодно проводят освящение родовых мест (Дагылга: тувинские ... , 2021: 25–28).

Интересна история Ч. К. Шавы (1974 г.р.), которая родилась в поселке Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района. В 1987–1988 гг. родители с ней переехали для поиска нового рабочего места из Барун-Хемчикского района в село Межегей Тандинского района (Кужугет, 2021: 38). В настоящее время

¹ Весь мир — в тебе [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2008, 2 ноября. URL: <http://centerasia.ru/issue/2008/43/2314-ves-mir-v-tebe.html> (дата обращения: 05.10.2022).

² Невозможного нет [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, 29 октября. URL: <http://centerasia.ru/issue/2011/42/4058-nevozmozhnogo-net.html> (дата обращения: 05.10.2022).

живет Ч. К. Шавы в с. Успенка, вышла замуж, родила детей, и она считает своей *төрээн чери* 'родной землей' Тандынский район.

В моем собственном понимании — тувинки, живущей в г. Кызыле, также есть представление о нескольких видах земли: *төрүттүнген чер* 'место, где человек родился'; *төрээн чер* 'родная земля'; *аныяк үемниң чери* 'земля моей молодости'; *уругланган чер* 'земля, где родились мои дети', *амгы үеде амыдырап чурттап чоруур черим* 'земля, где я в данное время живу'. Например, я родилась в г. Ак-Довурак и эта земля является *төрүттүнген чер* 'место, где человек родился'; но *төрээн черим* 'родной землей' считаю с. Аксы-Барлык Барун-Хемчикского района — это родное село моей мамы. Здесь я с родными сестрами (*угбашкылар*) проводили незабываемые летние каникулы, и где живут мои многочисленные родственники по материнской линии. *Аныяк үемниң чери* 'земля моей молодости', где я училась, встретила с мужем, это г. Улан-Удэ (столица Бурятии). И эта земля тоже мне очень близка и дорога. Там я прожила 10 лет, у меня остались лучшие воспоминания о бурятской земле, земле моей молодости, студенческой жизни. В г. Кызыл я со своей семьей живу 10 лет. И данное место для меня является *чурттап чоруур чер* 'земля, где живу'. Для моих троих детей данный город станет *төрүттүнген чери* 'местом, где родились', но они с удовольствием и с нетерпением ждут каникул или выходных, чтобы поехать к моей маме — к их бабушке в г. Ак-Довурак, где я родилась. Им там очень нравится и я не удивлюсь, если потом при взрослении они скажут, что это их родные места.

Интересное дополнительное значение к пониманию земли происхождения снова высказал нам житель города — это та земля, где человека уважают, ценят.

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— *Бир эвес мээң өг-бүлөмдөн алыр болза, угбашкылар хөй бис, шупту башкы салгалдыг бис. Үш дугаар угбам аныянда-ла Өвүр кожуун чурттуг честем-биле душкаш, Өвүр кожуунда ажылдап эгелээн. Ам бо үеде болза Өвүр кожууннуң хүндүлүг хамаатызы деп атты эдилеп чоруур. Кожуунда база Хоочун башкы дээш база дыка үнелеп турар. Ам чурттап чоруур Өвүр кожуунунга дыка ынак, бодувустуң өскөн төрээн черивис Тес-Хем деп чугаалаар бис. Ам угбамның чеже-даа бичии тургаштың Тес-Хемге өскөн-даа болза, аныяк чылдарында-ла Өвүр кожуунга турган болгаш оозунга дыка ынак, Өвүр чурттуг мен дээр болгай аан.*

'К примеру, можем взять нашу семью, в семье нас много, все мои сестры учителя, у нас поколение учителей. Третья по счету сестра в молодости встретила с молодым человеком из Овюрского района, там осталась работать. В настоящее время ей присудили звание "Почетный гражданин Овюрского района". В районе ее почитают как учителя-ветерана, много лет проработавшего в образовании. Она очень любит Овюрский район. Даже если детство провела в родном Тес-Хеме, сестра говорит, что она — *Өвүр чурттуг* 'родом из Овюрского района'.

В подобных случаях тувинцы используют не лексему *чер*, а *чурт*, который имеет основное значение «страна» (а затем «край», «местность», «стойбище, стоянка»¹).

Тема родной земли активно используется в культурно-массовой работе с населением Министерства культуры Республики Тыва. Так, например, с 2016 г. по всей республике проводятся фестивали-конкурсы о родных землях своих предков, круглые столы² и пр.

Трактуя землю как родную, тувинцы дополняют это представление ее характеристикой как земля-кормилица. Так нам говорили и сельчане, и горожане.

Т. К. Монгуш (1986 г. р., сельчанин):

— *Кижичерле шагдан тура черден амыдырап келген. Ол хөрзүнге тараа тарыыр. Черниң хөрзүнүндөн үнген кат-чимисти чыып чиир. Бис кижилер бөмбүрзекте чурттап чоруур бис. Бистиң кол өзээвис — чер. Чүгле кижичер эвес, дириг амытан бүрүзү бойдустуң төлү, бойдус дээрге-ле чер-дир.*

¹ Тувинско-русский словарь: 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 528.

² Ада өгбелеримниң Чер чурту [Электронный ресурс] // ГТРК Тыва. 2019, 24 января. URL: <https://youtube.com/watch?v=zH5QJ5K6IRA> (дата обращения: 05.11.2022); 24–25 июня в Кызыле пройдет Республиканский творческий фестиваль коренных малочисленных народов «Земля моих предков» [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2016, 3 июня. URL: <https://tuvaonline.ru/2016/06/03/24-25-iyunya-v-kyzyle-proydet-respublikanskiy-tvorcheskiy-festival-korennyh-malochislennyh-narodov-zemlya-moih-predkov.html> (дата обращения: 05.10.2022); В Тыве состоялся I Республиканский фестиваль коренных малочисленных народов «Земля моих предков» [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2016, 25 июня. URL: <https://tuva.asia/news/tuva/8710-festival.html> (дата обращения: 05.10.2022).

‘Человек с давних времен жил, добывая от земли пищу. Хлеб также добывал от земли, посадив зерно. Собирает ягоды, которые выросли на почве земли. Мы живем на земном шаре. Наша основа — это земля. Не только человек, но и каждое животное — дитя природы’.

Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жительница):

— *Чер деп сөс-биле мен төрөөн чер деп демдек ады-биле ажыглап болур мен. Кижиниң төрүттүнгөш өскөн черин төрөөн чер дээр. Оон аңгыда чемгерекчи чер деп база ажыглап болур мен, чүгө дизе тыва чон шаандан тура черинден диленип чемненип, аң-меңин, кат-чимизин чыып чораан.*

‘Со словом земля я могу использовать прилагательное “родная”. Место, где родился и вырос человек, называют родной землей. Также могу использовать данное слово со словом *чемгерекчи чер* ‘кормящая земля’, *чер ие* ‘мать-земля’, так как с давних пор тувинцы добывали пищу с земли, охотились, собирали ягоды’.

Она же продолжает:

— *Бистиң кырган ада-иевис бис бичии турувуста бисти эдертип алгаи, каттаар, хылбалаар, ыяштаар турган, ону агаарлаар дээр турганнар. Ол черлерге чеде бергеш, албан-биле ап алган бичии кара пажынга шайны хайындыргаш, шайын бажын черге өргүүр, черге чажыын чажар турган. Кырган-авам черивис — чемгерекчивис деп чугаалап чораан.*

‘Когда мы были маленькими, наши бабушка и дедушка брали нас, когда ходили за ягодами, за черемшой, за дровами — это они говорили *агаарлаар* ‘гулять, отдыхать’. В лесу бабушка всегда варила чай в маленькой кастрюле, и свежесваренный чай она подносила духам тайги, при этом обговаривая свои благопожелания. Наша бабушка говорила: “Земля — наша кормительница”’.

Городские тувинцы также вспоминают исконные занятия своих предков.

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— *Черге хамаарыштыр база чугаалаар болза черле чер ажыл-агыйлыг тыва чон болган соонда, ол чер ажылы кол чүвени ээлеп турар. Канчаар-даа көөр болза, одар-билчиир, малчыннар-даа боттарының малын одарладыр тускай черлерлиг болур. Ында ам кайда-даа доктаал-саавырда киирбээн-даа болза, боттары дугуржуп алгаи, үе-диптен бээр улустуң мал малдап чораан одар билчиир черлерин өске кижии ээлеп аары хоруглуг турган.*

‘Если говорить по отношению к земле, то тувинский народ поистине занимались земледелием, и таким образом земледелие занимает важное место в жизни народа. Все знают хорошие места для пастбища, скотоводы имеют специальные места для пастбы своего скота. Такие территории ни в каких документах не зарегистрированы, скотоводы сами договариваются между собой. Так из давних времен, где кто-то пас свое хозяйство, другой человек не может присвоить данное место, так делать запрещено’.

Еще одна важная характеристика родной земли заключается в представлении о ней как о месте упокоения. В этом отношении мнения представителей всех трех групп тувинцев были схожими.

А. А. Хомушку (1969 г. р., животновод):

— *Шаанда тыва улустар улгадып бурганнай бээрге, эртежик чугаалап чораан, чижээ: «Мени ол черге ажаар силер, ол дээрге мээң черим-дир, ада-ием маңа өскөн». Чижелээрге, мээң ачам А. К. Хомушку 76 харлыында, бурганнай бээр бертинде, аарып чыткаш, бисти кыйгырып алгаи, чугаалаар турган: «Оолдарым мени ада-ием чери, Даг-Дөзү деп чер бар, аңа барып ажаар силер» деп чугаалаар чораан.*

‘В древности люди преклонного возраста заранее говорили о месте, где его похоронят, например: “Вы меня похороните на том месте, это моя земля, мои родители здесь выросли”. Например, мой отец в 76 лет, перед тем как умереть (*бурганнай бээр* ‘стать богом’), собрав нас всех, говорил: “Сыновья, есть местечко Даг-Дөзү, земля моих родителей, вы меня похороните там”’.

Интересное словосочетание *бурганнай бээр* ‘стать богом’ используется для иносказательного выражения смерти. И связывается с конечным местом, в котором человек упокоится:

— *Ам баар чери дээрге, ам келир үеде болза шупту ындыг шээй бис, хар-назын улгадырга бурганнаар бис дээр. Бурганнай бээрге, аппарып, чедирер чевег деп черни баар чери деп шаанда тывалар ынча деп чугаалаар.*

‘*Баар чери* ‘земля, куда уйдет’, так говорится о том, что все мы в будущем, когда придет старость, «станем богом» (т. е. умрем). В древности тувинцы говорили, что когда человек умрет, кладбище, куда положат человека, называли *баар чери*’.

Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жительница):

— *Кижичок апаарга хөөр үнер дивес бис, анаа чер үнер дээр бис.*

‘Когда человек умирает, в день похорон, мы не говорим «поехать на кладбище», мы говорим *чер үнер* ‘поехать на землю (место)’.’

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— *Кижини сөөлгү оруунче үдээр деп тургаш, орнукушудар чери база кол чери деп бодаар-дыр мен.*

‘Когда провожают человека в последний путь, когда хоронят, *орнукушудар чери* ‘место, где его положат’, я думаю, имеет большое значение’.

При всем этом богатстве представлений о земле как о родной, обладающей положительной энергией, лечебной и пр., все же распространилась, как мы уже сказали, практика землевладения, купли-продажи. И это вызывает обеспокоенность представителей старших поколений, в том числе людей, ведущих традиционный образ жизни — занимающихся животноводством. Это высказал наш респондент-животновод А. А. Хомушку. По его мнению, раньше никто не оформлял никаких документов на землю. Все просто знали, у данной земли есть хозяева, определенный аймак: «Мы все знали о том, что определенная земля той степи кому-то принадлежала: эта земля принадлежит Монгушам, та земля — Кызыл-оолов, а та земля — Соян Данзына. Никто туда не ходил пасти скот, кроме хозяев. Когда хозяев нет, никто даже не подходил к той местности». Сами тувинцы, вспоминает он, поклонялись земле: «Моя земля, мой край...», «Пусть мой скот благополучно умножается...», «Пусть мой скот благополучно переживет суровую зиму». Тот факт, что люди оформляют землю в собственность без соблюдения традиций прошлого, без оглядки на то, кто здесь жил, он считает «присвоением земли другого человека». И если уж оформлять документы, полагает он, то только на участки «своих предков».

Интересную историю приобретения земли рассказала наша коллега Ч. Х. Санчай, жительница г. Кызыла:

‘Моя бабушка живет в п. Иштии-Хем — в прекрасном таежном поселке, где я родилась. Примерно десять лет назад бабушка начала поднимать тревогу о том, что скоро у тувинцев не останется своих земель. “Вдруг засаянские приезжие купят все земли, а мы, тувинцы, на своей земле не будем свободны, нельзя будет даже сено скосить”, — стала переживать она. Видимо это было связано с выходом закона, разрешающего оформлять земли под различные сельхознужды.

Она многих моих родственников сподвигнула на то, что мы, и я в том числе, городская жительница, оформили землю в долгосрочную аренду, на 49 лет. Была долгая процедура с обращением в администрацию в г. Шагонаре в нужную инстанцию о выделении земли для сельхознужд. Каждый оформил по 7 гектар в близлежащих притаёжных территориях п. Иштии-Хем с грандиозными планами косить каждое лето сено, потом — продавать. Моим родственникам, живущим в поселке, сено нужно всегда, потому что у них домашний скот. А мне? А я думала, что буду продавать сено со своего участка и на зиму с этих денег будем покупать *чиш* ‘мясо на всю зиму’.

Но ничего из этого не получилось. По документам земля так и числится до сих пор за мной. Оказалось, что негласно у каждого определенного кусочка земли есть тот, кто каждый год косит сено в одном и том же месте из числа постоянно проживающих в поселке. Выяснилось наличие негласных правил, которые регулируют сами жители этих мест. И я — городская — не могла ничего им предъявить, мои документы так и остались просто бумагой с печатью. Теперь я осознала, что напрасно занималась этим делом.

Позже были слухи, что некоторые люди, проживающие в иных местах, оспаривали эти территории, ссылаясь на то, что эти земли являются их родовыми местами.

Получается, что современные тувинцы знают, что просто так приехать и поселиться где угодно, где тебе захочется или нравится — не получится’.

Таким образом, родные, родовые земли продолжают сохранять большое значение для современных тувинцев, вплоть до того факта, что вопросы владения землей продолжают регулироваться представлениями местных жителей о том, кто является истинными хозяевами этих мест.

Ыдыктыг чер ‘святая земля’

Сильная эмоциональная привязанность к земле у тувинцев выражалась в представлениях о том, что земля не просто родная, а земля — это их мать — *чер-иел*. Именно так поэтически воспевае землю тувинцев М. Б. Кенин-Лопсан:

«Чер-ием! Бо болза тываларның черге чалбарган сүзүк сөзү. Өг орну, төрөөн чери, эрги хонаштар, төрөл аймааның шаг-шаандан бээр чурттап келген чери, мөчөөн кырганнарның сөөгүн салган чевеглер, аңнар турар тайгалар, мал өстүрер оदारлыг черлер, тараа тарыыр делгем ховулар тыва кижиниң бодалынга Чер деп ыдыктыг утканы илередип турар. Чер-кижиниң төрөөн иези, ынчангаш ыдыктыг черлеринге тыва кижичалбарып чоруур» (Кенин-Лопсан, 1994: 70).

«Земля — моя мать! Это заклинание тувинцев, освящающее землю. Место, где была юрта, родная земля, старые кочевья, земля, где испокон веков жила родовая группа, кладбища, где оставили тела умерших старейшин, тайга, где обитают дикие звери, пастбища для скота, широкие поля для выращивания хлеба, все эти понятия для тувинца равно как священная Земля. Земля — как мать, родившая человека, поэтому тувинец поклоняется священным местам»¹.

То есть понимание земли как о матери тесно связывалось со святостью. И, в основном, такое понимание сохраняется.

У. В. Ондар (1970 г. р., городская жительница):

— *Ыдыктыг дээрге тывалар көже берген болгаш төрүттүнген черинге чоок эвес апарган. Чогуз ам-даа дыка хөй улустар төрүттүнген черинге чурттавышаан, мал-маганнап чоруур улустар хөй, ол черлерин ыдыктыг чери деп адап болур. Ол улустарга аңаа чурттаары кол болуп турар.*

‘Священное место... это о том, что тувинцы переезжают, поэтому у них пропадает привязанность к месту, где они родились. Но многие люди до сих пор живут на том месте, где родились, занимаются скотоводством. Такие места можно назвать священным. Жизнь на данном месте важна для них’.

Представления о святости, особом уважительном, почтительном отношении выливаются в предписания, правила обращения с землей, обряды освящения, принесения разных жертвенных даров, поклонения. В первую очередь речь идет об обрядах *дагылга*, которые сегодня возобновились в Туве с новой силой. Современные вариации *дагылга* начали проводиться с 1990-х годов, но массовый характер и постоянные формы современный обряд приобрел с 2000-х гг. Вот уже почти два десятилетия тувинцы проводят его разными семейными, родственными группами (*Дагылга: тувинские ...*, 2021: 188). В дополнение к нашему обширному материалу о современных вариантах проведения *дагылга*, наши респонденты также делились своими примерами.

А. А. Хомушка (1969 г. р., животновод):

— *Бис болза дараазында чылда бүдүн аймак-биле саң салып, ол черниң ээлеринден чылдың-на диленип турар бис. Бо чүүлү бистиң ада-иевис шаг шаандан тура кылып, дагып турар, бис ону ам-даа кагбаан бис, чылдың-на шупту аймак чыгып келгештиң август айда төрөөн черивиске баргаштың сөгүрүп, диленип, дыка улуг саң салып, аштанып-чемненип, ойнаар бис, ам-даа бо үеге чедир салбаан бис. Кайы-даа төрелдеривис билир, кажан чоруур бис, сакты бердим төрөөн черивисти, кажан баар бис ол черже, көрүксей бердим, суун ижиксей бердим, агаарын тыныксай бердим, ол төрөөн черже чоруулуңар дей бээр.*

‘Мы каждый год родственной группой проводим обряд *саң салыр*, поклоняемся духам земли. Эту землю освящали наши родители с давних времен, эту традицию мы не бросили, до настоящего времени каждый год в августе всем аймаком собираемся, проводим масштабный священный обряд *саң салыр*, проводим пир, играем. Наши родственники все знают то место, сами спрашивают: когда поедем, я соскучился по родной земле, хочу увидеть, хочу попить воду, подышать воздухом, давайте поедем на родную землю’.

Т. К. Монгуш (1986 г. р., сельчанин):

— *Чүнү кылып чорааныл дээр болза эң-не бистиң кол амга чедир кылып чоруур чүүлүвүс өскен-төрөөн черин, өгбелерниң чер-чуртун болза дагып чоруур чаңчылывыс бар. Черни дагыыр, чер ээзин чемгерер, аңаа болза чалбарып тейлээр, сүзүглээр оон сүзүг алыр. Чер ээлеринге дериг дүңгүрлүг хам кижини алгаи, арыглаашкын кылып чалбарып тейлээр. Лама башкылар болза ном судур номчуур дээн ышкаш, ынчап кээрге черни колдуу дагып чоруур улус-тур бис. Чүге дагырыл дээрге? Келир үеде салгалы бо-даа үеде болза өг-бүлевис, чоок төреливис эки мандып амыдырап чурттазын дээш, аас-кежиктиг, өлчей-омактыг, кижик-чолдуг болзун дээш, бистиң аймаавыс дээш, черни ынчаар дагып чоруур.*

¹ Перевод Ш. В. Дамба.

‘Самым главным делом, которым тувинцы занимаются до настоящего времени, это поклонение, освящение родной земли. Проводят обряды освящения земли, дают “кормление” духам земли. Такой обряд проводят шаманы. Также и ламы проводят обряд освящения земли. Почему проводят такие обряды? Обряд проводят, чтобы будущее поколение, а также нынешние дети жили счастливо, в достатке и в благополучии’.

В последние годы в республике появились бесчисленные *оваа*, *субурган* ‘буддийские ступы’, возведенные в разных местностях, на дорогах, перевалах (Дагылга: тувинские ... , 2021: 7). И такие места современные тувинцы также считают священными¹, оставляя там специальные указатели и даже стихотворения (фото 1), не просто преклоняясь перед *оваа*, но и соблюдая правила трехкратного обхода *оваа* на коленях (фото 2).

Фото 1. Стихотворение, посвященное родной земле, на перевале Улуг-Арт ‘Большой перевал’ (Тес-Хемский район). Фото Ч. К. Ламажаа, 2019 г.²

Photo 1. A poem dedicated to native land, at the Ulug-Art Pass ‘Big Pass’ (Tes-Khemsy District).

Photo by С. К. Lamazhaa, 2019.

¹ См. телерепортаж: Тываның Улуг-Оваазының дагылгазы [Электронный ресурс] // ГТРК Тыва. 2017, 5 июня. URL: <https://youtube.com/watch?v=SHZ4I4MfMrc> (дата обращения: 05.11.2022).

² Дословный перевод:

Родная земля!

Видевшая луч золотого солнца

Скормленная молозивным молоком

Благодетельная моя родная земля

Как ясное небо моя Кара-Холь!

С самого раннего детства

Я плыл по твоим берегам

Очень красивая земля

Мне мила моя Кара-Холь.

Хоть я живу в чужбине

Горячо любимая моя

Ты мне снишься временами

Обворожительная моя Кара-Холь!

Фото 2. Обход оваа на коленях на перевале Улуг-Арт 'Большой перевал' (Тес-Хемский район).

Фото Ч. К. Ламажаа, 2019 г.

Photo 2. Kneeling circumambulation of the ova at the Ulug-Art Pass 'Big Pass' (Tes-Khemsy District).

Photo by C. K. Lamazhaa, 2019.

Святость земли, как мы уже сказали, обусловила появление целой системы норм обращения с ней — правил и запретов. Среди них нам назывались:

- не засорять места, где добываешь мясо, рыбу, ягоды и орехи (Т. К. Монгуш, 1986 г. р., сельчанин);
- запрещено косить сено, пасти скот в определенных местах, которые относятся к территориям родов, семей (Н. Ч. Дамба, 1960 г. р., городская жительница);
- на истоке аржаана¹ запрещается умываться, мусорить, нельзя мыть посуду (Н. Ч. Дамба, 1960 г. р., городская жительница);
- нельзя плевать на землю — это признак ссоры (Н. Ч. Дамба, 1960 г. р., городская жительница);
- нельзя опираться о землю руками (Т. К. Монгуш, 1986 г. р., сельчанин);
- нельзя на долгое время оставлять открытую яму. Если выкопал яму, то ее нужно чем-нибудь прикрыть (Ш. В. Дамба, 1992 г. р., сельская жительница);
- в землю нельзя втыкать нож или что-то острое (Ш. В. Дамба, 1992 г. р., сельская жительница);
- нельзя просто так рубить дерево, так как все деревья вырастают из земли, они связаны с землей. Также нельзя менять течение реки, озера, они тоже берут начало из земли (Т. К. Монгуш, 1986 г. р., сельчанин);
- надо поклоняться духам земли на перевалах днем (ночью можно этого не делать) (Ш. В. Дамба, 1992 г. р., сельская жительница);
- придя в какую-то землю нужно побрызгать чай в четыре стороны — нужно сделать «кормление» духов той земли; костру тоже нужно дать подаяние (Ш. В. Дамба, 1992 г. р., сельская жительница);

¹ Аржаан — целебный источник.

— когда охотники собираются на охоту, не берут собой женщин. Также охотники не охотятся в священных местах (У. В. Ондар, 1970 г. р., городская жительница).

Эти и другие запреты также упоминаются в этнографической литературе. М. Б. Кенин-Лопсан перечисляет следующие правила по отношению к земле, *‘Шаанда шагда өгге чаш уруг төрүттүнерге, уруг сыртыын өг иштинге хензиг уургай каскаш, аңаа чалаар турган, ол чаңчыл чер биле кижиниң тудужун илередип турар. Черни үрөп-таалап болбас. Черден үнүп турар чечектерни чулары хоруглуг. Чечек биле чаш уругнуң куду акташ джир, ынчангаш шаандагы тывалар чечек чулбас сүзүктүг чораан. Черниң кырында дагларны, хемнерни, үнүштерни тыва кижини шагдан бээр хумагалап чораан’* (Кенин-Лопсан, 1994: 14) «Правильно говорят, что человек целиком слит с землей. Поэтому частицу пупка новорожденного ребенка и вслед закапывают в землю в его родной юрте. Земля есть, то место, где человек жил в течение периода до девятого отца. Человек не может покидать родное место, т. к. это место свято хранит останки отцов как колыбель» (Кенин-Лопсан, 2021: 70).

Почитание родной земли тесно связано с почитанием природных объектов, которые имеют природных духов. Это выливается также в ряд правил и запретов. Например, в Эрзинском районе исследователи зафиксировали интересные формы почитания природных объектов: а) обычай избегания называть их по имени, так как по имени к ним обращаются только в молениях; б) утреннее подношение первинки чая и вечернее подношение молока вечернего удою; в) моление к ним с просьбой присматривать за детьми и скотом; г) посвящение духу-хозяину скот определенной масти; д) восприятие в качестве любимого скота духов-хозяев местностей зверей необычного вида (альбиносов либо особо отмеченных) и отказ от охоты на них; е) традиция резать скот вдали от почитаемых мест и в местах, откуда они не видны и др. Так, например, в окрестностях Чыргал-Хаана скот режут в глубоком рву либо овраге (Локальные особенности ..., 2018: 151).

Обязательные правила при приезде на свою священную Монгун-Тайгу рассказала Л. Х. Иргит, почетная, член Союза журналистов России: «Наливаю из термоса в пиалу чай с молоком, и, как делали это предки, брызгаю им на четыре стороны света, шепча: “Мөңгүн-Тайгам, оршээ! Даг-Алтайым, оршээ!” “Монгун-Тайга, смилуйся! Алтайские горы, смилуйтесь!”»¹ (см. также: *фото 3*).

В настоящее время считается правильным соблюдать правила поведения на священных местах: не мусорить, соблюдать порядок, аккуратно разжигать костры только на специально отведенных местах (*фото 4*). Для этого на перевалах устанавливаются места отдыха, развешиваются правила².

Имеются случаи, когда на священных местах тувинская молодежь не соблюдает правила, и это стало настоящей социальной проблемой (*фото 5*). Как сказал шаман Лазо Монгуш, «в последнее время это место (гора Байза у села Ээрбек Кызыльского района. — Ш. М.) облюбовала молодежь для своих посиделок. Вид здесь открывается действительно великолепный», «Они перестали воспринимать это огаа как священное место. Здесь молодежь веселится, как сегодня говорят, “тусуются”, повсюду пластиковые стаканчики, бутылки. А ведь этому месту поклонялись наши предки. И это не дело, что молодежь этого не знает»³.

Мусор оставляют тувинцы и после фотосессий на священных местах (Ламажаа, Майны, 2020: 414). Но, можно отметить, что в последние годы тувинцы стали активно бороться с этим: неравнодушные активисты различных волонтерских объединений проводят экологические акции по очистке территорий священных мест⁴; специалисты Центра развития традиционной тувинской культуры

¹ Лидия Иргит. Сорок один камешек [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2016, 11 ноября. URL: <http://centerasia.ru/issue/2016/32/5310-lidiya-irgit.-sorok-odin-kameshek.html> (дата обращения: 05.10.2022).

² Ыдыктыг черлерни чаагайжыткан [Электронный ресурс] // Все новости Тувы. 2022, 3 мая. URL: <https://tmgnews.ru/medeeler/udyktyg-cherlerni-chaagajzhytkan/> (дата обращения: 05.11.2022); Аржаанчылар ыдыктыг черлерин чаагайжыткан [Электронный ресурс] // Все новости Тувы. 2022, 6 мая. URL: <https://tmgnews.ru/medeeler/arzhaanchylar-udyktyg-cherlerin-chaagajzhytkan/> (дата обращения: 05.11.2022).

³ В Туве на священной горе Байза у села Ээрбек возобновлен ежегодный обряд освящения огаа [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2019, 17 июня. URL: <https://tuvaonline.ru/2019/06/17/v-tuve-na-svyaschennoy-gore-bayza-u-sela-eerbek-vozobnovlen-ezhegodnyu-obryad-osvyascheniya-ovaa.html> (дата обращения: 05.10.2022).

⁴ МГЕР Республики Тыва очистила священное место «Бурган изи» [Электронный ресурс] // МГЕР. 2019, 17 августа. URL: <https://mger.ru/novosti/regiony/2455-mger-respubliki-tyva-ochistila-svyashchennoe-mesto-burgan-izi/> (дата обращения: 05.10.2022).

3

Фото 3. Окропление четырех сторон света молоком из тос-карак 'девятяглазки' уроженкой Тес-Хемского района А. М. Ламажаа на перевале Калдак-Хамыр (Тес-Хемский район Тувы). Фото Ч. К. Ламажаа, 2019 г.

Photo 3. Sprinkling of the four cardinal directions with milk from the tos-karak 'nine-eyed' by a native of Tes-Khemsy District A. M. Lamazhaa at the Kaldak-Khamyr Pass (Tes-Khemsy District of Tuva). Photo by C. K. Lamazhaa, 2019.

Фото 4. Билборд с обращением ко всем путникам на русском и тувинском языках на перевале Калдак-Хамыр (Тес-Хемский район Тувы)¹. Фото Ч. К. Ламажаа, 2019 г.

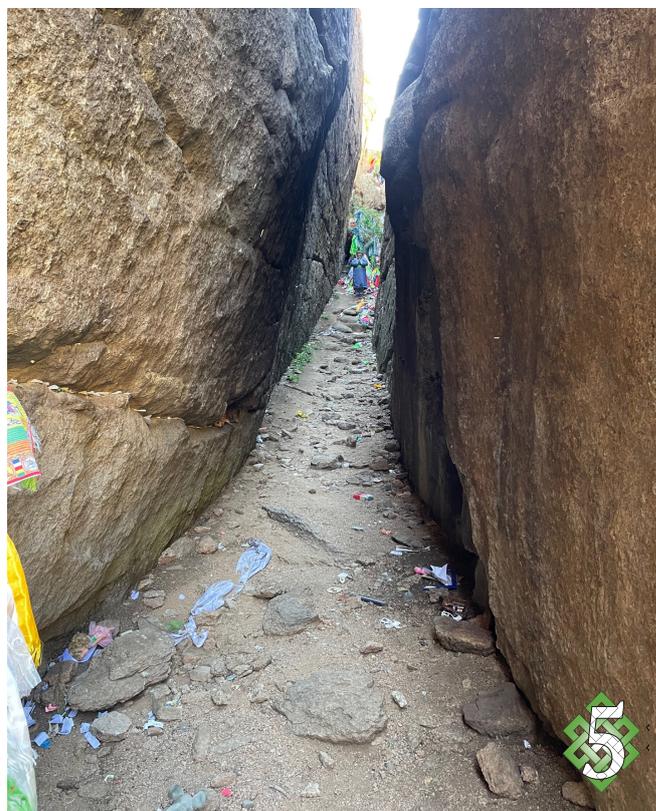
Photo 4. Billboard with an appeal to all travelers in Russian and Tuvan languages at the Kaldak-Khamar Pass (Tes-Khemsy District of Tuva). Photo by C. K. Lamazhaa, 2019.

Фото 5. Мусор, оставленный паломниками горы Кежеге (Эрзинский кожуун). Фото С. М. Азыраа, 2022 г.

Photo 5. Garbage left by pilgrims on the Mount Kezhege (Erzinsky kozhuun). Photo by S. M. Azyraa, 2022.

4

5

¹ На билборде перевал назван Чаа-Оваа.

и ремесел проводят просветительские лекции, «прямые эфиры» на официальных страницах в социальных сетях «ВКонтакте» и др., т. е. через онлайн-пространство, которое для тувинцев стало хорошо освоенным (Ламажаа, 2021a), выездные методические семинары, культурные программы для ознакомления с традиционными обрядами, особенностями их проведения и правилами¹ и пр. Как мы могли наблюдать, на обрядах дагылга сбор и вывоз мусора после всего мероприятия является строго обязательным правилом (Дагылга: тувинские ..., 2022: 24, 35, 43, 65, 71).

Так, представления тувинцев о святости «своей» земли сохраняют свою актуальность и, очевидно, это связано с общим процессом религиозного возрождения в Туве. Старшее поколение без различия по месту проживания при поддержке официальной культурной политики республики стараются транслировать традиционные ценности земли. Но в плане ежедневного экологического, бережного отношения самих же тувинцев к своей земле, к природе есть проблемы, связанные прежде всего с молодежью. Активистам приходится бороться с этим разными способами. Проблема бережного отношения к священным местам остается открытой, но мы наблюдаем существенный прогресс в чистоплотности у жителей республики по отношению к святым местам.

Өске чер ‘чужая земля, чужбина’

Другой стороной представлений о земле исхода, о *төрээн чер* ‘родной земле’, являются представления о чужой земле — *өске чер*. Это различие становится важным, когда сам тувинец оказывается на новом месте, в чужом доме, в чужих краях, в новой семье, даже в новом рабочем коллективе, или когда он принимает незнакомого тувинца.

Так, общая идентификация тувинца начинается с места его происхождения. У каждого новичка обязательно спросят: «*Кайыын силер, кайы кожуун азы хоорайдан силер?*» — «Откуда вы родом, из какого вы района или города?»

Животновод А. А. Хомушку поделился рассказом своей матери, которая всегда интересовалась у своих гостей, откуда они пришли, куда идут и какая их земля:

— *Шаандан тура мен өгге өскен болгаш мээң авам мынча дээр турган: “Кайы чер чедериң ол? Кайы черден келдиң?” деп ынчаар айтырар турган бисти. Оон аалчылар суг кээрге: “Экии! Солунуңну, ол чер-чуртуңар кайы-хире тур? Кайы черден келдиң? Кайы чер бар чыдыр сен?” деп ынчаар айтырар турган. Бистиң бо үеге дээр чугаалап турары болза “чер” дээрге дыка уткалыг. Улустар шаанда тывалап мынчаар чугаалаар чорааннар “Ол черден келдим. Ол черже бар чыдыр мен”.*

‘С самого детства я вырос в юрте и я помню, как мама спрашивала: “Ты куда собираешься?” (досл. ‘В какое место (какую землю) собираешься идти?’). Откуда ты пришел?). Когда приходили гости, спрашивала их таким образом: “Здравствуйте! Как интересно, как вам на вашей земле? Ты откуда пришел? Ты в каком направлении идешь?” До настоящего времени можно сказать, слово *чер* ‘земля’ имеет большое значение. В прошлые времена тувинцы говорили: “Пришел с той земли. Направляюсь к той земле”.

Различение тувинцев по землям происхождения также было связано с общественными стереотипами, в которых выражались отношения родственных, земляческих групп тувинцев друг к другу (Ламажаа, 2013: 194–195).

О теме разделения среди районов Тувы, а также как жители дальних районов различают себя от других жителей рассказала У. В. Ондар (1970 г. р., городская жительница):

— *Совет үеде тывалар дыка аңгылажыр турган: хемчик чурту, улуг-хем чурту дээш, ам-даа ындыг. Мээң эжим бар Улуг-Хем чурттуг, ажыл аайы-биле ырак өске-өске кожууннарга чеде бээрге, чижээ Эрзинге чурттап чеде бээрге, Эрзин чурттуг улустар эжимни хемчиктер деп багайтыр кылдыр адаар боор, дыка солун. Ам Кунгуртугга ажылдап чеде бээрге, Кунгуртуг чурттуг улустар шупту өске тываларны шуптузун хемчиктер дээр. А боттарын тывалар дээр, чүге дизе Кунгуртуг чону саны хөй эвес, боттары ырак, аңгы чурттап турар.*

‘В советское время тувинцы были не очень дружными, различались между собой так: из хемчикской земли, из улуг-хемской земли. В настоящее время такое поведение у тувинцев все еще отмечается. Моей подруге из Улуг-Хема, по работе приходилось жить в разных районах. Например, когда она жила в Эрзине,

¹ Центр тувинской культуры [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры (официальная страница). ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tuvacenter> (дата обращения: 05.11.2022).

местное население обзывали ее “хемчиком”. Когда она уехала жить в Кунгуртуг, то народ Кунгуртуга всех приезжих тувинцев называли “хемчиками”. Сами себя они называют тувинцами, это из-за того, что местное население отдаленно проживает от других районов Тувы, численность у них небольшая’.

О том же говорил нам А. Н. Амбаржи (1984 г.р., сельская жительница):

— *Тожуда чурттап чоруур улус тывалар болур, а даг ашкан улусту хемчиктер дээр. Өгбелерниң чугаазы-биле Каа-Хем кожуунуң тывалары база Тожуга хамааржыр турган.*

‘Тоджинцы считают себя тувинцами, а тех, кто приехал из-за гор, они считают хемчиками. По словам предков, тувинцы Каа-Хемского кожууна тоже относились к тоджинцам’.

По словам моего мужа К. Н. Кара-Сал (1992 г.р., горожанина), *өске чер* ‘чужая земля’ имеет значение при заключении браков, создания семей. По его убеждению, которое является достаточно типичным, в жены или мужа надо брать тех людей, которые родом из одного села, города, района или близлежащих районов Тувы. Например, молодым людям из западных районов надо брать хемчикских (тоже из западных) невест. И тогда у них будет много общего в воспитании, в семейных обрядах и т. д. Семьи, созданные из представителей разных районов, например, западных и южных районов, конечно же есть. Но супруги, а особенно их родственники, могут понимать, что они — разные. Хотя, разумеется, нынешние молодые люди, выросшие в городских условиях, эту разницу ощущают меньше.

Географическое выделение другой земли, другого пространства сохранило традиционную эмоциональную трактовку (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 29) — это не просто земля малоизвестная, там не только чужие люди, иные тувинцы, но это порой даже вредная земля. Поэтому наши респонденты считают, что если они вернутся в свои родные места, родные кожууны, села, то обязательно им там будет хорошо, стабильно, устойчиво, так же, как это считали их предки (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 37).

Н. Ч. Дамба (1960 г. р., городская жительница):

— *Тес-Хем кожуунга чурттап өскен болгаш, кырып келгеш, ынаар чоруптар болзумза база ажырбас. Анаа ынчаар бодаарымга, черле кижиниң чурттап өскен чери база эргим, кайнаар-даа чорупкаш, черле сакты бээр мен. Сагымжымга даглар кирер, кижиниң эштери база эндерик, дөргүл-төрели база хөй. Оларның аразынга кижидун эки кылдыр алыр деп бодаар чордум. Мээң ажы-төлүм, уругларым болза улуг хоорайларга өөренип калган, дыңнаарымга-ла, бирээзи Москвага чурттаксаар, бирээзи өске бир улуг хоорайга, даштыкыга чурттаксаар дээш, ындыг болуп турар. Ам кижидун улгады бээрге, дөмей-ле оларның күзелдери база солчуп турар болгай. Мен болза өскен төрөөн черим Тес-Хем кылдыр санап турар мен. Тес-Хемге черле кандыг-даа кожуун, кайы-даа кожуундан улустар кээп чурттай бээр чүве ийин, чурттай бергеш база ол черин, төрөөн чери кылдыр санай бээр.*

‘Я выросла в Тес-Хемском районе, могу вернуться туда в старости лет. Если подумать, то место, где вырос человек, очень для него дорог и в другом месте скучаешь по родной земле. Вспоминаю горы, друзей, родственников. Среди них, я думаю, буду чувствовать себя хорошо. Мои дети привыкли жить в больших городах, одна говорит, что хочет жить в Москве, другая — в другом городе, за границей. Чем человек старше становится, то и желания меняются. Я считаю своей родной землей — Тес-Хем. В Теме-Хеме проживают разные люди, из других районов, они начинают считать Тес-Хем родной землей’.

Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жиительница):

— *Төрөөн черимче чурттап чоруксаар чордум. Чуртталгада хамык чүүл бергедей бээр болза, төрөөн черимче чана бээр болзумза, шупту чүүл экижий бээр деп бодаар чордум. Ажылды тып алыр мен, төрөөн төрелдерим чанынга, төрөөн черим меңээ күштү бээр. Оон улус деткиир база деп бодаар мен. Ажыл чокка артса каттап, аңнап, тооруктап алыр, мыйыстаар бис, ам черден амыдырап чоруур улус ышкажыл бис.*

‘Я иногда хочу уехать жить в свою родную землю. Быть может, вдруг в жизни все становится очень трудно, мне кажется, что если я вернусь в свой родной кожуун, то все будет налаживаться, все будет хорошо. Могу найти работу, буду рядом с близкими. Родная земля даст мне сил. Думаю, что люди будут поддерживать меня. Если не будет работы, то можно пойти за ягодами, охотиться, собирать орехи, панты марала, так и жили люди, добывая все необходимое от земли’.

Особенно эмоционально тему возвращения домой из чужбины описал наш респондент-животновод А. А. Хомушку:

— *Мен бо назынымда кайнаар-даа барып каапкан мен, кайы-даа хоорайны кезип каапкан мен, кайы-даа чуртче барып каапкан мен. Тыва ышкаш эргим, арыг агаарлыг, арыг суглуг чер тыппас чордум. Кижидун өске*

чуртка баргаи, Тываның агаарын, суун дораан сактып келир. Чижээ, мени өске чуртка чуртта дээр болза, чурттап-даа шыдавас мен, чүге дизе Тыва дээрге кижиниң дыка эргим чери шээй. Соңгаар өөренип чорааш-даа болза, улуг хоорайга тыва кижини көрүп кааш, дыка амыраар, дөргүл-төрөл ышкаш чугаалажыр. Улуг хоорайларга чурттап, өөренип чорааш кижини Тывазын дыка сактыр. Мээң сактырым болза, Санкт-Петербург хоорайдан ужупкаш, Абакан хоорайга ужуп келирге, Хакасия безин төрөөн чер ышкаш апаар, кижини чоргаарланып, сула салдыныттар. Тывага чедип келирге, агаары бир аңгы, чону бир аңгы, ижер суу бир аңгы. Мен бодаарымга, соңгаар чурттап чоруур тывалар Тывазын дыка сактып чоруур деп бодаар мен.

‘В этой жизни где только я не бывал, объездил разные города, побывал в других странах. Нигде не встретил такую землю, как родная Тува с чистым воздухом, с кристальной водой. Находясь в другой стране, человек вспоминает воздух, воду Тувы. Например, если скажут, чтобы я жил в другой стране, я не могу, потому что Тыва – дорогая сердцу земля. Когда учишься за пределами республики Тыва, в большом городе увидев тувинца, очень радуешься, как будто встретил родственника. Когда учишься в больших городах, то очень скучаешь по родной Туве. Как я помню, когда вылетаешь из Санкт-Петербурга и приземляешься в Абакане, то даже Хакасия становится тебе родной землей, человек начинает гордиться, даже немного распускаешься. Когда приезжаешь в Туву, воздух особенный, народ уникальный, и вода необыкновенная. Мне кажется, что тувинцы, которые живут в других городах, они очень скучают по родной Туве’.

Частицы родной земли даже могут выступать лекарственным средством, и это убеждение подкрепляется мнением шаманов, которых тувинцы слушались всегда, даже в советские годы. Такую историю нам поведала У. В. Ондар (1970 г. р., городская жительница):

– Авам дуңмам Аржаананы божааш, дыка коргунчуг аараан. Эмчилер безин эмневес бис дээн. Авам өлүг-биле диригнин аразынга турган. Ачам партия ажылдакчызы турган. Ол үеде хамнарны чажырар турган. Эмчилер авамны эмнеп чадап каан. Авам ол үеде 36 харлыг турган. Оон ачам хам чалап эккелген. Бисти бичии уруглар турбас дээш, үндүрүпкен. Ооң соонда авам, ачамның чугаазын аңаа дыннаан мен. Хам авамны хамнап-хамнап, ачамга мынча дээн: «Өөңер иштиниң төрүттүнген черинде суг бар, ол суг бажындан аңгы-аңгы өңнерлиг даштарны эккелер» дээн. Оон ачам ол хамның чугаалааны ышкаш чеде бээрге, шынап-ла, бичии дамыракчыгаиш бар болган. Оон ол дамырактан хамның чугаалааны ышкаш даштарны алгаиш, эккеп берген. Хам ашак ол даштар-биле езулал кылгаиш, кара эмнер берип каан. Авам оон сегип үнүп келген.

‘Когда мама родила мою сестру Аржаану, то сильно заболела. Даже врачи отказались от нее. Она должна была вообще умереть. Мама находилась между жизнью и смертью. Папа был партийным работником. В те времена шаманизм не одобряли в обществе, поэтому шаманы прятались. Врачи не смогли вылечить маму. Маме тогда 36 было. Тогда папа пригласил шамана. Нам сказали, чтобы мы вышли из дома, детям видеть такое было запрещено. После этого я слышала, как мама и папа говорили о том случае. Шаман, проведя обряд, сказал папе: “На той земле, где родилась ваша жена, есть река, из истоков той реки, принесите разноцветные камни”. Как сказал шаман, папа отправился к тому месту, там действительно была речка. Он собрал разноцветные камни, как сказал шаман. Проведя с этими камнями обряд, шаман дал маме природные снадобья¹. С их помощью мама выздоровела’.

Помимо того, что сами тувинцы различают земли на «свои», «родные» и «чужие», есть представления о том, что такое же различие делает сама земля, точнее — духи земли. Которые тем или иным образом демонстрируют свое различие, влияют на людей, заставляют их, например, болеть на чужой земле.

О другой земле как не особо дружелюбной, даже вредной для здоровья, рассказала Ш. В. Дамба (1992 г. р., сельская жительница):

Өске чер деп сөске мен чижек кылдыр өөм ээзиниң чуртунга аалдап чеде бергеиш, аарыыр турган мен, оон чорупкаш анаа апаар мен. Меңээ ол өске чер болуп турар-дыр.

‘Говоря о чужой земле, я могу привести пример. Когда мы приезжаем в гости к родственникам мужа в их район, то я всегда болею. И когда мы уезжаем оттуда, то мне становится хорошо. Думаю, что это для меня өске чер ‘чужая земля’.

Родная земля также «гневаается» на чужих, считают тувинцы. Так, рассказывала руководитель сельхозуправления Монгун-Тайгинского района И. Т. Тондар:

¹ Кара эмнер досл. ‘черные лекарства’.

«Монгун-Тайга притягивает к нам людей со всех концов света, кто только не оказывался на ее вершине. В мае альпинисты устраивают у подножия свои сборы и готовятся к восхождению в честь Дня Победы. А у нас в это время окот скота, мы молимся на хорошую погоду. Особенно для коз важна температура воздуха, плохо, когда резко меняется погода. Но как только начинаются эти майские восхождения, вершина затягивается облаками, начинает крутить ветер и обязательно принесет нам ненастье. Гневится хозяйка»¹.

По сведениям эрзинских тувинцев, на ритуальных сооружениях *оваа*, находящихся на других территориях вне их родовых гор, они не подносят первинки еды и питья. Рассказывают даже, что если обряд поклонения горам и водам (изначально родовым) проведет лама из другой местности, то после такого обряда не выпадет благодатный дождь. Кроме того, духи-хозяева местности не только наказывают провинившихся, но и оказывают покровительство и помощь людям (Локальные особенности ..., 2018: 157).

«Свое» пространство, своя родная земля осмысливается как место, где обитают родные, близкие, к этому родному месту тувинец (сельчанин ли горожанин) испытывает устойчивые положительные чувства, сильную привязанность. Более того, родная земля наделяется целебными свойствами и также умением различать «своих» и «чужих» (особенно если последние совершают действия, которые нарушают привычный ритм жизни).

Заключение

Наши наблюдения, публикации в СМИ, материалы наших интервью показывают, что представления у современных тувинцев преимущественно зрелого, старшего возраста о земле, с одной стороны, заметно расширились в связи с изменениями жизни их предков, родителей, нынешней ситуации. *Төрээн чурт* 'родная земля, Родина' может трактоваться расширительно в зависимости от угла взгляда за пределами республики. Но в пределах самой Тувы тувинцы всегда помнят о местах исхода своих предков. Интересно то, что кызылское общество в этом смысле явно представляет собой «концентрированную» Туву в миниатюре, так как практически все они являются выходцами из самых разных районов, и самое главное — помнят об этом, и передают эту память своим детям.

С другой стороны, животноводы и сельчане помнят, что тувинцы, даже оставшиеся в местах проживания предков, оставшиеся заниматься животноводством, не просто живут на одном месте — они постоянно перекочевывают. Так, трактуя землю как родную, сельчане, и горожане дополняют это представление ее характеристикой как земля-кормилица. Рассуждая о местах упокоения, современные тувинцы дали также схожие мнения, что их родные люди старшего возраста просят захоронить их на местах, где они родились и жили. Различение тувинцев по землям происхождения, разделения среди районов Тувы отмечают все респонденты.

В общественном дискурсе в качестве нормативных предписаний сильны традиционные представления о святости земли, о том, как соответственно тувинцы должны относиться к ней, преклоняться и соблюдать заповеди предков. Тем не менее, современная жизнь с ее новыми правилами, в том числе и по поводу возможностей владеть землей, также делают возможным распространение прагматического отношения к земле как к объекту личного владения.

Благодарности

Благодарю коллег по лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ за обсуждения текста, за совместный сбор информации; Ч. К. Ламажаа — за научное руководство всем проектом и данным исследованием; Ш. В. Дамба, Ш. Ю. Кужугет — за помощь в переводах и редактировании переводов тувинских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1: Очерки истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО. 420 с.

¹ Арина Лопсан. Храм чабана [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2012, 21 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2012/50/4465-khram-chabana.html> (дата обращения: 05.10.2022).

Белокурова, С. М., Мушникова, Е. А. (2018) Концепт «Родина» в монгольской лингвокультуре // Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая / отв. ред. Н. Г. Барышникова и др. Барнаул : Алтайский дом печати. 162 с. С. 17–23.

Бороноева, Д. Ц. (2011) Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. Т. 319. № 6. С. 186–190.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Издательство Восточной литературы. 218 с.

Гымпилова, С. Д. (2022) Концепт *родина* в эпических произведениях бурят // Эпосоведение. № 1 (25). С. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.25587/a8206-1785-8755-m>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Джамбаева, Ж. А. (2010) Концепт *родина* в языковом сознании славяноязычных казахстанцев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 6. С. 140–146.

Драчева, С. И., Тозьякова, Е. А., Юрченко, Т. Н. (2015) Концепт «Родина» в языковом сознании алтайцев (на материале поэзии Э. М. Палкина) // Научные исследования: от теории к практике. Т. 2. № 4 (5). С. 120–123.

Есенова, Т. С. (2009) Лингвокультурный концепт «Родина» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. № 3 (31). С. 37–44.

Есенова, Т. С. (2012) Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста : Издательство Калмыцкого университета. 160 с.

Есмурзаева, Ж. Б. (2009) Ядерные смыслы концепта *родина* (по данным лексикографических источников) // Личность. Культура. Общество. Т. 11. № 3 (50). С. 475–480.

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / под ред. Н. Б. Кошкарёва, Е. В. Тютешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тыва чоннун бурунгу ужурлары [Древние тувинские народные порядки]. Кызыл : Новости Тувы. 192 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев: пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев: пер. с тув. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы» ; Тувинское книжное издательство. 248 с.

Кужугет, Ш. Ю. (2021) История родственной группы кужугет из Барун-Хемчикского района Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.3>

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2020) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина (исследования и полевые материалы) (2018) / отв. ред. М. М.-Б. Харунова, С. Чулуун. Красноярск : ООО «Знак». 392 с.

Монгуш, А. А., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2(40). С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Пименова, К. В. (2006) Сакральные места долины р. Верхний Ишкин (Тува): локальный фольклор и традиции поклонения // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2004 г. / отв. ред. З. П. Соколова. М. : Наука. 302 с. С. 96–112.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 402 с.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука. 538 с.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 3-е изд. 992 с.

Сундуй, Г. Д. (2014) Роль народных совестливых установок в духовно-нравственном формировании личности // Вестник Бурятского государственного университета. № 1 (1). С. 43–46.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э.Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Хомушку, А. В. (2018) Концепт «Родина» в тувинских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы V-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Кызыл, 26–29 июня 2018 г.) / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Тувинский государственный университет. 235 с. С. 27–29.

Дата поступления: 15.01.2023 г.

Дата принятия: 05.02.2023 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov M. S. (1999) *Formirovanie etnopoliticheskoi situatsii [Shaping the ethnopolitical situation]*. Moscow, Center for the Study of Interethnic Relations RAS. Vol. 1: Ocherki istorii postsovetskoi Tuvy [Essays on the history of post-Soviet Tuva]. 420 p. (In Russ.).

Belokurova, S. M. and Mushnikova, E. A. (2018) Kontsept «Rodina» v mongol'skoi lingvokul'ture [The concept "Homeland" in Mongolian linguoculture]. In: *Lingvokul'turologicheskii podkhod v kontekste razvitiia transgranichnogo sotrudnichestva Bol'shogo Altaia [Linguoculturological approach in the context of the development of cross-border cooperation of the Greater Altai]* / ed. by N. G. Baryshnikov et al. Barnaul, Altaiskii dom pechati. 162 p. Pp. 17–23. (In Russ.).

Boronoeva, D. Ts. (2011) Kontsept «Rodina» v ideologii i praktike buriatskikh diaspor [The concept "Homeland" in the ideology and practice of Buryat diasporas]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 319, no. 6, pp. 186–190. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy: istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Gympilova, S. D. (2022) Kontsept rodina v epicheskikh proizvedeniiakh buriat [The concept of homeland in the epic works of the Buryats]. *Epic Studies*, no. 1 (25), pp. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.25587/a8206-1785-8755-m>

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Dzhambaeva, Zh. A. (2010) Kontsept rodina v iazykovom soznanii slavianoiazychnykh kazakhstanstsev [The concept of homeland in the linguistic consciousness of Slavic-speaking Kazakhstanis]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 6, pp. 140–146. (In Russ.).

Dracheva, S. I., Tozyiakova, E. A. and Yurchenko, T. N. (2015) Kontsept «Rodina» v iazykovom soznanii altaitsev (na materiale poezii E. M. Palkina) [The concept of Homeland in the language consciousness of the Altaians (based on the poetry of E. M. Palkin)]. *Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike*, vol. 2, no. 4 (5), pp. 120–123. (In Russ.).

Esenova, T. S. (2009) Lingvokul'turnyi kontsept «Rodina» v iazykovom soznanii russkikh i kalmykov [The linguistic and cultural concept of Motherland in the language consciousness of Russians and Kalmyks]. *Gumanitarnye issledovaniia*, no. 3 (31), pp. 37–44. (In Russ.).

Esenova, T. S. (2012) *Ocherki po lingvokul'ture kalmykov [Essays on the linguistic culture of the Kalmyks]*. Elista, Kalmyk University Press. 160 p. (In Russ.).

Esmurzaeva, Zh. B. (2009) Iadernye smysly kontsepta rodina (po dannym leksikograficheskikh istochnikov) [Nuclear meanings of the concept of homeland (according to lexicographic sources)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 11, no. 3 (50), pp. 475–480. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [Living space and spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] (2021) / ed. by N. B. Koshkarev and E. V. Tiunteshev. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Tuva chonnuң burungu uzhurlary [Traditional ethics of Tuvans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 192 p. (In Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy ; Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) *Istoriia rodstvennoi gruppy kuzhuget iz Barun-Khemchikskogo raiona Tuvy [The history of the kinship group of Kuzhuget from the Barun-Khemchik District of Tuva]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 31–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.3>

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Publishing House “Librokom”. 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2020) *Edinstvo i svoeobrazie sovremennykh etnicheskikh kul'tur narodov Tsentral'noi Azii: tri issledovatel'skikh problemnykh polia [Unity and uniqueness of contemporary ethnic cultures of Central Asia: Three research problem fields]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) *Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]*. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]*. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p.

Lokal'nye osobennosti traditsionnoi kul'tury zhitelei Erzina (issledovaniia i polevye materialy) [Local features of the traditional culture of the residents of Erzina (research and field materials)] (2018) / ed. by M. M.-B. Kharunova and S. Chuluun. Krasnoyarsk, OOO “Znak”. 392 p. (In Russ.).

Mongush, A. A. and Bavuu-Syuryun, M. V. (2020) *Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornykh tekstakh tuvinskikh pisatelei [Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers]*. *Iazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 2 (40), pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Pimenova, K. V. (2006) *Sakral'nye mesta doliny r. Verkhonii Ishkin (Tuva): lokal'nyi fol'klor i traditsii pokloneniia [Sacred places of the Upper Ishkin River Valley (Tuva): Local folklore and traditions of worship]*. In: *Polevye issledovaniia Instituta etnologii i antropologii. 2004 [Field research of the Institute of Ethnology and Anthropology. 2004]* / ed. by Z. P. Sokolova. Moscow, Nauka. 302 p. Pp. 96–112. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Prokofieva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The process of national consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2014) *Rol' narodnykh sovestlivykh ustanovok v dukhovno-nravstvennom formirovanii lichnosti [The role of folk conscientious settings in spiritual and moral formation of personality]*. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (1), pp. 43–46. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world] (1988) / E. L. Lvova, I. V. Oktiabrskaya, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Khomushku, A. V. (2018) Kontsept «Rodina» v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [The concept of Homeland in Tuvan proverbs and sayings]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altai* [Actual problems of research of ethnoecological and ethno-cultural traditions of the peoples of the Sayano-Altai] : Proceedings of the 5th International science-to-practice conference of young researchers, postgraduates and students (Kyzyl, June 26–29, 2018) / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University. 235 p. Pp. 27–29. (In Russ.).

Submission date: 15.01.2023.

Acceptance date: 05.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.4

Статья

Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв.

Шенне Ю. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируется тема отношения тувинцев к земле, которая менялась на протяжении XX–XXI вв. Источниками исследования выступили наиболее характерные произведения тувинской художественной литературы разных лет: романы классика тувинской литературы — Народного писателя Тувы М. Б. Кенин-Лопсана «Чылгычының өө» («Юрта табунщика», 1980), «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки», 1984), «Азаның бичези кончуг» («Младший чертенок», 1989), «Алдын чүрек» («Золотое сердце», 1992), «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка», 2000), а также Народного писателя Тувы Н. Ш. Куулар «Муңгаштаптаан муңчулбас ыр» («Непрегражденная неунывающая песня», 2018).

Встречающиеся в произведениях аспекты, связанные с трактовками земли, которые имеют особенности в связи с определенными историческими событиями, процессами, делятся на три большие темы: связь с землей, тема потерянной земли и новое в представлениях о земле.

Этнограф и писатель М. Б. Кенин-Лопсан показывал представления тувинцев о том, что она священна, что ее надо знать, быть связанным и пр. Он поднимал и вопросы воспитания чувства любви к родным местам, и обязательств человека перед ними. События XX в. сделали для тувинцев остро актуальной тему потери родных земель, насильственного расставания с ней, разрывов связей, что также показывает Кенин-Лопсан.

Н. Ш. Куулар в своем романе показывает жизнь тувинцев уже начала XXI в. Он рассмотрел сразу несколько вопросов: тему забвения родных мест, массовой миграции в Кызыл, ностальгии по Туве в зарубежных поездках, земляческих объединениях студентов и приобретения тувинцами земли.

В работе в подтверждение приводятся цитаты из произведений на тувинском языке с авторскими переводами на русский язык.

Ключевые слова: тувинцы; концепт культуры; родная земля, тувинская литература; художественное средство; Тува; история Тувы

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Кужугет Ш. Ю. Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7(923) 388-69-99. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

KUZHUGET, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7(923)388-69-99. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3507-3053

Article

Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the attitude of the Tuvans to the earth. It was changing throughout the 20th–21st centuries. The sources of the research were the most significant Tuvan fiction works published in different years: novels by the classic Tuvan author, the People's Writer of Tuva M. B. Kenin-Lopsan ("Chylgychynun Өө" / "The Yurt of a Horseherd", 1980; "Kyrgan-avai Өpei yry" / "Grandmother's Lullaby", 1984; "Azapun, bichezi konchug" / "The Younger Imp", 1989; "Aldyn chыrek" / "The Golden Heart", 1992; "Chitken urug" / "The Disappeared Girl", 2000), as well as a work by the People's Writer of Tuva N. Sh. Kuular ("Muңgashatpaaп туңчулbas yr" / "Uninterrupted Cheerful Song", 2018).

In these literary writings, we can find aspects related to interpretations of the earth. They have different features in connection with certain historical events and processes. These aspects can be divided into three major themes: connection with the earth, the theme of the lost earth and new beliefs about the earth.

The ethnographer and writer M. B. Kenin-Lopsan represented the beliefs of the Tuvans that the earth is sacred and we should acquire knowledge about it and be connected with it, etc. He also raised issues of fostering a sense of love for native places and of our obligations to homeland. As Kenin-Lopsan demonstrates, the events of the 20th century made the topic of the loss of native lands, forced separation from them and breaking ties especially relevant for the Tuvans.

In his novel, N. Sh. Kuular describes the life of the Tuvans in the early 21st century. He covered several issues at once: the topics of the oblivion of native heath, mass migration to Kyzyl, nostalgia for Tuva during foreign trips, fraternal associations of students and acquisition of land by the Tuvans.

The article contains quotations from works in the Tuvan language and the author's translations of them into Russian.

Keywords: Tuvans; concept of culture; native land, Tuvan literature; artistic device; Tuva; history of Tuva

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Kuzhuget Sh. Yu. Otnoshenie tuvintsev k zemle v tuvinskoj literature XX–XXI vv. [Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Введение

Повседневная хозяйственная жизнь тувинцев до XX в., преимущественно кочевников-животноводов, проходила в природной среде, поэтому тувинцы чувствовали с ней тесную связь, не мыслили себя вдали от земли, которую считали родной. Понятие *чер* 'земля' (и ее вариант *төрээн чер* 'родная земля') мы рассматриваем как один из важнейших концептов тувинской культуры (Тувинцы. Родные люди, 2022: 83). О значении Родины, которую тувинцы также называли *төрээн чурт* 'родная сторона/страна' писал М. Б. Кенин-Лопсан: «Кижиниң-даа салымы, куштуң-даа салымы бир дөмей, уругларым. Кижидеа төрээн чурттуг, куш-даа төрээн чурттуг. Кижидеа төрел уктуг»¹ — 'Судьба человека и даже птиц одинаковая, мои дети. У человека есть Родина, даже у птиц есть Родина'². То есть *чер* 'земля' или *чурт* 'страна' всегда воспринимались эмоционально, как связанные родственными узами с людьми и чаще всего выступали в словосочетании со словом *төрээн* 'родной'. И родная земля/страна наряду с родным языком (*төрээн дылы*) и родными, близкими людьми (*төрел чону*) считалась одним из трех камней очага (*ожук*), т. е. святынями жизни тувинцев (Кенин-Лопсан, 2006: 153).

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. (На тув. яз.).

² Переводы на русский язык там, где не указан авторский перевод, выполнены нами. — III. К.

XX век изменил условия жизни тувинцев, в том числе многие из них получили образование, новые профессии, оставили традиционные занятия своих предков, переехали в села, города (Ламажаа, 2021с: 124–125). Как менялось отношение к родной земле у тувинцев за это время и до сегодняшнего дня? Одним из главных выразителей этнической культуры, мировоззрения этноса общепризнанно является художественная литература (Березович, 2007; Миниханова, Фаткуллина, 2012; Умарова, 2016; Сироткина, Ганущак, 2019; Маслова, 2021; Темиргазина, 2021; и др.). Поэтому в данной работе мы рассмотрим как выражалось и меняло свое выражение отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв., какие моменты были важными, в каких словесных формулах это выражалось.

Источниками исследования выступили, во-первых, романы классика тувинской литературы — Народного писателя Тувы М. Б. Кенин-Лопсана (1925–2022) роман-тетралогия «Чылгычының өө» («Юрта табунщика») (1980 г.¹), «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») (1984 г.²), «Азаның бичези кончуг» «Младший чертенок») (1989 г.³), «Алдын чүрек» («Золотое сердце») (1992 г.⁴). Все эти произведения относятся к литературе XX в. В основном, они появились в 1970–1980-х гг., в годы, когда первая когорта писателей из числа тувинцев, одним из которых был Кенин-Лопсан, получила не только образование, но и достаточный жизненный опыт для того, чтобы писать большие произведения. Его вдохновение, как и его коллег, черпалось из народных мифов, легенд, устных рассказов. Писатели использовали и традиционные образы, и воспоминания своих старших родственников, и свои собственные детские воспоминания. Но тем не менее тувинская проза постепенно все больше отображала современных реалий, современных тувинцев, в которых, как пишут литературоведы, вырисовывался традиционный национальный характер в условиях социалистического образа жизни (Мижит, 2022: 79).

М. Б. Кенин-Лопсан, прожив долгую жизнь, имел возможность творить в разные исторические эпохи. Его произведения выходили не только в советское время. Один из его романов вышел в 2000 г. — роман «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»)⁵. Народный писатель Тувы К. Ч. Черлиг-оол подчеркивал, что художественный мир М. Б. Кенин-Лопсана может считаться одной из «девяти драгоценностей» Тувы⁶.

При этом, надо сказать, что Кенин-Лопсан был не только писателем, но и исследователем тувинской традиционной культуры, поэтому помимо художественного отображения традиционных образов, он имел возможность также обобщать информацию в этнографических работах. Это позволяет соотносить его художественное творчество с научными публикациями, которые выходили также и на тувинском языке (Кенин-Лопсан, 1999, 2006, 2021; Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021).

Во-вторых, для того, чтобы обсуждать тувинскую литературу XXI в., в качестве источника мы возьмем роман другого Народного писателя Тувы Н. Ш. Куулар (1958 г. р.) «Муңгаштатпаан муңчулбас ыр» («Непрегражденная неунывающая песня») (2018 г.⁷). Он также является одним из ведущих переводчиков в республике: перевел огромное количество стихов великих классиков русской литературы, буддистских текстов, а также Библии. Член союза журналистов России, член Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры Республики Тыва, лауреат Национальной литературной премии Республики Тыва (2019 г.). В литературоведении особенно ценится его поэзия. Как пишет С. С. Комбу, «его поэзия — это глубокие раздумья над сложными вопросами жизни. Автору свойственно индивидуальное видение, он старается проникнуть в суть явления. Стихи подкупают искренностью, задушевностью, любовью к родной земле» (Комбу, 2012: 119).

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Чылгычының өө [Юрта табунщика]. Роман. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. (На тув. яз.).

² Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. (На тув. яз.).

³ Кенин-Лопсан М. Б. Азаның бичези кончуг [Младший чертенок]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1989. (На тув. яз.).

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце]: Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.).

⁶ Черлиг-оол К. Ч. Тос эртинениң бирээзи — М. Кенин-Лопсанның чогаал делегейи [Одна из девяти драгоценностей — художественный мир М. Кенин-Лопсана] // Улуг-Хем (журнал). 2010, № 1–2. С. 115–118.

⁷ Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша, 2018. (На тув. яз.).

Теоретико-методологическая основа

Мы рассматриваем понятие концептов культуры шире, чем это сегодня представлено в отечественной лингвокультурологии (Есенова, 2011; Жизненное пространство ... , 2021; и др.). Нашим теоретическим каркасом является тезаурусная концепция Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова, которые полагают, что каждая культура имеет свой тезаурус — «сокровище, сокровищницу», имея в виду некое накопление, богатство, достаточность (Луков В, Луков Вл., 2008: 12).

В исследованиях нашего коллектива, развивающих идеи Луковых, мы анализируем три важные идеи подхода: идею концепта, идею тезаурусной саморегуляции и идею социокультурной субъектности тезауруса (Тувинцы: Родные люди, 2022). Основным элементом тезауруса Вал. А. Луков и Вл. А. Луков называют концепт как «особую структурную форму сознания, в котором присутствует сращение смысла, чувственного восприятия и образа» (Луков В, Луков Вл., 2008: 113).

Концепт Родины или родной земли является одним из самых важных практически в любой культуре (Степанов, 2004: 170–181; Никитина, 1991: 120). Чаще всего, концепт «родная земля» представляется через противопоставление «свои — чужие земли». Для человека «микромир — это мир соседних деревень, небольших речек, холмов, дорог и т. п., который в той или иной степени хозяйственно освоен и макромир — “чужие земли”, который включает в себя “заморские страны”, которые, как правило, не пропущены через призму личного опыта, никогда не виданы воочию, и некоторую среднюю зону, куда входят географические макрообъекты своей страны» (Березович, 2007: 176). Таким же образом структурированно традиционно представлялась своя, родная земля для тувинцев в прошлом, как и у других кочевников прошлого. Своя земля — это всегда пространство ограниченное, обозначенное ориентирами-маркерами, имеющее максимально четкие координаты, количественные характеристики (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 29–71).

Земля рассматривается по-разному, начиная с изображения обыкновенных мест существования людей от рождения до смерти, до описания мест расположения могил и начала потусторонней жизни. Также оно понимается как место присутствия позитивных и негативных видов энергии человека. В русской культуре, например, как отмечает Ю. С. Степанов, концепт «Родная земля» состоит из следующих компонентов: а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная, е) родным словом (Степанов, 2004: 170).

В смысловом поле «свой — чужой» наиболее частотной реакцией на слово «свой» является прилагательное «родной». «Свое» пространство осмысливается как место, где живут его родные, к этому месту человек испытывает сильную привязанность. Так, для тувинцев *чер* ‘земля’ практически сразу «окрашивается» эмоциональным отношением людей к месту. Поэтому это лексически богатый концепт.

Согласно «Тувинско-русскому словарю», *төрээн чер* — это место рождения, родной край¹. В «Русско-тувинском словаре» дается перевод слова *төрээн* ‘родной’: 1. [Кады] *төрээн*; *төрээн иези* ‘родная мать’; родной брат *кады төрээн акызы*; родная страна *төрээн чурт*, 2. в знач. сущ. мн. *төрелдер*; у него много родных *ооң төрелдери хөй*, 3. (свой) бодунуң, *төрээн*; родная земля *бодунуң чери*; родной язык *төрээн дыл*, 4. (дорогой, милый — в обращении) *эргимим, сарыым*².

Филологи А. А. Монгуш, М. В. Бавуу-Сюрюн по анализу языкового материала разных словарей выявили всего 157 лексических единиц концепта «Родина», образующих одноименное лексико-семантическое поле, центром которого является лексема *төрээн чурт*. В нем достаточно четко выделяется ядро, которое составляют лексемы *төрээн чер* ‘родная земля’, *чер-чурт* ‘земля-родина’, *ада-чурт* ‘отечество’, *ие-чурт* ‘родина-мать’, *ие чер* ‘мать-земля’, *төрээн чурт* ‘родина’, характеризующиеся высокой частотностью и в минимальной степени зависящие от контекста. (Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020: 107). Кроме того, данные авторы выделяют *төрүттүнген, төк дүшкен чери* ‘место рождения, где стукнулся, выпал’, отделяя это понятие от понятия о малой родине *төрээн чер* ‘место, где вырос, возмужал; родная земля’. У современных тувинцев замечается такая тенденция, когда родными местами признаются малая родина родителей (там же: 110).

¹Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 528.

²Русско-тувинский словарь / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа и др. / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 1980. С. 511.

М. Б. Кенин-Лопсан подчеркивает большое значение *төрээн чер* 'родной земли' для тувинцев. По его мнению, *төрээн чер* 'родная земля' состоит из четырех видов: *төрээн чери* 'земля, где родился', *ада-өгбениң сөөгүн салган чери* 'места, где упокоились предки', *сүнезини тудуш чери* 'земля неразрывно связана с душой', *өпейлеткен чери* 'колыбельная песня' (Кенин-Лопсан, 1999: 59). Ученый дает следующее определение концепта *төрээн чер* 'родной земли': «Төрээн чери, ол дээрге кижиниң төрүттүнген чери болгаш хинин хөмгөн өөнүң орну болур. Төрээн черинден кижиниң төрээн чуртунга ынакшылы эгелээр» (Кенин-Лопсан, 1999: 59) 'Родная земля — это место, где человек родился, где закопана его пуповина. С этого места, с малой родины, начинается любовь к большой Родине'. Родная земля для человека, по мнению М. Б. Кенин-Лопсана, ассоциируется с колыбельной песней, и всегда будет вспоминать с материнской теплотой на сердце: «Өпейлеткен чери — өпей ыры дээрге тыва кижиниң төлүнге ынаан, төрээн черинге тудужун болгаш айга, хүнге, дээрге чалбараанын илереткен уян сөстери болур. Кижини өлүп чыткаш, өпейлеткен чуртун сактыр дижир» (Кенин-Лопсан, 1999: 59) 'Колыбельная — это выражение сокровенными словами и мелодией своей любви к ребенку, своей связи с родной землей, своего почитания луны, солнца, неба. Говорят, человек, умирая, вспоминает то место, где впервые услышал колыбельную песню' (Кенин-Лопсан, 2006: 177).

Еще один аспект понимания родной земли, родного пространства был связан у тувинцев с пространством внутри самой юрты и вокруг юрты. Во внутреннем расположении юрты различают четыре части, имеющие особое название, независимо от внутренней жилой обстановки. Место очага, устраиваемого посредине, было раньше геометрическим центром юрты. Делилась юрта на восточную и западную половины, каждая из которых в свою очередь делилась на северную и южную части, составляющие четверть площади юрты (Потапов, 1969: 152). С. И. Вайнштейн юрту охарактеризовал как «не только жилище кочевника, это микромир кочевника, своеобразная модель вселенной» (Вайнштейн, 2009: 229). Пространство вокруг юрты характеризуется так: «Окружение юрты в виде гор, сопков, урочищ, степей, рек, озёр было символом родной земли — *төрээн чер* (малой родины), её сакральным центром, местом поклонения и почитания» (Чистик, 2010: 151). Итак, *өг* 'юрта' для тувинца, как мы уже ранее с коллегами писали, — больше, чем жилье, это его исток, сердце того родного, «своего» пространства, от которого начинается его жизнь (Тувинцы. Родные ..., 2022: 118).

Это многообразие понимания того, что есть для человека земля, выразилось в богатстве компонентов данного концепта культуры. Внимательное изучение того, как в рассматриваемых произведениях художественной литературы упоминается, описывается земля, позволило нам классифицировать их следующим образом:

- связь с землей в романах XX века;
- тема потерянной земли в романах XX–XXI вв.;
- новое в представлениях о земле в романах XXI века.

В этом порядке и рассмотрим материал выбранных произведений.

Связь с землей в романах XX века

В произведениях М. Б. Кенин-Лопсана мотивы святости родной земли, любви к ней и понимания ее как защитницы людей встречаются достаточно часто. Так в романе «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») пациент Аскак-Контр напоминает врачу Юрию Давыдовичу, что каждому человеку родная земля является святыней: «Кым-даа кижини бодунуң төрээн черин ыдыктыг кылдыр көөр, ыр-шоор-биле алгап ырлаар, алдарлыг кижилерниң адын-сывын утпас чүвең ыйнаан»¹ 'Каждый человек видит свою родную землю священной, восхваляет песнями, и не забывает известных людей'.

В том же романе главная героиня Агана Хертек, прежде чем уйти из родной деревни Кызыл-Хая на поиски работы, прощается со своей родной землей, обращаясь к Малой Монгун-Тайге:

«Биче-Мөңгүн-Тайга дээрге өгбелеримниң болгаш мээң төрээн ада-иёмниң, мээң азыраан ада-иёмниң дагып чорааны меңги баштыг ыдыктыг тайгазы. Бо черде арагалаар чорук шуут чок. Бо черде бот-боттарын оорлажыр чорук шуут чок. Бо черде мегележир чорук шуут чок. Мындыг магалыг

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 186.

орандан ырап чоруур салымга таварышкан мен»¹ 'Биче-Мөңгүн-Тайга — это священная тайга, на которой каждый год проводили обряд освящения мои предки, родители и мои опекуны. На этой земле нет людей, которые пьют алкоголь. Здесь нет воров. Здесь нет людей, которые обманывают друг друга. С этой прекрасной земли мне суждено уйти'.

Малая Монгун-Тайга является самой высокой горной местностью в Туве, одной из священных девяти таежных хребтов. Тувинцы просили всегда ее милости, совершали молитвы в честь девяти хребтов тайги, брызгали молоко или чай с молоком в сторону тайги (Кенин-Лопсан, 2006: 83).

Понимание земли как святыни сочеталось с чувством любви. Любить землю считалось правильным, это было традиционной константой мировоззрения тюркских народов Сибири, о чем пишут исследователи (Жизненное пространство ... , 2021: 214). Это же подчеркивал и сам М. Б. Кенин-Лопсан: «Төрээн черинден Төрээн чуртунга ынакшыл эгелээр»² 'Любовь к Родине начинается с родной земли'.

В произведении «Алдын чүрек» («Золотое сердце») показан образ учителя Деспижек Делбигировича как человека, болеющего за будущее родной земли и будущее поколение. Его волнуют вопросы нравственной и духовной деградации молодежи: «Бичии чаштар кедизинде баргаш, ёзулуг ажилчын, чурумнуг, кежээ-шалып хамаатылар болзуннар дээр болза, оларны амдыгааштан эгелеп чоннуң эки чаңчылын сагыыр, хүндүлээр, төрээн черинге ынакшыыр кылдыр кижизидер ужурлуг деп, ыдыктыг бодал хоочун башкының кол сорулгазы болу берген»³ 'Чтобы маленькие дети выросли трудолюбивыми, дисциплинированными, надо сейчас начинать учить их обычаям и традициям своего народа, учить любить и уважать свою родную землю — такая святая цель стала основным смыслом работы опытного учителя'. Так думал учитель и наставник Дембилдей Деспижек, который открыл кружок для школьников по изучению родной земли.

Он также ездил на сенокос со школьниками, приучая их к труду. Чтобы школьники не скучали при дождливой погоде, учитель задавал вопросы про родную землю, знают ли они, чем богата и знаменита их родная страна. Рассказывая им удивительные истории, подчеркивал, что человек должен с детства понимать что такое родная земля: «Төрээн черин кижжи кара чажындан билир ужурлуг»⁴ 'Родную землю человек должен знать с самых малых лет'.

В этом же произведении воспитатель детского сада Арбак-Вера подготовила концерт с маленькими детьми в местном клубе с. Хондергей. Когда дети спели только первую строфу песни «Хондергейим», то весь зал присоединился к исполнению песни:

Хөнезинде, челезинде

Көвей чүзүн малы долган.

Көрген кижжи мактап ханмас

*Хөлчөк чараш Хондергейим*⁵.

‘У привязи,

Полон различной масти скота

Видевший тебя похвалит,

Прекрасная моя земля Хондергей’.

Представления о родной земле тувинцев также содержат понимание ее как защитницы: человек находится под защитой земли, реки, горы, своего рода и предков, духи которых остаются на земле вместе с духами природных объектов. И человек живет в гармонии с окружающими его природой и духами, ведя с ними постоянный диалог (Жизненное пространство ... , 2021: 214). «Хозяева» родных земель тувинцев защищают и оберегают своих жителей.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 139.

² Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 140.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1992. С. 18.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 56.

Об этом пишет М. Б. Кенин-Лопсан, например, в произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»):

«Чер ээлиг болур. Хем база тускай ээлиг. Даг база тускай ээлиг. Чер-черниң ээлери база тус-тус аажы-чаңныг болгулаар. Биче-Мөңгүн-Тайганың ээзи ак аъттыг ак хептиг, ак салдыг эр кижидижир»¹ 'У земли есть хозяин. У реки тоже. У горы также есть хозяин. Хозяева земель имеют свои разные характеры. Говорят, хозяин Биче-Мөңгүн-Тайги — мужчина с белой бородой, с белой одеждой и с белой лошадью'.

Главная героиня произведения Агана Хертек, находясь одна в маленьком доме-пекарне, где она работала истопницей, часто вспоминала свою жизнь с самого начала. Когда ей дали указание, чтобы она уволилась через семь дней, она считала эти дни и не знала, куда ей идти. В один из таких моментов она услышала в голове голос старой женщины. Она подумала, что это голос хозяйки тайги Ак-Баштыг: «Мугур-Аксы суурну харап турар, карактап турар, камгалап турар Ак-Баштыг база катап сагыжымга кирип келди»² 'Я опять вспомнила защитницу и покровительницу деревни Мугур-Аксы Ак-Баштыг'.

Почитание и любовь к родной земле, представление о ней как о защитнице безусловно зиждились на идеях тесной связи между ней и людьми. Так, в произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») связь эта сравнивается с самыми видами прочной природной связи: «Бистиң тыва кижилер ыяшты дазылындан турбас, чаш бызааны иезинден чарбас, кижиди төлүн ада-өгбезиниң чуртундан чарбас чаңчылдыг»³ 'Наш народ, тувинцы, мы не выдираем корни деревьев, теленка от матери не разлучаем, не разлучаем человека от родных мест'.

Именно на родной земле человек рождается, вырастает, осознает себя, начинает говорить на родном языке. Так, в произведении «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») старейшина деревни 104-летняя бабушка Дуруя, рассказывая интересные легенды своему племяннику Хонак-оолу, говорит: «Мен бодаарымга, кым-даа кижиди бодунуң чурттап турар чериниң төрөөн дылынга баштай адын-сывын адап, чугаазы үнер ужурлуг»⁴ 'Я считаю, что каждый человек должен впервые назвать свое имя на родном языке той местности, где он живет'.

На этой земле человек проживает до создания своей семьи. В произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») упоминается, что когда человек не достиг возраста, чтобы выходить замуж, то человек от родной земли не сможет уйти: «Шаандакы тываларның чугаазы болза кара чаш назынның оглу-даа, кызы-даа төрөөн черинден ыраваан, ада-иезиниң өөндөн үнмээн үрен болур»⁵ 'Как говорили древние тувинцы, мальчики или девочки подросткового возраста не уезжали от родной земли далеко, и они ничего не видели кроме юрты своих родителей'.

Но, даже создав семью, переехав в другие места, тувинцы никогда не забывали родные места, места своего рождения, детства. В романе «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») героиня Севил после замужества жила всю жизнь в родном селе мужа. Когда мужа Арган-оола не стало, то, получив телеграмму от своей родственницы 104-летней старейшины Дуруя, она сразу поехала в Хондергей. На перевале она, как и принято у тувинцев (Кенин-Лопсан, 2006: 68), она обратилась к земле:

«Хондергейниң улуг арты! Сени черле кандыг чүвени көрбеди дээр! Экини-даа көрүп келген сен, багайны-даа көрүп келген сен. Хондергейниң арт кырынга үнүп келгеш, уруг-дарымының адазын ала-чайгаар сактып келдим. Бо чер, бо-ла даялар, бо-ла дыттар, бо-ла пөштер, бо-ла улуг арт ол-ла хевээр туруп калган, мен дулгуяк бооп арткан — амыдырал деп чүве мындыг болур чүве-дир ийин»⁶ 'Перевал Хондергея! Ты все выдержал в этом мире — было и хорошее, и плохое. Поднимаясь на перевал, вспомнила я мужа и отца моих детей. Эта же земля, эти же листовенницы, большой перевал также остался большим, а я осталась одна, вдова — вот такая бывает жизнь'.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 83.

² Там же. С. 362.

³ Там же. С. 186.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 140.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 241.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 32.

Главная героиня произведения «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») Агана Хертек, размышляя о ценности земли, отмечает, что человек всегда помнит *хинин хэмген чер* 'землю, где родился и закопал пуповину': «Тозан хар чеде берген кырган-ава безин улуг уйгузун удуур деп баргаш, хинин хэмген черин адаар, ол чүл дээрге авазының өөнүң орнундан чарылбазын күзеп чыдар, ам-даа чырык хүн адаанга чурттаксаарын Деңгер бургандан дилеп чыдар»¹ 'Девяностолетняя бабушка, прежде чем уйти на покой, зовет свою родную землю, где хранится ее пуповина. Это означает, что человек не хочет расставаться с родным местом, где жила со своей матерью, и просит помощи у Бога, чтобы тот дал еще времени пожить'.

Так, человеческую связь с землей тувинцы понимали аналогичной пуповинной связи между ребенком и матерью, что подчеркивал и сам М. Б. Кенин-Лопсан: «В древние времена тувинцы очень бережно обертывали послед новорожденного ребенка чистой шелковой тканью и закапывали в юрте. Это являлось свидетельством нераздельной слитности человека с землей» (Кенин-Лопсан, 2006: 13).

Еще одним элементом связи тувинцы называли душу человека *сүнезин*, которая обязательно должна остаться в родных местах: «Сүнезини тудуш чери — кижиниң өлүрге, ол кижиниң сүнезини төрөөн черин эргип чоруур, өске черге доктаавас джир» (Кенин-Лопсан, 1999: 59) 'Земля неразрывно связана с душой. Душа умершего посещает родные места, в других не задерживается' (там же: 176).

Так, в произведении «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») председатель отделения Тонак Тонгак выражает свои мысли и мечту учителю Деспижеку Делбигировичу, чтобы в будущем у них в деревне был отдельный развитый совхоз:

«Шынап-ла кижиниң төрөөн чери кончуг, фронтуже чаңгыс аьдымны белек кылдыр берген черим бо. Фронтуже чаңгыс дунмамны үдээн черим бо. Хеймер чүвем ол олчаан келбейн барган, Хөндергейге төрүттүнген мен, бо черниң довураа чымчак, бо-ла черге сөөгүм салыр мен»² 'Нет ничего священнее, чем родная земля. Здесь я подарил своего единственного коня фронту. Здесь проводил своего единственного брата, который так и не вернулся с фронта. Я родился в Хөндергее, здесь земля мягкая, здесь же я и умру'.

Из-за желания человека быть захороненным на родной земле и разных возможностей его родственников даже возникали разногласия, споры. В произведении «Азаның бичези кончуг» («Младший чертенок») главный герой Ирбиштей познакомится с парнем по имени Муса Монгуш в Хову-Аксы. Тот ему рассказал, что его отец был фронтовиком, и его могила находится в Хову-Аксы. Причем она появилась не без проблем:

«Ачам чок апаарга, бир чамдык төрелдери Хемчик бадырар, төрөөн черинге сөөгүн салыр джи берген. Улуг маргылдаа болган. Ачамның төрелдери авамның сөзүн кончуг дыңнааннар. Ажы-төлүнүң болгаш алган кадайының чурттап турар черинге ачамның сөөгүн салыр бооп дугурушкан»³ 'Когда отца не стало, несколько его родственников хотели похоронить в Хемчике, на его родной земле. Был большой спор. Но родственники отца послушали мою маму. Пришли к единому мнению, что его будут хоронить на этой земле, где он проживал с женой и с детьми.'

Так, этнограф и писатель М. Б. Кенин-Лопсан вплетал в свои произведения в самых разных ракурсах образы родной земли, представления тувинцев о том, что она священна, что ее надо знать, быть связанным и пр. Попутно он поднимал и вопросы воспитания чувства любви к родным местам, и обязательств человека перед ними. Как исследователь культуры, понимая, что это самые глубинные, традиционные представления о родной земле, автор отражал их в мыслях, словах, мотивах поступков своих героев.

Тема потерянной земли в романах XX–XXI вв.

Поскольку перевод тувинцев на оседлость, социальные трансформации тувинского общества привели к массовым миграциям населения прежде всего в рамках республики, людям часто приходи-

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 353.

² Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 183.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Азаның бичези кончуг [Младший чертенок]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1989. С. 35.

лось расставаться с родной землей, терять ее. И эта тема потери также стала важной в произведениях М. Б. Кенин-Лопсана, в частности в романах «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»), а также «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки»). При этом, поскольку он писал в советские годы, далеко не все темы можно было показывать свободно. В том числе тема репрессий долгое время была под запретом. Полностью ее показать автор смог уже в начале XXI в. — в романе «Читкен уруг».

Главная героиня этого романа Хертек Агана олицетворяет собирательный образ так называемых детей «врагов народа», незаслуженно пострадавших в годы репрессий. Сюжет романа строится вокруг мытарств девочки-сироты, переносящей лишения в 1930–1950-е годы в поисках справедливой жизни в своем родном селении у подножия высокой горы Монгун-Тайга. Испытав все несправедливости тоталитарного режима, она в конце концов находит свой вечный покой — умирает высоко в горах, в ледяной «юрте», под защитой духа-хозяина Монгун-Тайги (Самдан, 2019: 164).

Перед смертью она горюет: «Төрээн адамның хонаш чуртунга чурттавас, төрээн адамның адын адавас, төрээн адамны кижилерден чажырып чоруур салым-чолдуг болган мен»¹ 'Мне больше не жить в кочевьях родного отца, не называть его имени, и от народа приходится скрывать его — такая у меня теперь судьба'.

Она потеряла чувство защищенности, которое ей давала родная юрта: «Бодавааным бир ыдыктыг бодал сагыжымга кирип келди: “Бо кырганнарның өөнден үнер болзумза, сыңар черим чок!”»² 'Вдруг у меня появилась мысль, что если я выйду из юрты этих стариков, то мне некуда пойти'.

Традиции гостеприимства тувинцев призывали принимать их в юртах любого человека и каждый путник был накормлен. Тем не менее, в раннесоветское время официальные запреты на контакты, любую поддержку сторонников и детей «врагов народа» приводили к тому, что эта традиция стала нарушаться. И каждый заклеименный человек не просто терял родную землю, собственный приют, он также терял возможность временного приюта, полностью терял чувство защищенности.

Также под запреты попали и религиозные традиционные обряды, в том числе освящения *оваа* (курганов, которые возводились для жертвоприношений духам мест) (Дагылга: тувинские обряды ..., 2021: 6). М. Б. Кенин-Лопсан писал в этнографической работе об этом: «Начиная с 30-х годов прошлого века, запретили совершение обрядов по освящению оваа, как проклятый пережиток прошлого, препятствующий развитию молодежи и одурманивающий сознание народа» (Кенин-Лопсан, 2006: 103).

В романе же он описывает, как было запрещено проводить обряды освящения оваа на конкретной местности:

«Бай оваа. Коргунчуг апарган оваа, чүге дээрге Долдаш дарганың айтышкынын ёзугаар ол овааны өрттеткен чүве-дир. Ам ол ыдыктыг черде борбак-борбак даштар чыткылаар. Өг орну хире черде хөмүрлер карарып чыткылаар»³ 'Богатый оваа. Оваа стал страшным, потому что по указанию Долдаш дарга сожгли его. А теперь на священной земле лежат только круглые камни. Там только угли тлеют'.

Запрет на проведение *суг бажы дагылгазы* 'обряда освящения истока родника', *хам дьит дагылгазы* 'обряда освящения шаман-лиственницы' показан в произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»): «Өң-баазын чечектер саглаңайнып турда суг бажы дагырын база хоруп каапкан. Чүгле Холурааш хам ада-өгбе дужундан бээр дагып чорааны хам-дыдын чылдың-на бүдүү дагып чораан»⁴ 'Когда цветы начали распускаться, также запретили проводить обряд освящения истока реки. Только шаман Холурааш каждый год исподтишка проводил обряд освящения шамана-лиственницы'.

Дары природы, которые ранее использовались и в пищу, и в качестве лекарственных средств в народной медицине, стали также считаться ненужными. В «Читкен уруг» бабушка Агана Хертек была *тудужу* 'повивальной бабкой', которая помогала родиться малышам. Однажды, после принятия удачных родов бабушка поздно ночью падает с обрыва и погибает. Ее усыновленная дочь слышит

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 67.

² Там же. С. 59.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 96.

⁴ Там же. С. 94.

разговор женщин в магазине о ней: «Оът сиген дазылы-биле, бүрүзү-биле кижии эмнээр чорук дээрге эргиниң артынчызы ышкажыл, күжүрүм. Кожуун төвүндө белен эм садып алып аптак барда, арга-арыгдан, хая-даштан черлик оъттар дилээш чоорул ону»¹ 'Лечение лекарственными растениями, я считаю, что это пережиток прошлого, дорогая. Зачем собирать дикие растения по лесам и скалам, когда можно купить в кожуунной аптеке готовые лекарства'.

Агана Хертек ощутила свои потери, как потерявшая все на родной земле: «Авазының иштинге сыңып чораан уруг ам төрөөн чуртунуң делгеминге огулуг чурттаар чер тыппаан уругнуң ызы»² 'Это плач девушки, которую мать когда-то выносила в своем животе, но не нашедшая постоянное место жительства в родной земле'. Она постоянно задавала себе вопрос, почему так несправедливо поступила с ней жизнь, почему она потеряла свой уголок земли: «Авамның иштинге сыңып чораан бодум канчап черле Мөңгүн-Тайга кожууннуң девискээринге сыңмас апарган ирги мен?»³ 'Почему для меня не нашлось места на всей территории Монгун-Тайгинского кожууна, когда я в мамином маленьком животе помещалась?'

Более того, когда она потеряла родителей, родной дом, то она потеряла и след на этой земле: «Ийи хууң сугну арган холдарымга тудуп алгаш, Хараачыгай чуртумда авам өөнчө баар дың чаңгыс кокпам турган. Адам-ием ол чуртка хонмастаан, мээң суг суглаар кокпам база бүдө берген»⁴ 'У меня была одна маленькая тропинка в местечке Хараачыгай к юрту мамы, по которой я шла за водой на двух ведрах, нося их на своих худеньких ручках. Мои родители давно на этой земле не живут, но и моей тропинки не стало'.

И, потеряв все в родных местах, она стала ощущать себя дикой собакой (*черлик ыт*):

«Бир хүн азыраан ием казанак бажыңындан үнүп чорупкан мен. Чер кезиир салымныг апарган мен. Черлик ыт чер кезиир дижир. Контр уруу мен база чер кезиир тоянчы апарган мен»⁵ 'Однажды я покинула маленький домик моей усыновленной матери. Я стала бродяжничать. Говорят, дикая собака бродяжничает. Я, как дочь контра, стала бродягой'.

Покидание, потери, отъезды, разрывы — стали привычными для тувинцев (Ламажаа, 2021с: 136), которые раньше столь дорожили привязанностью к родным местам. В том числе тувинцы уезжали и из деревень в советские годы, расставаясь со своими новыми домами без сожалений. Об этом М. Б. Кенин-Лопсан пишет в романе «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки»).

Учитель Деспижек Делбигирович переехал в деревню Хондергей, хотя его приглашали в другие, хорошо оснащенные школы, и вспоминал:

«1979 чылдың август айның эгези. Чүгле Хондергейге көжүп келгеним демдегеп каайн. Бо черге август эгезинде көжүп келген мен. Бо черни багай деп болбас! Аңчы чоннуң чурту-дур. Малчын чоннуң чурту-дур. Тараачын чоннуң чурту-дур, Хондергейниң чону кончуг дыңгыр чон деп билип алдым. Бо суурга чүнүң ужундан хос бажыңнар артканын кымдан айтырар мен. Мен бодум безин бир хос бажыңны дерээш, ынаар көжүп кирип алдым»⁶ 'Начало августа 1979 года. Я тут только напишу, почему я переехал в село Хондергей. Я сюда переехал в начале августа. Нельзя считать, что это плохая земля. Это земля охотников. Это земля животноводов. Это земля хлеборобов. Я узнал, что народ Хондергея очень трудолюбивый. Зачем мне спрашивать у кого-то, почему здесь появились заброшенные дома. Я сам отремонтировал и переехал в один заброшенный домик'.

Он анализирует состояние деревни и говорит Тенекпею, что в течение долгого времени сюда не заезжали новые жители. Он посчитал, что если в деревне всего 325 жилых домов, из них 75 жилых домов заброшены:

«Сөөлгү чээрби чылдың дургузунда чуртталга бажыңы тутпаан чер болду. Школаның ужунга бир өрээл немей туткан дижир болду, ону күш-культура залы дижир болду. Хондергей суурда үш чүс чээрби беш

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 132.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 392.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 10.

бажың барын бодум санап көргөн мен. Оларның аразында чеден беш бажың хос куруг турарын эскердим. Ол бажыңнарга чурттап оргулаан кижилер бо черге кылыр огулуг ажыл-хожул чогуңдан өске черлерже көжүп чоруткулаан хире болган, ол дугайын меңээ Дуруяа кырган чугаалап берген чүве»¹ 'В последние двадцать лет не построено ни одного жилого дома. К школе построили одну постройку, она стала физкультурным залом. Всего в деревне около 325 жилых домов. Я сам посчитал, что из них 75 жилых домов заброшены. Люди, которые жили в этих домах из-за отсутствия работы и перспективы уехали в другие места, это рассказала мне старейшина Дуруяа'.

Данное явление было характерно практически для каждого кожууна республики. Начиная от потери родных земель, насильственного расставания с ней, разрывов связей, тема потерь стала нормой жизни тувинцев советского времени. И это прослеживается в своих произведениях М. Б. Кенин-Лопсан.

Новое в представлениях о земле в романах XXI века

После советской эпохи тувинское общество принялось возвращать традиционные ценности культуры, пытаясь придерживаться их настолько это возможно в условиях нового времени. В том числе очевидно писателям стало важно переосмыслить вопросы отношения к земле.

Как это осуществилось, мы посмотрим на примере романа Народного писателя Тувы Н. Ш. Куулар «Муңгаштатпаан муңчулбас ыр» («Непрегражденная неунывающая песня»). В романе происходят события в наши дни, после открытия Центра тувинской культуры (в 2012 г.) по настоящее время. Правильно ли мы понимаем историю, какова судьба тувинского искусства в современном мире, что мы сможем передать нашим потомкам — в романе находят отражение эти и другие вопросы.

Главные герои — три друга, кызыльчане: писатель Одай-оол Донгак, ученый, кандидат исторических наук Тумен-оол Тулуш и инженер связи Тумат-оол Тулуш. Одай-оол и Тумен-оол дружат с первого курса учебы в г. Томске, где они учились в разных университетах. Тумат-оол закончил вуз в Новосибирске, он является близким родственником Тумен-оола. Трое время от времени встречаются и обсуждают разные вопросы, в том числе истории Тувы, трагические страницы которой пережили и их предки.

Представляя себя, при знакомстве Одай-оол указывает названия родовых земель, где жили его предки и называет себя сыном горы и рек:

«Чоза, Торгалыг хемнерниң, кызыл дус эртинелиг Дус-Дагның оглу мен дээр. Ооң кырган-ачазының адазы шаанда Улаатай, Тээли, Чоза, Торгалыг хемнерниң аразынга көжүп-дүжүп, ажы төрүп, чурттап чораан арат чүве-дир»² 'Я — сын Дус-Дага, имеющего драгоценную красную соль, а также рек Чоза и Торгалыг. Его прадедушка кочевал, детей растил в окрестностях Улаатай, Тээли, Чоза, у реки Торгалыг'.

Предки Тумен-оола происходят от туматов местностей Ак-Чыраа, Чалааты Овюра. В период репрессий 1930-х гг., когда стали преследоваться все туматы, его дед переехал в другой район, в Улуг-Хем, там взял фамилию жены Тулуш. И так поступали остальные туматы, чтобы остаться в живых. Кстати, Одай-оол тоже имеет предков туматов, и сложная история племени не позволила ему и его сестрам носить эту фамилию.

В постсоветское время казалось бы каждый может вернуться на земли предков, но этого не происходит. Сейчас центром притяжения всех тувинцев в республике стала столица — г. Кызыл. Поэтому писатель Одай-оол размышляет, почему они сюда массово приезжают и селятся в самых скромных условиях:

«Көшкүн амыдыралды чогуң чүү чүвеге солупканывыс ол? Биригээр бодаарга, амгы үеде чүгле мал ажыл-агыйы-биле бүдүн чурт канчап амыдыраар боор, делегейниң сайзыралының, цивилизацияның кыдынга хожудап чыдып каарга кайыын боор. Өскээр бодаарга, тыва чоннуң эвээш кезии ам канчап баржык — адаанда даяныптар быжыг туружу-даа, үстүнден дегкиптер сүлде-сүзүү-даа чок, өскен-төрөөн суурларын, хонаштарын каггаш, Кызылдың кыдыгларында кыстынып, хонуун үспес хензиг кошкул хайдынып туруп берген»³ 'На что мы поменяли свою кочевую жизнь? С одной стороны, в настоящее время только

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 36.

² Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 2018. С. 50.

³ Там же. С. 162.

скотоводством нельзя прожить, нельзя отставать от мирового развития и цивилизации. С другой стороны, тувинцы стали покидать свои родные деревни и кочевья, и переезжают в окрестности города Кызыла, не имея при этом никакой моральной и материальной поддержки, зарабатывая мало, разве что на хлеб’.

Одай-оол работает в книжном издательстве. Он часто поднимает проблему исчезновения тувинского языка, сетует на недостаточное количество читателей тувинской литературы, обсуждает заграничные гастроли артистов, студенчество и другие вопросы.

Так, в романе говорится о грядущих гастролях артистов Национального оркестра — племянника Одай-оола по имени Соруктуг с коллегами в Америку: «Чээрби беш хонгаш, америк дипче ужуптар улус-тур бис. Штаттар кезиир»¹ ‘Через 25 дней, мы все поедем в Америку. Штаты объезжать’.

Эти поездки в чужие заморские страны на тувинском языке передаются словосочетанием *даштыкы үнер* букв. ‘выходить наружу’. И эти выходы связаны с популярностью тувинского горлового пения за рубежом:

«Даштыкы үнер, тыва хөөмейни өске чоннар улунга бараалгадып көргүзөр, нептередип алдаржыдар, харын-даа ажылдап алыр орукту Геннадий Чаш, Конгар-оол Ондар, Кайгал-оол Ховалыг, Геннадий Тумат дээн ышкаш аттары төөгүже кире берген хөөмейжилер изеп эгелеп каан соонда, ам ынаар “Хүн-Хүртү”, “Ятха”, “Чиргилчин”, “Алаш”, “Тыва кызы”, болгаш өске-даа бөлүктөр доктаамал барып гастрольдап турар апарганда, оларның соондан даштыкы үнери Соруктуг ышкаш аныктарга солун-даа, харысалгалыгы-даа болбайн канчаар»² ‘Поездки за границу, представления тувинского хоомея перед другими народами, популяризацию, а также заработки начали Геннадий Чаш, Конгар-оол Ондар, Кайгал-оол Ховалыг, Геннадий Тумат, группы “Хүн-Хүртү”, “Ят-Ха”, “Чиргилчин”, “Алаш”, “Тыва кызы”. После них поехать туда и выступить оказался для Соруктуга, с одной стороны, весьма интересным, но с другой стороны, очень ответственным’.

Тем не менее эти поездки, какими бы важными и ответственными не считались, всегда вызывают острый приступ тоски по дому. И об этом писал в свое время М. Б. Кенин-Лопсан: «тувинца всегда тянет домой, к родному очагу. Если человек сравнительно надолго уехал в какое-то другое место, он вспоминает свое, родное, тоскует по нему. На чужбине он всегда вспоминает о своем родном уголке. Тяга к своему дому – это неистребимое чувство тувинца» (Кенин-Лопсан, 2006: 153). Так, в романе описывается возвращение Соруктуга после заграничных гастролей:

«Абаканга чедир ужупканнар, а оон таксиге долдур олурупкаш, Саянны ажыр халдып орда, Соруктуг Казылганын сактып, “Дүрген-не, дүрген-не болза!” деп, ол чокка-ла чүс чээрби биле чүс дөртөн аразында базып орар бодунуң чажыды хире анык таксист эрни далаштырган дег, артындан ооң чушкуузунче көрүп каап, ишти ий бергедеп-ле чораан. Шивилиг, Туранны шивенедир халдып эрткен соонда, ол-ла болгай, артты ажып, ам-на Кызылче ужуктуруп батса-ла, удавайн Улуг-Хемнин эриинде келгеннер»³ ‘До Абакана летели на самолете, потом сели в такси, проезжая Саянские горы, Соруктуг скучал по любимой Казылган (своей девушке. — Ш. К.), и про себя шептал “Побыстрее, побыстрее бы”, и смотрел сзади на водителя, которого итак ехал на скорости сто двадцать или сто сорок. Проехали Шивилиг, Туран. Вскоре приехали в город Кызыл на берег Енисея’.

Также в романе Н. Ш. Куулара обсуждается тема студенчества, землячества. Тувинцы, чтобы получить высшее образование, живут в других городах в течение нескольких лет. Так они становятся «засаянскими тувинцами» (Ламажаа, 2021b: 113–126).

В студенчестве Одай-оола и Тумен-оола обычной практикой были сборы студентов:

«Тыва сургуул оолдар-кыстарның өске черге келгеш, аразында демниг, бөкперлежип алган чурттаары чаңчыл апарган. Тыва сургуулдар орустап болза «землячество» дээр, а тывалап та чүү дээр чүве, улуг бөлүглежилгелиг болур, олар тывалар өөренип турар хоорай бүрүзүндө бар»⁴ ‘Для тувинской молодежи стало традицией вместе жить дружно и сплоченно в другом городе. Тувинские студенты образуют землячества, предполагающие большие сборы. Такие землячества есть в каждом городе, где учатся тувинцы’.

¹ Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 2018. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 79.

Эти землячества помогают тувинским студентам справляться с чувством тоски по дому, как и всем студентом, которые приезжают из локальных общностей в чужие города. Землячества становятся, как пишет К. С. Илиополова, для молодежи «маленьким отрывком родной земли», где они вместе проводят и отмечают праздники, где «формируются специфические образы своей и чужой территории, религиозных верований, языка, обычаев, складывается сознание принадлежности к определенному этнополитическому организму и чуждости других подобного рода образований» (Илиополова, 2007: 11).

Новое отношение тувинцев к земле как к объекту личного владения выразилось в романе в истории приобретения Тумен-оола земельного участка для Хуралмая, своего сына от первого брака. Его вторая жена Севил имела свою дочь от первого брака (после смерти первого мужа она, оставив в районе все его имущество, переехала в Кызыл). У каждого из них была квартира в Кызыле, и Севил предлагала жить в ее, а квартиру Тумен-оола оставить Хуралмаю. Но дочь — студентка, а сын — еще школьник. И как и многие современные тувинцы, которые, ударяясь в гиперопеку, думают о жилье для своих детей почти сразу после их рождения (Ламажаа, 2021а: 68–69), Тумен-оол стал планировать приобретение земельного участка, чтобы там построить дом. Копил для этого деньги и думал о дополнительном кредите.

«Ол аразында оглунга чер садып алыр дээн бодалы амыратпастай бээрге, чүү херегин баш удур билип аар дээш, айтыртынарга, ол черни шилип тып алгаш, ээзи-биле дугуржуп, өртээн төлөпкөн соонда, бодунун адынга бүрүткедип аарда, мырыңай энмежок саазыннар долдурар, элээн албан черлерин дамчып эртер дээрге, бир муңгараан»¹ «Между тем, ему не давало покоя вопрос покупки земельного участка для своего сына, так как для этого необходимо большое количество различных бумаг в разных инстанциях».

Когда он все же приобрел участок, то получил одобрение супруги:

«Дүрген өзүп оран оглунга бичежек-даа болза өнчүнү ынчаар белеткеп алган эр сеткили ханган чанып келгеш, Севилге ону чугаалап, мактаткаш, өөрээни-даа аажок болган»² «Когда он довольный вернулся домой и рассказал жене, что купил подрастающему сыну собственность, Севил очень обрадовалась и похвалила его».

Так, Н. Ш. Куулар в своем произведении затронул сразу несколько вопросов, которые волнуют современных тувинцев: тему забвения родных мест, массовой миграции в Кызыл, ностальгии по Туве в зарубежных поездках, земляческих объединениях студентов и приобретения земли, жилья для детей.

Заключение

Таким образом, в произведениях тувинской литературы разных лет мы видим разные аспекты отношения к земле у тувинцев. Сначала это была родная земля, с которой люди всегда была эмоционально связаны. Они поклонялись земле, духам земли, выполняли обряды освящения. Любовь и привязанность к земле рассматривались как пуповинная связь человека с землей-матерью. Однако, исторические события XX в. нарушили эту связь, заставили тувинцев переживать болезненные разрывы с родными местами, массово покидать земли, ощущая потери, переживая чувство защищенности. Практика разрывов, потерь стала нормой жизни. И хотя тувинцы научились «выходить наружу», т. е. выезжать далеко за пределы Тувы, в дальнейшем зарубежье, эмоциональная привязанность к родной земле сохранилась. Но в постсоветское время помимо всего прочего в отношении к земле появляются и очень прагматические оттенки.

Все эти изменения, которые происходили с тувинцами, безусловно, могут быть исследованы на примере разных источников. Писатели, тонко чувствующие настроения общества, выхватывают и показывают самые характерные вопросы, актуальные темы обсуждений. Поэтому тема отношения тувинцев к земле может быть исследована и на материале художественных произведений.

¹ Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 208. С. 208.

² Там же. С. 210.

Благодарности

Благодарю коллег по лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ за обсуждения текста статьи; Ч. К. Ламажаа — за научное руководство всем проектом и данным исследованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович, Е. Л. (2007) Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик. 600 с.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Издательство «Известия». 415 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Есенова, Т. С. (2011) «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (59). С. 39–43.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.
- Илиополова, К. С. (2007) Свое и чужое как разные части социокультурного пространства // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 6 (142). С. 11–13.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1999) Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары [Тувинские традиции] : в 2 ч. Кызыл : Новости Тувы. Ч. I и II. 352 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы» ; Тувинское книжное издательство. 242 с.
- Комбу, С. С. (2012) Тувинская литература. Словарь. Новосибирск : Наука. 360 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвистическая и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021c) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.
- Маслова, В. А. (2021) «Образ мира, в слове явленный...» (на материале творчества поэта-билингва Бахыта Каирбекова) // Полилингвистическая и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 176–184. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184>
- Мижит, Л. С. (2022) Достижения тувинской литературы в советский период // Азиатские исследования: история и современность. № 1. С. 73–85. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-73-85>
- Миниханова, Л. К., Фаткуллина, Ф. Г. (2012) Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестник Башкирского университета. Т. 17. № 3–1. С. 1626–1627.
- Монгуш, А. А., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (вып. 40). С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>
- Никитина, С. Е. (1991) О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 204 с. С. 117–123.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 400 с.
- Самдан, З. Б. (2019) Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. № 3. С. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>
- Сироткина, Т. А., Ганущак, Н. В. (2019) Этнические образы манси и русских в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. Т. 9. № 2. С. 279–285. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>
- Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект. 992 с.

Темиргазина, З. К. (2021) Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 18. № 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / О. Л. Львова, И. В. Октябрьская, Л. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Умарова, Г. С. (2016) Картина мира казахского этноса в творчестве В. Даля и О. Сулейменова // Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура: материалы Международной научно-практической конференции / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитриук. М. : Издательство РУДН. 818 с. С. 773–778.

Чистик, Ж. К. (2010) Экологическая культура тувинского этноса / отв. ред. С. С. Курбатская. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 176 с.

Дата поступления: 10.02.2023 г.

Дата принятия: 20.02.2023 г.

REFERENCES

Berezovich, E. L. (2007) *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvistiicheskie issledovaniia [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]*. Moscow, Indrik. 600 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Izvestia Publ. 415 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Esenova, T. S. (2011) «Zemlia» kak lingvokul'turnyi kontsept mental'nogo mira kalmykov [“Earth” as a linguocultural concept of the mental world of the Kalmyks]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (59), pp. 39–43. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] (2021) / ed. by N. B. Koshkareva and E. V. Tiutesheva. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).

Iliopolova, K. S. (2007) Svoe i chuzhoe kak raznye chasti sotsiokul'turnogo prostranstva [One's own and someone else's as different parts of the sociocultural space]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 6 (142), pp. 11–13. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1999) *Tuva changchyl [Tuvan traditions]* : in 2 parts. Kyzyl, Novosti Tuvy. Parts I and II. 352 p. (In Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy ; Tuvan Book Publishing House. 242 p. (In Russ.).

Kombu, S. (2012) *Tuvinskaia literatura. Slovar' [Tuvan literature. Dictionary]*. Novosibirsk, Nauka. 360 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problemy perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskikh kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: On the example of Tuvan cultural concepts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) *Ocherki sovremennoi tuvinskoii kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021c) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lukov, V. A. and Lukov, V. I. (2008) *Tezaurusy: sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2021) «Obraz mira, v slove iavlennyi...» (na materiale tvorcestva poeta-bilingva Bakhyta Kairbekova) [“The image of the world in the word appeared...” (Based on the creative work of the bilingual poet Bakhyt Kairbekov)]. *Polylinguality and Transcultural Practice*, vol. 18, no. 2, pp. 176–184. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184>

Mizhit, L. S. (2022) Dostizheniia tuvinskoi literatury v sovetskii period [Achievements of Tuvan literature in the Soviet period]. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 1, pp. 73–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-73-85>

Minikhanova, L. K. and Fatkullina, F. G. (2012) Khudozhestvennaia kartina mira kak osobyi sposob otrazheniia deistvitel'nosti [An artistic picture of the world as a special way of reflecting reality]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 17, no. 3–1, pp. 1626–1627. (In Russ.).

Mongush, A. A. and Bavuu-Syuryun, M. V. (2020) Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornykh tekstakh tuvinskikh pisatelei [Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers]. *Iazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 2, issue 40, pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Nikitina, S. E. (1991) O kontseptual'nom analize v narodnoi kul'ture [Conceptual analysis and folk culture]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of language. Cultural concepts]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. Pp. 117–123. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2019) Modifikatsiia arkhетипического образа tuvinskogo shamana v tvorcestve M. B. Kenin-Lopsana [Modifications of the archetypal image of the Tuvan shaman in the works of M. B. Kenin-Lopsan]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 158–171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>

Sirotkina, T. A. and Ganushchak, N. V. (2019) Etnicheskie obrazy mansi i russkikh v regional'noi khudozhestvennoi literature [Ethnic images of the Mansi and Khanty in regional fiction]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 279–285. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).

Temirgazina, Z. K. (2021) Transkul'turnost' i ee proiavlenie v poetike liricheskikh tekstov [Transculturalism and its manifestation in the poetics of lyric texts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 1, pp. 29–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world] (1988) / E. L. Lvova, I. V. Oktiabrskaiia, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Tuvintsy: Rodnye liudi [Tuvans: Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Umarova, G. S. (2016) Kartina mira kazakhskogo etnosa v tvorcestve V. Dalia i O. Suleimenova [Picture of the world of the Kazakh ethnic group in the works of V. Dahl and O. Suleimenov]. In: *Sovremennye problemy tiurkologii: iazyk — literatura — kul'tura [Contemporary problems of Turkology: Language — literature — culture]*: Proceedings of the International science-to-practice conference / comp. by U. M. Bakhtikireeva, N. M. Dzhusupov and S. V. Dmitriuk. Moscow, RUDN Publ. 818 p. Pp. 773–778. (In Russ.).

Chistik, Zh. K. (2010) *Ekologicheskaiia kul'tura tuvinskogo etnosa [Ecological culture of the Tuvan ethnic group]* / ed. by S. S. Kurbatskaia. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 176 p. (In Russ.).

Submission date: 10.02.2023.

Acceptance date: 20.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.5

Статья

Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев

Чойган Х. Санчай

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены результаты анализа образа родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев и его изменений в разные периоды истории (с начала XX в. и до сегодняшнего дня). Рассматриваются образы родной земли (төрээн чер) в народных песнях, авторских песнях по народным мотивам, тувинских песнях советского и постсоветского времени. Источниками выступили тексты песен на тувинском языке из сборников разных лет, а также отдельные песни, в том числе два гимна Республики Тыва: «Тооруктуг долгай Таңдым» («Ореховая тайга») (1993–2011 гг.) и «Мен — тыва мен» («Я — тувинец») (2011 г. — до настоящего времени).

В народных песнях образы родных мест конкретизированы, эмоционально окрашены. Это места, где живет человек, которые представляются кормильцами, стражами, хранителями. С родными местами человек открыт, делится чувствами, он ими любуется, жалуется им, делится горестями, а природа сочувствует ему. В авторских песнях по народным мотивам, которые появились с 1930-х гг., мы можем увидеть расширение кругозора певца — с локальной местности до всей Тувы, а также появления коллективного субъекта — «мы». В советских тувинских песнях почти нет лирического певца и его трепетного отношения к родным местам. Они рассматриваются как природа, которую человек должен покорить, подчинить своей воле для того, чтобы стать счастливым и успешным. Родиной (төрээн чурт) называется Советский Союз.

В тувинских песнях в постсоветское время под родными местами снова стала пониматься только Тува. Она стала воспеваться лирично, с подчеркиванием этничности, этнической идентичности тувинцев. В песнях пропал образ огромной страны, пропали мотивы покорения и пр., но вернулись сюжеты единения, родственной связи людей и земли. Это также отразилось и в главной песне Тувы — государственном гимне.

Ключевые слова: тувинцы; песенная культура тувинцев; ырылар; тувинские народные песни; родной край; чер; земля

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Санчай Ч. Х. Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 80-109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Санчай Чойган Херел-ооловна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. 67000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, литера В, каб. 107. Эл. адрес: choykasanchai@mail.ru

SANCHAI, Choigan Kherel-oolovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: choykasanchai@mail.ru

Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans

Choigan Kh. Sanchai

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents the findings of an analysis of the image of the native land in the musical and song culture of the Tuvans and its changes in different historical periods (from the early 20th century to the present day). The scholar considers the images of the native land ('торээн чер' / 'toreen cher') in folk songs, songwriters' songs based on folk motifs, Tuvan Soviet and post-Soviet songs. The sources comprised lyrics of songs in Tuvan from collections of different years, as well as specific songs, including two anthems of the Republic of Tuva: "Tooruktug dolgai tañdym" ("The Taiga Filled with Pine Nuts") (1993–2011) and "Men, Tyva men" ("I am a Tuvan") (from 2011 to the present).

In folk songs, the images of home ground are concretized and emotionally tinged. These are places where people live, which are imagined as breadwinners, guardians and keepers. People are openhearted to their native places and share feelings with them. They admire these lands, complain and share sorrow with them, and nature sympathizes with humans. In songwriters' songs that are based on folk motifs and have been written since the 1930s, we can see the broadening of the singers' outlook — from the local area to the whole of Tuva, as well as the appearance of a collective subject — "we". In Soviet Tuvan songs, there are almost no lyrical singers who have a reverential attitude to their native lands. The latter are viewed as nature which people must conquer and subject to their will in order to become happy and successful. They call the Soviet Union their homeland ('торээн чурт' / 'toreen churt').

In Tuvan songs of the post-Soviet period, native places ('торээн чер' / 'toreen cher') are considered as lands within the borders of Tuva again and praised lyrically. Contemporary songwriters emphasize the ethnicity and ethnic identity of the Tuvans. These songs do not contain the image of a huge country, motifs of conquest, etc. But there are themes of unity, the kin relations between people and the earth again. This was also reflected in the main song of Tuva — its national anthem.

Keywords: Tuvans; song culture of Tuvans; yrylar; Tuvan folk songs; native land; cher; earth

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Sanchay Ch. Kh. Obrazy rodnoi zemli v muzykal'no-pesennoi kul'ture tuvintsev [Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Введение

Музыкальная культура тувинского народа, обладающая богатством форм, жанров, колоритом звучания, о чем пишут специалисты (Кыргыс, 1992; Сузукей, 2007; Карелина, 2009; Левин, 2012; и др.), является важнейшей частью тувинской этнической культуры. И ее можно исследовать не только как форму искусства, не только как сферу традиционной культуры, в которой выражались художественная аутентичность тувинцев. Музыкальная культура — это и выразитель всего мировосприятия культуры. И изучение традиционных образов музыкальной культуры важно для развития культурологического знания о тувинской культуре, картине мира тувинцев.

Одним из важных образов любой народной картины мира является образ Родины, родной земли, о чем пишут исследователи (Степанов, 2004: 170; Содномпилова, 2007; Артановский, 2012; Давлетшин, Зеленева, 2015; Тихомирова, 2018; Желамский, 2018; Чугунеева, 2017; Карпова, 2018; Перевозникова, 2019; Мошина, 2020; Беженару, 2020: 17; Чикаева, 2021; Жизненное пространство ... , 2021; Щелокова, 2022; и мн. др.). Более того, Родина во многих культурах — это не просто важное понятие, не просто ценность. Его следует рассматривать как *концепт культуры*, как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 2004: 43), как «выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия,

внутреннего образа» (Луков В., Луков Вл., 2008: 113), как другие концепты тувинской культуры, которые сформулированы коллективом авторов под руководством Ч. К. Ламажаа (Тувинцы. Родные ... , 2022).

О священности родной земли писал М. Б. Кенин-Лопсан. Он отмечал, что «древние тувинцы землю называли книгой. Пупок человека считался раз и навсегда слит с землей <...> и закапывали в юрте. Это являлось свидетельством неразделенной слитности человека с землей. А земля священна» (Кенин-Лопсан, 2021: 14). Ч. К. Ламажаа анализировала представления тувинцев о пространстве, времени, о Родине с позиции категории пространственного мироощущения (Ламажаа, 2021b: 24). Б. Пуржицки анализирует представление тувинцев о *чер ээзи* ('духе-хозяине земли') (Purzycki, 2011). В. Пээмот пишет о наземном «родстве» у тувинцев *чер төрел* (Peemot, 2020). Особое внимание к теме пространства, родины уделяется в работах филологов (Хертек, 2015; Ондар, 2016; Хертек, 2018; Монгуш, 2018; Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020).

Этномузыковеды всячески подчеркивают, что музыкальная культура тувинцев развилась именно благодаря связи с землей, с природой. Характерно название монографии Т. Левина «Где горы и реки поют: звук, музыка и кочевничество в Туве и за ее пределами» (Левин, 2012). В центре внимания автора стало «соотношение между пением, языком, поэзией и звуками, топографией и жизнью природного мира» (Левин, 2009: 312). В. Ю. Сузукей пишет, что именно хозяйственная деятельность тувинцев на земле позволяет понять «множественные оттенки и нюансы звуковой культуры тувинцев» (Сузукей, 2007: 15).

И в этой связи нас заинтересовал вопрос о том, как в музыкально-песенной культуре тувинцев выражается Родина, ее понимание, отношение к ней. И поскольку песни поются, пишутся, появляются новые, некоторые становятся довольно популярными, то очевидно, что история песен может показать и историю отношения к Родине. Из литературы отметим наблюдение Ж. М. Юша о том, как о Родине поется в песнях тувинцев Китая (Юша, 2018: 98); публикацию И. М. Кошкендея в песнях алтайских тувинцев (Кошкендей, 2018); работу Е. П. Тирон о песнях тувинцев-тоджинцев (Тирон, 2015).

В тувинской культуре концепт Родины выражается понятием тувинского языка *төрээн чер* 'родная земля', или более широко *чер* 'земля'. И одно из «полей» бытования концепта — песни, в которых он присутствует как образ. Так, целью данной работы будет анализ образного выражения *төрээн чер*, или образа родной земли в тувинской музыкально-песенной культуре тувинцев и его изменений в разные периоды истории (с начала XX в. и до сегодняшнего дня).

Учитывая то, что для нас важен исторический взгляд на развитие музыкально-песенной культуры, мы рассматриваем образы родной земли по следующим периодам — образы родной земли: в народных песнях, в авторских песнях по народным мотивам, в тувинских советских песнях, в тувинских песнях постсоветского времени.

Источниками нашего исследования выступили сборники песен разных лет, а также отдельные песни: второе издание тувинских народных песен «Тыва улустун ырлары» («Тувинские народные песни») 1973 г., как наиболее полный сборник тувинских народных песен¹, составители М. М. Мунзук и К. Н. Мунзук; сборник песен «Ырлажылы» («Споем») 1956 г., песенный сборник, изданный в середине XX века², составитель — С. Пюрбю; книга А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка», как первая научно-исследовательская работа по музыкально-песенной культуре тувинцев (Аксенов, 1964); а также два гимна Республики Тыва «Тооруктуг долгай Таңдым» («Ореховая тайга») (1993–2011 гг.), «Мен, тыва мен» («Я — тувинец») (2011 год — до настоящего времени).

Источники исследования

Музыка и песни являются частью традиционной культуры тувинцев, которые сопровождали людей на протяжении всего культурогенеза. Однако научное изучение, а вместе с ним и фиксация этого вида искусства появились только в начале XX в., в связи с изучением быта и культуры тувинцев. Историография работ, имена исследователей отражены в монографических исследованиях В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2007), Е. К. Карелиной (Карелина, 2009).

¹ Тыва улустун ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973.

² Ырлажылы [Споем] (Сборник песен) / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959.

Поскольку нас интересуют тексты песен, то главными источниками данного исследования являются сборники песен. Они в Туве стали появляться в 1930-е годы. Так, старинные тувинские песни были напечатаны в сборнике сочинений «Сьындь согаалдар» («Сборник сочинений») в 1937 г.¹, а в 1947 г. вышел сборник «Чыындь ырлар» («Сборник песен»)².

Неоценимый вклад в изучение традиционного тувинского искусства внесли большие знатоки музыкально-песенной культуры тувинцев, исполнители народных песен М. М. Мунзук (1912–1999) и его супруга К. Н. Мунзук (1918–1995), Народные артисты РСФСР и Тувинской АССР. Их деятельность по сбору и записи старинных и популярных в народе песен начиналась еще с 1930-х годов. Публикация их работы как сборника тувинских народных песен «Ырылар» («Песни») вышла в 1956 г.³ Они сделали первую попытку классификации тувинских народных песен.

В 1973 г. было опубликовано второе издание сборника под названием «Тыва улустуң ырлары» («Тувинские народные песни») исправленное и дополненное⁴, где народные песни тувинцев были паспортизированы с указанием места записи и лица, сообщившего напев (Кыргыз, 2002: 17). Собранные песни авторами были систематизированы и озаглавлены как:

- Улустуң бурунгу ырлары 'Старинные народные песни',
- Улустуң амгы ырлары 'Современные народные песни',
- Тыва улустуң амгы кожамыктары болгаиш дуэттери 'Современные тувинские частушки и дуэты'.

М. Мунзук и К. Мунзук записывали данные каждой песни — от кого услышана песня, год записи, в каком районе, в какой местности и т. д.

А. В. Анохин — известный краевед, этнограф, педагог, композитор, собиратель и пропагандист музыкального фольклора тюрко- и монгольских народов, проводивший свои исследования у тувинцев в 1910 г. был одним из инициаторов записи тувинских песен на фонограф (Кыргыз, 2002: 13). Первые несколько традиционных песен жанра *ырлар* записаны на фонограф в 1927 г. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд с голосов студентов Института народов Севера и Сибири в Ленинграде О. Мандараа и С. Серакей. В 1934 г. по заказу Тувинской Народной Республики была выпущена серия грампластинок Московской фабрикой звукозаписи в исполнении М. Шоюна, К. Лагба, О. Комбу, М. Ошку-Саара и М. Маадыр-оола (Кыргыз, 2002:14).

Значительную роль в изучении музыкальной культуры сыграл талантливый композитор-исследователь А. Н. Аксенов. Его деятельность по сбору музыкальной культуры начиналась с 1940-х годов. Результатом этой работы стала монография «Тувинская народная музыка», выпущенная в 1964 г., под редакцией Е. В. Гиппиуса (Аксенов, 1964). В. Ю. Сузукей, высоко оценивая вклад А. Н. Аксенова в изучении музыкальной культуры тувинцев, считает, что благодаря его работе «получили первое научное описание не только вокальная и инструментальная традиции тувинцев, но и почти все формы и жанры мелодических речитаций, сопровождавших скотоводческие обряды и народные игры, колыбельные песни и т. д.» (Сузукей, 2007: 20). Его труд подхватили З. К. Кыргыз и В. Ю. Сузукей, ученицы и продолжатели традиций научной школы Е. В. Гиппиуса (Кыргыз, 1992, 2002; Сузукей, 2007). Их исследовательские работы значительно пополнили и расширили ценный материал А. Н. Аксенова.

До середины 1990-х годов были выпущены другие сборники песен, над которыми трудились тувинские композиторы:

- «Төрээн Тывам, чечектелип ырла!» («Пой и расцветай, Тува моя родная!») 1958 г., на тувинском языке, редактор Р. Бегзи⁵;
- «Ырлажылы» («Споем») 1959 г., на тувинском языке, составитель С. Пюрбю⁶;

¹ Сьындь согаалдар. Кызыл: Согаал комитет, 1937.

² Чыындь ырлар. Сборник песен. Кызыл, 1947.

³ Мунзук М., Кюнзегеш Ю. Ырылар [Песни]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1956.

⁴ Тыва улустуң ырлары. [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973.

⁵ Төрээн Тывам, чечектелип ырла! [Пой и расцветай, Тува моя родная!] : сборник песен / ред. Р. Бегзи. Кызыл: Типография управления культуры, 1958.

⁶ Ырлажылы [Споем] : сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959.

- «Тыва кожамыктар» («Тувинские частушки») 1965 г., на тувинском языке, составитель Ю. Кюнзегеш¹;
 - «Тувинские народные песни», 1963 г., на русском языке, перевод С. Козловой, редактор С. Бюрбе²;
 - «Чечектел-ле, төрөөн Тыва! Расцветай, Тува родная» 1965 г., на тувинском и русском языках, музыкальный редактор С. Крымский³;
 - Саая Бюрбе «Күш ажылга мактал. Слава труду» 1967 г., на тувинском и русском языках, редактор С. С. Сюрюн-оол⁴;
 - «Орденниг Тыва. Орденоносная Тува» 1968 г., на тувинском и русском языках, к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, редактор В. Л. Сапельцев⁵;
 - Р. Д. Кенденбиль «Частың аялгалары. Весенние голоса» 1969 г., на тувинском и русском языках, музыкальный редактор В. Л. Сапельцев⁶;
 - «Аян тудаал» («Споем»), 1980 г., редакторы А. Б. Чыргал-оол, А. А. Даржай⁷;
 - Р. Д. Кенденбиль «Тайбың ишчи аялгалар. Мелодии мира и труда» 1982 г., на тувинском и русском языках, музыкальный редактор В. И. Борисенко⁸;
 - Р. Д. Кенденбиль, С. М. Бюрбе, К. М. Бегзи «Ырлар чыындызы» («Сборник песен») 1989 г., на тувинском языке, музыкальный редактор В. И. Борисенко⁹;
 - Р. Н. Лесников «Ореховая Тайга», 1995 г., тувинские народные песни для хора, ансамбля народных инструментов, редактор О. Сувакпит¹⁰;
 - «Улуг-Хемниң аялгалары» («Улуг-Хемские напевы») 1966 г., на тувинском и русском языках, музыкальный редактор Р. Д. Кенденбиль¹¹; и др.
- В 2000-е годы в свет вышли сборники:
- «Төрөөн черивистиң ырлары» («Песни родного края») 2011 г., на тувинском языке, составитель В. Донгак¹²;
 - «Ак-Көк Сүт-Хөл чалгыглары» («Волны голубого Сут-Холя»), 2013 г., на тувинском языке, составитель Б. Ондар¹³;
 - «Ырлажылы» («Споемте») 2016 г., на тувинском и русском языках, редакторы З. К. Монгуш, А. С. Казанцева¹⁴; и др.

¹ Ырлажылы [Споем] : сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959.

² Тувинские народные песни : сборник песен / пер. С. Козловой, ред. С. Бюрбе. Кызыл, 1963.

³ Чечектел-ле, төрөөн Тыва! [Расцветай, Тува родная] : сборник песен / муз. ред. С. Крымский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965.

⁴ Саая Б. Күш ажылга мактал [Слава труду] : сборник песен / ред. С. С. Сюрюн-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1967.

⁵ Орденниг Тыва [Орденоносная Тува] : сборник песен / ред. В. Л. Сапельцев Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1968.

⁶ Кенденбиль Р. Частың аялгалары [Весенние голоса] : сборник песен / муз. ред. В. Л. Сапельцев Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1969.

⁷ Аян тудаал [Споем]: сборник песен / ред. А. Б. Чыргал-оол, А. А. Даржай. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980.

⁸ Кенденбиль Р. Д. Тайбың ишчи аялгалар [Мелодии мира и труда] : сборник песен / муз. ред. В. И. Борисенко. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1982.

⁹ Кенденбиль Р. Д., Бюрбе С. М., Бегзи К. М. Ырлар чыындызы [Сборник песен] : нотное издание / муз. ред. В. И. Борисенко. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1989.

¹⁰ Лесников Р. Н. Ореховая Тайга. Тувинские народные песни для хора / учеб. пос. / ред. О. Сувакпит. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1995.

¹¹ Улуг-Хемниң аялгалары [Улуг-Хемские напевы] : сборник песен / муз. ред. Р. Д. Кенденбиль, ред. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966.

¹² Төрөөн черивистиң ырлары [Песни родного края] : сборник песен / 2 вып. Кызыл, 2011.

¹³ Ак-Көк Сүт-Хөл чалгыглары [Волны голубого Сут-Холя] : сборник песен. Абакан: ОАО «Типография «Хакасия», 2013.

¹⁴ Ырлажылы [Споемте]: сборник песен на тувинском и русском языках / сост. А. С. Казанцева. Красноярск: Офсет, 2016.

В сборниках до 1960-х годов основная часть песен указана без авторства, сами песни называются «старинными», «народными». Эти песни мы рассмотрим в категории «народных песен». Они также отличаются традиционными сюжетами, традиционными образами. Отдельно мы рассматриваем авторские песни 1930–1980-х гг. — написанные на основе доработок народных песен, с традиционными образами и сюжетами. Авторские песни того же времени, но включающие сюжеты о переменах в жизни тувинцев в советское время, мы отнесли к группе песен советского времени. И песни, которые появились в 1990-е годы, в которых снова наблюдаются и традиционные образы, и совершенно новые, которые поются ныне и считаются в Туве «современными», мы называем песнями постсоветского времени.

В упомянутых сборниках могут присутствовать песни из разных групп. В связи с этим наша дальнейшая типология выстроена не по принципу анализа сборников определенных лет, а по принципу выделения из всех сборников песен и перераспределения их по нашим группам.

Народные песни о родной земле

В песнях, которые отнесены нами к народным, можно выделить огромный массив песен на тему родного края. Они присутствуют в трех песенных сборниках: второе издание тувинских народных песен «Тыва улустун ырлары» («Тувинские народные песни») 1973 г.¹, сборник песен «Ырлажылы» («Споём») 1959 г.², книга А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка» (Аксенов, 1964).

Песен на тему о родном крае мы насчитали около 70 единиц, из них в 38 присутствуют наименования местностей. Причем мы выделили следующие группы песен:

1. Наименования горных хребтов, перевалов, вершин,
2. Названия рек, устьев реки, озер,
3. Названия местностей,
4. Названия местечек,
5. Песни о людях, которые живут на определенной земле,
6. Песни лирические о человеческих чувствах, об отношении к земле.

Некоторые песни отнесены сразу к нескольким группам, поскольку в них выделяются одновременно несколько критериев. Ряд песен и их названий имеет переводы на русский язык, но есть и песни без переводов, в этом случае переводы названий на русский язык сделаны нами. Некоторые переводы, на наш взгляд, недостаточно точные, поэтому мы предлагаем свои.

Группы тувинских традиционных песен о земле:

1. Наименования горных хребтов, перевалов, вершин:
 - «Тооруктуг долгай Таңдым» («Ореховая тайга», букв. перевод «Танды, богатая орехами»),
 - «Бай-ла Тайга» («Богатая тайга»),
 - «Өдүген Тайга» («Одуген-тайга»),
 - «Буура» («Верблюжий утес»),
 - «Алды баштыг Кара-Дагны» («Шестиглавый Кара-Даг»),
 - «Дөгээ-Баары» («Перед горой Догээ»),
 - «Калдак-Хамар»,
 - «Таңдым турда» («Когда у меня есть Танды»),
 - «Теве-Хая» («Верблюд-скала»),
 - «Тооруктуг Тайга» («Ореховая тайга»),
 - «Башкы таңдым авырлары» («Покровительство Танды») и др.

¹ Тыва улустун ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. 216 с.

² Ырлажылы [Споём]: сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959.

2. Названия рек, устьев реки, озер:

- «Бай-ла Хемчиим» («Богатый мой Хемчик»),
- «Чашпы-Хем» («Река Чашпы»),
- «Арысканың чыварынга» («На таежном холодном ветру»),
- «Чагытай» («Чагытай»),
- «Көктүг шыктыг Хемчивисти» («В зеленых лугах наш Хемчик»),
- «Каа-Хем» («Малый Енисей»),
- «Шеми Бажы» («Устье Шеми»),
- «Улуг-Шөлдүң буга дөзү» («Полевая запруда») и др.

3. Названия местностей:

- «Межегей»,
- «Самагалдай»,
- «Хандагайты»,
- «Бай-ла Тайга»,
- «Чагытай»,
- «Черим болган Чес-Булун» («Земля Чес-Булун, ставшая родиной»),
- «Шуйумну ыңай» («Родимый край мой Шуй»),
- «Артыы-Сайны» («Артыы-Сай») и др.

4. Названия местечек:

- «Кызыл Чыраа» («Красный кустарник»),
- «Хараганныг кара чайлаг» (Караганником поросший чайлаг).
- «Арга Чарык» («Лесная сторона») и др.

5. Песни о людях, которые живут на определенной земле:

- «Тожуларның аңчыларының ыры» («Песня охотников Тоджи»),
- «Өдүген Тайга» («Одуген-тайга»),
- «Тооруктуг Тайга» («Ореховая тайга»),
- «Эн куруг кагбаан-на мен» («Юрту пустой не оставил я»),
- «Шуйумну ыңай» («Родимый край мой Шуй»),
- «Эрзин-Теске» («В Эрзине и Тесе») и др.

6. Песни лирические о человеческих чувствах, об отношении к земле:

- «Таңдым турда» («Когда у меня есть Танды»),
- «Тараан тараа тазыр шөлке» («Засеянные хлеба на бескрайнем поле»),
- «Силер турда, бодум чоргаар» («Когда есть вы — я горд»),
- «Эдискилеп¹ аңнаалыңар» («Песня охотника»),
- «База катап көрбес мен бе?» («Увижу ли снова?»),
- «Каттырымзап орган ышкаш» («Словно улыбается»),
- «Чорумал бодум» («Путник я») и др.

В песнях мы наблюдаем внимание певцов к земле, воспевание, любование, воспоминания о конкретных местах на территории республики, которые для них известны и с которыми у людей есть сильная эмоциональная связь. Абсолютное большинство традиционных песен содержит образы земли как конкретного места на территории республики, не всей Тувы.

¹ Эдиски — охотничий свисток манок; эдискилеп — способ охоты манком.

Отдельно можно отметить эпические песни с названиями горных хребтов: «Өдүген Тайга» («Одуген тайга»), «Тооруктуг долгай Таңдым» («Ореховая тайга»), «Бай-ла Тайга» («Богатая тайга»).

Например, в песне «Өдүген тайга» поется:

Текст народной песни «Өдүген тайга»	Перевод на русский язык
<p>Өдүген тайга чурттуг-ла мен, Өлең сизен чыттыг-ла мен. Чалым тайга чурттуг-ла мен, Шаанак сизен чыттыг-ла мен.</p> <p>Эдер чарың мунуп алгаи, Элиң будун дергилеп кел. Мынды чарың мунуп алгаи, Мыйгааң будун дергилеп кел</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 98).</p>	<p>В Одуген тайге живу я, Запах лесных трав вдыхаю. В скалистой тайге живу я, Запах горных трав вдыхаю.</p> <p>На ревущего оленя сев верхом, Ногу козули приторочив [к седлу], вернись. На вьючного оленя сев верхом, Ногу маралухи приторочив [к седлу], вернись</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 98).</p>

Песню «Өдүген тайга» пели перед охотой как ритуал, о чем пишет этномузыковед В. Ю. Сузукей: «музицирование перед охотой, видимо, подразумевало, что благополучие будет сопутствовать человеку» (Сузукей, 2007: 15). В первой части песни охотник обращается к хозяевам и духам земли, напоминая, что он — житель этих мест. Во второй части певец поет о предстоящей охоте в побудительной форме, подразумевая, что охота должна благополучно закончиться. При этом слияние с родным краем воспевается человеком как настоящее счастье. Он описывает, как чувствует слияние с местами, в которых он живет, воздухом которых дышит, запах, которых для него родной.

Такие же чувства выражаются в народной песне «Самагалтай»:

Текст народной песни «Самагалтай»	Перевод на русский язык
<p>Дооразындан харап көөрге, Торгу хээлиг Самагалдай. Топтавыла көрбээн кижги Довурактыг дээр-ле боор оң.</p> <p>Хажызындан харап көөрге Хана хээлиг Самагалдай. Караа-биле көрбээн кижги Хая-даштыг дээр-ле боор оң.</p> <p>Адаанайдан харап көөрге Ажык шөлдүг Самагалдай. Аргызы-ла көрбээн кижги Арга, даштыг дээр-ле боор оң.</p> <p>Үстүүнейден харап көөрге Үлегер дег Самагалдай. Үргүлчү-ле чорбаан кижги Үзүк суглуг дээр-ле боор оң</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 93).</p>	<p>Друг, взгляни на Самагалтай — Он красив, как шелк расписной. Кто его не видел душой, Скажет: «Бедный и пыльный край».</p> <p>Вдаль взгляни, на Самагалтай — Он расписан узором юрт. Кто душой не в этом краю — Скажет: «Бедный, скалистый край».</p> <p>С гор взгляни на Самагалтай — Дрогнет сердце, счастья не скрывает. Кто не любит родной мой край, Скажет: «Просто речной обрыв»¹.</p>

Певец описывает красоту родного края, противопоставляя собственное видение его тому, как его может увидеть чужой человек.

¹ Тувинские народные песни : сборник песен / пер. С. Козловой, ред. С. Бюрбе. Кызыл, 1963. С. 9.

Образ родных мест представляется благородным, щедро дарящим свои блага, так же он является и стражем душевного спокойствия и здоровья. Об этом поется от имени девушки в песне «Башкы таңдым авыралы» («Покровительство Танды»):

Текст народной песни «Башкы таңдым авыралы»	Перевод на русский язык
<p>База-лаңай, шымда-лаңай, Баксыравас уруг боор мен. Баксыравас чүңде дизе, Башкы таңдым авыралы.</p>	<p>Давай-давай по-шустрому, Девушка я, не хворающая. Если спросят от чего же, Так благодаря родной Танды.</p>
<p>Уё-лаңай, шымда-лаңай, Уяравас уруг боор мен. Уяравас чүңдел дизе, Улуг таңдым авыралы.</p>	<p>Давай-давай по-быстроу, Девушка я, не унывающая. Если спросят от чего же, Так благодаря великой Танды</p>
<p>Хая көрген кадыр таңдым. Хайыразы улуг таңдым. Бээр көрген бедик таңдым. Беримчези улуг таңдым¹.</p>	<p>На сторонке этой — крутой мой Танды Преподносит нам дар богатый. На сторонке той — высокий Танды Преподносит нам дар великий².</p>

Народная песня «Чашпы-Хем» имеет вступительную часть, где говорится о том, что *чайлаг* 'летник' расположен на альпийских лугах, богатой удивительными травами и растениями, белками и пушиной. Как подчеркивается в песне, красота этой земли удивляет и поражает гостя приехавшего из далекой земли (*айлык чер*).

Текст народной песни «Чашпы-Хем»	Перевод на русский язык
<p>Аалдар чайлаар аяң шыктыг, Айы, бези арбын Чашпым. Айлык черден келген кижи Айын, безин кайгап чанар.</p>	<p>Где аулы летом кочуют среди лугов, Где так много саранки и пеза, — [здесь ты] моя Чашпы. Из далеких мест приехавшие люди, Кореньям твоим удивившись, уедут.</p>
<p>Өглер чайлаар өлең-шыктыг, Өлүк-дишци өргүн Чашпым. Өске черден келген чоннар Өөрүшкүзү ханып чанар.</p>	<p>Где юрты летом кочуют среди полян, Где так много пушнины — [здесь ты] моя Чашпы. Из других мест приехавшие люди, Пушнине твоей удивившись, уедут.</p>
<p>Чашпы-Хемниң чаш-ла хаакка Чадаганнап орбадың бе. Чара челзип келиримге, Чашты хона бербедиң бе.</p>	<p>На реке Чашпы в молодых вербах, Не ты ли на чадагане⁴ играла? А когда я, подъехав, прыгнул с коня, Не ты ли так быстро спряталась?</p>
<p>Хөнү баткан Чашпы-Хемге, Хөөмейлеп орбадың бе. Хөме челзип келиримге, Көрбээчөңней бербедиң бе³.</p>	<p>На прямой, как стрела, реке Чашпы, Не ты ли хоомей пела? А когда я, подскакав, осадил коня Не ты ли притворилась, что меня не заметила? (Аксенов, 1964: 100).</p>

¹ Тыва улустуң ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 34.

² Подстрочный перевод К. А. Сат.

³ Тыва улустуң ырлары [Тувинские народные песни] ... С. 18.

⁴ Чадаган — старинный многострунный щипковый инструмент.

Как мы видим, в народных песнях образ родины всегда конкретизирован до названия местности, где живет человек, которая для него всегда красивая, родная. Образ родной земли представляется кормильцем, стражем, хранителем. Родные места это не только тайга, поля и реки, это и *аал-чурт*, *аал-оран* – селение, где расположена юрта в окрестностях *аала* ‘селения’. Это может быть милый сердцу образ, имеющий определенные приметы, маркеры. С родными местами человек открыт, делится чувствами, он ими любит, жалуется, делится горестями, а природа сочувствует ему.

Авторские песни по народным мотивам о Родине

В группе песен, отнесенных к авторским песням по народным мотивам, нами выделены 23 песни с образами родины в песенных сборниках: второе издание тувинских народных песен «Тыва улустун ырылары» («Тувинские народные песни») 1973 г.¹, сборник песен «Ырлажылы» («Споем») 1959 г.², книга А. Н. Аксенова (Аксенов, 1964).

Во всех трех сборниках совпадает одна песня с названием «Бай-ла Хемчиим» («Богатый мой Хемчик») на слова С. Сарыг-оола. В двух сборниках совпадают две песни: «Шеми бажы» («Устье Шеми»), музыка народная на слова Тамба-Суруна и песня «Теве-Хая» («Верблюд-Скала»), музыка народная на слова С. Шойгу.

Три песни в названиях имеют слово *чуртум* ‘моя родина, мой край’:

- «Байлак чуртум» («Богатый мой край»), музыка народная, слова С. Сарыг-оола,
- «Чуртум бо дур» («Это моя родина»), музыка и слова В. Кок-оола,
- «Мээң чуртум» («Мой край»), музыка С. Бюрбе, слова С. Сурун-оола.

В четырех названиях присутствуют горы или перевалы:

- «Теве-Хая» («Верблюд-Скала»), музыка народная, слова С. Шойгу,
- «Кызыл Хая» («Красная скала»), музыка Р. Кенденбиля, слова С. Тамба,
- «Калдак-Хамар»³ музыка народная, слова С. Тока,
- «Бай-ла тайга» («Богатая тайга»), музыка народная, слова Л. Чадамба.

Отметим, что среди авторских песен увеличилось число песен с названием рек:

- «Бай-ла Хемчиим» («Богатый мой Хемчик»), музыка народная, слова С. Сарыг-оола,
- «Шеми хемим» («Устье Шеми»), музыка народная, слова Тамба-Суруна,
- «Ак-көк Хемнер» («Голубые реки»), музыка Т. Кызыл-оола, слова Л. Чадамба,
- «Шеми-Хемим» («Моя река Шеми»), музыка Р. Кенденбиля, слова С. Сарыг-оола,
- «Төрээн-Хемим эриинде» («На берегу моей родной реки»), музыка С. Баазана, слова Ю. Кюнзегеша,
- «Кожжай биле Торгалыгны» («Речки Кожжай и Торгалыг»), музыка А. Чыргал-оола, слова С. Сарыг-оола.

Появились новые, не традиционные мотивы в названиях песен:

- «Ырлажылы» («Споем»), музыка народная, слова С. Сарыг-оола,
- «Ырлаал, чурээм» («Пой, мое сердце»), музыка А. Лаптана, слова С. Сарыг-оола,
- «Аян – чорукчунун таалалы» («Радость путешествия»), музыка народная, слова С. Сарыг-оола,
- «Чана берээл» («Поедем домой»), музыка и слова В. Кок-оола.

Некоторые народные песни имеют два, а то и несколько вариантов текста слов в сборниках. Причина заключается в том, что народные песни, не имевшие авторства, в советские времена стали дорабатываться поэтами, композиторами. В. Ю. Сузукей подчеркивала, что в начале XX века в традиционной культуре тувинцев еще не сформировано понятие профессионального подхода к музыке: «на одну и ту же мелодию в различных местностях поются разные слова и мелодии» (Сузукей,

¹ Тувинские народные песни : сборник песен / пер. С. Козловой, ред. С. Бюрбе. Кызыл, 1963. С. 9.

² Ырлажылы [Споем] : сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959.

³ Калдак-Хамар – название перевала на горной системе Танну-Ола на юге Тувы (тув. *Таңды-Уула*).

2007: 41). Закрепление мелодии за определенным текстом, как пишет А. Н. Аксенов, это относительно новое явление, получившее свое развитие лишь в начале прошлого столетия (Аксенов, 1964: 31).

Так, появление песенного жанра в музыке в Туве 1930-х годов и дальнейшее развитие профессионального творчества тувинских композиторов связывалось в первую очередь с авторской доработкой песенного фольклора (Сузукей, 2007: 188). На стихи Сергея Пюрбю, Юрия Кюнзегеша, Степана Сарыг-оола, Саая Бюрбе, Леонида Чадамба, Виктора Кок-оола, Кара-Кыс Мунзук и др. народ стал петь песни, используя мелодии старинных песен.

В этом русле мы можем рассматривать песню, воспевающую весь край — «Бистиң Тыва», т. е. «Наша Тува». В народе эту песню стали петь на мелодию старинной песни «Дээң-дээң»¹. Затем музыка песни была переложена на ноты и записана, зафиксирована С. Г. Коровиным в 1932 г.² Новый вариант песни написал в 1940-е гг. народный писатель С. Пюрбю³, этот текст содержится в сборнике «Тыва улустун ырлары» 1973 г.⁴

На первый взгляд, кажется, в тексте присутствуют дух и традиции стихосложения, характерные для старинных песен. Здесь также тувинец окружен просторами своей земли, воспевает ее. Но в тексте появляются также новые мотивы.

В последней строке каждого четверостишья рефреном звучит:

Текст песни «Бистиң Тыва» С. Пюрбю	Перевод на русский язык
<p><i>Хөвөң ышкаш хоюг, чымчак дүктүг Хөлдер ышкаш чалгып, чаптып чыдар, Көвей малы аалга сыңмас болган Хөглүг омак, байлак бистиң Тыва.</i></p>	<p>С мягкой шерстью, пушистой, словно вата, И словно озера волнующиеся раскинулись, Так много скота, даже пастбищ им мало — Это наша задорная, богатая Тува.</p>
<p><i>Саар малы аалга сыңмас болган, Сагган суду сава ажып долган, Ажы-төлү эрес, хөглүг-омак Арат чону хостуг бистиң Тыва.</i></p>	<p>Дойных коров и яков — прямо не счесть. Изобилие молока — через край разливается. Счастливый смех и веселье — дети резвятся. Это нашей Тувы свободный народ.</p>
<p><i>Шынаа, шөлдер сыңмас чылгызындан Чыраа, саяан шилип тудуп мунар, Чычыы, торгу хевин солуп кедер Чыргап турар байлак бистиң Тыва⁵.</i></p>	<p>Табуны полны степей и полей, Рысцей иль галопом — на вкус выбирай. Наряды шелковые, парчовые — каких только нет. Это благодатная наша Тува⁶.</p>

Мы видим, что это не просто образ того места, откуда родом человек, это уже не просто конкретные горы, местности, а в целом речь идет о всей Туве. Творческая интеллигенция, большинство из которых получило образование, поменяло место жительства, стала жить в столице республики. Поэтому она уже не могла не мыслить категориями сразу всей республики. Построение образа Тувы также воспевало и складывание нации (как государствообразующего народа Тувинской Народной Республики). Появились упоминания о народе (*арат чон*) и о том, как в целом народ живет на родной земле. Сама Родина стала описываться как источник благоденствия, плодородия, связанного с другими концептами или ценностями тувинской культуры: *мал* ‘скот’ (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022), *ажы-төлү* ‘потомство’ или *уруг-дарыг* ‘дети, детвора’ (Ламажаа, 2021а).

¹ Дээң-дээң — припев, мелодический орнамент песен жанра кожамык «короткая песня» (Сузукей, 2007: 40).

² Тыва улустун ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 38.

³ Пюрбю Сергей Бакизович (1913–1975) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, народный писатель Тувинской АССР.

⁴ Тыва улустун ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 38.

⁵ Там же.

⁶ Подстрочный перевод К. А. Сат.

Другая песня в этом же ряду — народная песня «Бай-ла Хемчиим» («Богатый мой Хемчик»). Автор стихов С. А. Сарыг-оол¹. Текст песни опубликован в сборнике «Тыва улустун ырлары» 1973 г.² В комментариях к песне сообщается, что мелодия старинной песни в исполнении А. М. Чымба была записана на пластинку в 1934 г. в Москве. В том же году капельмейстер С. Г. Коровин записал мелодию на ноты. Позднее, в 1940 г., С. А. Сарыг-оол написал стихи «Бай-ла Хемчиим» («Богатый мой Хемчик»), которые стали очень популярными. Вместе с тем, там же сообщается о том, что на эту же мелодию существует иная песня «Таңдым турда» («Когда есть Танды»).

Сравнение текстов народной песни и авторской (на одну и ту же мелодию) показывает, как авторы советского времени трансформировали традиционные сюжеты и вплетали в них новые мотивы:

Текст народной песни «Таңдым турда»	Перевод на русский язык
<p>Таңдым турда таңдаш-ла мен, Тараам турда тодуг-ла мен. Хемчиим турда хертеш-ле мен, Хевээм турда тодуг-ла мен. Э, Хемчиим.</p> <p>Тооруктуг долгай таңдым Долганзымза тодар-ла мен. Тос-ла чүзүн малымайны Торуктурза, тодар-ла мен. Э, Хемчиим.</p> <p>Эзириктиг, ээр-ле таңды Эргилзимзе, тодар-ла мен. Эрээн шокар малымайны Азыраза, байыыр-ла мен. Э, Хемчиим</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 78).</p>	<p>Когда у меня есть Танды, я весел, Когда у меня есть хлеб, я сыт. Когда у меня есть Хемчик, я горд, Когда у меня есть хевек [отруби], я сыт. Эй, мой Хемчик.</p> <p>Уступчатую Танды из кедров Кругом обойду — буду сыт. Девять видов скота моего Выращу — стану богат. Эй, мой Хемчик.</p> <p>Вьющуюся Танды с козлятами Кругом обойду — буду сыт. Скот мой разных мастей Выращу — стану богат. Эй, мой Хемчик.</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 78).</p>
Текст песни «Бай-ла Хемчиим» С. Сарыг-оола	Перевод на русский язык
<p>Аяңгаты, Барлыктарын Артель-колхоз шыва берген, Ажылчы чон чыргал туткан Алгыг делгем Улуг-Хемчиим — Бай-ла Хемчиим!</p> <p>Хову, шынаа хемнеринде Хоорай, суурлар чечектелген, Үерлемген хөгжүдделиг Үжүүр чараш узун Хемчиим — Бай-ла Хемчиим!³</p>	<p>Где [землю] Аянгаты и Барлыков Артели-колхозы покрыли, Где трудовой народ счастье добыл, — Широкий-обширный большой мой Хемчик, — Ух, богатый мой Хемчик!</p> <p>Где на реках [среди] степей и лугов Города, селения расцвели, — Как в половодье разросшийся Дивный-прекрасный длинный мой Хемчик, — Ух, богатый мой Хемчик! (Аксенов, 1964: 80).</p>

Как мы выявили, в текстах народных песен лирический герой подчеркивает свою связь с родным краем, воспекает благоденствие на этой земле, плоды ее, благодаря которым он будет сыт. В авторской же песне по народным мотивам лирический герой, от имени которого поется песня, остается, но его внимание обращено уже не к себе одному как получателю природных даров, а к «коллективному пользователю» плодородной земли — народу, артелям, колхозам, что безусловно было типическим

¹ Сарыг-оол Степан Агбанович (1908–1983) — поэт, прозаик, переводчик, народный писатель Тувинской АССР, заслуженный деятель литературы и искусства Тувинской АССР, основоположник и классик тувинской литературы.

² Тыва улустун ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 7.

³ Там же.

художественным приемом советского реализма. Образ Родины здесь представляется образом кормилицы не одного труженика, или труженика и его семьи, рода, а всего народа.

Такая трансформация образа особенно заметна, если сравнить одну песню с двумя вариантами текстов — текстом народным, без автора, и авторским. Так, в западной части Тувы была популярна народная песня «Бай-ла Тайга» («Богатая Тайга»). М. Мунзук записал песню с пластинки в исполнении Х. А. Анчымаа. Позже ее стали исполнять на слова Л. Чадамба и с тех пор песня получила известность как «Бай-ла Тайгам» («Богатая моя Тайга»)¹.

Рассмотрим оба текста с переводами.

Текст народной песни «Бай-ла Тайга»	Перевод на русский язык
<p><i>Барып-барып бады келген Бажы бедик Бай-ла-Тайгам. Барын-чогун чугаалажыр Баштак кара өөрүмнү, оо.</i></p> <p><i>Эглип-эглип бады келген Экти бедик Бай-ла-Тайгам. Эки-багын чугаалажыр Эрге кара уругларны, оо².</i></p>	<p>Высокая моя Бай-Тайга — От вершин до подножья величественная. Задорные мои друзья, Задушевные и верные.</p> <p>Высокоплечая моя Бай-Тайга — С изгибами и дугами — могучая. Милые подружки мои, Делимся сокровенными тайнами³.</p>
Текст песни «Бай-ла Тайгам» Л. Чадамба	Перевод на русский язык
<p><i>Барып-барып бады келген Бажы бедик Бай-ла-Тайгам. Баарында ховулары Байлак дүжүт ээзи тайгам.</i></p> <p><i>Эглип-эглип бады келген Экти бедик Бай-ла-Тайгам. Өдээнейде ховулары Элбек дүжүт ээзи тайгам.</i></p> <p><i>Бедип-бедип бады келген Меңги баштыг Бай-ла-Тайгам. Белдеринде, хемнеринде Фермаларлыг Бай-ла-Тайгам⁴.</i></p>	<p>Высокая моя Бай-Тайга — От вершин до подножья величественная. Раскинутые поля перед ней Дары преподносят нам щедрые.</p> <p>Высокоплечая моя Бай-Тайга — С изгибами и дугами — могучая. Поля и степи у подножья Дарят урожай нам богатый.</p> <p>Величественно возвышенная С мерзлотою вечною Бай-Тайга. Расположила и фермы она На берегу рек своих широких⁵.</p>

В авторской песне, в отличие от народной, мы видим, что пропала сюжетная линия, связанная с кара уруглар букв. ‘черными девушками’ и кара өөрүмнү букв. ‘черными друзьями’⁶, т. е. подругами и друзьями лирического героя. Но к описанию родной земли (к «моей Бай-Тайге») добавилось упоминание о фермах, которые расположились здесь и которые позволяют, очевидно, получать дары этих мест.

¹ Тыва улустун ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 58.

² Там же.

³ Подстрочный перевод К. А. Сат.

⁴ Тыва улустун ырлары. [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 58.

⁵ Подстрочный перевод К. А. Сат.

⁶ Здесь кара ‘черный’ усиливает значение слова эрге ‘ласка’ и баштак ‘шутливый’ т. е. эрге кара означает ‘ласковые, приветливые’ уруглар ‘девушки’, а баштак кара ‘любящие весело шутить’ өөрүмнү ‘мои друзья’.

В песне «Төрээн хемим эриинде» («На берегу родной земли») на слова Ю. Кюнзегеша традиционно воспевается родная земля, родная река, передается любовь к родине. Но появляется изменение — вместо юрт возвышаются дома, стационарные жилища, в которые переселились тувинцы:

Текст песни «Төрээн хемим эриинде» Ю. Кюнзегеша	Перевод на русский язык
<p>Хемим сенден мэнди ээрер, Келген оглуң байыр тудайын. Сеткил чүрээм ынаа ханзын, Сеңээ ырым бараалгаайн!</p> <p>Төрээн черим! Сайы, хемче Төктүп баткан эришц эвес Чаартынып өзүп турар Чаагай чечээң үнемчелиг.</p> <p>Өгнү солуй бажың бедээн, Сесерлинде оолдар, кыстар Сергек ойнаан чаа суурлуг Өскен хемим таныттынмас.</p> <p>Чүрек хөрээм кыймыңнаткан Оран-чуртум ынакшылы Чүүм болган, тыным болган. Ойна хемим, чайна хемим!¹</p>	<p>Разреши мне, твоему сыну, Обратиться с приветом, родная. Пусть душа насладиться любовью И от души посвящать тебе песни!</p> <p>Родная земля! Не берега твоих рек С песком и галькою ценю, Мне бесконечно дороги, милы Цветение бутонов вдоль берегов.</p> <p>Вместо юрт прежних дома высоченные На просторах новейших селений. Молодежи звонкий смех и веселье — Неузнаваемы стали берега родные.</p> <p>Взволновано сердце стучится, С любовью к сторонке родной. Ты мои крылья, ты моя жизнь, Играй река моя, сверкай [искрись] река моя!²</p>

Фото 1. М. М. Мунзук, К.-К. Н. Мунзук, А. С. Лапатаң, 1968 год. Автор фото неизвестен.
 Фото из архива Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.
 Photo 1. M. M. Munzук, K.-K. N. Munzук, A. S. Lapatan, 1968. The author of the photo is unknown.
 Photo from the archives of the V. Kok-ool National Music and Drama Theater of the Republic of Tuva.

¹ Ырлажылы [Споём] : сборник песен / сост. С. Пюрбю Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959. С. 102.

² Подстрочный перевод К. А. Сат.

Несколько слов о песне «Канчаар, акый» («Что делать?»)¹. В 1936 г. М. Мунзук записал эту тувинскую народную песню в музыкальном сопровождении Кара-оола на игиле², ее спела К. Мунзук (фото 1).

К данной мелодии С. А. Сарыг-оол написал стихи «Ырлажыылы» («Споём») и в народе эта песня стала популярна в одноименном названии³.

Текст песни «Ырлажыылы» С. Сарыг-оола	Перевод на русский язык
<p>Орай кежээ таанда сериин, Ойнап-хөглеп алырыңар, Бараалыңар, че.</p>	<p>Тих и свеж вечерний ветерок. Эй, парни, девушки — на лужок вместе мы пойдем!</p>
<p>Оран-чурттуң омак хөглүү Оолдарында, кыстарында, бараан болуул че.</p>	<p>Юность — сила солнечной страны. Служить мы Родине все должны — песню запоем!</p>
<p>Эштиң-өөрнүң үнүн кадар Игилиңни ойнат, акый, Ырлажыылы, че.</p>	<p>Что, дружок, гармонь⁵, твоя молчит? Пускай, веселая, зазвучит — песню мы споем!</p>
<p>Хостуг омак оолдуң, кыстың Кожак ырын ойнап берем, ырлажыылы че⁴</p>	<p>Эй, приладь ремень через плечо — О дружбе, радостно, горячо песню мы споем!⁶</p>

Родина здесь передается лексемой *оран-чурт* ‘страна’ (Татаринцев, 2008: 328). В этой песне появляется мотив долга перед Родиной, не характерный для тувинских народных песен⁷.

В авторских песнях появилось понимание «мы». Очевидно, отчасти это связано с внедрением в этот период нехарактерной для народной песни тувинцев формы хоровой песни без традиционного состязательного и импровизационного элемента (фото 2).

Фото 2. Выступление хора Театрально-музыкального училища, 1941 год. Автор В. П. Ермолаев.
Фото из архива Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.
Photo 2. Performance of the choir of the Theater and Music School, 1941. The photographer is V. P. Ermolaev.
Photo from the archives of the V. Kok-ool National Music and Drama Theater of the Republic of Tuva.

¹Тыва улустуң ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 133.

²Игил — тувинский двухструнный смычковый инструмент.

³Тыва улустуң ырлары [Тувинские народные песни] / составители М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 133.

⁴Там же. С. 135.

⁵В переводе С. Козловой название тувинского инструмента *игил* заменено на гармонь.

⁶Тувинские народные песни : сборник песен / пер. С. Козловой, ред. С. Бюрбе. Кызыл, 1963. С. 19.

⁷Но тем не менее в народных песнях также встречаются песни о сражениях, о том, что тувинцы не сдаются врагам. Напр., песня «Алды баштыг Кара-Дагны» (Аксенов, 1964: 126).

В тувинских хороводных или хоровых песнях *кожаң*¹ суть пения хором заключалась в делении на две хоровые группы, которые соревновались между собой, старались перепеть друг друга. Теперь же надо было в песне выразить сплоченность и в содержании, и в форме его исполнения.

В народной песне с новым текстом С. Сарыг-оола «Ырлажыылы» («Споем») есть такие строки: *Эштиң-өөрнүң үнүн кадар / Друзей и подруг голоса сольются воедино. Игилиңни ойнат, акый, Ырлажыылы, че / Давайте же споем, под звуки игила. / Хостуг омак оолдуң, кыстың, Кожаң ырын ойнап берем, че / Давайте же споем песни кожаң, Свободолюбивых молодцев и девушек (перевод последних двух фраз песни наш, отличается от перевода С. Козловой. — Ч. С.). Традиционный игил как аккомпонирующий музыкальный инструмент тувинцев еще фигурирует в тексте С. Сарыг-оола. Но игил обычно сопровождал пение одного человека, содержание же самой песни написано уже в новой форме — для пения хором.*

Так, в авторских песнях по народным мотивам мы можем увидеть расширение кругозора певца — с локальной местности до всей Тувы, а также появление «мы» как коллектива (коллективных хозяйств, которые заменили собой семейные, родовые общности), народа.

Образы земли в тувинских советских песнях

Наравне с народными песнями, в том числе «авторизованными», в которых образы земли «основное ядро, не подверженное никаким политическим установкам и вмешательствам» (Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020: 110), появились песни, в которых явно выражена тематика советской идеологии (там же). Эти песни мы рассматриваем в группе тувинских советских песен.

С одной стороны, советские композиторы продолжают создавать песни о родных краях, об отдельных районах, местностях Тувы, о людях этих мест и их привязанности к земле, продолжая традиции народных песен.

Однако, с другой стороны, в советских песнях появились новые образы земли.

На наш взгляд, классификация песен с образом земли может быть усложнена:

1. Песни о людях, которые живут на определенной земле — в патриотическом характере:

— «Бистиң Тыва» («Дээң-дээң»), музыка народная, слова С. Пюрбю,

— «Камгаланыр кужу-даа бар» («Оборонная сила»), музыка народная, слова О. Санчата,

— «Баар оруу кегээрелдиг» («Путь ее светел»), музыка народная, слова С. Борбак-оола,

— «Совет эвилелиниң хамаатызы мен» («Я гражданин советской страны»), музыка А. Б. Чыргал-оола, слова С. Сарыг-оола,

— «Коммунистиг партияга шынчы бис» («Мы верны коммунистической партии»), музыка С. Соруктуу, слова Ю. Кюнзегеша и др.

2. Песни о людях, которые стали жить оседло, обзавелись новыми сельскохозяйственными профессиями:

— «Суурумга чанып кээр мен» («Я вернусь в родное село»), музыка С. Бюрбе, слова С. Сурун-оола,

— «Колхозчу мен» («Я колхозник»), музыка народная, слова С. Сурун-оола,

— «Тараан тараа дазыр шөлде» («Засеянные хлеба на бескрайнем поле»), музыка и слова с неуставленным авторством,

— «Шеми хемим» («Моя река Шеми»), музыка Р. Кенденбиля, слова С. Сарыг-оола,

— «Колхозумну» («Мой колхоз»), музыка О. Чылбак-оола, слова С. Сувакпита,

3. Песни лирические, об отношении человека к земле:

— «Аян — чорукчунуң таалалы» («Радость путника»), музыка народная, слова С. Сарыг-оола,

— «Чалыы назын байырлалы» («Праздник юности»), музыка А. Лаптана, слова О. Сувакпита,

¹ *Кожаң, кожамык* — жанр лирических песен. Слово *кожамык* от производного «кожар» в значении «присоединять» или «прицеплять». «Эти песни зачастую имеют шуточное содержание и используются как песенное обращение парня и девушки друг к другу или группы парней и *кожаң* группы девушек или даже двух групп девушек (или парней). Это были своеобразные музыкальные состязания в способности импровизировать текст песни в ответ на то, о чем только что пропела конкурирующая сторона» (Сузукей, 2007: 39; курсив источника. — Ч. С.).

- «Чорумал бодум» («Путник я»), музыка народная, слова В. Кок-оола,
 - 4. Песни о людях, которые живут на определенной земле — в героическом или драматическом характере:
 - «Алды баштыг Кара-Дагны» («Шестиглавый Кара-Даг») (Песня шестидесяти богатырей), музыка и слова с неустановленным авторством,
 - «Арысканның чыварынга» («На таежном холодном ветру Арыскана»), музыка и слова с неустановленным авторством,
 - «Төрээн хемим эриинде» («На берегу родной реки»), музыка С. Баазан-оола, слова Ю. Кюнзегеша,
 - «Төрээн чурттуң хүнү» («День моей Родины»), слова Ю. Кюнзегеша, музыка Р. Кенденбиля,
 - «Туттурбайын чорза-чорза» («Я ходил, не сдаваясь врагу») музыка народная, слова О. Санчата и др.
- Рассмотрим образы Родины в наиболее характерных из них.

Текст песни «Камгаланыр күжү-даа бар» О. Санчата	Перевод на русский язык
<p>Каа-Хемде, Би-ле-Хемде Каш-ла чүзүн байлак-ла бар Кайгамчыктыг чуртувустуң Камгаланыр күжү-даа бар.</p>	<p>На Каа-Хеме, на Бий-Хеме Есть много природных богатств. У нашей замечательной страны Есть оборонная сила.</p>
<p>Улуг-Хемниң, Би-ле Хемниң Ушта чалгып чыдары, Удурланыр дайзын келзе, Уу-шавар күжүвүс хөй.</p>	<p>Как Улуг-Хем и Бий-Хем Текут и бьют волнами, Так, если враг нападет, Много сил у нас его разгромить.</p>
<p>Артымы-иштии таңдыларда Алдын-даа бар, байлак-даа бар, Артывыста, мурнувуста Акы-дуңма чурттар-даа бар.</p>	<p>На внешних и внутренних кряжах тайги Есть и золото и другие богатства. На севере, на юге у нас Есть братские страны.</p>
<p>Башкы соңгу таңдыларда Байлак-даа бар, аңнар-даа бар, Бай-ла кежик берип турар Бады-быжыг ССРЭ бар</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 150).</p>	<p>На южных и северных склонах тайги. Ископаемые богатства есть и пушнина. Дающий нам счастливую жизнь Есть у нас могучий СССР.</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 150).</p>

Как мы видим, певец воспекает уже не только Туву, но и всю страну — СССР, упоминая и другие страны, другие территории — *чурттар*. Образ Родины чрезвычайно расширился, приобретая уже название Советского союза, за пределами которого есть и другие страны (см. хоровое исполнение на фото 3).

Фото 3. Выступление артистов Областного музыкально-драматического театра, 1960 год. Автор фотографии неизвестен. Фото из архива Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.

Photo 3. Performance of the artists of the Regional Music and Drama Theater, 1960. The author of the photo is unknown. Photo from the archives of the V. Kok-ool National Music and Drama Theater of the Republic of Tuva.

Текст песни «Суурумга чанып кээр мен» С. Сурун-оола	Перевод на русский язык
<p>Баар черим ырак, авай. Баи удур чоруп орайн, Аъттанырда сеңээ, авай, Алыс шынны сөглеп каайн.</p> <p>«Мени каггаиш чорупту» деп, Меңээ черле хомудава. Бажы-биле келбейн баар деп, База хей-ле хорадава.</p> <p>Мурнумда мээң Москва-дыр: Муңчулдар-даа эвейн-дир мен. Сагыжым-на мени олче Чайгаар тырттып алгаиш бар чор.</p> <p>Сургуул доозуп билиг алгаиш, Суурумче чанып кээр мен. Арбын дүжүт шөлден алыр Агроном болуп кээр мен¹.</p>	<p>В далекие места собрался я, мама Рано буду выезжать. Перед долгою дорогой Поведаю правду, сознаюсь, мама.</p> <p>Не упрекай: «Оставил мать» Не держи на меня зла. Не думай, что уехал насовсем Нет причины унывать.</p> <p>Ждет меня Москва впереди Мысли мои о ней. Судьба меня невольно ведет За собою.</p> <p>Получу образование Возвращусь я в родное село. Будут у нас урожаи богатые Стану агрономом, мама².</p>

С другой стороны, песня передает географическое расширение понимания Родины. Герой плани-

¹ Ырлажылы [Споём] : сборник песен / сост. С. Пюрбю Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959. С. 109.

² Подстрочный перевод К. А. Сат.

рует уехать из родного села за образованием, но обещает матери вернуться, чтобы работать на получение богатого урожая, уже став агрономом.

«Туттурбайын чорза-чорза»	Перевод на русский язык
<p><i>Туттурбайын чорза-чорза, Тургун атка кире бердим. Турбас аъттан мунуп алгаш, Тумат чурту кирээлиңер.</i></p> <p><i>Алдырбайн чорза-чорза, Алган атка кире бердим. Арбас аъттан мунуп алгаш, Алтай чурту кирээлиңер</i></p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 127).</p>	<p>Я все ходил, не сдаваясь [врагу], И получил имя беглеца. Сев верхом на неустающего коня, Поедемте в страну Тумат.</p> <p>Я все ходил, не сдаваясь [врагу], И получил имя вора, Сев верхом на нехудеющего коня, Поедемте в страну Алтай</p> <p style="text-align: right;">(Аксенов, 1964: 127).</p>

Песню «Туттурбайын чорза-чорза» («Я ходил, не сдаваясь врагу») Н. А. Аксенов прокомментировал следующим образом: «Революционные араты колониально-феодальной Тувы искали убежище у народов России» (Аксенов, 1964: 127).

Текст песни «Төрээн-чурттуң хүнү», слова Ю. Кюнзегеша, музыка Р. Кенденбия	Перевод на русский язык
<p><i>Хайыралдыг Төрээн-чуртум эки хүнү Хаяланган даңны уткуй хүлүмзүрээн. Хавыяалыг ишчи чоннуң хөглүг ыры Каптагайның чону шупту кады ырлаар,</i></p> <p><i>Совет чуртум ишчи хүнү херелдерин Өңнүк, төрөл чурттардыва чадывыткан: Соксаиш кынмас тайбың ажыл хайнып үнген — Өөрүшкү, чаагай улуг чечектелген.</i></p> <p><i>Алдын хүнче уткуй ушкан көге куштар Аас-кежик, чыргал чечээн чүглеп чорлар. Тайбың күзээн совет чоннуң күштүг үнү Дайзыннарга согуг болуп диңмиреп тур.</i></p> <p><i>Хавыяалыг бистиң чоннуң хөглүг ырын Каптагайның чону шупту кады ырлаар, Хайыралдыг Төрээн-чуртум эки хүнү Хаяланган келир үе делгерезин!¹</i></p>	<p>Улыбку светлую нам дарит с рассветом Благословенный день Родины святой. Задорная песня трудового народа Звучит в дружном хоре всей Вселенной.</p> <p>Трудовой день моей советской страны Всех стран охватил, братских и родственных. Бурлит наш труд неустанный и мирный. Словно добрая светлая радость цветет.</p> <p>Голуби, летящие солнцу навстречу, Окрыляют цветы блаженства и счастья. Миролюбивая песня народа советского, Как удар врагу, гремит сокрушительно.</p> <p>Веселую песню доблестного народа Все народы мира хором запели. Да здравствует день наш благословенный И Родины святой лучезарное будущее!²</p>

¹ Ырлажыылы [Споём]: сборник песен / сост. С. Пюрбю Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959. С. 101.

² Подстрочный перевод К. А. Сат.

Здесь подчеркивается связь между счастьем родной земли, трудовыми подвигами советской страны и общим светлым будущим.

В песне «Колхозумну» («Мой колхоз») прославляется новый образ жизни — оседлый; сообщается о постройке дома из кирпича, о том, что кочевая жизнь осталась в прошлом.

Фрагмент песни «Колхозумну», слова С. Сувакпита, музыка О. Чылбак-оола	Перевод на русский язык
<p><i>Турлаг, хонаш кезип чорбас Турум чурттаар колхозумну. Тууйбу-биле эттеп тургаш, Тудуп алган бажыңымны. ...¹</i></p>	<p>Дом построил я кирпичный. И не надо по стоянкам, По стойбищам кочевать. Ведь колхоз у нас же свой. Можно жить здесь постоянно. ...²</p>

Еще более выпукло предстает эта тема в песне «Чалыы-назын байырлалы» на слова О. Сувакпита:

Текст песни «Чалыы-назын байырлалы», слова О. Сувакпита, музыка А. Лаптана	Перевод на русский язык
<p><i>Ужарлардан дүргектелдир шурап баткан Улуг-Хемниң дошкун күжүн чагырткан бис. Ак-көк чалгыын пароходтар чалгыннанган Амыдырал делгем оруу болдурган бис.</i></p> <p><i>Саян, Таңды чалымнарын чаза шапкаш, Чажыт каткан эртинезин ажыткан бис. Кургап чыткан ховуларже хемнер аксып, Кукуруза, чимис-үңүш өстүрген бис. ...</i></p> <p><i>Өглеривис ханалары шыгжаттынган. Өндүр-чырык чараш суурлар тургустунган. Сайгылгааннар сайзыралдың оруу болуп, Хоочун дарган Магнитканың хеймер оглу — Хову-Аксы ажил-биле алдаржыдаал ...³</i></p>	<p>Покорив суровую мощь Енисея, С водопадами сильными и порогами, Превратили мы волны его голубые В жизненный путь с пароходными «крыльями».</p> <p>Открыли мы сокровища недр тайных Скалистых хребтов Саян и Танды. Смогли оросить мы поля полувысохшие Сумели мы вырастить и плоды высокие.</p> <p>Стены юрт предков давно убраны. Вместо них видим светлые посёлки. Свет ламп — путь к нашему процветанию. Младший сын кузнеца Магнитки — Хову-Аксы трудом своим славится! ...⁴</p>

Здесь не только подчеркивается отказ от прошлой кочевой жизни («Решетчатые стены наших юрт спрятаны...»). Здесь сам человек, тувинец, меняет свою позицию по отношению к природе. Если раньше он был слит с родными местами, любил и боготворил их, радуясь дарам природы, то здесь в духе социалистического реализма образ человека приобрел активно-созидательную роль. Человек теперь «покоряет» суровую мощь реки, «разбивает» неприступные скалы, «направляет» каналы рек, и прославляет только свой труд.

И даже оставаясь в очаровании от рек, от родной земли, тем не менее, тувинец прославляет именно трудовой народ, который стал менять землю «под себя», как это поется в песне «Кожай биле Торгалыгны» («Кожай и Торгалыг») на слова С. Сарыг-оола:

¹ Ырлажыылы [Споём]: сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959. С. 145.

² Подстрочный перевод К. А. Сат.

³ Ырлажыылы [Споём]: сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959. С. 145.

⁴ Подстрочный перевод К. А. Сат.

Текст песни «Кожжай биле Торгалыгны», слова С. Сарыг-оола	Перевод на русский язык
<p>Холдарындан четтинипкеш, Кожа баскан ийи кыс дег, Кожжай биле Торгалыгны Кончуг топтап көрүңерем: Маңнык торгу хевин кеткеш, Баштак, омак каттырышкан, Шагаан-Арыг хоорайынче Чаңнап ойнап тургулаан дег. Угбашкы дег, ийи хемни Угулзалыг идик хеви – Тараа-быдаа, одарда мал Даарап-хээлээн каазы болган. Төккен дери – кылган ижи Төрээн-чуртун каастап шыпкан Ажылчы чон – шеверлерге Алгыш-йөрээл тудуп тур мен!¹</p>	<p>В Кожай и Торгалыг, Если взглядеться, Заметим подружек, Идущих под ручки. В шелка разодетые, Со смехом и вздором, Словно игривые, Спешат в Шагаан-Арыг. Две девки-сестрички, В нарядах узорчатых — Украшение пастбищ И полей урожайных. Землю родимую Украшают и жители — Мастера и рабочие. Славу им трудовую!²</p>

Таким образом, в советских тувинских песнях мы видим уже полное влияние советских установок. Здесь уже нет лирического певца и его трепетного отношения к Родине. Сама Родина, несмотря на использование терминов *төрээн чурт* и пр., тем не менее оказалась низведенной до некоей природной стихии, до природных объектов, которых человек должен покорить, подчинить своей воле для того, чтобы стать счастливым и успешным.

Образы земли в тувинских песнях постсоветского времени

С начала 1990-х годов, в русле процесса этнической самоидентификации, начавшейся по всей стране, на волне роста возрождения национальных традиций национального самосознания в Туве снова стали востребованы песни с традиционным содержанием и традиционными ценностями народа.

Если сначала народные песни распространялись и передавались из уст в уста, то с появлением письменности песни стали фиксироваться и публиковаться в печатных изданиях. В середине века особо понравившиеся и популярные песни записывали от руки в тетрадях-песенниках. В 1990-е годы ситуация изменилась: песни стали записываться на магнитные ленты, а чуть позже появились диски и другие цифровые носители. По этой причине мода на песенники и сборники песен отошла на второй план, в связи с чем уменьшилось их количество изданий. Также следует отметить, что качество изданий оставляет желать лучшего. К примеру, в содержании одного из последних песенных сборников «Ырлажылы» («Споемте»), редакторами которого выступили З. К. Монгуш и А. С. Казанцева, представлены 139 популярных песен на тувинском и русском языках³. Среди песен есть прежде всего старинные народные песни о родном крае, авторские песни по народным мотивам. Практически отсутствуют песни советского времени. Сам материал не систематизирован, поэтому основными источниками для нашего анализа песен данного периода стали тексты песен не из сборников, а отдельные песни, ставшие достаточно популярными, тексты из разных источников.

¹ Ырлажылы [Споем]: сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1959. С. 119.

² Подстрочный перевод К. А. Сат.

³ Ырлажылы [Споемте]: сборник песен / ред. З. К. Монгуш, А. С. Казанцева. Красноярск: «Офсет», 2016.

Основная тенденция песенного творчества, которая наблюдается с 1990-х годов, — возвращение традиционных сюжетов, воспевание старых образов культуры. В это время продолжают свою жизнь и песни с советскими мотивами, однако появились и новые тенденции в изображении образов земли.

В качестве наследия советского времени можно назвать одну популярную песню «Сени алгаайн, Тыва Республика» («Слава тебе — Республика Тыва»). Слова Ю. Кюнзегеша (1992), на музыку известного композитора 1990-х — начала 2000-х О. Саая (мелодия была написана в 1998 г.). Исполняет песню обычно на официальных праздниках, концертах в честь больших торжеств певец Станислав Ириль¹ (фото 4).

В тексте характерна эпичность, торжественность, тема прославления («Сеңээ алдар...» ‘Слава тебе’ и пр.), которые были присущи песням советского времени. И в этом же русле подчеркивается некий исторический путь, который прошла вся Тува, нахождение Тувы «в сердце» («Чалыы назын өйүмде сен»). Здесь нет лиричности, но есть монументальность образа Родины, некая мобилизующая сила, которая отличает стиль советских массовых песен 1930–1980-х гг. (Степанова, 2015).

Фото 4. Станислав Ириль во время концертного выступления, 2000-е гг. Автор фото неизвестен. Фото из архива Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.
Photo 4. Stanislav Iril during a concert performance, the 2000s. The author of the photo is unknown. Photo from the archives of the V. Kok-ool National Music and Drama Theater of the Republic of Tuva.

Текст песни «Сени алгаайн, Тыва Республика»	Перевод на русский язык
<p>Тыва, Тыва — Саян дагның эдээн каастаан Сайзанаң дег чараш чурт сен! Өгбелерден дамчып келген Өскен төрөөн өргээвис сен!</p>	<p>Тува, Тува — ты украшение подножий Саян, Прекраснейшая, как сайзанаң³, земля! Ты — наш сказочный дворец родной, Ты — нам дар от предков бесценный!</p>
<p>Дыңна, Тыва, Азий диптиң төвү сен, чурээ сен! Сенээ алдар, Тыва Республика!</p>	<p>Тува, Тува! Ты — Азии центр, сердце ее! Слава тебе, Республика Тыва!</p>
<p>Тыва, Тыва дарта хүннү дарган ажыр Өңнүктер-даа сенде арбын. Олар-биле эптиг чурттаар "Даңгырак" дег сөзүң сагы!²</p>	<p>Тува, Тува! Встретим уверенно завтрашний день Не сосчитать ведь друзей твоих, союзников! Держи клятвенное свое обещание С ними со всеми жить лишь в ладу!⁴</p>

¹ Ириль Станислав Николаевич (1973 г.р.) — народный артист Республики Тыва (2008), заслуженный артист Республики Тыва (2001), актер Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.

² Сени алгаайн, Тыва Республика! // Шын (газета). 2007, 1 января. С. 8.

³ Сайзанаң — игрушечная постройка из камней.

⁴ Подстрочный перевод К. А. Сат.

В определенной степени эта мобилизующая функция оказалась востребованной в условиях необходимости задействовать этномобилизующие мотивы для укрепления этнической идентичности. В подобной традиции выступила песня 1992 г. «Сыгыт хөөмей». Слова к песне «Сыгыт хөөмей» написал актер, драматург, заслуженный писатель Тувы Владимир Седипович Серен-оол (1942-1994)¹, заведующий литературной частью, литературный сотрудник в газетах «Тываның аныктары», «Шын», член Союза писателей СССР, Союза журналистов СССР, член Союза театральных работников России. Автором музыки и первым исполнителем данной песни стала народная артистка России Надежда Агбаан-Шыыраповна Куулар (1947 г.)². Песня написана специально для участия в Первом международном симпозиуме по хоомею в Монголии в 1992 г.

Текст песни «Сыгыт хөөмей»	Перевод на русский язык
<i>Эне-Сайым, Саян-Таңдым, Эрте шагдан чуртум чүве,</i>	Мой Енисей, мои горы Саяны — С незапамятных времён родина моя.
<i>Эриг, хоюг сыгыт-хөөмей, Эгшир шагдан ырым чүве,</i>	Благозвучное наше горловое пение — С незапамятных времён песня моя.
<i>Каргырааның өгбелери Хая-дашче хуулза-даа.</i>	Хотя наши предки-горловики Давно превратились в скалы навеки,
<i>Кадыг сеткил уярадыр Каргыраалаар төлдер бис-ле.</i>	Каргыраа продолжаем звонко мы петь, Что и души холодные может согреть.
<i>Хөөмей-сыгыт өгбелери Көжээ-даштар апарза-даа</i>	Хотя наши предки-хоомейжи Давно превратились в изваянья из камня,
<i>Хөрөк-чүрээм куюмналдыр Хөөмейлээр төлдер бис-ле.</i>	Сыгыт-хоомей продолжает нежно звучать, Что может развеять любую печаль ³ .

В тексте снова в центре внимания героя Родина — Тува, с важными объектами (Енисей, Саяны, Тан-ды). Мы снова видим возвращение к традиционным образам тувинцев, и что очень важно — представление себя как человека, рожденного здесь, имеющего здесь предков, а также их материальных воплощений — каменных балбалов *көжээ-даштар*. Тувинец здесь также представляется как наследник древних песен — *хөөмей-сыгыт* и *каргыраа*. Мотив о горловом пении, Туве и сына этих мест будет подхвачен последующими авторами и будет иметь различные вариации и трактовки.

Образ Родины как вдохновение ярко проявился в новом гимне Тувы, каковым стала песня «Мен — тыва мен» («Я — тувинец») слова Оокей Шанагаша⁴, музыка Кантомур Сарыглара. В 2011 г. она заменила гимн Тувы «Тооруктуг долгай Таңдым» («Ореховая тайга»), введенного в 1993 г.

Размышляя над феноменом песни «Мен — тыва мен» («Я — тувинец»), Ч. К. Ламажаа тогда напишет:

«... наше душевное равновесие гораздо сильнее зависит от связи с природой. Отношение к природе — мерило тувинской морали и этики. Бережное чувство к ней, почтение, радость слияния с ней находятся во

¹ Серен-оол Владимир Седипович (1942–1994) — тувинский актер, поэт, драматург, заслуженный писатель Тувы, заведующий литературной частью, литературный сотрудник в газетах «Тываның аныктары», «Шын», член Союза журналистов СССР, член Союза театральных работников России.

² Куулар Надежда Агбаан-Шыыраповна (1947 г.р.) — советская и российская тувинская певица, народная артистка России. В 1971–2000 гг. солистка тувинского государственного ансамбля песни и танца «Саяны» государственной филармонии Республики Тыва, с 2000 г. — основатель и руководитель фольклорной группы «Эне-Сай». Аранжирует мелодии тувинских песен, сочиняет мелодии к песням.

³ Подстрочный перевод К. А. Сат.

⁴ 16 февраля 2023 г. стало известно о кончине О. Шанагаша: Не стало автора официального гимна Тувы Оокея Шанагаша [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2023, 16 февраля. URL: <https://tuvaonline.ru/2023/02/16/ne-stalo-avtora-oficialnogo-gimna-tuvy-keya-shanagasha.html?ysclid=lejw4yk3sh592134449> (дата обращения: 16.02.2023). — прим. ред.

главе угла тувинской национальной культуры. Для нашей культуры, в том числе песенной, гораздо более характерно радоваться жизни, любоваться своими родными местами, скучать по ним ...»¹.

Смена гимнов, на наш взгляд, демонстрирует интересную смену акцентов в осмыслении образов Родины в песенной культуре тувинцев.

Песня «Тооруктуг долгай Тандым» («Ореховая тайга») считается народной, но тем не менее ее авторство приписывается артисту театра и кино, заслуженному артисту РСФСР, народному артисту Тувинской АССР Николаю Оскеевичу Олзей-оолу (1916–1994). По воспоминаниям современников, до него никто не слышал эту песню. Народной она стала считаться после исполнения Н. О. Олзей-оола во второй половине 1930-х гг.²

Текст песни «Тооруктуг долгай Тандым»	Перевод на русский язык
<p><i>Тооруктуг долгай таңдым Долганзымза тодар-ла мен. Тос-ла чүзүн малымайны Доруктурза байыыр-ла мен.</i></p>	<p>Моя кедровая тайга, Пройду тебя — и буду сыт. А разведу я пестрый скот — Наверно, буду и богат.</p>
<p><i>Эзириктиг ээр-ле таңдым Эргилзимзе тодар-ла мен. Эрээн-шокар малымайны Азыраза байыыр-ла мен³.</i></p>	<p>Обильно дичью ты, тайга. Взойду на гору — буду сыт. А стану я скотом богат — Наверно, буду знаменит⁴.</p>

Посмотрим теперь на текст нового гимна «Мен — тыва мен».

Текст песни «Мен — тыва мен»	Перевод на русский язык
<p><i>Арт-арттың оваазынга Дажын салып чалбарган, Таңды, Саян ыдыынга Агын өргээн тыва мен.</i></p>	<p>Одолев перевал священный, Поднялся я, тувинец, Обрел из жизни кочевой лучшую долю я, тувинец.</p>
<p><i>Мен — тыва мен Мөңге харлыг дагның оглу мен. Мен — тыва мен, Мөңгүн суглуг чурттуң төлү мен.</i></p>	<p>Я — тувинец, Сын гор с вечными снегами, Я — тувинка, Дочь страны серебряных рек.</p>
<p><i>Өгбелерим чуртунда Өлчей тарып иженген, Өткүт хөөмей ырынга Өөрүп талаан тыва мен.</i></p>	<p>Мелодией хоомей и хомуса Разбудил эхом скалы я, тувинец, В колыбели младенца качая, Успокоил его плач я, тувинец.</p>
<p><i>Аймак чоннар бүлези Акы-дуңма найыралдыг, Депшилгеже чүткүлдүг Демниг чурттуг тыва мен⁵.</i></p>	<p>С новогодним праздником Шагаа Весну встречаю я, тувинец, В летнюю ночь на играх шептался И нашел судьбу свою я, тувинец⁶.</p>

¹ Даргын-оол Ч. К. Песня «Мен — Тыва мен». Найти всетувинское [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 33. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/33/1708-pesnya-men-tiva-men.-nayti-vsetuvinskoe.html> (дата обращения: 04.01.2023).

² В Кызыльском колледже искусств им. Чыргал-оола 11–12 декабря 2022 г. состоялась лекция доктора искусствоведения Е. К. Карелиной на тему: «Тувинская композиторская школа: особенности формирования», где автор сообщила об этом.

³ Тыва улустуң ырлары [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1973. С. 20.

⁴ Тувинские народные песни : сборник песен / пер. С. Козловой, ред. С. Бюрбе. Кызыл, 1963. С. 24.

⁵ Государственный гимн Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/gimn/?ysclid=le3md83dy3483188003> (дата обращения 04.01.2023).

⁶ См.: Даргын-оол Ч. Песня «Мен — тыва мен». Найти всетувинское ...

В тексте подчеркивается не просто этническая идентичность человека-тувинца, но тот факт, что он находится в родственной связи с землей. Он — сын (гор), она — дочь (страны). Здесь также много упоминаний ценностей тувинской культуры:

- *оваа* — место ритуального поклонения,
- *даш* — камень, как составная часть кургана *оваа*,
- *чалбарыг* (*чалбарган*) — обряд прошения благополучия у хозяев местности, гор, перевалов, рек,
- *ыдыынга* (*ыдык*) — святыня,
- *Таңды*, *Саян ыдыынга* — у священного Танды и Саян,
- *агын* (*ак чем*) — молочная еда,
- *өргээн* (*өргүл*) — ритуальное преподношение.

По сравнению с образами Родины в советских песнях, нынешний образ географически снова сузился, вернулся к пределам только Тувы, месту, где тувинец чувствует себя именно тувинцем, которое почитает как родное. С одной стороны, это глубоко лирическая песня. Но, с другой стороны, она вместила в себя столько этномобилизующих маркеров, что в сочетании с торжественным исполнением этой песни Народным хоомейжи А. Монгушом, любимцем тувинской публики (*фото 5*), несмотря на возражения некоторых представителей творческой интеллигенции, филологов, привело к тому, что песня стала рассматриваться сначала как неофициальный гимн Тувы. В качестве уже Государственного гимна РТ была утверждена Верховным Хуралом (парламентом) 11 августа 2011 года, в тот же день утверждена председателем правительства РТ Ш. Кара-оолом, через два дня — 13 августа — вступила в силу в день опубликования в газете «Тувинская правда». В газете «Центр Азии» за № 32 (19–25 августа), где сообщается об этом событии, сказано, что автор слов при официальной публикации не указан¹.

Фото 5. Национальный оркестр Республики Тыва во время исполнения гимна «Мен — тыва мен», 2014 г.

Фото Ч. К. Ламажаа. Из личного архива Ч. К. Ламажаа.

Photo 5. The National Orchestra of the Republic of Tuva during the performance of the anthem "I am a Tuvan", 2014.

Photo by Ch. K. Lamazhaa. From the personal archives of Ch. K. Lamazhaa.

¹ Мен — тыва мен. Государственный гимн Республики Тыва [Электронный ресурс] // Центр Азии, № 32. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/32/3989-men-tiva-men.gosudarstvenniy-gimn.html> (дата обращения: 04.01.2023).

Принятие нового гимна сопровождалось спорами и дискуссиями, одно из которых можно упомянуть в связи с нашим анализом.

Заслуженный работник РТ, писатель Маадыр-оол Ховалыг писал:

«прежний гимн республики “Тооруктуг долгай Тандым” забраковали как песню простого таежного арата. А новый гимн “Мен — тыва мен” тоже ведь песня простого, только горного арата, восхваляющего свой край, свой род. Обе песни изобилуют словами “мен” — “я”. Мен и мен, я да я. А в государственном гимне должны быть только местоимения “мы”, “наш”, и никаких яканий»¹.

Эти возражения явно предлагают вернуться к коллективным ценностям, которые стали воспеваться в советских песнях, где певцы перестали быть лирическими певцами своей родной земли, но стали представителями общности — народа-покорителя земли. В том числе, очевидно, поэтому такие мнения не перевесили чашу весов, и гимном снова стала песня, где певец говорит о своих личных чувствах к Родине, о своем глубоко личном отношении.

Возрождение тувинской традиционной лиричности проявилось и в творчестве других музыкантов, создателей песен. В этом смысле можно назвать творчество Народного хоомейжи, исполнителя горлового пения, заслуженного артиста России, солиста группы «Хун-Хурту» К. К. Ховалыга, начавшего сочинять песни еще с 1980 г.² В списке авторских песен К. К. Ховалыга есть известные песни-полотна, исполняемые другими исполнителями, посвященные всей Туве, например: «Эрте бурун өгбем ыры — Хөөмей» («Хоомей — песня предков моих»), «Тывам чурту» («Тува, родина моя»). К. К. Ховалыг является также и автором песен о родной земле — Чер-чурт: «Авам чурту Дугайымны» («Дугай мой, родина матери»), «Дугай оглу» («Сын горы Дугай»), «Дугайымны» («Дугай мой»), «Дөңгеликтиг Дугайымны» («Кочковатый Дугай мой»), «Аргарлыгдан, Кошкарлыгдан» («Из местностей, где водятся архары, дикие горные бараны») и мн. др.³

Так, образ Родины в тувинских песнях в постсоветское время снова вернулся к пределам Тувы, стал воспеваться лирично, с подчеркиванием этничности, этнической идентичности тувинцев. В песнях пропала огромная страна, пропали мотивы покорения и пр., но вернулись сюжеты единения, родственной связи людей и земли. Это также отразилось и в главной песне Тувы — Государственном гимне, в котором образ Родины выражен перечислением природных объектов (страны гор и рек).

Заключение

В наш обзор попали далеко не все песни. Однако, изучение наиболее популярных песенных сборников прошлого, а также популярных песен последних лет, показывает нам определенные тенденции в понимании Родины, родной земли, которые отразились в тувинских песнях в зависимости от особенностей исторической эпохи — с начала XX в. до настоящего момента.

Тувинские народные песни, которые складывались в традиционном обществе тувинцев, посвящались людьми их родным краям, с локальными названиями, с известными местечками, перевалами, горами и пр. Родная земля была локальной землей, отношение к которой было очень эмоциональным, трепетным, личностным. В первые советские годы, когда создатели песен писали стихи, созвучные народным, но с дополнениями определенных новшеств, которые появились в жизни тувинцев, Родина также воспевалась, но певец уже ощущал и выражал себя как представитель общности, причем трудовой, той, которая меняется и меняет свое окружение, свою жизнь. В советское время образ Родины заметно расширился, а человек приобрел характер покорителя природы. Уже в постсоветское время «рамки» Родины вернулись к пониманию ее как Тувы, одновременно с этим и человек лишился черт демиурга.

¹ Ховалыг Маадыр-оол. Не я, а мы. При утверждении нового гимна Тувы снова наступили на те же грабли. [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 32. URL: <http://centerasia.ru/issue/2011/32/3988-ne-ya-a-mi-pri-utverzhdanii-novogo.html> (дата обращения: 04.01.2023).

² Информация из личной беседы автора с К. К. Ховалыгом.

³ Монгуш, У. О. Непокоримый сын горы Дугай: научно-популярное издание о творчестве Кайгал-оола Ховалыга / У. О. Монгуш; ред. Е. К. Карелина, А. А. Монгуш. СПб: Сциентина, 2021. 193 с.

Благодарности

Благодарю коллег по лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ за обсуждения текста статьи; Ч. К. Ламажаа — за научное руководство всем проектом и данным исследованием. Благодарю архивариуса Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола С. М. Мунзук за любезное разрешение использовать в качестве иллюстраций фотографии архива театра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов, А. Н. (1964) Тувинская народная музыка. М. : Музыка. 256 с.
- Артановский, С. Н. (2012) Родина как культурно-исторический феномен // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 2 (11). С. 11–15.
- Беженару, Л. Е. (2020) Концепт «малая родина» как ментальное и смысловое пространство // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. № 16. С. 17–27.
- Давлетшин, Г. М., Зеленева, Ю. А. (2015) Представления о Родине и родной земле у тюрко-татар // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 4–2. С. 40–44.
- Желамский, А. Г. (2018) Неугасимая Родина : к теме образного восприятия ландшафтов // Наследие и современность. Т. 1. № 4. С. 95–110.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / под ред. Н. Б. Кошкаревой, Е. В. Тюттешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.
- Карелина, Е. К. (2009) История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование. М. : Композитор. 552 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное издательство. 242 с.
- Кошкендей, И. М. (2018) Родина в народных песнях алтайских тувинцев // Төв Ази болон Монгол дахь угсаатны үйл явц, чиг хандлага. Сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илхэлүүдийн эмхтгэл [«Современные этнические процессы и тенденции в Центральной Азии и Монголии» Международная научная конференция = International Scientific conference “Ethnographic Process and Tendency in Central Asia and Mongolia”]. Улаанбаатар хот. 264 с. С. 123–127.
- Кыргыз, З. К. (1992) Песенная культура тувинского народа. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.
- Кыргыз, З. К. (2002) Тувинское горловое пение : Этномузыковедческое исследование. Новосибирск : Наука. 236 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор история, 192 с.
- Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) Хой ээди для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4. С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Левин, Т. К. (2009) Заново открывая Туву // Новые исследования Тувы. № 4. С. 304–313.
- Левин, Т. К. (2012) Музыка новых номадов. Горловое пение в Туве и за ее пределами. М. : Классика–XXI. 336 с.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.
- Монгуш, А. А. (2018) Концепт Родина в стихотворениях алтайских тувинцев // Төв Ази болон Монгол дахь угсаатны үйл явц, чиг хандлага. Сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илхэлүүдийн эмхтгэл [«Современные этнические процессы и тенденции в Центральной Азии и Монголии. Международная научная конференция = International Scientific conference “Ethnographic Process and Tendency in Central Asia and Mongolia”]. Улаанбаатар хот. 264 с. С. 127–131.
- Монгуш, А. А., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2, Вып. 40. С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>
- Мошина, Е. А. (2020) Символизм земли-Родины в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 4 (147). С. 123–128.

Ондар, М. В. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шелээй») // Философские науки. Вопросы теории и практики. № 2 (56). С. 129–134.

Перевозникова, А. К. (2019) Концепт «родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: Философия, религия, культура. № 1 (9). С. 54–61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>

Радлов, В. В. (1868) Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири. СПб. : Типография Императорской Академии итмнаук. Ч. 1. XXIV, 419 с. Ч. 2. XXI, 420 с.

Содномпилова, М. М. (2007) Концепт Родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. № 3. С. 124–134.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический Проект. 992 с.

Степанова, Е. А. (2015) «Все проходит. Остается Родина — то, что не изменит никогда»: образ Родины в советской песне // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 4. С. 28–42.

Сузукей, В. Ю. (2007) Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М. : Издательский Дом «Композитор». 408 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. IV. 442 с.

Тиرون, Е. П. (2015) Песни тувинцев-тоджинцев: жанры ыр и кожамык в конце XX столетия / отв. ред. Г. Б. Сыченко. Новосибирск : Наука. 270 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор–История. 360 с.

Хертек, А. Б. (2015) Категория пространства в тувинских фольклорных текстах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 1. С. 326–329.

Хертек, Л. К. (2018) Концепт «пространство» в эпической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–2 (84). С. 402–407. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Чикаева, Т. А. (2021) Феномен Родины как ценность культуры (на материалах русской философии 19–20 веков) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 3 (39). С. 107–114. DOI: <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-3-107-117>

Чугунекова, А. Н. (2017) Концепт чир («земля») в языковой картине мира хакасов // Мир науки, культуры, образования. № 3 (64). С. 338–342.

Щелокова, Л. И. (2022) Концепт «родная земля» в публицистике военных лет // Studia Litterarum. Т. 7. № 2. С. 220–231. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-220-231>

Юша, Ж. М. (2018) Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука. 400 с.

Peemot, V. (2020) Emplacing herder-horse bonds in Ak-Erik, South Tyva // Multispecies households in the Saian mountains: Ecology at the Russia-Mongolia border / ed. by A. Oehler, A. Varfolomeeva. Lanham, MD : Lexington Books. xxiv, 271 p. P. 51–72.

Purzycki, B. G. (2011) Tyvan cher eezi and the socioecological constraints of supernatural agents' minds // Religion, Brain & Behavior. Vol. 1. No. 1. P. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2010.550723>

Дата поступления: 12.01.2023 г.

Дата принятия: 05.02.2023 г.

REFERENCES

- Aksenov, A. N. (1964) *Tuvinskaia narodnaia muzyka [Tuva folk music]*. Moscow, Muzyka. 255 p. (In Russ.).
- Artanovsky, S. N. (2012) Rodina kak kul'turno-istoricheskii fenomen [Homeland as a cultural and historical phenomenon]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 2 (11), pp. 11–15. (In Russ.).
- Bezhenaru, L. E. (2020) Kontsept «malaia rodina» kak mental'noe i smyslovoe prostranstvo [The concept of “small homeland” as a mental and semantic space]. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mental'nosti / mentaliteta*, no. 16, pp. 17–27. (In Russ.).
- Davletshin, G. M. and Zeleneev, Yu. A. (2015) Predstavlenie o Rodine i rodnoi zemle u tiurko-tatar [Ideas about Motherland and native land among the Turkic Tatars]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4–2, pp. 40–44. (In Russ.).

Zhelamsky, A. G. (2018) Neugasimaia Rodina : k teme obraznogo vospriiatiia landshaftov [Perpetual Motherland: To the theme of metaphoric perception of landscapes]. *Nasledie i sovremennost'*, vol. 1, no. 4, pp. 95–110. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] (2021) / ed. by N. B. Koshkareva and E. V. Tiunteshchev. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).

Karelina, E. K. (2009) *Istoriia tuvinskoï muzyki ot padeniia dinastii Tsin do nashikh dnei [The history of Tuvan music from the fall of the Qing dynasty to the present day]*. Moscow, Kompozitor. 552 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Detskii literaturnyi sait "Raduga Tuvy" ; Tuvan Book Publishing House. 242 p. (In Russ.).

Koshkendei, I. M. (2018) Rodina v narodnykh pesniakh altaiskikh tuvintsev [Homeland in the folk songs of the Altai Tuvans]. In: *Töv Azi bolon Mongol dakh' ugsaatny üil iavts, chig khandlaga. Sedevt olon ulsyn erdem shinzhilgeenii khurlyn ilkheluudiin emkhtgel [International scientific conference "Ethnographic Process and Tendency in Central Asia and Mongolia"]*. Ulaanbaatar khot. 264 p. Pp. 123–127. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (1992) *Pesennaia kul'tura tuvinskogo naroda [Song culture of the Tuvan people]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 144 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2002) *Tuvinskoe gorlovoe penie: etnomuzykovedcheskoe issledovanie [Tuvan throat singing: An ethnomusicological research]*. Novosibirsk, Nauka. 236 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) *Ocherki sovremennoi tuvinskoï kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p.

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) *Khoi e"di dlia tuvintsev. Identichnost', udobstvo, otvetstvennost' [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]*. *Etnografiia*, no. 4, pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Levin, T. K. (2009) *Zanovo otkryvaia Tuvu [Rediscovering Tuva]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 304–313. (In Russ.).

Levin, T. (2012) *Muzyka novykh nomadov. Gorlovoe penie v Tuve i za ee predelami [The music of the new nomads. Throat singing in Tuva and beyond]*. Moscow, Klassika–XXI. 336 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: sub"ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Mongush, A. A. (2018) Kontsept Rodina v stikhotvoreniakh altaiskikh tuvintsev [The concept of Homeland in the poems of Altai Tuvans]. In: *Töv Azi bolon Mongol dakh' ugsaatny üil iavts, chig khandlaga. Sedevt olon ulsyn erdem shinzhilgeenii khurlyn ilkheluudiin emkhtgel [International scientific conference "Ethnographic Process and Tendency in Central Asia and Mongolia"]*. Ulaanbaatar khot. 264 p. Pp. 127–131. (In Russ.).

Mongush, A. A. and Bavuu-Syuryun, M. V. (2020) Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornykh tekstakh tuvinskikh pisatelei [Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 2, issue 40, pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Moshina, E. A. (2020) Simvolizm zemli-Rodiny v russkoi lingvokul'ture [Symbolism of the earth-Motherland in the Russian linguistic culture]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (147), pp. 123–128. (In Russ.).

Ondar, M. V. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktug-Kirish, Bora-Sheleei») [Reflecting the category of space in the Tuvan language (by the material of the heroic epos "Boktug-Kirish, Bora-Sheleei")]. *Filosofskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56), pp. 129–134. (In Russ.).

Perevoznikova, A. K. (2019) Kontsept «rodina» kak sostavliaiushchaia natsional'nogo obraza Rossii v russkoi iazykovoi kartine mira [The "rodina" concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the

world]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, no. 1 (9), pp. 54–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>

Radlov, V. V. (1868) *Obraztsy narodnoi literatury tiurkskikh plemen, zhivushchikh v Iuzhnoi Sibiri [Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia]*. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. Part 2. XXII, 710, 420 (In Russ.).

Sodnompilova, M. M. (2007) Kontsept Rodina v kul'ture mongol'skikh narodov [The concept of Homeland in the culture of the Mongolian peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).

Stepanova, E. A. (2015) «Vse prokhodit. Ostaetsia Rodina — to, chto ne izmenit nikogda»: obraz Rodiny v sovetskoi pesne [“Everything passes. Only Motherland remains, the one which would never be unfaithful”: Image of Motherland in Soviet song]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, no. 4, pp. 28–42. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2007) *Muzikal'naia kul'tura Tuvy v XX stoletii [The musical culture of Tuva in 20th century]*. Moscow, Publishing House “Kompozitor”. 408 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2008) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. 442 p. (In Russ.).

Tiron, E. P. (2015) *Pesni tuvintsev-todzhintsev: zhanry yr i kozhamyk v kontse XX stoletia [Songs of Tuvans-Todzhins: genres of yr and kozhamyk at the end of the twentieth century]* / ed. by G. B. Sychenko. Novosibirsk, Nauka. 270 p. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor–Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Khertek, A. B. (2015) Kategoriia prostranstva v tuvinskikh fol'klornykh tekstakh [The category of space in Tuvan folklore texts]. *Aktual'nye problemy humanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 3–1, pp. 326–329. (In Russ.).

Khertek, L. K. (2018) Kontsept «prostranstvo» v epicheskoi kartine mira [The concept “space” in the epic world view]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6–2 (84), pp. 402–407. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Chikaeva, T. A. (2021) Fenomen Rodiny kak tsennost' kul'tury (na materialakh russkoi filosofii 19–20 vekov) [The phenomenon of the Motherland as a cultural value (based on the materials of Russian philosophy of the 19th and 20th centuries)]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, no. 3 (39), pp. 107–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-3-107-117>

Chugunekova, A. N. (2017) Kontsept chir (“zemlia”) v iazykovoï kartine mira khakasov [The concept of chir (earth) in the language world picture of the Khakass people]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (64), pp. 338–342. (In Russ.).

Shchelokova, L. I. (2022) Kontsept «rodnaia zemlia» v publitsistike voennykh let [Concept of ‘native land’ in journalism of war years]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, pp. 220–231. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-220-231>

Yusha, Zh. M. (2018) *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika [Folklore and ritual of China's Tuvans in the early 21st century: sctructure, semantics, pragmatics]*. Novosibirsk, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Peemot, V. (2020) Emplacing herder-horse bonds in Ak-Erik, South Tyva. In: *Multispecies households in the Saian mountains: Ecology at the Russia-Mongolia border* / ed. by A. Oehler and A. Varfolomeeva. Lanham, MD : Lexington Books. xxiv, 271 p. Pp. 51–72.

Purzycki, B. G. (2011) Tyvan *cher eezi* and the socioecological constraints of supernatural agents' minds. *Religion, Brain & Behavior*, vol. 1, no. 1, pp. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2010.550723>

Submission date: 12.01.2023.

Acceptance date: 05.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.6

Статья

Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи

Нина А. Селиверстова, Олег В. Сорокин

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Сайлана У. Ооржак

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье на основе анализа представлений тувинской студенческой молодежи о родине выявляются вариации её смыслов. Представления о родине студентов-тувинцев проанализированы на материалах фокус-групп (февраль — март 2022 г.). В рамках методологии целостного подхода студенты-тувинцы рассматриваются как часть тувинского общества, которые одновременно представляют социально-демографическую группу «российская молодёжь».

Анализ выявил смысловую структуру культурного пространства исследуемой группы. В культурном пространстве студентов-тувинцев бытуют традиционные, современные и гибридные смыслы родины, что сближает их с другими российскими студентами.

В традиционных смыслах студентов-тувинцев сохраняется связь между местом рождения, местом жительства предков, родителей и любовью к этому месту, положительными эмоциональными реакциями. В современных смыслах родины эта связь прерывается. Наблюдается секуляризация отношения к родине, имеющей в традиционной тувинской культуре сакральное значение. Данные смыслы отражают рационализацию сознания студентов-тувинцев, приоритет целей индивида, что является характерной чертой российской молодёжи в целом. Гибридные смыслы родины на индивидуально-групповом уровне демонстрируют запрос на сингулярность, уникальность самореализации. В них устанавливается связь между (1) правом на выбор места жительства и любовью к Туве, признанием Тувы своей родиной, (2) жизнью на земле предков и развитием родины; (3) названием другой страны родиной предательством и допущением того, что и родина может предать, но и в этом случае она ею остаётся.

Результаты анализа являются содержательно-методическим основанием для количественного исследования отношения тувинской молодёжи к родине во взаимосвязи с гражданской и этнической идентичностями, представлениями о будущем и установками на миграцию.

Ключевые слова: Тува; молодёжь Тувы; студенческая молодёжь; смысл родины; Родина; культурное пространство; саморегуляция жизнедеятельности; российская молодёжь; патриотизм

Для цитирования:

Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 110-124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.6>

Селиверстова Нина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодёжи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, кор. 1, к. 18. Тел.: +7 (499) 530-10-29. Эл. адрес: nas0311@ya.ru

Сорокин Олег Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социологии молодёжи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, кор.1, к. 18. Тел. : +7 (499) 530-10-29. Эл. адрес: ov.sorokin@gmail.com

Ооржак Сайлана Ужар-ооловна — заведующая сектором отдела организации научных исследований Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36, каб. 211. Тел.: +7 (394-22) 3-19-32. Эл. адрес: saylana@yandex.ru

Semantic components in Tuvan students' perceptions of homeland

Nina A. Seliverstova, Oleg V. Sorokin

Institute of Socio-Political Research of the FCTAS RAS, Russian Federation,

Saylana U. Oorzhak

Tuvan State University, Russian Federation

The article is based on an analysis of Tuvan students' ideas about the motherland and presents varieties of its meanings. We analyze perceptions of the homeland among Tuvan students using data received from focus groups (February and March 2022). Within the framework of the methodology of the holistic approach, Tuvan students are considered as part of the Tuvan society. At the same time, they represent the socio-demographic group "Russian youth".

The analysis has revealed the semantic structure of the studied group's cultural space. In the cultural space of Tuvan students, there are traditional, modern and hybrid narratives of the motherland. This brings them closer to other Russian students.

In the traditional accounts expressed by Tuvan students, there is a connection between the place of birth, the home of the ancestors and parents, love for this place and positive emotional reactions. In modern perceptions of the motherland, this connection is interrupted. There is a secularization of the attitude towards the homeland which has a sacred meaning in the traditional Tuvan culture. These narratives reflect the rationalization of the consciousness of Tuvan students, the priority of individual goals. This is a characteristic feature of Russian youth in general. The hybrid narratives of the motherland at the individual and group levels demonstrate a request for singularity and uniqueness of self-realization. They establish connections between (1) the right to choose a place of living and love for Tuva, recognition of Tuva as one's homeland; (2) life on ancestral lands and the development of the motherland; (3) considering cases when compatriots call another country their homeland as a betrayal and implying that the homeland can betray as well, but in this case it is still felt to be one's fatherland.

The results of the analysis give a substantive and methodological basis for a quantitative study of the attitude of Tuvan young people to their motherland in relation to their civil and ethnic identities, perceptions about the future and attitudes to migration.

Keywords: Tuva; Tuvan youth; student youth; meaning of the motherland; Motherland; cultural space; self-regulation of life; Russian youth; patriotism

For citation:

Seliverstova N. A., Sorokin O. V. and Oorzhak S. U. Smyslovye komponenty v predstavleniiakh o rodine tuvinskoj studentcheskoj molodezhi [Semantic components in Tuvan students' perceptions of homeland]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 110-124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.6>

SELIVERSTOVA, Nina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS). Postal address: Office 18, Bldg. 1, 6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 530-10-29. E-mail: nas0311@ya.ru

ORCID ID: 0000-0001-9691-3020

SOROKIN, Oleg Vladimirovich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Research Fellow, Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS). Postal address: Office 18, Bldg. 1, 6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 530-10-29. E-mail: ov.sorokin@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2597-9465

OORZHAK, Saylana Uzhar-oolovna, Head, Department of Organization of Scientific Research, Tuvan State University. Postal address: Office 211, 36 Lenina St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 3-19-32. E-mail: saylana@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3048-6497

Введение

Устойчивый исследовательский интерес к тувинской студенческой молодёжи (этническим тувинцам или студенческой общности республики в целом) обусловлен признанной субъектностью данной группы в социокультурном воспроизводстве, сочетающем преемственность поколений и обновление социума, а также трансляцию продуцируемых молодёжью культурных образцов, символов, смыслов. Особое значение приобретает анализ мотивационного ядра субъектных выборов молодёжи. В этой связи выделяются исследования структуры ценностного сознания студентов Тувы (Ооржак, Уланова, 2012; Монгуш, Сарыглар, 2019; Копцева, 2020; Анайбан, Балакина, 2022); их сетевой идентичности (Кекеева и др., 2022).

Студенты-тувинцы исследуются и в условиях образовательной миграции. В этом случае предметом анализа выступают факторы адаптации, оценки субъективного благополучия (Орлова, Луц, 2015; Бохан и др., 2021), связи ценностных ориентаций и идентичности, представлений о будущем (Попков, 2021). Кроме того, в условиях образовательной миграции выявлена тенденция роста численности тувинцев из числа выпускников вузов крупных российских городов, остающихся после обучения в этих городах (Анайбан, 2020). В исследованиях тувинской студенческой молодёжи эта тенденция определяется как несвойственная тувинскому этносу, выпускники же аргументируют своё территориальное закрепление возможностью трудоустройства по полученной в вузе специальности (там же). Таким образом, из процесса социокультурного воспроизводства общественных отношений в Туве выпадают участники с высоким образовательным потенциалом, что ощутимо для тувинского этноса. В этих обстоятельствах актуализируется проблема отношения тувинской молодёжи к родине, смыслы которыми она её наделяет, связь личных перспектив с коллективным будущим. Отношение к родине коррелирует с этнической и гражданской идентичностями молодых тувинцев.

По данным эмпирического исследования совместного коллектива тувинских, калмыцких и бурятских ученых, наиболее важными для опрошенных студентов Тувинского государственного университета (ТувГУ), среди которых — 90,5% этнических тувинцев, являются «этническая (50,4%) и гражданская (47,4%) идентичности» (Бадмаев и др., 2020: 39). «Гражданин мира» занял последнюю пятую позицию после евразийской и религиозной идентичностей, но её отметила значительная доля — треть респондентов (там же). Приведенные данные вполне соотносятся с результатами другого исследования в части определения родины тувинской учащейся молодёжью: «... среди них почти половина ответили, что «моя родина — Республика Тыва», и примерно столько же считают, что «моя родина — Россия» (47,1 и 45,1%). В то же время почти каждый десятый из их числа, в отличие от русских, затруднился с ответом» (Анайбан, Балакина, 2022: 154). В этом же исследовании З. В. Анайбан и Г. Ф. Балакиной подчёркивается тенденция роста российской идентичности при сохранении приоритета этнической идентичности учащейся молодёжи, включая студенческую.

Основываясь на изложенных данных, мы предлагаем углубиться в исследуемую проблематику и задаться следующими вопросами. Как тувинская молодёжь относится к объекту социальной реальности — «родине», какими смыслами родины наполнено культурное пространство тувинской молодёжи, насколько молодые тувинцы опираются на этническую культуру?

Цель статьи: на основе анализа представлений тувинской студенческой молодёжи о родине выявить вариации её смыслов; охарактеризовать структуру культурного пространства молодёжи в отношении к родине.

Эмпирическая база исследования: протоколы 3-х фокус-групп со студентами ТувГУ — этническими тувинцами-билингвами (18 информантов, февраль — март 2022 г.). При отборе информантов учитывался пол, обучение в городской или сельской школе. Дискуссия проводилась на русском языке. Модератор — тувинка-билингва (С. У. Ооржак). Материалы фокус-групп в процессе анализа соотносились с материалами 3-х фокус-групп со студентами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ им. М. В. Ломоносова), Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова), Тюменского индустриального университета (ТИУ), проведённых по одному сценарию¹. Большая часть последних материалов опубликована (Сорокин, 2021).

¹ В фокус-группах приняли участие 22 информанта, время проведения: май — июнь 2021 г. Критерии отбора информантов те же. По этнической принадлежности — группа смешанная, большинство составляют этнические русские.

Методология исследования

В данном исследовании применена методология целостного подхода (Зубок, Чупров, 2006). Она выражается в том, что тувинская студенческая молодёжь рассматривается как часть тувинского общества, которая одновременно представляет социально-демографическую группу «российская молодёжь». Отношение к родине анализируется с позиций концепции саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, через смыслы, наполняющие её культурное пространство (Зубок, Чупров, 2020). Под культурным пространством понимается совокупность материальных и нематериальных условий жизни, а также смысловые основания социальных взаимодействий индивидов и групп друг с другом и обществом. Культурное пространство молодёжи отличается совокупностью смыслов базовой культуры и молодёжной субкультуры (там же). Культурное пространство тувинской студенческой молодёжи определяется не только этнической спецификой, выражающей основы базовой культуры, но и в целом состоянием современной тувинской культуры, которое характеризуется как «...причудливое соединение реликтов вековой истории, трансформационных последствий XX в. с советским наследием, этнических деклараций возрожденческого пафоса конца XX в., веяний глобализации и вестернизации» (Ламажаа, 2021а: 4–5).

Смыслы — это сущность и значения конкретных объектов (феноменов) социальной реальности. Наряду с потребностями, интересами, ценностями они входят в состав рефлекслируемых элементов социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности молодёжи (к элементам неосознаваемым относятся архетипы, менталитет, стереотипы и габитусы). Именно смыслы выполняют функцию основного регулятора жизнедеятельности молодёжи, детерминируют активность её жизненных выборов, обеспечивают осознанное участие в процессе социокультурного воспроизводства.

Стремление людей наделять социальные объекты различными значениями можно отнести к культурным универсалиям. Однако П. Бергер считает это качество наследуемым: «...наиболее важной функцией общества является узаконивание (nomization). Антропологическим основанием для этого является тяга человека к приданию всему смысла, которая фактически обладает силой инстинкта. Человеку от природы присуще стремление придавать осмысленный порядок реальности» (Бергер, 2019: 34–35). На примере религии П. Бергер показывает, что смыслы могут иметь объективированный характер и такие смыслы индивиды выучивают в процессе социализации, принимая их как данность, не требуя доказательств.

Применительно к смыслам родины — это традиционные смыслы тувинской культуры. Они включают следующие компоненты: место рождения, родной язык, близких людей, которые понимаются как «три камня очага — ожука, это святыни. <...> Тяга к своему дому — это неистребимое чувство тувинца. Как ни богата чужая сторона, он не оставит родной очаг» (Кенин-Лопсан, 2021: 159). Родина устойчиво связана с понятием «священное», как и для остальных тюрков Южной Сибири (Традиционное мировоззрение ..., 1988: 29–41), которое в данном случае обосновывается так: «место, где нашли упокоение предки тувинца, — это священное место» (Кенин-Лопсан, 2021: 159). Поскольку это священное место, человек не может уехать отсюда. Это «место, где нашли упокоение предки тувинца», «он не может оставить его и уочевать куда-то» (там же). То есть жизнь на родине традиционно трактуется как долг.

Данные смысловые компоненты составляют базовую основу отношения к родине в тувинской культуре. Молодёжь обеспечивает функцию обновления в социокультурном воспроизводстве через переосмысление объективированных значений различных групп, явлений, процессов социальной реальности, продуцируя современные смыслы. Известная относительность в определении смыслов по шкале «традиционный — современный» приводит к тому, что для носителей традиционных смыслов ряд современных смыслов будет отклоняющимся и наоборот. Наличие делинквентного¹ элемента в смысле «снимает» его относительность в рамках одной этнической культуры.

На эмпирическом уровне исследованию доступны представления о родине членов различных социальных групп. Не включаясь в дискуссию о социальных представлениях, с опорой на С. Московичи подчеркнём, что под представлениями понимаются знания, идеи, метафоры и образы социальной реальности, объединённые связью (Moscovici, 1998). Смыслы проявляются в представлениях.

¹ Антиобщественного.

Вариации смыслов родины

Представления о родине выявлялись в дискуссии об отношении к суждению «родина там, где комфортно жить», организованной модератором фокус-групп. Подчеркнём, что по результатам репрезентативного исследования российской молодёжи «согласие с этим суждением выразила половина (49,3%) опрошенных молодых людей» (Сорокин, 2021: 116), что демонстрирует раскол в их отношении к родине. Одновременно этот факт свидетельствует о рационализации и прагматизации сознания группы.

Выделение на уровне теоретического анализа отдельных смысловых компонентов традиционной тувинской культуры, позволило их идентифицировать в процессе рассмотрения представлений о родине конкретных информантов. Современные смыслы интерпретируются относительно традиционных, как отрицающие их ценность. Соответственно и их многокомпонентная структура находится в оппозиции к элементам традиционных смыслов. Компоненты этих смыслов встречаются не только в «чистом виде». Различные сочетания компонентов традиционных и современных смыслов определяются как гибридные.

Компоненты традиционных, современных и гибридных смыслов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Компоненты традиционных, современных и гибридных смыслов родины¹

Table 1. Components of traditional, modern and hybrid narratives of the motherland

Студенты ТувГУ	Студенты МГУ им. М. В. Ломоносова, РЭУ им. В. Г. Плеханова, Тюменского индустриального университета
<i>Компоненты традиционных смыслов родины</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — место рождения, — место, где провёл детство, — территория «становления личности», — «сознательный период жизни», — место жительства родителей, предков, дом, — патриотизм, — «место, которое ты должен защищать, беречь», — «Родина-мать», — «Родина одна, как и родители», — «малая родина — Тыва, большая — Россия», — «...всегда возвращаться домой» 	<ul style="list-style-type: none"> — место рождения, — «место, где ты родился и где тебя воспитали», — любовь к родине, место жительства родных, близких, — «Родина — это место, частью которого я себя воспринимаю», — «большая Родина — страна Россия, и малая — моя деревня», — «куда тебя тянет»
<i>Компоненты современных смыслов родины</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — «место рождения не важно», — «хорошие условия жизни и будущего», — «родиной может быть любая другая страна», — «родина — место, где нравится» 	<ul style="list-style-type: none"> — отрицание родины, — «родина там, где человеку комфортно, ему нравится», — «место, где тебя любят»; — «любая страна, в которой вам хорошо, в которой вы освоились»², — «это вообще не про территорию»

¹ В процессе анализа словосочетания типа «где родился», «где живут родители, родственники» или объёмные, но содержащие один компонент, сводились соответственно к менее сложным по конструкции понятиям, отражающим объект социальной реальности — родина.

² См.: Сорокин, 2021: 116.

<i>Компоненты гибридных смыслов родины¹</i>	
<p>традиционные:</p> <ul style="list-style-type: none"> — место рождения, — место взросления, — «где родился и живёшь», — «место, где жили предки», — место проживания родных, родителей, — память о малой родине, — любовь к Туве, — «называть другое место родиной — предательство», — «малая родина — село, большая — вся Россия»; — «малая родина — Тыва, большая — Россия», <p>современные:</p> <ul style="list-style-type: none"> — право выбирать место жительства, — «где тебе удобно, то место можешь называть родиной»; «патриот всего мира», — развитие родины; — «предательство индивида родиной». 	<p>традиционные:</p> <ul style="list-style-type: none"> — место рождения, — «...всегда возвращаться домой», — родина как территория проживания своего этноса, — «родина одна», — любовь к родине, — патриотизм, — «если нападут, нужно защищать», — «Родину не выбирают, как и мать»; <p>современные:</p> <ul style="list-style-type: none"> — право выбирать место жительства, — имплицитные установки на миграцию и их поддержка, — «Родина там, где человеку комфортно, ему нравится», — мультикультурный опыт, полученный в разных странах, социальных общностях, — протесты — попытки изменений, а значит любовь к родине.

В процессе анализа высказываний информантов словосочетания типа «где родился», «где живут родители, родственники» или объёмные, но содержащие один компонент сводились соответственно к односложным «место рождения», «место жительства родителей» или «отрицание родины». В таблице они даны без кавычек. Словосочетания, содержащие более одного компонента, а также выраженные метафорой, или одновременно включающие эмоциональное отношение приводятся в кавычках.

В смысловых основаниях традиционного образа Родины тувинских студентов в различных сочетаниях представлены следующие компоненты: место рождения, место, где провёл детство, территория становления личности, «сознательный период жизни», место жительства родителей, предков, дом, патриотизм, «Родина одна, как и родители». Появляется и элемент традиционного смысла, связанный с социальной реальностью, известной молодёжи с рождения: «малая родина — Тыва, большая — Россия». Он соотносится с элементом «большая Родина — страна Россия, и малая — моя деревня», выявленным в группе других российских студентов. Этот элемент зафиксирован в составе гибридных смыслов родины, продуцируемых тувинской студенческой молодёжью: «малая родина — село, большая — вся Россия».

Дополняют традиционные значения родины и другие элементы, также выделенные из состава гибридных смыслов. Это память о малой родине, любовь к Туве и элемент, базирующийся на безусловной любви к Родине: «называть другое место родиной — предательство».

Иллюстрируют традиционные смыслы следующие фрагменты групповой дискуссии:

Муж., 18 лет, ТувГУ²:

— Родиной для меня является место, в котором я живу и буду жить, и в котором я вырос. Малая родина — Тыва, большая — Россия.

¹ Компоненты выделены из представлений студентов, содержащих гибридные смыслы родины. Примеры гибридных смыслов приведены в соответствующем параграфе.

² Здесь и далее высказывания информантов даны без исправлений.

Мужчина 24 лет в ответ на стимульное суждение «Родина там, где комфортно жить» высказался так:

— Родина — это то место, где ты родился, там, где твои родственники, друзья, родина там, где дом. Я не согласен с представленным суждением. Комфортно может быть где угодно, если поедешь за пределы России, жизнь там совсем другая же, можно считать, комфортным для жизни. Но родина там, где дом, где ты родился.

Жен., 19 лет, ТувГУ:

— Родина — то место, которое ты должен защищать, беречь. Как говорится, Родина — это мать.

Функцию организующего начала в традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири, в том числе тувинцев, как пишут исследователи, выполняет дом, в который люди обязательно возвращаются: «отсюда человек отправляется в открытый мир, сюда он возвращается как в убежище» (Традиционное мировоззрение ..., 1988: 56). В представлениях о родине студентов-тувинцев зафиксирован смысловой элемент «дом», в дискуссиях с носителями современных и гибридных смыслов родины воспроизведена и тема «постоянного возвращения домой» («человек все равно возвращается домой», «... в старости едут на родину»).

В процессе обсуждения стимульного суждения «Родина там, где комфортно жить» дискуссия разделилась на несколько направлений. Информанты высказывались не только о том, что такое родина, что она для каждого из них значит, есть ли она вообще, но и о том какую страну считать родиной: страну рождения или страну постоянного проживания. Для носителей традиционных смыслов место рождения совпадает с местом проживания, и идентифицируется как родина. Мы выделим традиционный смысловой компонент, который ещё не встречался и который адаптирован к современной реальности. Это то, что социально-экономическое благополучие города или страны проживания не является основанием для признания его/её родиной. Напомним, что М. Б. Кенин-Лопсан сформулировал тезис о том, что богатство чужбины не является аргументом для смены родины в тувинской культуре (Кенин-Лопсан, 2021: 159). В целом же нижеприведенный смысл отнесен к гибридным, так как информант не исключает переезда, но социально-экономическое благополучие другой страны не является аргументом для признания её родиной.

Жен., 19 л., ТувГУ:

— В первую очередь, мы должны знать свой язык, где живем, где родились. И для меня самое ценное то, что произошло и то, что было в прошлом, где мое детство прошло. Приехав в другую страну или в другой город, я не могу сказать, что это моя родина, мне комфортно здесь жить, там мне платят много и так далее... Из-за этого я не могу считать ту или иную страну своей родиной.

Традиционные смыслы встречаются и среди других российских студентов.

Муж., 18 лет, ТИУ:

— Где родился, думаю, там и родина.

Жен., 18 лет, РЭУ им. Г. В. Плеханова:

— Родина — скорее там, где ты родился и куда тебя тянет.

Жен., 18 лет, МГУ им. М. В. Ломоносова:

— Для меня наверно Родина — это место, частью которого я себя воспринимаю, т. е. когда говоришь слово «Родина», то это место сразу возникает в голове, и никакое другое. Не знаю, как еще объяснить.

Традиционные смыслы также включают компонент «комфорт», но подразумевается исключительно психологический комфорт, комфорт от пребывания среди «своих». Сохраняется связь между местом рождения, местом проживания и пребыванием среди «своих». Такое понимание комфорта бытует и среди тувинской студенческой молодёжи, и среди других российских студентов.

Муж., 23 года, ТувГУ:

— Я думаю, что да, там, где комфортно. Родина — это место где, мы живем, где мы родились, но там должно быть комфортно тоже. Я же здесь родился, как мне не должно быть комфортно? Мне здесь комфортно.

Жен., 20 л., ТувГУ:

— Мне комфортно живется на своей родине ... Я тут выросла, у меня тут свое прошлое, надеюсь, и будущее я проведу на своей родине.

Жен., 18 лет, РЭУ им. Г. В. Плеханова:

— У меня родители живут в другой стране, и я очень часто нахожусь там. Мне там очень хорошо. Но все равно я патриот своей страны, и я не буду любить другую страну больше, чем Россию. Я здесь родилась, здесь выросла, здесь живут мои близкие. Как ни крути, мне здесь будет комфортнее, чем в любой другой стране.

Значимость психологического комфорта от пребывания в группе «своих» обнаруживается и через дискомфорт от пребывания среди «чужих».

Жен., 19 лет, ТувГУ:

— Я считаю, что родина — это там, где ты родился, там, где ты вырос, прожил всю свою сознательную жизнь. Я придерживаюсь такого мнения. Например, где-нибудь за границей мне было бы некомфортно, я бы не считала, что это моя родина. Скорее всего, Краснодар для меня родина¹.

Как «чужие» тувинскими студентами могут определяться жители других российских регионов, в том числе соседнего Красноярска. Но бытование среди чужих перестало восприниматься аномалией, перестало быть совершенно не комфортным. Чужие остались чужими, но их мир перестал быть враждебным, а значит стал пригодным для проживания. Среди молодых тувинцев есть те, кто воспринимает миграцию из Тувы как нормальное явление со своими плюсами и минусами, в том числе сосуществованием с чужими (Ламажаа, 2014). Это иллюстрирует следующее высказывание, содержащее гибридный смысл родины.

Муж., 23 года, ТувГУ:

— Представьте, вы сейчас приезжаете совершенно в другое место... Например, приеду сейчас в Краснодар, мне будет неловко. Даже, когда езжу в Красноярск, тоже вообще неудобно бывает. Люди какие-то не такие... Скорее всего, большинство людей скажут, там, где ты родился и вырос, там роднее будет. Но в жизни всякое бывает, так что я не могу сказать, что мы должны где-то застрять, там и быть. У всех разные судьбы, разные жизни.

По результатам представительного социологического опроса студенческой молодёжи Свердловской области, малая родина также связана с ощущениями защищенности и комфорта (Мокерова, 2022). Ощущение защищенности индивида на малой родине относится к культурным универсалиям, генетически восходящим к традиционной культуре.

Эту защищенность обеспечивает дом, в первую очередь, поддержка семьи, родственников. В тувинской культуре родственные связи, род имеют высокую ценность (Ламажаа, 2021b). Род непосредственно обеспечивает связь с родиной. Обряды дагылга, с 2000-х годов имеющие массовый характер в Республике Тыва и представляющие собой неотрадиционалистские варианты конструирования обрядности, проводятся с участием нескольких поколений (Ламажаа, 2021c; Дагылга: тувинские ... , 2021). Среди информантов обнаружено понимание семьи от вполне традиционного (рода, расширенной семьи, почитающей предков) к суженному — до «моя семья, близкие родственники». По критерию «участие / неучастие в дагылга» они разделились практически поровну. Участие студентов в этом обряде характеризуется разной степенью регулярности («ежегодно», «редко») и довольно противоположными мотивами.

Муж., 18 лет, ТувГУ:

— Я потомок древнего и благородного рода, потому не имею права на недостойный поступок. Я должен знать свой язык, свою культуру, и должен ее изучать. Я ежегодно бываю на обрядах *суг бажы дагыыр*².

Муж., 24 года, ТувГУ:

— Я посещаю тувинские традиционные обряды, в том числе и дагылга. Участвуя в таких мероприятиях, знакомишься со своими родственниками, которые живут далеко. Это полезно, что знакомишься со своими родственниками ближе, в дальнейшем можно оказывать друг другу помощь.

Жен., 19 лет, ТувГУ:

— Была, чтобы просто отдохнуть, не вижу сакральных смыслов, просто сход родственников.

¹ Информант родилась в Краснодаре, затем с семьёй переехала в Туву.

² Освящение начала водного канала, реки (Дагылга: тувинские ... , 2021: 73).

Студенты, не имеющие опыта участия в дагылга, делятся на представителей семей, род которых проводит этот обряд, и тех, чьи семьи живут без него. Мотивация неучастия аргументирована отсутствием интереса к традиционной обрядности или содержит коннотацию «немолодёжного» действия.

Жен., 18 лет, ТувГУ:

— В основном туда ходят старшие, я не хожу.

Муж., 24 лет, ТувГУ:

— Мой род проводит дагылга, но я туда не хожу, потому что мне это не интересно.

Муж., 20 лет, ТувГУ:

— В обрядах национальных я не участвую, меня это не интересует.

Неучастие в обряде дагылга может соотноситься как с его поддержкой, положительным отношением к традиционной культуре, так и — с коннотацией явления «несовременного» и потому чужого. Заметим, что обновление фиксируется уже в поколении родителей, и молодёжь солидаризуется с ними, воспроизводя в той или иной части современную культуру.

Муж., 18 лет, ТувГУ:

— Я еще ни разу не принимал участие в таких традиционных мероприятиях, как дагылга. Но я считаю, что нужно сохранить традиции и блюсти их. Я хочу, чтобы мир знал о наших традициях и культуре. Например, про китайские и японские традиционные праздники знают во многих странах. Я хочу, чтобы и про Туву знали. Надо идти в ногу со временем, но в то же время сохранить свою культуру.

Жен., 17 лет, ТувГУ:

— Мои не проводят, так как мои родственники более современные. Мировоззрение другое, в такое не верят.

Современные смыслы родины

Как отмечалось ранее, современные смыслы родины тувинских студентов основаны на оппозиции традиционным смыслам, что отражают их отдельные элементы («место рождения не важно», «хорошие условия жизни и будущего», «родиной может быть любая другая страна», «родина — место, где нравится»). Эта группа смыслов соотносится с интерпретацией общества Р. Парка: «современное общество достигло территориальной протяженности, которой еще не достигало ни одно предшествующее, <...> достигнутая им протяженность совпала с географическими пределами обитаемого мира» (Парк, 2011а: 184) Данная группа смыслов есть следствие процессов нарушения преемственности в социокультурном воспроизводстве, индивидуализации и рационализации сознания молодёжи в условиях глобализации и вестернизации культуры. Их иллюстрируют следующие высказывания.

Жен., 23 года, ТувГУ:

— ...неважно, где родилась. Главное, чтобы у меня были там хорошие условия для жизни и для моего будущего. Я думаю, я могу считать даже другую страну своей родиной.

Муж., 20 лет, ТувГУ:

— По мне, родина — это любое место, которое тебе нравится, не важно, где ты родился.

Интересно то, что студенты ТувГУ, имея подобные современные представления о родине, по каким-то причинам не использовали ресурсы образовательной миграции. Как правило, жизненные стратегии тувинской молодёжи, ориентированной на переезд в другой регион России или за рубеж, включают этап образовательной миграции (Ламажаа, 2014). Студенты других российских вузов представили более широкий диапазон современных смыслов: от права выбирать место жительства, космополитизма до полного отрицания феномена «родина» в ретроспективе, настоящем и перспективе (Сорокин, 2021).

Гибридные смыслы родины

Гибридные смыслы родины, представляя собой результат конструирования тувинской молодёжью различных сочетаний элементов традиционных и современных смыслов, демонстрируют итоги

переосмысления патриотизма. В современном понимании возникает новое значение патриотизма: любовь к родине на расстоянии, память о малой родине, ностальгия. Современный патриотизм связан и с традиционным обращением к группе «мы — тувинцы ...», что даёт основание информанту высказывать своё понимание родины как представителю этнической группы. Обращение информантов в аргументации своего представления о родине к окружению или этнической группе в исследовательском плане важно как очередное подтверждение значимости микросреды и самоидентификации с этносом. Женщина 21 года, включаясь в дискуссию о суждении «Родина там, где комфортно жить», сформулировала свое представление так:

— Вообще 50 на 50. Родина — это там, где ты родился, но думаю, что каждый вправе выбирать, то есть, где тебе удобно, то место можешь называть родиной. Я патриот всего мира, где мне понравится, туда и поеду, буду жить, узнавать культуру народа, где я живу. Но о своей малой родине, конечно же, буду помнить, не забывать. Мне кажется, что это не совсем с родиной связано, а просто с удобствами человека. То есть он может поехать куда угодно, жить где угодно, но свою малую родину он тоже будет помнить. Это же не забывается.

Жен., 18 лет, ТувГУ:

— Я считаю, что человек вправе выбирать, где ему жить и т. д. Я все равно думаю, что когда человек повзрослеет, его все равно будет притягивать то место, в котором он родился, вырос, где жили его предки, родители.

Жен., 19 лет, ТувГУ:

— Соглашусь с мнением о том, что, какая бы ни была родина, она все равно будет роднее. Даже, если мне комфортнее в другом месте, по родине буду скучать.

Жен., 19 лет, ТувГУ:

— Я все-таки придерживаюсь мнения, что родина — это то место, где ты родился. Если я, например, родилась в Туве, то куда бы я ни поехала жить, я все равно буду считать Туву своей родиной. Родина она одна, как родители. Ты не выбираешь родину, как не выбираешь родителей. В своем окружении никогда не встречала людей, которые считают, куда ты приехал и где тебе комфортно, там и твоя родина. Мне кажется все-таки патриотизма больше у современной молодежи. По крайней мере, в моем окружении так. А в целом не знаю, как.

Жен., 17 лет, ТувГУ:

— Так получилось, что мы тувинцы — патриоты, как мне кажется. Я родилась в Туве и, если бы уехала жить в США, например, там есть все, что необходимо для комфортной жизни, именно с точки зрения технологий, науки и медицины... У всех тувинцев так, что каждый очень любит свою страну. Мы можно даже сказать, что слишком любим свою Туву, поэтому даже, если в Туве очень холодно зимой, с точки зрения медицины тоже не очень все развито и тому подобное, я все равно люблю свою страну и я не считаю, что родина там, где комфортно жить. Сейчас многие люди переезжают в более развитые страны, но думаю, что они никак не забыли свою родину. Когда человек стареет, он все равно вспоминает свою родину и ему захочется, даже если в последний раз, увидеть свою страну.

Среди гибридных смыслов следующий выделяется сочетанием традиционного элемента «где родился и живёшь» и современным элементом в сингулярном проявлении — «развитие родины».

Муж., 23 г., ТувГУ:

— Я думаю, что все-таки родина — это то место, где ты родился. Надо развивать родину. Это не место, где ты хорошо проводишь время, это место, где ты родился и живешь.

Содержание «развития родины» не раскрыто, но этот неотъемлемый элемент дискурса тувинской общности как в самой Республике Тыва, так и за её пределами. Постоянно ведутся дискуссии о долге тувинцев перед Родиной, необходимости её развития, об активной гражданской позиции (Ламажая, 2014). Кроме того, информант жёстко проводит границу между своим осознанием родины и её современным смыслом — «там, где комфортно», выразив своё отношение к настроениям, характерным для молодёжи: «родина... это не место, где ты хорошо проводишь время...». По данным опроса российской молодёжи, среди носителей современного смысла «родина там, где комфортно жить», 61% выраженных гедонистов, разделяющих «стремление получить от жизни как можно больше удовольствий»¹ как черту молодёжной субкультуры.

¹ Данные Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН. Опрос проведен методом личного интервью по

Другой гибридный смысл отличается не только преобладанием элементов традиционной культуры, но и маркировкой действия по признанию «другого места родиной» как предательства, а также элементом современного смысла «если родина тебя предала». К сожалению, данный элемент не был конкретизирован в процессе дискуссии. Введение в структуру смысла о родине делинквентного компонента (предательство родины) позволяет рассматривать смысл в дихотомии как «традиционные / современные», так и «нормативные / отклоняющиеся», что усиливает значимость этого смысла, ответственность и определенность позиции его носителя. Заметим, что по результатам исследования, 23% российской молодёжи разделяют смысл «Родина — не более чем место на карте, поэтому такого понятия как “предательство родины” не существует»¹. Отрицание родины ведёт и к отрицанию её предательства.

Муж., 18 лет, ТувГУ:

— Родина — это то место, где ты родился, провел свое детство, то место, где твои родители жили. Думаю, это будет как-то предательски, если ты назовешь другое место своей родиной. И родина разделяется на большую и малую. Малая родина — мое село, большая — вся Россия. Считать любое место своей родиной это твое право, но, допустим, если ты — россиянин, и называешь своей родиной Китай, то это будет как-то неправильно. Но, с другой стороны, к примеру, если твоя родина предала тебя, то другое место все равно не получится назвать родиной, можно сказать, что ты там просто живешь, но не более того.

Мы не встретили в научной тувиноведческой литературе упоминания о предательстве человека родиной. Возможно, это первая фиксация результата переосмысления взаимоотношений человека и родины в среде тувинской молодёжи. Предполагаем, что это результат рефлексии истории России. В любом случае полученный результат требует уточнения и дополнительного исследования.

Студенты других российских вузов следующим образом дополняют группу гибридных смыслов.

Муж., 18 лет, ТИУ:

«— Год назад я бы процитировал стихи и песни, которыми мне массировали мозг с семи лет. Родина — это место, где родился конкретный человек. Место, где тебе комфортно — это место, где тебе комфортно. Родина у меня всплывает только в ключе патриотического воспитания, в том плане, что, если нападут, нужно защищать. Когда меня воспитывали, у меня не спрашивали, хорошо ли мне здесь, тебе нравится наш город, наша страна. Родина — это место, где ты родился, и где тебя воспитали. Родину не выбирают, как и мать. Родина — это страна, мой родной дом... Я замечаю, как у окружающих меня людей уменьшается любовь к Родине и уважение к ней... в тех же соцсетях стало много недовольных школьников, молодых ребят, которые ярко выражают свою позицию. Московские дела вот эти, митинги, когда люди недовольны... Если конкретно говорить об этих людях, которые ходят на митинги, то если их не посадят... Нет, не так. Так как они этим занимаются и пытаются что-то изменить, значит, они любят свою родину» (Сорокин, 2021: 116).

Муж., 19 лет, МГУ им. М.В. Ломоносова:

— Я согласен с тезисом, что родина там, где человеку комфортно, потому что я сам вообще другой национальности, родился в России. Для меня как таковой родины вообще нет, я думаю родина там, где человеку комфортно, ему нравится.

Во втором фрагменте интервью появляется традиционный смысловой компонент, прежде имплицитно встречающийся в обеих группах информантов: родина — место, где родился — этническая родина.

репрезентативной для населения России выборке в 42 населенных пунктах 10 субъектах Российской Федерации в октябре 2020 г. N — 1155 человек. Возраст респондентов — от 15 до 35 лет включительно. Отбор респондентов был проведен на базе половозрастных квот, репрезентирующих российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Регионы: г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым.

¹ Данные Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН. Опрос проведен методом стандартизированного онлайн-интервью по репрезентативной для населения России выборке в 133 населенных пунктах 11 субъектах Российской Федерации в ноябре – декабре 2021 г., N — 1640 человек. Возраст респондентов — от 15 до 35 лет включительно. Тип выборки — квотная, репрезентация обеспечена по полу, возрасту и типу поселения. Регионы исследования: г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Волгоградская область, Вологодская область, Республика Крым.

Феномен культурной гибридизации или маргинализации в терминологии Р. Парка — следствие миграции, совместного проживания разных этносов, урбанизации (Парк, 2011b), и, безусловно, глобализации, интенсивность которой в последние десятилетия обеспечили цифровые технологии. В контексте социокультурного воспроизводства культурная гибридизация смыслов родины одновременно отражает преемственность поколений и векторы обновления тувинской культуры.

К чему ведёт подобное смешение традиционного и современного на индивидуально-групповом уровне? К неоднозначности реакций молодёжи на объекты социальной реальности и обусловленности их действий конкретными ситуациями (Zubok, Lyubutov, 2021: 179).

Заключение

Структура культурного пространства тувинской студенческой молодёжи в отношении к родине определяется традиционными, современными и гибридными смыслами. Этот факт сближает студентов-тувинцев с другими российскими студентами.

В традиционных смыслах студентов-тувинцев сохраняется связь между местом рождения, местом жительства предков, родителей и любовью к этому месту, положительными эмоциональными реакциями. В современных смыслах родины эта связь прерывается. Наблюдается секуляризация отношения к родине, имеющей в традиционной культуре сакральное значение. Данные смыслы отражают рационализацию сознания студентов-тувинцев, приоритет целей индивида, что является характерной чертой российской молодёжи в целом.

Большая вариативность гибридных смыслов родины объясняется их эклектичной природой. На индивидуально-групповом уровне они демонстрируют запрос молодёжи на сингулярность, уникальность самореализации. В гибридных смыслах устанавливается связь (1) между правом на выбор места жительства и любовью к Туве, признанием её своей родиной, (2) жизнью на земле предков и развитием родины; (3) названием другой страны родиной предательством и допущением того, что и родина может предать, но и в этом случае она ею остаётся.

Анализ материалов фокус-групп показал значимость социокультурной среды в смысловой саморегуляции отношения к Родине тувинской студенческой молодёжи. Прослеживается действие следующих механизмов смыслообразования в отношении представлений о родине: институциональный (часть смыслов включаются в группу объективированных, по П. Бергеру, и тогда запускается целенаправленная социализация, в процессе которой индивид их осваивает как данность) и механизм саморегуляции — переосмысления (принятые на веру смыслы соотносятся с собственным опытом, принимаются уже как осознанные или в разной степени корректируются).

Механизмы саморегуляции жизнедеятельности молодёжи запускаются, когда институциональная регуляция даёт сбой, не учитывает в достаточной мере потребности и интересы группы. В Туве, как и в других субъектах Российской Федерации с 2011 г. действует государственная программа патриотического воспитания¹, в январе 2018 г. был принят Закон о патриотическом воспитании в Республике Тыва².

Упомянутый ранее рост российской идентичности тувинской молодёжи свидетельствует о результативности формируемой системы патриотического воспитания детей и молодёжи в части укрепления общего социокультурного пространства страны, не исключая уникальности этнокультуры тувинского общества. Смысловое разнообразие культурного пространства тувинской студенческой молодёжи, а также мотивация её участия в социокультурном воспроизводстве являются содержательно-методическим основанием для количественного исследования отношения тувинской молодёжи к родине во взаимосвязи с гражданской и этнической идентичностями, представлениями о будущем и установками на миграцию. Но уже на этом этапе можно рекомендовать рассмотрение таких глобальных

¹ Постановление Правительства Республики Тыва № 347 от 21 июля 2021 г. «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Патриотическое воспитание граждан, проживающих в Республике Тыва, на 2022–2024 годы». [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: http://mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/916.19 KB.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

² Закон Республики Тыва от 12 января 2018 г. № 351-ЗРТ «О патриотическом воспитании в республике Тыва» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/47806352/?ysclid=ld817f1e2v836719249> (дата обращения: 25.11.2022).

задач как создание благоприятных условий для самореализации молодежи в сферах образования, труда, в обустройстве жизненного пространства, развитии социальных инициатив не только в рамках социально-экономического развития республики, но и в контексте патриотического воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // *Sciences of Europe*. № 49–4 (49). С. 62–66.

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2022) Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // *Социологические исследования*. № 2. С. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Бергер, П. (2019) Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. М. : Новое литературное обозрение. 208 с.

Бохан, Т. Г., Ульянич, А. Л., Терехина, О. В., Видякина, Т. А., Галажинский, Э. В. (2021) Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции // *Социальная психология и общество*. Т. 12. № 1. С. 59–76. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2006) Методология целостного подхода в социологии молодежи // *Россия: новые цели и приоритеты : Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2005 году* / отв. ред. Г. В. Осипов, В. Н. Кузнецов, В. В. Локосов. М. : ИСПИ РАН. 408 с. С. 84–107.

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2020) Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Юридическое издательство «Норма». 304 с.

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. Б., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 248 с.

Копцева, Н. П. (2020) Мировоззренческий статус студенческой молодежи: анализ ценностных установок студентов университетов Сибирского федерального округа // *Science for Education Today*. Т. 10. № 6. С. 101–119. DOI: <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2006.06>

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 152–165.

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К. (2021c) Тувинские обряды дагылга в XXI в. // *Этнографическое обозрение*. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Мокерова, Ю. В. (2022) Понятие Родины и представление о патриотизме у учащейся молодежи (на примере Свердловской области) // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. № 4 (55). С. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.39-49>

Монгуш, Ч. Н., Сарыглар, Б. К. (2019) Ценностные ориентации студентов ТувГУ // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*. № 4 (55). С. 48–55.

Ооржак, С. Я., Уланова, С. Я. (2012) Трансформация представлений студентов о ценностях и ценностных ориентациях в процессе социализации в условиях высшей школы // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*. № 4 (15). С. 39–43.

Орлова, В. В., Луц, Ю. А. (2015) Особенности национальной культуры как фактор адаптации студентов из автономных территорий Сибири в межкультурной образовательной среде научно-образовательного центра // *Успехи современного естествознания*. № 9. С. 167–170.

Парк, Р. Э. (2011a) Современное общество // Парк Р. Э. Избранные очерки : сб. переводов / сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : б. и. 320 с. С. 180–200.

Парк, Р. Э. (2011b) Человеческая миграция и маргинальный человек // Парк Р. Э. Избранные очерки : сб. переводов / сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : б. и. 320 с. С. 223–235.

Попков, Ю. В. (2021) Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. № 1. С. 217–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>

Сорокин, О. В. (2021) Смысловые компоненты отношения к Родине в культурном пространстве молодёжи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3 (284). С. 110–121. DOI: <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121>

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. 225 с.

Zubok, Yu. A., Lyubutov, A. S. (2021) Semantic space of reality: Structural taxonomy of the foundations of self-regulation of interactions in the youth environment // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. Vol. 14. Issue 3. P. 167–181. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.10>

Moscovici, S. (1998) The history and actuality of social representations // The psychology of the social / ed. by U. Flick. Cambridge : Cambridge University Press. xiii, 285 p. P. 209–247.

Дата поступления: 25.12.2022 г.

Дата принятия: 15.01.2023 г.

REFERENCES

Anayban, Z. V. (2020) Sovremennaiia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Anayban, Z. V. and Balakina, G. F. (2022) Sotsial'nye ozhidaniia i tsennostnye orientatsii uchashcheisia molodezhi Tuvy [Social expectations and value orientation of the contemporary students of Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: A sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Berger, P. (2019) *Sviashchennaia zavesa. Elementy sotsiologicheskoi teorii religii [The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion]* / transl. from Engl. by R. Safronov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p. (In Russ.).

Bokhan, T. G., Ul'yanich, A. L., Terekhina, O. V., Vidyakina, T. A. and Galazhinskiy, E. V. (2021) Osobennosti sub"ektivnogo blagopoluchiiia studentov v usloviakh obrazovatel'noi migratsii [The features of subjective well-being among students in the conditions of educational migration]. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, vol. 12, no. 1, pp. 59–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105>

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2006) Metodologiya tselostnogo podkhoda v sotsiologii molodezhi [Methodology of a holistic approach in the sociology of youth]. In: *Rossiia: novye tseli i priority : Sotsial'naiia i sotsial'no-politicheskaia situatsiia v Rossii v 2005 godu [Russia: New goals and priorities : The social and socio-political situation in Russia in 2005]* / ed. by G. V. Osipov, V. N. Kuznetsov and V. V. Lokosov. Moscow, Institute of Socio-Political Research of the RAS. 408 p. Pp. 84–107. (In Russ.).

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2020) *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti [Youth in the cultural space: Self-regulation of life]*. Moscow, Iuridicheskoe izdatel'stvo "Norma". 304 p. (In Russ.).

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Issledovanie setevoi identichnosti studencheskoi molodezhi regionov Rossii (na primere Kalmykii i Tuvy) [Research on the network identity of the student youth of Russian regions (The cases of Kalmykia and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Koptseva, N. P. (2020) Mirovozzrencheskii status studencheskoi molodezhi: analiz tsennostnykh ustanovok studentov universitetov Sibirskogo federal'nogo okruga [World outlook of university students: Analysis of students' values in the Siberian Federal district (the Russian Federation)]. *Science for Education Today*, vol. 10, no. 6, pp. 101–119. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2006.06>

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Trans-Sayan Tuvans: Way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvinskie obiady dagylga v XXI veke [Tuvan rites dagylga in the 21st century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Mokerova, Ju. V. (2022) Poniatie Rodiny i predstavlenie o patriotizme u uchashcheisia molodezhi (na primere Sverdlovskoi oblasti) [The concepts of the motherland and of patriotism among young people (on the example of the Sverdlovsk region)]. *The Kazan socially-humanitarian bulletin*, no. 4 (55), pp. 39–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.39-49>

Mongush, Ch. N. and Saryglar, B. K. (2019) Tsennostnye orientatsii studentov TuvGU [Valuable orientations of Tuvan State University students]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (55), pp. 48–55. (In Russ.).

Oorzhak, S. Ya. and Ulanova, S. Ya. (2012) Transformatsiia predstavlenii studentov o tsennostiakh i tsennostnykh orientatsiakh v protsesse sotsializatsii v usloviakh vysshei shkoly [Students' transformation in values and value orientations during the process of socialization in higher education]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (15), pp. 39–43. (In Russ.).

Orlova, V. V. and Lutz, Yu. A. (2015) Osobennosti natsional'noi kul'tury kak faktor adaptatsii studentov iz avtonomnykh territorii Sibiri v mezhkul'turnoi obrazovatel'noi srede nauchno-obrazovatel'nogo tsentra [Features of national culture as a factor of adaptation of students from the autonomous territories of Siberia in the intercultural educational environment of the research and education center]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia*, no. 9, pp. 167–170. (In Russ.).

Park, R. E. (2011a) *Sovremennoe obshchestvo [Modern society]*. In: Park, R. E. *Izbrannye ocherki [Selected essays]* : A collection of translations / comp. and transl. from Engl. by V. G. Nikolaev ; ed. by D. V. Efremenko. Moscow, s. n. 320 p. Pp. 180–200. (In Russ.).

Park, R. E. (2011b) *Chelovecheskaia migratsiia i marginal'nyi chelovek [Human migration and marginal man]*. In: Park, R. E. *Izbrannye ocherki [Selected essays]* : A collection of translations / comp. and transl. from Engl. by V. G. Nikolaev ; ed. by D. V. Efremenko. Moscow, s. n. 320 p. Pp. 223–235. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2021) Identichnost', sotsiokul'turnyi potentsial, tsennostnye orientatsii i otsenka perspektiv tsivilizatsionnogo budushchego u tuvinskikh i russkikh studentov Sibiri [Identity, socio-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects of the civilizational future among Tuvan and Russian students in Siberia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 217–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>

Sorokin, O. V. (2021) Smyslovye komponenty otnosheniia k Rodine v kul'turnom prostranstve molodezhi [Semantic components of attitudes towards the Homeland in the cultural space of young people]. *Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*, no. 3 (284), pp. 110–121 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world] (1988) / E. L. L'vova, I. V. Oktiabr'skaia, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova. Novosibirsk, Nauka. 225 p. (In Russ.).

Zubok, Yu. A. and Lyubutov, A. S. (2021) Semantic space of reality: Structural taxonomy of the foundations of self-regulation of interactions in the youth environment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, issue 3, pp. 167–181. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.10>

Moscovici, S. (1998) The history and actuality of social representations. In: *The psychology of the social* / ed. by U. Flick. Cambridge, Cambridge University Press. xiii, 285 p. Pp. 209–247.

Submission date: 25.12.2022.

Acceptance date: 15.01.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.7

Статья

Этноконфессиональный неотрадиционализм хакасов: поиск оснований идентификации

Лариса В. Анжиганова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

В статье представлен анализ эволюции этноконфессиональной идентичности хакасского народа. В ее ходе, с одной стороны, была сохранена преемственность шаманских основ вероучения и культовой практики, что привело к более развитой форме религиозной идентичности — тенгрианству. С другой стороны, хакасы включились в иные религиозные системы (например, манихейство, христианство), что сформировало известный феномен «двоеверия».

Особое внимание автор уделяет процессам сакрализации, десакрализации и ресакрализации важнейшей ценности «родная земля». Делается вывод о том, что вероучение тенгрианства ревитализируется. Однако этот феномен противоречив и вызывает дискуссии не только в научных кругах, но и в обществе.

В современном тенгрианстве проявились традиционалистские, модернистские и неотрадиционалистские тенденции. Акторы — традиционалисты, как правило, придерживаются строгого соблюдения догматов вероучения и правил культовой практики. Модернисты, преимущественно принадлежащие к национальной интеллигенции, осмысливая картину мира тенгрианства, склонны к внеконфессиональности в интерпретации вероучения и либеральным формам культовой практики. Неотрадиционалисты стремятся использовать традиционные формы этноконфессиональной идентичности как ресурс мотивации этнофоров в достижении этнической солидарности и усилении модернизации. В отличие от традиционных форм шаманизма и тенгрианства современные акторы активно конструируют новую социальную реальность, используя законодательную практику (например, о защите священных мест), институциональные формы организации (общества, движения, акции и пр.) и, наконец, науку.

Ключевые слова: шаманизм; манихейство; христианство; тенгрианство; родная земля; этноконфессиональный модернизм; этноконфессиональный традиционализм; этноконфессиональный неотрадиционализм; этноконфессиональная идентичность; картина мира; Хакасия; хакасы

Для цитирования:

Анжиганова Л. В. Этноконфессиональный неотрадиционализм хакасов: поиск оснований идентификации // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 125-136. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.7>

Анжиганова Лариса Викторовна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: alv_9@mail.ru

ANZHIGANOVA, Larisa Viktorovna, Doctor of Philosophy, Professor; Professor, Department of History, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenina Prospekt, 655017 Abakan, Russian Federation. E-mail: alv_9@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5073-2504

Ethno-confessional neotraditionalism of the Khakas: The search for identification grounds

Larisa V. Anzhiganova

Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The purpose of this article is to analyze the evolution of the ethno-confessional identity of the Khakas people. In its course, on the one hand, the continuity of the shamanic foundations of faith and cult practice was preserved. This led to a more developed form of religious identity — Tengrianism. On the other hand, the Khakas joined other religious systems (for example, Manichaeism and Christianity), and this formed the well-known phenomenon of “dual faith”.

The author pays a special attention to the processes of sacralization, desacralization and resacralization of the most important value of native land. It is concluded that the doctrine of Tengrianism is being revitalized. However, this phenomenon is controversial and causes discussions not only in the academic circles, but also in the society.

In modern Tengrianism, traditionalist, modernist and neotraditionalist tendencies have appeared. Traditionalist actors, as a rule, adhere to strict observance of the dogmas of the religious doctrine and the rules of the cult practice. While comprehending the worldview of Tengrianism, modernists who mainly belong to the national intelligentsia tend to be non-confessional in the interpretation of the creed and prone to liberal forms of cult practice. Neotraditionalist actors seek to use traditional forms of ethno-confessional identity as a resource to raise the motivation of ethnophors for achieving ethnic solidarity and intensification of modernization. Unlike traditional forms of shamanism and Tengrianism, contemporary actors actively construct a new social reality using legislative practice (for example, for the protection of sacred sites), institutional forms of organization (societies, movements, actions, etc.), and, finally, science.

Keywords: *shamanism; Manichaeism; Christianity; Tengrianism; native land; ethno-confessional modernism, ethno-confessional traditionalism; ethno-confessional neotraditionalism; ethno-confessional identity; worldview; Khakassia; Khakas people*

For citation:

Anzhiganova L. V. Etnokonfessional'nyi neotraditsionalizm khakasov: poisk osnovanii identifikatsii [Ethno-confessional neotraditionalism of the Khakas: The search for identification grounds]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 125-136. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.7>

Введение

В условиях глобализации усилился интерес к традиции не только как механизму сохранения этнической, в том числе, этноконфессиональной идентичности, но и как ресурсу развития этноса. Поэтому акторы этнического возрождения стали активно исследовать исторические формы религиозной идентичности своих народов, что было объяснимо после тотального 70-летнего атеизма в СССР.

Этноконфессиональная идентификация понимается нами как отождествление субъекта (индивидуального/коллективного) с ценностями, формами жизнедеятельности, социальными отношениями и институтами, закрепленными в картине мира народа, репрезентируемыми той или иной конфессией. Акцент на важнейшем значении ценностей связан с тем, что этническая культура, на наш взгляд, имеет определенную структуру: ядро (иерархически сформированная система ценностей), элементы (экономика, политика, право, религия и пр.) и «защитный пояс» (традиции, ритуалы, обряды, символы и пр.). Не вызывает сомнения, что картина мира того или иного этноса определяется особенностями «вмещающего ландшафта» (природными ресурсами, климатом и пр.). В течение длительного времени, в процессе адаптации формируются ценности, определяющие формы жизнедеятельности (тот или иной тип хозяйственной деятельности), соответствующие им отношения и регулирующие их социальные институты. Поэтому совершенно естественным является то, что у всех народов на этапе их формирования важнейшей ценностью становится «родная земля».

Однако в процессе развития, в силу исторических или экологических факторов эта ценность может размываться, утрачивать определенность и, в конечном счете, снижать значимость и положение в иерархии ценностей. Она превращается в символическую ценность (мечты о возврате «земли обетованной»). С формированием мировых религий произошел радикальный отказ от самой ценности «Родина». Вспомним, в царской России население государства делилось на две категории: «православные» и «инородцы». Сегодня появились так называемые «люди мира», активно осваивающие иные страны и культуры. В процессе вынужденных миграций либо строительства империй понятие «родина» становится своеобразной матрешкой: не случайными становятся выражения «малая родина», «большая родина» и пр.

Одним из активно обсуждаемых вопросов является проблема определения традиционной религии этноса. Естественно, чем глубже исторические экскурсы, тем больше расходятся позиции исследователей в определении специфики этноконфессиональной идентичности и ареала распространения тех или иных религиозных систем. С другой стороны, не менее острыми остаются вопросы формирования и динамики современного религиозного сознания хакасского народа. При этом высвечивается главная проблема — аутентичность конструирования акторами основ вероучения и культовой практики. Поскольку вопросы вероучения и особенностей религиозной жизни чрезвычайно обширны, то мы остановимся на одной проблеме — динамике процессов сакрализации, десакрализации и ресакрализации коррелирующих друг с другом понятий «родная земля», «Родина» и их этнических аналогов.

Целью статьи является исследование динамики этноконфессиональной идентичности хакасского народа, приведшей к ревитализации шаманизма и тенгрианства. Выделены периоды древности, средневековья, вхождения и пребывания хакасов в составе имперской России, XX век и начало XXI века. Специальной задачей становится анализ представлений этнофоров о сакральном значении понятий «Родина», «родная земля».

Источники исследования. К первой группе относятся труды дореволюционных и советских исследователей (археологов, филологов, этнографов и пр.), рассматривающих особенности религиозного сознания хакасов, в том числе, представления о родной земле, а также определяемые ими обрядовые практики (Бутанаев, 2001, 2006; Катанов, 2004; Кызласов, 2001; Майнагашев, 1916; Малов, 1952; Потапов, 1994; и др.);

Вторая группа источников включает тексты хакасских героических сказаний, в которых специальному анализу подверглись т. н. «зачины»; в них повествуется о великом времени одновременного возникновения мира, Родины и хакасского народа¹.

И наконец, проблемы этноконфессиональной идентичности хакасов, начиная 1990-х гг., обсуждаются автором на основе результатов включенного наблюдения. Автор принимала непосредственное участие в качестве учредителя, исследователя и участника обрядовых действий в деятельности религиозных организаций. В 2009–2013 гг., будучи заместителем министра национальной и территориальной политики Республики Хакасия, работала с религиозными конфессиями, деноминациями, группами региона. Ценность результатов включенного наблюдения определяется и тем, что, во-первых, официального учета статистических данных по критерию «национальность», коррелирующих с критерием «религиозность», не ведется в стране уже ряд лет. Во-вторых, последним полноценным социологическим исследованием в Хакасии можно считать опрос 2006 г. (Религиозно-нравственное ..., 2007), в котором автор статьи принимала самое непосредственное участие в качестве одного из составителей программы, исполнителя и осуществляющего анализ результатов опроса.

Изменения смыслов Родины

Родина в изначальном смысле определялась не только границами, ландшафтными особенностями и, в некоторой степени, исторической судьбой, но становилась ценностью, наделяющей глубинно-эмоциональными смыслами эти ландшафты, исторические события, конкретных культурных героев.

¹ Ай Мирген. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1959; Айдолай. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963; Алтын Тайчы. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1973; Алтын Чус. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958.

Более того, Родина — это образы: привычная линия горизонта (горы или степь), запахи трав и ветра, вкус воды, звуки степи или родной деревни по утрам и пр.

На первом этапе, в процессе формирования этноса происходит *сакрализация Родины*. Она становится избыточной сакральной реальностью: горы, озера, реки, перевалы, животный и растительный мир и пр. священны. Сверхъестественными качествами наделяются время сотворения мира, герои, в этом участвовавшие, человек как необходимая составляющая этого мира и несущая личную ответственность за сохранение баланса сил, природных, социальных и сверхъестественных. Сформировался феномен «священные родовые земли».

В XX веке в СССР жестко и целенаправленно *десакрализировали* священные территории и объекты, впрочем, это коснулось всего конфессионального пространства страны. Для большинства этнофоров, в отличие от представителей старшего поколения и носителей сверхъестественных способностей, это не был болезненный процесс.

Как правило, целостный образ родины сохраняется у сельчанина через родной язык, хозяйственную деятельность, малые формы местного фольклора и пр. Попадая в городскую среду, этнофор теряет изначальные, глубинные маркеры Родины (места обитания духов-хозяев земли, воды, земли, огня, язык, традиции и пр.). Город и городская среда тоже становятся родиной, но маркеры иные, искусственно созданные. «Старая родина» рационализируется и теряет эмоциональный смысл для всех последующих поколений, в конечном счете, ценность «родная земля» перестает быть смыслопорождающей, связанной с этнической культурой.

Сформировалось не одно поколение представителей этносов, которые утратили глубинное чувство «родной земли» во всей его полноте и целостности.

С конца 1980-х годов стали отдельные элементы сакрализации общественной жизни возвращаться. Особенно это видно по деятельности мировых религий, которые активно возвращают места культовой деятельности, включаются в общественные процессы и пр. Зримо проявляются *ресакрализационные* тренды. В этих условиях, когда новые, модернизационные, и консервативные, традиционалистские интенции начинают сталкиваться в едином социокультурном пространстве, неизбежно возникает потребность их осмыслить.

В последние десятилетия зримо проявились тенденции, возрождающие *этноконфессиональный традиционализм* как «ответ» акторов-этнофоров на активную ревитализацию мировых религий, обладающих неизмеримо большими ресурсами вовлечения в свои ряды неофитов. Необходимо иметь в виду, что собственно в рамках этнического традиционализма субъект (индивидуальный /групповой) руководствуется традиционными ценностями, исторически сложившимися у его народа, сформировавшимися под их воздействием формами жизнедеятельности, социальными отношениями и институтами. Этноконфессиональная идентификация становится ресурсом сакральной легитимации традиций. Приверженцами этноконфессионального традиционализма можно смело считать религиозными фундаменталистами. Как правило, в их картине мира осуществляется тотальная сакрализация явлений и процессов, вследствие чего они предлагают считать свою деятельность представляющей в предельной форме всеобщий интерес этнофоров. Поэтому их требования строго следовать догматам, уставу и культуре их конфессии не кажутся им чрезмерными.

В свою очередь, *этноконфессиональные модернисты* настаивают на необходимости развития собственного народа в широком, государственном и мировом контексте. Это с неизбежностью приводит к противоречивым последствиям: либо объявлению собственной религиозной системы «примитивным пережитком прошлого», либо ее полной модернизации вплоть до исчезновения видовых характеристик. Что проявляется в отождествлении себя с такими мировыми феноменами как мистицизм, движение *New Age* и пр. Сами же акторы, в конечном счете, объявляют себя представителями внеконфессионального сообщества, по сути, «людьми мира».

Традиционалисты и модернисты оказываются в ситуации, относительно комфортной для осмысления и реализации своих проектов. Первые берут из прошлого готовые образцы идей и форм деятельности, адептов такого подхода, как правило, немного. Но они вполне спаянные и жизнеспособные в своих сообществах, т. к. в условиях кризисов доказавшее свою эффективность прошлое становится самостоятельным субъектом исторического процесса. Модернисты, апеллируя к будущему, прогрессу, также неплохо вооружены: они активно включают в свой арсенал достижения науки (квантовой физики, психологии и пр.).

Наконец, еще одной тенденцией в сложном процессе этноконфессиональной идентификации стал *этноконфессиональный неотрадиционализм*. Последний может быть представлен как *ориентация этнического сознания на включение традиционных религиозных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений и видов конфессиональной организации этноса как ресурса развития модернизационных процессов*. Целью подобной деятельности является обретение этносом целостности, единства с миром и полноты бытия в пространстве стабильно развивающейся культуры. Ключевым понятием здесь является «*традиция как ресурс развития*», что предполагает ответы на ряд трудно разрешимых на практике вопросов. Какая традиция содержит в себе потенциал развития? Является ли эта традиция аутентичной данной культуре? В результате этого развития не становится ли она квазитрадицией или даже антитрадицией? Все эти и многие другие вопросы крайне множатся, когда речь идет о процессах ресакрализации различных сторон общественной и индивидуальной жизни.

Целостность этноса в данном контексте понимается как идентификация большинства народа с собственными этноконфессиональными интересами (сохранение в максимально возможной этнокультурной полноте и целостности и устойчивом развитии). Принципиальное отличие модернистов и неотрадиционалистов от традиционалистов заключается в признании конституционного права каждого этнофора на свободный выбор того или иного вероисповедания или атеизма: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»¹.

Динамика развития этноконфессиональной идентичности хакасского народа

У исследователей не вызывает сомнения, что хакасы, как и все другие народы, постижение мира сверхъестественного начинали с ранних форм религии (анимизм, тотемизм, фетишизм и пр.). Для медиации с этим миром со временем выделились шаманы, люди, способные в измененном состоянии сознания помогать в решении проблем народа различной степени сложности. Именно они создали систему сакрализации родной земли, наделив ее духами-хозяевами Огня, Земли, Воды, гор, озер, рек и пр. *Родина как родная земля стала важнейшей ценностью и ресурсом сохранения этноса*.

В последующем, по мере развития межкультурных связей и отношений с другими народами, религиозное пространство этноса обогатилось как мировыми, так и региональными конфессиональными системами (буддизмом, манихейством, исламом, христианством и пр.).

Так, например, Л. Р. Кызласов был убежден, что в 758–759 гг. манихейство распространилось в древнехакасском Московский профессор, археолог с мировым именем утверждал: «На протяжении 5 веков там действовало не менее 11 манихейских храмов. Большинство из них представляли собой монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича...» (Кызласов, 2001: 84). Более того, по мнению ученого:

«Древние саяно-алтайские тюрки и их соседи после VIII–IX вв. не «остались обычными шаманистами», как считают до сих пор многие ученые. Приняв «всеобщую универсальную религию» Мани, они стали «сибирскими манихеями». Поэтому и имя божества в тюркоязычных священных текстах осталось язычески древним — Тенгри» (там же: 88–89).

Известно, что древнетюркский каган Тоньюкук в ответ на намерение кагана Тапо внедрить в государстве буддизм, ответил: «Буддизм и даосизм несут людям представление о доброте и слабости, и эти черты будут тормозить ведение войн и завоеваний, а постройка храмов будет разрушать старый древнетюркский обычай быть ничем несвязанным. В противном случае Танская династия уничтожила бы нас» (Потапов, 1994: 17).

На место конкретной родовой земли как Родины, в процессе строительства империи и неизбежного завоевания земель других народов, стало внедряться в сознание народа понимание Родины как государства.

Большинство каменных эпитафий VI–VIII вв. начинаются словами «Я не наслаждался...». При этом перечисляются те ценности, которые были особенно значимы для данного человека: близкие (дочери, сыновья, жены) и «божественное государство» (Малов, 1952: 11, 17, 19, 22, 23, 26, 29, 35, 37, 38, 30, 43, 51, 56, 59, 82).

¹Глава 2. Права и свободы человека и гражданина [Электронный ресурс] // Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 05.01.2023).

После присоединения к имперской России этноконфессиональное пространство сибирских этносов, в том числе хакасов, существенно упростилось. Господствующее положение занимала Русская православная церковь, которая с помощью жесткой вероисповедной политики добивалась массового крещения инородцев.

Последствия такой политики были предсказуемыми. Подчеркнем исключительно с формальной точки зрения крещение подавляющего большинства хакасов завершилось в конце XIX в. Так, например, с 1863 г. по 1909 гг. так называемое число «шаманствующих» уменьшилось с 10 889 чел. до 684 чел. (Малашин, 2011: 179). Однако необходимо отметить, что здесь воспроизводилась вечная ситуация. Насильственное крещение разрушало всю картину мира, складывавшуюся в течение веков и тысячелетий. Это вызывало сильный системный кризис: глубинный психологический невроз из-за резкого и бесповоротного ниспровержения собственных богов на фоне возвышения христианских святых (изначально обычных людей). Это порождало чувство беспомощности и безропотного отнесения себя к низкорейтинговым сообществам («инородцам»). Для преодоления этих уничтожающих этнос настроений в экстремальных ситуациях этнофоры возвращались к истокам: посредниками между мирами (сакральным и профаническим) оставались шаманы, решающие сложнейшие вопросы, индивидуальные и коллективные.

С утратой государственности, хакасы вернулись к традиционному пониманию Родины как родной земли, продолжая наделять ее сакральными качествами.

Исследователи отмечают, что, тем не менее, хакасы были и оставались и в начале XX в. «двоеверами». Согласно данным хакасского этнографа К. М. Патачакова: «В 1924–1925 году в 26 аалах Хакасского уезда был 71 шаман, из них 54 человека — мужчины, 17 — женщины; 39 человек имели бубны, костюмы; наследственными шаманами считались 15 человек, получили дар после тяжелой болезни 42 человека, стали по своей воле 14 человек»¹.

Шаманизм — это не столько религия, это вера и образ жизни. Он выполнял онтологические (бытие мира и человека), компенсаторные (объяснение справедливости, закон компенсации), коммуникативные, эстетические и другие функции. Он был частью традиционного мировоззрения, решал задачи сохранения этноса, его идентификации, осуществлял связь человека с природой, охранял, по мнению сибирской исследовательницы А. В. Смоляк, «этнос и кормящий его ландшафт» (Смоляк, 1991: 40).

Н. Ф. Катанов считал, что вера в Кудая и Эрлик-хана появилась под влиянием христианства, поскольку их имена никогда не встречаются в шаманских молитвах и камланиях (Катанов, 2004: 43). И это понятно, т. к. хакасы практически с незапамятных времен поклонялись Великому Синему Небу (*Хан-тигир*), Родине (*Чир-Суу*). По сути, они были тенгрианцами, проводя, вплоть до первой трети XX века, обряды жертвоприношения Небу (*тигир-таих*). Это зафиксировано в молитвах, эпосе, каменных эпитафиях.

На наш взгляд, принципиального противоречия между шаманизмом и тенгрианством, по крайней мере, в контексте объединяющего их хакасского традиционного мировоззрения, нет. Шаманы, наделенные даром проникать в сакральные уровни мироздания (Верхний, Нижний, Средний миры) в состоянии измененного сознания, оказывают разнообразную помощь народу. Обряды поклонения Хан-тигир (*тигир-таих*) проводили *алгысчы* (пользующиеся авторитетом мужчины в возрасте, шаманы же на эти обряды допускались только как рядовые члены рода).

Остановимся подробнее на картине мира хакасов, сложившейся с незапамятных времен на территории их обитания. Первым феноменом, что отличает картину мира хакасов, зафиксированном в хакасском героическом эпосе, является то, что процесс возникновения родной земли всегда начинался с чудесного сотворения мира:

«Когда земля создавалась,
Тогда же и звезды рождались, говорят,
На [всем] белом свете
Народ начинал жить»².

¹ Патачаков К. М. Нинче хам полган / архивтер алылган саннар // Хакас чир 1. 1996. 29 октября.

² Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 250.

Практически все тексты героических сказаний хакасов начинаются с констатации факта: однопорядковыми по значению и времени возникновения оказываются Вселенная, родная земля, народ и культурные герои-богатыри¹. По сути, это констатация великого сакрального события — *возникновения мира*.

Мир един, строго упорядочен, сбалансирован, гармоничен. Три вертикальных уровня (Верхний, Средний, Нижний миры) населены сверхъестественными силами, имеющими строго определенные функции, пространство и особое время для их выполнения. Но, что важно для нас, эти миры пронизываемы для людей, которые в экстремальных ситуациях попадают в них и решают свои задачи. В тех мирах есть те же реки, горы, озера, жители их занимаются теми же видами деятельности, что и жители Солнечного мира — люди «с солнечной грудью».

Составные части нашего мира — Восток, Юг, Запад, Север — имеют сакральные характеристики, играющие важную роль в жизни человека, коррелируя с этапами жизненного цикла человека: рождение, зрелость, старость, смерть. Важнее всего то, что эти три вертикальных и четыре горизонтальных направления связаны друг с другом единой Осью мира — Золотой горой (*Алтын таг*), Священной березой (*Пай хазын*), Коновязью (*Сарчын*). Этот центр мира символически мог быть везде, в том числе, *сарчын* возле входа в юрту олицетворял ось мира. Человек как прообраз мира (три вертикали человеческого тела — голова, грудь, ноги; четыре каждая по-своему значимые стороны вокруг) должен был сохранять равновесие и гармонию в себе и вокруг себя, охраняя землю².

Человек взвалил на свои плечи ответственность за вселенские процессы: чрезвычайно важным считалось делать в срок не только все профанические дела, но и судьбоносные для мира обряды. К последним относятся *тигир таих* (поклонение Небу), в начале XX века описанный С. Д. Майнагашевым (Майнагашев, 1916: 95–98), поклонения родовым горам *таг таих*, родовой земле (*ызык*).

До конца 1980-х годов обряды поклонения Небу, Земле, родовым горам практически исчезли. Вышли из употребления понятия «родовые земли». Разве что старшее поколение помнило их границы, рассказывая, что до распахки целины в 1950 г. ныне скудные солончаковые степи представляли собой богатейшие покосы и тучные пастбища. С раннего детства автору статьи прививалось родовое воспитание: чувство принадлежности к роду *читы нуур* («семи волков»), знание родословной до 7 колена и путешествие к родовой горе. Помимо этого, автор статьи помнит рассказ о том, что одна семья принесла как дар жертвоприношения родовой земле быка (священный *ызык*). Его нужно было не только беречь и достойно содержать, но категорически нельзя было никому к нему прикасаться, чтобы не осквернить. Однако эта семья, съев в голодные 1930-е годы этого быка, стала вымирать³.

Тем не менее, нужно отметить, что мировоззрение хакасов к концу XX века в большей степени было атеистическим, отношение к родине — десакрализованным. Серьезный удар по лишению степных территорий Хакасии сакральных маркеров нанесла распахка целины. Многочисленные каменные изваяния, практически все выполнявшие те или иные сакральные функции, были вывезены, уничтожены либо утилизированы (в фундаментах домов, например).

Таким образом, в течение всей своей досоветской истории хакасы обожествляли Родину (*Чир-суу*). Считая ее важнейшей сакральной ценностью, сформировали систему обрядов и ритуалов. В период средневековья понятие «Родина» усилилось новым статусом — «божественное государство», утраченным после присоединения к имперской России. В XX в. коренное население Хакасии, как и остальные народы СССР, советское по мировоззрению, приняло и активно участвовало в реализации государственной политики по усилению промышленного и сельскохозяйственного освоения Хакасии. Произошла десакрализация Родины и родовых территорий.

¹ Ай Мирген. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1959. С. 3; Айдолай. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1963. С. 3; Алтын Тайчы. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1973. С. 5; Алтын Чус. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1958. С. 3; и др.

² Подробнее о модели мира, роли человека в сохранении баланса и гармонии вселенной см.: Анжиганова, 2007: 67–134.

³ Информаторы: Шоева (урожд. Шурышева) Прасковья (Парако) Николаевна, 1913 г. р., *сеок нурут*, с. Аршаново; Анжиганова (урожд. Костякова) Екатерина Николаевна, 1899 г. р., *сеок читы нуур*, с. Усть-Камышта; Анжиганов Виктор Семенович, 1931 г. р., *сеок читы нуур*, с. Усть-Камышта.

Тенгрианство и шаманизм в Хакасии в начале XXI в.

Этническое возрождение народов СССР закономерным образом началось с определения себя в границах своей родины, в том числе, родовой. Начиная с 1990 гг. в Республике Тыва проводят *дагылга* (обряды освящения местности), которые стали массовыми в 2000-х гг. В 2021 г. исследователями были зафиксированы их предыстория, порядок проведения, участники и пр. (Дагылга: тувинские ..., 2021).

В последние годы народы тюрко-монгольского мира все больше говорят о тенгрианстве как основе этноконфессиональной идентичности, имевшей глубокие корни в их истории. По мнению М. С. Уланова, «при помощи культурных кодов тенгрианство формировало и поддерживало специфические ментальные характеристики в кочевом обществе» (Уланов, 2022: 103). Традиционное мировоззрение хакасов было проанализировано нами на основе хакасского героического эпоса, фольклора и прочих этнокультурных феноменов (Анжиганова, 2007: 67–134).

Современный человек, осваивающий мир на философском, научном уровнях, не может удовлетвориться ответами на свои экзистенциальные вопросы: «так принято», «так мир устроен богами», «так думали и делали наши предки» и т. п. Поэтому появляется немало работ, стремящихся рационализировать традиционное мировоззрение и культовую практику тенгрианства. Так, например, якутские ученые В. С. Данилова и Н. Н. Кожевников исследуют исходные принципы и основные понятия тенгрианства, которое они называют «кабинетным». Они пытаются дать ответы на сформулированные ими вопросы:

«Что можно считать тенгрианством в обыденном, культурном смысле?.. Тенгрианство как философия — основные понятия и принципы... Тенгрианство как религия — основные догматы... Как тенгрианство может быть связано с современным мировоззрением, основными тенденциями мирового развития...» (Данилова, Кожевников, 2022: 57).

Все эти и другие вопросы исследуются на ставших уже традиционными международных научно-практических конференциях «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность», которые с 2007 г. прошли в городах: Якутск, Кызыл, Улан-Батор, Варна, Астана, Бишкек и др. Многочисленные исследования, осуществляемые учеными, общественными деятелями, сотрудниками тенгрианства представлены на сайте Международного Фонда исследования Тенгри¹.

Предельно общим результатом этих изысканий можно считать модель мира, укорененную в прошлое и способное стать ресурсом будущего. Мир в тенгрианстве открыт Космосу — Великому Синему Небу, трансцендентному источнику бытия, имеющему непосредственное отношение к возникновению (сотворению) мира. В тенгрианстве разработана сложная и жесткая система норм, традиций и ритуалов как механизм адаптации человека к природному и социальному окружению в эти «эпохи перемен».

Анализ оснований тенгрианства позволяет сделать вывод об удивительной современности этой религии. Поэтому некоторая часть интеллигенции тюрко-монгольского мира пытается адаптировать догматику и ритуальную практику к процессам этнической модернизации, демонстрируя пример этноконфессионального неотрадиционализма.

В Хакасии после 70-летнего господства атеизма акторы этнического ренессанса, в первую очередь, организаторы общественно-политической партии «Тун», среди прочих задач ставили необходимость возрождения традиционного мировоззрения хакасского народа шаманизма. Собственно, реализацией ее стали многочисленные работы, например, В. Я. Бутанаева (Бутанаев, 1996, 2006; и др.), Реализации этой же цели служила подготовка и защита автора данной статьи в 1999 г. докторской диссертации «Эволюция мировоззрения этноса (на примере хакасского народа)². Обмен научными знаниями ученые и общественность Хакасии и сопредельных территорий занимались на конференциях, первой из которых стал организованный в г. Абакане в 1997 году коллективом ХакНИИЯЛИ международный семинар «Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее» (Традиционное мировоззрение ... , 1997). Справедливости ради, нужно отметить, что исследовались проблемы прошлого и настоящего, в том числе, мировоззрения этноса, но о будущем хакасского народа до сих пор

¹ Международный Фонд исследования Тенгри [Электронный ресурс] // Международный Фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/> (дата обращения: 05.01.2023).

² Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения этноса (на примере хакасского народа) : дисс. ... д-ра филос. н. М., 1999.

внятных исследований не появилось. Прошлое, как правило, ресакрализируется, настоящее окрашено в трагические тона, стратегические цели и задачи не просматриваются.

В связи с возрождением хакасской государственности (образованием в 1991 г. Республики Хакасия) вышеупомянутая общественно-политическая организация «Тун» организовала праздник «Ада-Хоорай», посвященный памяти предков. По сути, эта акция стала рубежной: *утратив государственность триста лет назад, хакасский народ возвратил понимание родины как государства.*

Для укрепления этнической солидарности, начиная с конца 1980-х годов, хакасами стали проводиться встречи «родов». Первыми такой праздник провели представители фамилии Абдиных (Ширинский район). К сегодняшнему дню их организовали почти все более или менее крупные фамилии хакасского народа и продолжают проводить с различной периодичностью. К слову, Анжигановы (Аскизский район) организовали первую встречу родственников только летом 1999 г.

На наш взгляд, этот этнокультурный феномен можно смело отнести к неотрадиционализму. С одной стороны, известно, что роды (хак. *сеок*) проводили традиционные общественные моления у родовых гор, посвящали родовой земле жертвоприношения ызых, ставили коновязи сарчын. Сегодня же праздники объединяют людей одной фамилии, но не рода. С незапамятных времен известны роды, с их обязательными сакральными атрибутами, к которым относится мифический (часто тотемический) предок: это, например, роды хобый, ах хасха, читы пуур, пурут и пр. Каждый из них включает много фамилий. Иногда представители одной фамилии могут входить в разные роды.

Первыми встречу в 2016 г. на перевале возле горы Уй таг провели представители рода *читы пуур*. Необходимо указать, что праздник начался с религиозных обрядов благодарения Неба, кормления Огня, почитания Ах пуур (Белая Волчица) — прародительницы рода. Считалось, на перевале проживают героические предки хакасского народа. Сегодня поставленная здесь коновязь стала местом обязательной остановки всех проезжающих. Обряд включает обязательное кормление духов (еда, напитки) и просьбу «*Чолыбыс азых ползын, сообыс туюх ползын*» («Дорога пусть будет открытой, оставленное позади (дом) будет защищенным»). К слову, таких священных мест в Хакасии маркировано немало, как правило, это горные гряды и перевалы. Их можно узнать по коновязям с многочисленными жертвенными ленточками *чалама*. Предпочтительными их цветами являются красный, синий, зеленый.

Священные места — это и озера, и вершины гор, целые горные массивы (например, т. н. гряда «Сундуки» в Ширинском и Орджоникидзевском районах), естественно, курганы, менгиры. Все они становятся объектом поклонения, самым известным среди них можно считать Улуг Хуртуях Тас (Аскизский район), поставленный более 5 тысяч лет для помощи женщинам в рождении детей. Сегодня это музей под открытым небом, выполняющий и сакральные, и профанные функции. К слову, это самый посещаемый в Хакасии музей. Неотрадиционалистским можно считать сам обряд современных паломников: при озвучивании просьбы о ниспослании детей приносят молочную пищу, когда же рождается долгожданный ребенок приносят мягкую игрушку. Работники музея, являющиеся научными сотрудниками, ведут тщательный статистический учет рожденных детей. Многочисленные дары — мягкие игрушки — отвозят в детские учреждения. Нелишним будет отметить, что сотрудник музея А. Горбатов — один из самых известных в Хакасии шаманов, который ведет прием страждущих граждан.

В течение всей анализируемой истории хакасского народа не было зафиксировано случаев объединения шаманов в какие-либо устойчивые группы, поскольку они всегда воспринимают друг друга как соперники в силе, эффективности работы, влиянии на народ. Неотрадиционалистским феноменом, без сомнения, можно считать стремление объединиться в организации различной формы. В 1994 г. была зарегистрирована (в 2004 г. перерегистрирована) религиозная организация Общество традиционной религии хакасов-шаманизма, позднее — еще одна «Хан тигир» (руководитель Т. В. Кобежикова). Сегодня готовятся документы для регистрации тенгрианской организации. Советом старейшин хакасского народа были подготовлены документы для принятия закона по охране священных территорий в Республике Хакасия, который пока не принят.

С начала 1990-х гг. сотрудниками Республиканского научно-методического центра научного творчества (ныне Центра культуры и народного творчества им. С. П. Кадышева) Г. Г. Казачиновой, В. К. Татаровой, А. С. Тутатчиковой-Сунчугашевой¹ были разработаны научно-методические и орга-

¹ Казачинова Г. Г., Татарова В. К. Чыл пазы-голова года (творческая реконструкция, дизайн праздника и научно-экспериментальные модели сценариев). Абакан: Издательство «РОСА», 1997; Тутатчикова-Сунчугашева А. С. Праздники земли моей родной: сб. сценариев. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2018.

низационные рекомендации проведения календарных праздников, которые сегодня имеют статус республиканских¹. При проведении Чыл Пазы, Тун Пайрам, Уртун тойы и др. праздников используются сакральные тексты и обряды.

В связи с вышеизложенным, важнейшим остается вопрос об этноконфессиональной идентичности хакасского народа. Социологический опрос 1996 г., проведенный автором этой работы, показал, что 26% представителей этноса отнесли себя к шаманистам (Анжиганова, 2007: 115). Надо отметить, что понятия «тенгрианства» в пространстве публичной жизни этноса в те годы не фиксировалось.

Вместе с тем остается немало этнофоров, считающих себя православными (в разные периоды варьируется между 50–60%) или даже адептами протестантских деноминаций. Однако они остаются «двоеверами»: исполняют обряды жизненного цикла, согласно традиционным канонам, принимают участие в сакральной обрядовой деятельности во время праздников. Немало хакасов среди баптистов, в Церкви Прославления и пр., которые уже по принципиальным основаниям отказываются от этноконфессиональной идентичности на всех уровнях (личностном и коллективном).

В конфессиональном пространстве этнической жизни хакасов за последние годы ярко проявились все три вышеназванных тенденции:

— традиционалисты как ревнители чистоты веры и каноничности обряда находят «свою нишу», апеллируя к сакральной легитимации своей позиции;

— модернисты больше склонны к включению научного и общекультурного фундамента (философские, психологические, мистические учения и концепции) в ресурсы шаманизма и тенгрианства, вплоть до растворения этих феноменов в т. н. «высокорейтинговых» религиозных мирах (мировые религии, например);

— неотрадиционалисты пытаются использовать вероучение и культовую практику тенгрианства и шаманизма в решении конкретных проблем этноса (например, проведении совместных обрядов против хищнического уничтожения угольщиками Койбальской степи и пр.).

Заключение

Исследование исторической динамики этноконфессиональной идентичности хакасского народа позволило выявить определенные периоды.

На ранних этапах развития этноса выделилась особая категория акторов, способных в измененном состоянии сознания выступать медиаторами между мирами для решения многочисленных проблем членов этноса; условно этот период можно считать временем шаманизма; шаманы осуществляли связь с духами-хозяевами пространства — гор, родовых земель, рек, озер и пр., происходила сакрализация родины.

На этапе кыргызского великодержавия, согласно Л. Р. Кызласову, хакасы вошли в большой манихейский мир; однако шаманы продолжали свою деятельность. В этот период понятие «родина» получило дополнительное содержание «божественное государство».

С вхождением в состав Российской империи при тотальном формальном насильственном крещении хакасы в своей повседневной жизни оставались верны свое религиозной идентичности — шаманизму. Родина вновь уменьшилась до размера родовой земли. Проведение каждые три года обряда *ызых* подтверждает сохранение сакрального статуса родины.

Даже при тотальном атеизме советской власти люди, наделенные шаманским даром, были вынуждены, скрываясь, исполнять свои обрядовые действия. Однако Родина в этот период была

¹ «О проведении республиканского праздника «Тун пайрам». Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 15.05.1998 № 89-п [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/20516206/> (дата обращения: 07.01.2023); «О празднике “Чыл пазы”», Постановление Президиума Верховного совета Республики Хакасия от 22.02.2000 г. № 76 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804957807> (дата обращения: 07.01.2023); «О проведении республиканского праздника урожая “Уртун Тойы”». Распоряжение главы Республики Хакасия — председателя правительства Республики Хакасия от 29 августа 2012 года №148-рп [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012, 7 сентября. URL: <https://rg.ru/documents/2012/09/07/hakasiya-rasp148-reg-dok.html> (дата обращения: 07.01.2023).

радикально десакрализована, более того, она практически раздвоилась: в обиходе использовались понятия «малая родина», «большая родина».

В последние десятилетия актуализировались традиционные формы этноконфессиональной идентичности: шаманизм и тенгрианство. При этом четко проявились традиционалистские, модернистские и неотрадиционалистские тенденции. Это время ревитализации отношения к Родине как сакральному объекту.

Традиционалисты, как правило, это люди, наделенные особыми способностями общения со сверхъестественной реальностью, требуют строгого следования канонам вероучения и культовой практики. Модернисты, часто принадлежащие к гуманитарной интеллигенции, осмысливая картину мира тенгрианства, склонны к внеконфессиональности в интерпретации вероучения и либеральным формам культовой практики. Наконец, неотрадиционалисты стремятся использовать традиционные формы этноконфессиональной идентичности как ресурс усиления мотивации этнофоров в достижении этнической солидарности и перспективного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анжиганова, Л. В. (2007) Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан : Хакасское книжное издательство. 146 с.
- Бутанаев, В. Я. (2001) Хакасский исторический фольклор. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. 146 с.
- Бутанаев, В. Я. (2006) Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Хакасское книжное издательство. 340 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандин. Кызыл : б. и. 188 с.
- Данилова, В. С., Кожевников, Н. Н. (2022) Исходные принципы и основные понятия тенгрианства // Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Л. В. Федорова. Якутск : Дани-Алмас. 176 с. С. 56–64.
- Катанов, Н. Ф. (2004) Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 257 с.
- Кызласов, Л. Р. (2001) Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. № 5. С. 83–90.
- Майнагашев, С. Д. (1916) Жертвоприношение Небу у бельтиров // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской академии наук. Петроград : Тип. Имп. акад. наук. Т. 3. XVI, 212 с. С. 93-102.
- Малашин, Г. В. (2011) Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ. 1861–2011. Историко-публицистические очерки. Красноярск : Восточная Сибирь. 480 с.
- Малов, С. Е. (1952) Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. 452 с.
- Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития (2007) / отв. ред. В. Г. Ибрагимов и др. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та. 207 с.
- Смоляк, А. В. (1991) Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М. : Наука. 276 с.
- Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее (1997) : материалы Междунар. семинара «Традиц. мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее», г. Абакан, 25 сент. 1997 г. / редкол.: Г. Г. Котожеков (отв. ред.) и др. Абакан : Хакасское книжное издательство. 113 с.
- Потапов, Л. П. (1994) Алтайский шаманизм. Л. : Наука. 321 с.
- Уланов, М. С. (2022) Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>

Дата поступления: 07.01.2023 г.

Дата принятия: 01.02.2023 г.

REFERENCES

- Anzhiganova, L. V. (2007) *Evolutsiia mirovozzreniia khakasov [The evolution of the worldview of the Khakas]*. Abakan, Khakas Book Publishing House. 146 p. (In Russ.).
- Butanaev, V. Ya. (2001) *Khakasskii istoricheskii fol'klor [Khakas historical folklore]*. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 146 p. (In Russ.).
- Butanaev, V. Ya. (2006) *Traditsionnyi shamanizm Khongoraia [Traditional shamanism of Hongorai]*. Abakan, Khakas Book Publishing House. 340 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Danilova, V. S. and Kozhevnikov, N. N. (2022) Iskhodnye printsipy i osnovnye poniatiiia tengrianstva [The basic principles and main concepts of Tengrianism]. In: *Aiyy Tangara i kuznechnyi kul't v tengrianstve* [Aiyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism] : Proceedings of the 3rd All-Russian science-to-practice conference with international participation / ed. by L. V. Fedorov. Yakutsk, Dani-Almas. 176 p. Pp. 56–64. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2004) *Izbrannye trudy o Khakasii i sopredel'nykh territoriakh* [Selected works on Khakassia and adjacent territories] / comp. by S. A. Ugdyzhkov. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 257 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (2001) Sibirskoe manikheistvo [The Siberian Manichaeism]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 83–90. (In Russ.).

Mainagashev, S. D. (1916) Zhertvoprinoshenie Nebu u bel'tirov [Sacrifice to the Sky among the Beltirs]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo pri Imperatorskoi akademii nauk* [Collection of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences]. Petrograd, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 3. xvi, 212 p. Pp. 93–102. (In Russ.).

Malashin, G. V. (2011) *Krasnoiarskaia (Eniseiskaia) eparkhiia RPTs. 1861–2011. Istoriko-publitsisticheskie ocherki* [Krasnoyarsk (Yenisei) diocese of the Russian Orthodox Church. 1861–2011. Historical and journalistic essays]. Krasnoyarsk, Publishing House "Vostochnaia Sibir". 480 p. (In Russ.).

Malov, S. E. (1951) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia* [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. Moscow ; Leningrad, Publishing House of the Academy of Science of the USSR. 451 p. (In Russ.).

Religiozno-nravstvennoe soznanie naseleniia Respubliki Khakassii: problemy i perspektivy razvitiia [Religious and moral consciousness of the population of the Republic of Khakassia: Issues and prospects of development] (2007) / ed. by V. G. Ibragimova et al. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 207 p. (In Russ.).

Smoliak, A. V. (1991) *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (narody Nizhnego Amura)* [Shaman: Personality, functions, worldview (Peoples of the Lower Amur)]. Moscow, Nauka. 276 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie khakasov: proshloe, nastoiashchee, budushchee [The traditional worldview of the Khakas: Past, present, future] (1997) : Proceedings of the International seminar "Tradition. Khakas Worldview: Past, Present, Future", Abakan, September 25, 1997 / editorial board.: G. G. Kotozhkov (executive ed.) and others. Abakan, Khakas Book Publishing House. 113 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1991) *Altaiskii shamanism* [Altaic shamanism]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 321 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. (2022) Tengrianstvo v istorii i kul'ture nomadov Tsentral'noi Azii [Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 103–115. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>

Submission date: 07.01.2023.

Acceptance date: 01.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.8

Статья

«Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы)

Юрий В. Попков

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук;
Новосибирский государственный технический университет,
Российская Федерация

Автор анализирует неоднозначность российского дискурса этничности, который стал доминирующей темой в антропологии и этнографии (народоведении). Эта неоднозначность обусловлена трансформациями общественной системы страны и всего социогуманитарного знания, в том числе этнографии/этнологии (народоведения). Поэтому рассмотрение в статье гносеологических и онтологических сторон темы «почвы», как она представлена в этничности, предваряется анализом кардинальных изменений методологических ориентиров и проблематики отечественной науки о народах (этносах) в постсоветский период.

Автор приходит к выводу, что, по большому счету, «почве» не находится места в этничности. Последняя исходно присутствует в рамках конструктивистской методологической установки и сводится к этнической идентичности. Идентичность здесь, по сути, не имеет онтологических оснований, а следовательно, и своей реальной почвы.

Данная проблема находит адекватное отражение в русле отечественного народоведения в его классическом понимании. По мнению А. В. Головнева, изначально оно является «почвенной» наукой, т. е. опирается на исследование «реальных обстоятельств и нужд» народов. Решение данной задачи применительно к современности возможно при использовании современных методов исследования. Необходимо учитывать не только возможности внешнего взгляда на этническую культуру (аутсайд), но и на характеристику ее внутреннего состояния (инсайд) в представлениях самих носителей культуры. В данном контексте интересные исследования проводятся в тувиноведении, на которые обращает внимание автор.

Высказывается идея о необходимости развития теории этноса с учетом изменившейся реальности при мобилизации современных методов исследования.

Ключевые слова: этнос; народ; этничность; этническая культура; этнография; этнология; народоведение; почва; Россия; Тува; тувинская культура; тувинцы

Для цитирования:

Попков Ю. В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 137-153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

POPKOV, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Research Fellow, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of international relations and regional studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1036-9253

“Soil” in ethnicity: Traditions of Russian ethnology tested by “perestroika” and postmodernism (problem statement)

Yuri V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State Technical University, Russian Federation*

The author analyzes the ambiguity of the Russian discourse of ethnicity. It has become an overarching topic in anthropology and ethnography (ethnology). This ambiguity is stemming from transformations in the country's social system and social and humanities knowledge, including ethnography/ethnology (ethnic studies). Therefore, in the article the consideration of the epistemological and ontological aspects of the topic of “soil”, as it is presented in ethnicity, is preceded by an analysis of the drastic changes of methodological objectives and challenges of the national study of peoples (ethnoses) in the post-Soviet period.

The author comes to the conclusion that, by and large, there is no “soil” in ethnicity. The latter is understood within the framework of the constructivist methodological setting and reduced to ethnic identity. In fact, identity here has no ontological foundations and therefore no real ground.

This issue is adequately reflected in Russian ethnology in its classical sense. According to A. V. Golovnev, initially it is a “soil” science, it means that it is based on the study of “real circumstances and needs” of peoples. A solution of this problem in relation to our time is possible with the use of modern research methods. It is necessary to take into account not only options of an external view on ethnic culture (outside), but also characteristics of its internal state (inside) in the culture bearers' representations. In this context, interesting studies are conducted within the framework of Tuvinology. The author draws attention to them.

The article suggests an idea about the need to develop the theory of ethnos taking into account the changed reality and applying modern research methods.

Keywords: *ethnos; people; ethnicity; ethnic culture; ethnography; ethnology; ethnic studies; soil; Russia; Tuva; Tuvan culture; Tuvans*

For citation:

Popkov Yu. V. «Pochva» v etnichnosti: traditsii otechestvennogo narodovedeniia v ispytanii «perestroikoi» i postmodernizmom (postanovka problemy) [“Soil” in ethnicity: Traditions of Russian ethnology tested by “perestroika” and postmodernism (problem statement)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 137-153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>

Введение

В настоящее время не только в зарубежной, но и отечественной науке этничность признается в качестве базовой тематики исследований, так или иначе касающихся этнического феномена при том, что сам этот феномен может трактоваться совершенно по-разному. И уже в учебниках для вузов этнология (наука, пришедшая к нам с Запада и часто отождествляемая с антропологией) напрямую, то есть начиная с названия, отождествляется с «родной» этнографией (Этнология (этнография), 2022). Их авторы, видимо, следуют той логике, что, с точки зрения этимологии слов, этнология — это учение о народах, а этнография — описание народов. То есть они рассматриваются как нечто очень близкое друг другу или даже вместе — единое. Если исходить из чисто формальных моментов, то представление о близости этнологии и этнографии в определенных случаях допустимо, как об этом пишет А. В. Головнев (Головнев, 2018: 7).

Однако, когда в качестве предмета этнографии обозначается «этничность» — термин, пришедший в наш научный дискурс с Запада и по своему содержанию изначально ассоциируется с «их» антропологией и идентичностью, — то возникает серьезное противоречие. Я бы назвал такое представление своеобразной химерой, как если бы подобным же образом подошли к интерпретации соотношения геологии и географии и объединили их в единую науку.

На самом деле есть существенная разница в западной и отечественной науках в исследовании этнического феномена — соответственно в антропологии и этнологии, с одной стороны, и этнографии

(народоведении), с другой стороны. Это касается уже фундаментального вопроса, а именно, основного исследовательского фокуса. И здесь я абсолютно согласен с общей позицией А. В. Головнева, зафиксированной в ряде положений: «...главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии — универсальный человек» (Головнев, 2016: 61); «Этнический уклон отечественной науки имеет глубокие корни, обособляющие российское народоведение от общего генезиса европейской антропологии и этнологии» (там же: 62).

Не случайно А. В. Головнев все чаще называет российскую науку народоведением, как это было изначально¹, а Россию — считает многонародной².

Но дело не ограничивается лишь обозначением разницы в объекте исследования. Не менее значимым является специфика используемых теоретико-методологических средств, различие которых может приводить к получению существенно разнящихся результатов. Это четко проявляется при анализе заявленной темы «почвы» в этничности.

С учетом данного обстоятельства в качестве цели статьи ставится выяснение того, как в проблематике этничности в ее западном и в современном отечественном дискурсе представлена «почва». «Почва» понимается здесь в двух смыслах — гносеологическом и онтологическом — соответственно: 1) как базисное методологическое основание научных разработок в рассматриваемой области социогуманитарного знания и 2) как та реальная основа (базис), на которой формируется этническая культура и этничность в качестве этнокультурных феноменов (то есть как основа их «бытия»). «Почва» и «почвенность» для меня в онтологическом смысле — это признание тесной связи носителей этнической культуры с природной средой, исходной укорененности этнокультуры в ландшафте.

Акцент в статье сделан на общих теоретико-методологических вопросах исследования данной проблемы с предварительным анализом произошедшей после развала советского государства кардинальной трансформации базовых основ российской науки о народах. Для иллюстрации некоторых значимых теоретических положений используется эмпирический материал тувинских коллег, полученный ими в рамках использования тезаурусного подхода к изучению современных проблем развития тувинской культуры (Тувинцы. Родные ... , 2022).

Распад СССР и трансформация отечественной науки о народах

Горбачевская «перестройка» вылилась в последующий распад советского государства и обернулась институциональным переводом развития страны на рельсы западной модели цивилизационного устройства и кардинальными трансформациями во всех сферах жизни общества. То есть по своим результатам она оказалась не перестройкой, а социальной революцией, точнее сказать, контрреволюцией, а еще точнее — контрреволюционным переворотом. Одна из фундаментальных основ произошедших трансформаций — отказ от сложившихся отечественных традиций и заимствование западного опыта. На уровне официальной политики они были целенаправленными, фронтальными, чаще всего, мотивированными идеологическими соображениями.

Этот процесс был подкреплен соответствующими трансформациями в науке и, пожалуй, в наибольшей степени коснулся социогуманитарного знания. «Закат советского проекта совпал с глобальным ментальным сдвигом от модернизма к постмодернизму» (Головнев, 2012: 6). Материалистическая диалектика как базовая методологическая основа исследований общественного развития, рассматриваемого в качестве закономерного исторического процесса и детерминируемого сложной диалектикой объективного и субъективного, уступила место, можно сказать, противоположным, индетерминистским, установкам. В обобщенном виде их можно определить как постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистские (см., например: Ильин, 1996), в рамках которых отвергается объективность и закономерность развития тех явлений, которые отражаются в соответствующих понятиях.

¹ Подробнее о том, как развивалась российская этнография — она же — народоведение — с момента ее зарождения, в том числе о соответствующей терминологии см.: Головнев, 2018.

² Примечательно, что в Кунсткамере, руководителем которой он является, недавно открылась новая постоянная выставка о многонародной России (см.: В Кунсткамере открылась новая экспозиция, посвященная народам России [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга. 2022, 2 ноября. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/248882/> (дата обращения: 10.01.2023).

Подобная смена парадигмальных оснований была навязана под влиянием идеологических мотиваций и в области исследования этнического феномена (этносов, народов) во всей его комплексности и сложности, то есть в сфере этнологии, если ее понимать в широком смысле как охватывающей все существующие здесь конкретные научные направления: этнографическое, этносоциологическое, этнофилософское, этнокультурологическое, этнолингвистическое и проч. В отечественной традиции основной научной дисциплиной здесь является этнография. В последнее время А. В. Головнев в своих работах возрождает также ее первичную историческую форму — народоведение (Головнев, 2018), что достаточно точно отражает ее объект.

Распространенным названием методологического подхода, доминирующего в изучении этнического феномена в советское время, признан примордиализм. В действительности этот термин является неточным, во-первых, он не отражает всю палитру ракурсов и содержание всей широты теоретических и эмпирических отечественных наработок в данной области, во-вторых, отождествляется с эссенциализмом. Не вдаваясь в тонкости и не останавливаясь на анализе этого вопроса, сошлюсь на одну из последних квалифицированных работ (статью Э. А. Паина), где этот вопрос рассматривается специально, приведя из нее один фрагмент с диагностикой ситуации по данной проблеме: «В 1990-е годы В. А. Тишков предложил выделять три теоретических направления в этнологии: *примордиализм*, *конструктивизм* и *инструментализм*. При этом примордиализм рассматривался как синоним эссенциализма, оценивался как научная архаика и опасная лженаука, порождающая национализм и расизм, а две других концепции — как современные и плодотворные» (Пайн, 2022: 34; курсив источника. — Ю. П.).

Тем не менее, учитывая широкую распространенность понятия «примордиализм» в отечественной литературе, я далее также предполагаю к нему прибегать, но, понимая высокую степень его условности, буду использовать при этом кавычки.

Суть отечественной теоретико-методологической традиции состояла в понимании этнического феномена как объективного явления общественной жизни, при этом не исключалось признание субъективных его проявлений. Его носителями рассматриваются не только отдельные индивиды, этнофоры, но в первую очередь конкретные народы — этносы или этнические общности (в советской научной терминологии) и этнические группы — реально существующие коллективные этносоциальные (этнокультурные) образования. Как известно, наиболее полное представление эта позиция отражена в советской теории этноса, главным создателем которой был академик Ю. В. Бромлей — директор Института этнографии АН СССР (Бромлей, 2009).

Теория этноса — основной теоретико-методологический ориентир исследований в рассматриваемой области, а сам этнос — главный объект советской этнографии, которая была отнюдь не только описательной наукой. Яркое тому свидетельство — наличие самой теории этноса. В данном контексте в принципе справедливым можно считать использование А. В. Головневым термина «этнография/логия» для обозначения науки о народах (Головнев, 2018: 7). Хотя этот термин не очень красиво смотрится и неудобно произносится, зато достаточно точно отражает суть отечественной науки о народах, которая не ограничивалась лишь их описанием, иначе говоря, была и собственно этнографией и этнологией, если использовать строгий смысл этого слова. Стоит заметить также что существуют предшествующие теории этноса теоретические наработки русского ученого С. М. Широкогорова по проблемам этноса (Широкогоров, 1923), работы которого лишь недавно стали известными для широкой научной российской общественности.

Кардинальный переворот в советской науке о народах (этносах) произвел В. А. Тишков, в 1989 г. пришедший на смену Ю. В. Бромлею в качестве директора Института этнографии АН СССР. Мне уже доводилось писать об этом подробно (Попков, 2020, 2021). Здесь отмечу лишь основные значимые моменты.

Новый директор привнес в отечественное обществознание западные, можно сказать, либеральные, англо-саксонские традиции и постмодернистские методологические установки. Материалистической диалектике и так называемому «примордиализму» он противопоставил либерализм и социальный конструктивизм с опорой на методологический номинализм. Той или иной общности (народу, этносу) в рамках такой установки не остается места среди реально существующих феноменов, таковым признается отдельный индивид, универсальный человек с присущими ему свойствами, в рассматриваемом случае не совсем определенными.

В русле данной установки В. А. Тишков, по его собственному признанию, решал задачу похорон «советского этнопримордиализма» (Тишков, 2020: 121), а вместе с этим и самого этноса, в том числе, как некоторой теоретической конструкции, как системной категории, что отражено в одной из самых известных его монографий с красноречивое название «Реквием по этносу» (Тишков, 2003)¹.

Таким образом, стремление новой российской власти преодолеть «отсталость» позднего советского, а потом и российского общества путем интеграции его в западную «цивилизованную» модель развития на основе ее базовых принципов нашло адекватное этому отражение в трансформации представлений об этническом феномене и соответствующем тематическом исследовательском поле. Не случайно, как пишет А. В. Головнев, «в постсоветское время пристрастие отечественных этнографов к этносу, этногенезу, этноистории и этническим процессам представлялось следствием пресловутого отставания от западной антропологии» (Головнев, 2016: 62).

В соответствии с данной логикой и этнография, потерявшая объект своего исследования после «похорон этноса», должна была исчезнуть не только из названия основного российского академического института, занимающегося этнической проблематикой, но и из научного оборота вообще, а также из системы образования. Согласно заданным западным традициям, ее заменила этнология, а в последнее время — антропология, дискурс которой становится все более распространенным и расширяющимся на все большее исследовательское поле, можно, видимо, даже сказать, доминирующим, среди исследователей, особенно среди сотрудников Института этнологии и антропологии РАН. Яркое тому свидетельство — многочисленные публикации и научные форумы, непосредственно посвященные уже не этнологии, и даже не социокультурной антропологии, а просто антропологии самых разных явлений: пола, гендера, языка, идентичности, доверия, повседневности, медицины, искусства, медиа, эмпирического исследовательского поля и т. д. Правда, справедливости ради, надо сказать, что представителями данного института продолжают публиковаться книги также по этнографии. В то же время это никак не сказалось на принятом решении: в настоящее время этнография исключена из вузовского образовательного стандарта, там присутствует только антропология и этнология².

Но надо иметь в виду, что, как отмечено во введении, западная антропология и отечественная этнография (народоведение) — это все-таки разные дисциплины, с различающимися объектами исследования, а также методологическими ресурсами и инструментами.

Этничность как базовая тематика современных исследований и неоднозначность ее интерпретаций

Что же происходит с основной тематикой и основным объектом в исследовании этнического феномена? В результате произведенной ревизии базовые понятия советской этнографии «этнос», «этническая общность», «этногенез», «этнические процессы», «этническая культура» во многих случаях были заменены на «этничность». Тема этничности, как я уже отмечал, ссылаясь на А. В. Головнева, является в настоящее время доминирующей в рассматриваемой области (Головнев, 2016: 62). Мало того, создается впечатление, что этничность превратилась в своеобразного демиурга — всесильного, самостоятельного, неуправляемого субъекта, он как бы существует и живет сам по себе, но при этом обладает определенными, в том числе политическими функциями (см. например, красноречивое название одного из учебников — «Этнополитология: Политические функции этничности»³).

Как же трактуется введенное и ставшее основным понятие «этничность»? Надо сказать, что мышления по этому поводу — редкое явление. Обычно, его используют, не задумываясь о смыслах, интуитивно или, напротив, сознательно, чтобы скрыть свою реальную методологическую позицию. В. А. Тишков является здесь чуть ли не исключением. Он понимает под ним разновидность идентичности, которая рассматривается как субъективное по своей природе явление (см., на-

¹ Подробную квалифицированную и крайне негативную оценку данной книги дает, в частности, Ю. И. Семенов, обращая внимание на ее эклектичность, противоречивость, отсутствие какой-либо концептуальной строгости, а также волюнтаризм, реально скрывающийся за социальным конструктивизмом как якобы новым подходом в науке (Семенов, 2006).

² ФГОС 46.04.03 Антропология и этнология [Электронный ресурс] // ФГОС. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-46-04-03-antropologiya-i-etnologiya-1056/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.

пример: Тишков, 2016: 5). При этом академик последовательно следует принятому для себя конструктивистскому подходу. Данную позицию фиксирует не только в научных работах. Она четко закреплена в Большой российской энциклопедии в специальной статье «Этничность», автором которой он является: «Современные научные подходы признают субъективную и процессуальную (социально конструируемую — см. Конструктивизм) природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности»¹. Важно обратить внимание на то, что здесь подчеркивается обобщающая (то есть якобы отстаиваемая многими) характеристика данного феномена и что такое представление является продуктом реализации «современных научных подходов». Не менее существенным является и факт размещения данной статьи в энциклопедическом издании. В энциклопедиях, как известно, фиксируется квинтэссенция представлений по конкретным вопросам с опорой на последние научные достижения. Следовательно, приведенное определение, с учетом статуса издания, претендует на доминирующее не только в науке, но и в обществе в целом представление по поводу этничности.

В определенной степени в пользу такого вывода работает и то обстоятельство, что понятие этничности активно используется сегодня не только сторонниками современных «продвинутых» работ, но и представителями старой школы, приверженцами «примордиализма». Действительно, хотя в огромном потоке публикаций этничность в большинстве случаев ассоциируется с идентичностью, достаточно часто содержание соответствующего понятия выходит за рамки представленной выше трактовки. Под воздействием влиятельной и, я бы сказал, довольно агрессивной постмодернистской установки, «похоронившей» этнос и «сыгравшей» по нему реквием, многие исследователи поступили достаточно просто: стали использовать новое, пришедшее в Запада понятие этничности взамен этноса и других связанных с ним понятий. Чаще всего это происходит стихийно, без должной рефлексии. Иначе говоря, это есть ничто иное, как «предписанная этничность» — результат действия конструктивистской парадигмы.

В обобщенном виде, если взять весь комплекс смыслов при употреблении понятия этничности, в нее включается широкий круг явлений, причем, не только тех, которые приняты в западной традиции. Под ней имеются в виду самые разные по своей природе феномены, так или иначе касающиеся этнического аспекта существования человека и общества, то есть всестороннего проявления этнического феномена как такового. Таким образом, понятие этничности оказывается чрезмерно неопределенным, размытым. Эта размытость может в той или иной степени удовлетворять и конструктивистов, и «примордиалистов». Конструктивистов — уже по той причине, что из строгого категориального ряда отечественной науки практически исчезло понятие «этнос» (не зря старались его похоронить, не зря играли реквием). Одновременно «примордиалисты», оказавшись в ситуации, когда прежняя общепринятая теория с ее базовым понятием, точнее даже сказать, системной категорией, этноса отвергнута, а новая, столь же значимая, не создана, стали пользоваться навязанным из западного дискурса понятием этничности, но при этом часто интуитивно вкладывая в него свои смыслы, порой не напрягая себя в прояснении его содержания².

На мой взгляд, адекватным отражением довольно проблемной и противоречивой ситуации с этничностью в общем российском дискурсе является то определение, которое ей дается в Википедии, своего рода свободной народной энциклопедии: «Этничность — свойство этнической общности (эта часть определения заимствована у В. А. Тишкова, но надо иметь в виду, что он понимает этническую общность не в качестве реально существующей общности, этноса, как это было принято в советской этнографии, что будет подчеркнуто далее — Ю. В.), обозначающее её особенные отличия от других общностей, а также синоним более широко распространённого в отечественной науке понятия этнос. Термин употребляется в русле представления о полиэтничном характере большинства современных обществ»³.

Выскажу два замечания по поводу данного определения. Во-первых, этничность вполне справедливо интерпретируется как свойство. Это соответствует морфемному составу этого слова, где суф-

¹ Тишков В. А. Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения 03.01.2023).

² Часто не утруждают себя в подобной рефлексии и некоторые коллеги-этносоциологи, называющие себя сторонниками конструктивизма, по сути не понимая, в чем суть данной методологической установки.

³ Этничность [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Этничность> (дата обращения: 10.01.2023).

фикс -ость характеризует существительное со значением «абстрактного признака или состояния, отвлеченного от его носителя»¹. Во-вторых, это определение в целом считаю некорректным уже по той причине, что этничность не может рассматриваться как тождественная этносу, поскольку этнос — это общность людей (этническая общность), а этничность — всего лишь некоторое абстрактное свойство². Даже если, как пишет В. А. Тишков, это свойство касается этнической общности (а не отдельного человека как в случае с собственно идентичностью), сама общность и ее свойство — это, как говорится, большая разница. Возникает вопрос, может ли в этнологической науке понятие, характеризующее некоторое свойство (при очевидной неясности того, свойством чего оно является), «покрывать» все ее доминирующее исследовательское поле?

Еще одна проблема касается понимания этнической общности. Опять стоит обратиться к В. А. Тишкову как главному российскому авторитету. «Понятие этничности, — пишет он, — подчеркивает подвижный и сложный характер этнической общности в противоположность представлению о ней как о гомогенной и статичной группе»³. Очевидно, что он имеет в виду представление о ней в советской традиции. Но, насколько я знаю, так однозначно и так жестко про нее, как и про этнос, никто никогда не писал. Например, один из наиболее известных в рассматриваемой отечественной науке исследователей С. А. Арутюнов четко фиксирует: «этнотипы как формы культурной вариативности могут рассматриваться как адаптивные механизмы, изоморфные различным видам биологической вариативности» (Арутюнов, 1989: 57). Этническая общность и не однородна, и не статична (это касается, например, и языка — одного из главных этноопределяющих признаков). Столь искаженную позицию, которую транслирует В. А. Тишков, видимо, навязали сами конструктивисты сначала себе, а потом и всему научному сообществу (и многие в это поверили), чтобы уйти вообще от этноса и этнической общности как объективной реальности.

К слову сказать, в рамках конструктивистского подхода сама этническая общность, по сути, сводится опять же к проявлению идентичности отдельных людей. В последнем убеждает, например, то определение, которое дается этнической общности в действующей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, подготовленной при активном и, скорее всего, определяющем идейном участии В. А. Тишкова, который, как известно, является заместителем председателя президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, готовившим эту Стратегию (председателем Совета выступает Президент РФ). Впрочем, не только этническая общность, но и гражданская нация трактуется аналогичным образом, что соответствует развернутому ее определению, которое дал В. А. Тишков в процессе подготовки второй редакции Стратегии: нация — пишет он в статье с красноречивым названием, по сути, отождествляющим нацию с идентичностью, — это «прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией. Она есть инструмент достижения коллективной мобилизации и солидарности гражданских или этнических сообществ для обретения ими суверенного статуса, обеспечения безопасности, организации власти и социального порядка, сохранения и развития культуры»⁴.

О либерально-конструктивистско-инструменталистской парадигме как идейно-методологической основе данной Стратегии я неоднократно писал ранее (см., например: Попков, 2020).

Получается, что этническая общность, с точки зрения конструктивистского подхода, — это просто совокупность людей со схожей этнической идентичностью. На принципиальный вопрос о том, свойством чего, какого феномена является этничность, кто является носителем данного свойства,

¹ Отвлеченные существительные с суффиксом -ость- [Электронный ресурс] // Русский язык. URL: [html https://russkiiyazyk.ru/sostav-slova/suffiks/primery-suffiksom-ost.html](https://russkiiyazyk.ru/sostav-slova/suffiks/primery-suffiksom-ost.html) (дата обращения: 10.01.2023).

² Понятно, что статьи в Википедии могут быть коллективным продуктом, компиляцией, сделанной сразу несколькими редакторами, поэтому концептуально не обоснованными, что отличает данную энциклопедию от авторских. Но именно такая ситуация (недостаточная концептуальная проработанность), на мой взгляд, существует и в собственно научной сфере по рассматриваемому вопросу.

³ Тишков В. А. Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения 03.01.2023).

⁴ Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2017, 24 января. URL: http://ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения: 10.01.2023).

можно дать ожидаемый для данного направления ответ: отдельно взятый человек, обладающий этнической идентичностью.

Такой вывод является достаточно логичным в контексте западных традиций в антропологии, но никак не соответствует отечественным представлениям в народоведении (или в этнологии, понимаемой в обозначенном ее широком смысле). Подробный анализ принципиальных различий по данному вопросу дан А. В. Головневым в ряде работ. Проследивая развитие двух этих направлений с момента их зарождения, он делает принципиально значимый вывод (о нем я уже говорил во введении) о различии их базового объекта исследований: народа (в народоведении) и универсального человека (в антропологии), подчеркивая при этом и различие по времени их рождения — соответственно XVIII и XIX вв. (Головнев, 2016: 6).

Важна и еще одна его оценка: «Народы предстают в российской этнографии живыми современниками, в универсальной антропологии — реликтами первобытности» (Головнев, 2018: 18). Добавлю, что изучение человека и изучение этнической общности (народа) не могут не быть тесно взаимосвязанными между собой, но все-таки существенная разница этих исследовательских акцентов является весьма значимой для науки.

Место «почвы» в этнической проблематике

До сих пор я говорил о фундаментальных методологических основаниях, на которых базируется исследование этничности и более широко — этнического феномена, как они представлены в зарубежной и отечественной научных традициях. То есть речь шла, как было заявлено в самом начале, о «методологической почве» данных исследований, иными словами, о гносеологии вопроса. Теперь в общих чертах рассмотрим заявленную проблему в онтологическом аспекте: попытаемся понять, какое место почва (понимаемая как некоторая основа) занимает в представлении о «бытии этничности» как определенной реальности, в том числе в процессе ее формирования. Иначе говоря, от «гносеологической почвы этничности» перейдем к ее «онтологической почве».

Опять обратимся к В. А. Тишкову. Кроме того, что было сказано о понимании данным автором этничности ранее, важным представляется следующее определение:

«ЭТНИЧНОСТЬ, свойство этнической общности (народа), заключающееся в культурно-языковых характеристиках и наличии у её членов этнической идентичности. Этничность отражается в одном или нескольких названиях народа (см. Этнонимика) и выражается в разделяемых членами общности представлениях об общем историческом происхождении, в т. ч. о связанной с ним территории и наличии в прошлом или настоящем общих политических институтов (напр., государственности, различных форм автономии), а также в стремлении создать эти институты... Этничность формируется и существует в контексте социального опыта, под влиянием которого этничность группы или индивида может меняться, а также иметь множественный характер (отражать принадлежность одновременно к нескольким общностям)»¹.

Что следует из этого определения? Во-первых, что этничность — это, как уже отмечалось, некоторое свойство, во-вторых, оно «заключается» в наличии идентичности, в-третьих, выражается в представлениях, в-четвертых, имеет контекстный характер.

Но здесь не обнаруживается указание на основания этничности. Она оказывается, можно сказать, беспочвенной. Хотя есть упоминание о наличии в представлениях этнофоров идей об общем историческом происхождении, территории, но ничего не сказано о том, как формируется этничность (кроме абстрактного указания на ее контекстность), какова ее реальная почва, какова онтология этничности. Видимо, такого вопроса не возникает, что может являться следствием той, либерально-конструктивистской, методологической парадигмы, в рамках которой обычно этничность и рассматривается, а также в силу объявленной природы этничности как субъективного явления². Что значит субъективного? Значит, независимого от объекта, от объективных условий, а зависящего лишь от субъекта, в качестве которого выступает отдельно взятый человек.

¹ Тишков В. А. Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения 03.01.2023).

² Там же.

Возможно здесь в каких-то отношениях я сгущаю краски, но, по большому счету, сделанные оценки являются, на мой взгляд, справедливыми по отношению к абсолютному большинству работ в рамках существующего дискурса этничности. В любом случае, видимо, «почва» в конструктивизме, если и может иметь какое-то место, то оно не будет сколь-нибудь значимым основанием, поскольку там, чаще всего, многое определяется, можно сказать, текущим контекстом.

Поэтому один из главных выводов по существу рассматриваемой темы должен состоять в том, что *в рамках интерпретации этничности в конструктивистском ключе, особенно при отождествлении ее с идентичностью, да еще понятой как субъективное явление, не улавливается огромный пласт реальности, выступающий в действительности фундаментом, на базе которого формируется и существует этнический феномен.*

Совсем иначе дело обстоит с проблемой «почвы» в традициях этнографии, отечественного народоведения. Предельно общим и одновременно исчерпывающе точным ответом на этот вопрос является оценка, данная А. В. Головневом: «В России наука о народах всегда была “почвенной” — выросшей из реальных обстоятельств и нужд» (Головнев, 2018: 6).

Что можно отнести к почвенности в данном случае? Прежде всего это земля, природно-географическая среда, месторазвитие, традиционное хозяйство, род, родина и т. п. Это как раз те составляющие «почвы», которые многими российскими исследователями рассматриваются в качестве базисных оснований формирования и развития этнической культуры, а также ее коллективных носителей — народов (этносов). Рассмотрение народов-этносов как реально существующих этнокультурных общностей означает признание их изначальной укорененности в ландшафте.

Думаю, нет необходимости называть здесь имена выдающихся российских и советских исследователей, которые работали в рамках данной парадигмы. Еще раз лишь сошлюсь на объемную статью А. В. Головнева, в которой он прослеживает сложный, полный взлет и драматизма путь российской и советской этнографии (Головнев, 2018), отдельные эпизоды развития которой я бы назвал не просто «расцветом» этнографии, а этнографическим движением.

Отмечу далее несколько важных обобщающих моментов.

Во-первых, как показал проведенный анализ, проблема почвы находит полноценное отражение не в русле конструктивистской методологической установки, а в рамках отечественных традиций этнографии (народоведения). Но это означает, что адекватным проблемным полем для нее является не тема этничности в строгом смысле этого слова, а дискурс этноса, этнической культуры, народоведения.

Во-вторых, наглядным проявлением темы почвы в этнографической науке можно рассматривать тот факт, что одним из ее начал исходно была картография, позволяющая изображать разные народы в пространстве (Головнев, 2018: 11), то есть в привязке к конкретному месту их традиционного обитания, к природно-географической «почве». Эта традиция до сих пор сохранилась, в том числе и как свидетельство существования самих народов.

В-третьих, наиболее очевидным примером теснейшей связки «почва — народ» является традиционная культура коренных малочисленных народов Севера, существование которых и в настоящее время непосредственно зависит от состояния исконной среды обитания, а также от возможностей приоритетного землепользования и жизнеобеспечения на соответствующих территориях.

В-четвертых, широкая полиэтничность нашей страны создает определенные проблемы для государственного управления, но, выступая основой этнокультурного разнообразия, является важным условием ее цивилизационной устойчивости. «Россия первой исследовала собственную многонародность и заявила ее как, по существу, национальную идею» (Головнев, 2022: 6), как формулу самоопределения (Головнев, 2018: 9). Считаю, что это формула не потеряла своей актуальности и сегодня. Но для ее успешного осуществления на практике важна грамотная государственная политика, базирующаяся, в частности, на понимании этнокультурного разнообразия не только как продукта этнической самоидентификации, но и как разнообразия реальных этнических культур, носителями которых являются коллективные этномаркированные субъекты.

В-пятых, отстаивая в рамках рассматриваемой проблематики приоритет исследовательского фокуса на коллективных субъектах, я вовсе не умаляю значимости широкого комплекса изысканий на уровне отдельных индивидов, этнофоров, то есть антропологических исследований. Но при этом исхожу из сложной диалектики в системе отношения: человек — общество — природа. В этом смысле

считаю не утратившим свой эвристический потенциал следующее фундаментальное положение К. Маркса (привожу этот фрагмент полностью с учетом его концептуальной значимости):

«Таким образом, *общественный* характер присущ всему движению; как само общество производит человека как человека, так и он производит общество. Деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят *общественный* характер: *общественная* деятельность и *общественное* пользование. *Человеческая* сущность природы существует только для *общественного* человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой действительности; только в обществе природа выступает как *основа* его собственного *человеческого* бытия. Только в обществе его *природное* бытие является для него его *человеческим* бытием и природа становится для него человеком. Таким образом, *общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы. *Общественная* деятельность и *общественное* пользование существуют отнюдь не *только* в форме *непосредственно* коллективной деятельности и *непосредственно* коллективного пользования... Мое *всеобщее* сознание есть лишь *теоретическая* форма того, *живой* формой чего является *реальная* коллективность, *общественная* сущность...» (Маркс, 1974: 118; курсив источника. — Ю. П.).

Считаю, что на основе фундаментальных принципов материалистической диалектики К. Маркс очень точно описал отношение, взаимодействие, диалектику, с одной стороны, человека и общества, с другой стороны, того и другого — с природой. Такое представление, на мой взгляд является онтологической основой адекватного понимания феномена этнической культуры, в том числе и места в ней «почвы».

«Почвенность» в современном тувиноведении

Связь человека с землей, почвой в настоящее время сохраняет свою фундаментальную значимость, хотя и в разной степени выраженности у разных этнических групп. На мой взгляд, такой вывод можно сделать применительно, во-первых, и к «этнически маркированным социальным образованиям» (в терминологии этноса, этнической общности, этнического сообщества, этнической группы, диаспоры), и к большинству отдельных этнофоров, во-вторых, и к условно «примордиалистскому» направлению исследований, и к тем исследованиям этничности, в рамках которых она понимается как идентичность, если, конечно, не брать крайний случай конструктивистской позиции, исходящей из признания в качестве существующей реальности исключительно отдельно взятого человека, сводящей идентичность к предельной изменчивости, исключительной контекстности и трактующей ее как субъективное явление.

Народ остается быть привязанным к земле, к своей родине. И даже для отдельного человека, живущего вне лона материнского этноса, эта связь часто остается важной, пусть и переходящей из непосредственного, живого взаимодействия с ней — к связи опосредованной, духовной, даже сакральной.

В этом контексте важное значение имеет представление о культуре как о сложном, «многослойном» феномене, постижение которого возможно лишь при мобилизации целого комплекса методологических ресурсов и методических средств. Это предполагает также использование внешнего и внутреннего взгляда на этническую культуру в качестве взаимодополнительных ракурсов исследования — *Inside-outside circle* — стратегии совместного «круга», совместного обсуждения ракурсов инсайдеров и аутсайдеров. Немаловажное значение имеет и понимание того, какое влияние оказывают на развитие современной этнической культуры не только механизмы ее самоорганизации, но и институциональные ресурсы разного рода (об институциональной интерпретации этнокультуры см.: Мадюкова, 2022).

В настоящее время, особенно под воздействием виртуализации глобального и локального пространства, цифровизации общественной и индивидуальной жизни, традиционная культура в значительной степени меняет не только свои визуальные образы, но и механизмы функционирования и развития. Поэтому актуальной является задача описания ее не только прошлого, но и современного состояния с использованием современных же теоретико-методологических ресурсов.

С учетом этого обстоятельства далее проведу анализ двух примеров-кейсов для иллюстрации правомерности некоторых высказанных ранее общих положений. В качестве эмпирического материала буду использовать результаты исследований тувинских коллег, выполненных под руководством

Ч. К. Ламажаа (Тувинцы. Родные ... , 2022; Дагылга: тувинские ... , 2021; и др.) с использованием тезаурусного и индигенного подходов (*Indigenous Methodology*) в современном тувиноведении (Ламажаа, 2012; Lamazhaa, 2018). Хотя тувинские авторы рассматривают отечественный тезаурусный подход как аналог зарубежного *Indigenous Methodology* (Тувинцы. Родные ... , 2022: 67), я считаю, что стоит их указать как различающиеся уже по той причине, что название второго из них, в отличие от первого, прямо указывает на специфическую (этнокультурную) сферу его применения.

Предваряя конкретный анализ, сделаю еще два замечания: 1) тувинская культура, как и любая другая этническая культура, представляется авторами как сложноорганизованное и сложносоставное явление; 2) все участники руководимого Ч. К. Ламажаа исследовательского проекта являются тувинцами и опираются на разработанный Вал. А. Луковым и Вл. А. Луковым тезаурусный подход. Тезаурус эти авторы определяют «как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира» (Луков В., Луков Вл., 2008: 67).

Принципиально важно, на мой взгляд, что тезаурус в соответствующей концепции определяется как имеющий субъектный статус. Обращаю внимание: не субъективный, а субъектный, то есть тезаурус здесь интерпретируется не как зависящий лишь от субъекта, а как свойственный ему, причем, не внешнему по отношению к культуре субъекту ее познания, а самому субъекту этнической культуры (в ситуации индигенных исследований, как в нашем случае, субъект познания и субъект культуры совпадают). Применение данной концепции дает представление о том, как культура, в данном случае — этнокультура, понимается самими ее носителями и как она выражена в терминах, языке этой культуры. Это позволяет постигать внутреннюю природу конкретной этнической культуры, механизмы ее функционирования, а также особенности восприятия и оценки разных ее проявлений со стороны самих носителей, инсайдеров этой культуры, а не только внешних наблюдателей, пусть даже и научных.

В целом реализация тезаурусного подхода, на мой взгляд, дает возможность получить новое знание о современной этнической культуре в дополнение к тому, что дает традиционная этнография.

Теперь о конкретных примерах.

Кейс дагылга. Традиционный тувинский обряд *дагылга* представляет собой освящение группами родственников родовых мест, значимых природных объектов. Его современный вариант подробно описан в специальной монографии (Дагылга: тувинские ... , 2021). Мне довелось написать рецензию на эту книгу с акцентом на особенностях и новизне проведенного исследования (Попков, 2022). Здесь обращаю внимание на моменты, значимые для пояснения рассматриваемой темы.

Дагылга, являясь обрядом, выполняет важную этнокультурную функцию, которую я бы определил как «привязка» родственников к своей исторической родине. Устойчивая память о ней, а также основанная на ней устойчивая идентичность — это, по сути, память о той «почве», той «земле», на которой «произрастали» отдельные группы (коллектив, сообщество) людей, сформировавшиеся впоследствии в качестве общности, до сих пор называемой в научных кругах этносом, несмотря на «сыгранный реквием по этносу» как таковому. Эта память, пусть даже в виде определенным образом трансформированной по сравнению с ее аутентичным бытованием, пусть даже в мифах, отличается высокой степенью устойчивости. С одной стороны, это, вроде, очевидный социальный конструкт, с другой — проявление явной, я бы здесь сказал, примордиальности, если ее трактовать как изначальность, что продолжает оставаться для людей важной ценностью. Таким образом, примордиальность в данном случае вполне применима для характеристики системной консолидации многих элементов этнической культуры (идей, образов, конкретных действий, материальных предметов) как отражения и укрепления связи, во-первых, групп родственников между собой, во-вторых, их связи с родной землей.

Остается добавить, что сам обряд дагылга можно рассматривать как проявление этнокультурного неотрадиционализма (о рефлексивной концепции этнокультурного неотрадиционализма см.: Попков, Тюгашев, 2020). Характер и связь всех отмеченных элементов культуры, задействованных в обряде в процессе его совершения, определенным образом трансформированы по сравнению с аутентичной традиционной практикой. Наиболее сильно это касается вещного мира, большинство элементов которого произведены вне рамок тувинской культуры. В то же время этот обряд сохранил свои исходные суть, смысл и назначение.

И еще одно. Успешное описание обряда дагылга с получением интересных результатов лежит в русле основного тренда этнологических исследований — критериев так называемой «новой этнографии», активно разрабатываемой в настоящее время группой ученых под руководством А. В. Головнева (Головнев, Белоруссова, Киссер, 2018, 2021; Головнев, 2021): ориентации на современность, интеграции фундаментальных и прикладных разработок, использование методов киберэтнографии с учетом цифровизации общественной и индивидуальной жизни, а также включенного наблюдения с применением ресурсов индигенных исследований. Ч. К. Ламажаа подчеркивает, что использование тувинцами социальных сетей и мессенджеров позволяет им координировать действия, организовываться для различных семейных, родственных сборов (Ламажаа, 2021).

Кейс хой эди ‘баранина’. Я сознательно выбрал этот пример, который, на первый взгляд, не имеет непосредственного отношения к анализируемой проблеме почвы (где мясо, а где почва!). Но в рамках реализуемого тезаурусного подхода понимание этнической культуры строится на признании системной увязки всех ее компонентов. Такую взаимосвязь Ч. К. Ламажаа, Ш. Ю. Кужугет и А. В. Монгуш описали с учетом важной роли баранины в культуре тувинцев в статье, специально посвященной этой теме (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022).

Далее подчеркну главное, что имеет отношение к рассматриваемой проблеме.

Мясная продукция, отмечают они, является, как и для других кочевников, «сердцем» тувинской кухни (там же: 154). Но ее роль, прежде всего в виде баранины, этим не ограничивается. Факт, можно сказать, многофункциональности является характеристикой не только культуры в целом, но и ее отдельных элементов. Баранина — это и повседневная пища, и праздничное угощение, и предмет ритуала. Но, пожалуй, самое важное состоит в констатации: «Потребление баранины является для тувинцев одним из маркеров этнической идентичности» (там же: 151). Самими тувинцами это потребление рассматривается в качестве составляющей тувинской культуры в целом и связывается с особым отношением к скоту.

Переезд тувинцев из небольших сельских поселений, специализирующихся на животноводстве, на разведении и содержании скота, в крупные поселения оборачивается потерей системных связей в культуре. Когда это дополняется заимствованием извне представлений и моделей поведения, не согласующихся с логикой этой культуры, возникает противоречие между новыми практиками отношения к мясу и традиционным (рациональным, бережным) отношением к скоту. Авторы в этой связи констатируют:

«Мы постарались показать, что в корне такого противоречия оказался не только разрыв тувинцев с традиционным хозяйствованием, самостоятельным разведением скота, с ритуалами его забоя, но и распространившаяся практика нерационального потребительства, в которой мясо стало пониматься только как любимая еда, которую можно получить довольно просто, легко, удобно и быстро. Учитывая то, что даже для разделки барана можно не прилагать усилий, а достаточно заплатить деньги, единственным ограничителем в потреблении остался лишь денежный вопрос. Впрочем, когда возникает необходимость презентовать себя другим тувинцам, показать свой достаток другим — тогда и вопрос финансов становится менее важным, чем желание произвести впечатление» (там же: С. 171).

Следовательно, можно сделать вывод, что издержки в системных связях внутри тувинской культуры, возникающие в ситуации «рассеивания» этноса и приводящие к отчуждению этнофоров от традиционной системы жизнедеятельности и жизнеобеспечения, от своей традиционной укорененности, приводят к разрыву и обеднению функций культуры и отдельных ее элементов. В данном случае мы имеем ситуацию, когда баранина, «вырванная» из традиционной системы пропитания, учитывавшей экологичность и традиции бережного отношения к природе, становится для человека только пищей и перестает быть вписанной в целостный формат традиционной культуры.

Таким образом, описанные выше проблемы в отношении баранины, которые характеризуют выхолащивание традиционного отношения к ней, фундаментально связаны с потерей связи с традиционным хозяйствованием, следовательно, и с той почвой, той землей, теми родовыми местами, на которых изначально базируется это хозяйство, а значит и сама этническая тувинская культура, делающая тувинцев отдельным народом, делающая тувинцев тувинцами. Преодоление возникающих проблем и угроз лежит в данном случае на пути формирования новых (или обновленных) форм и практик поддержания этнической культуры. Мне кажется, что описанный выше обряд *дагылга* может рассматриваться в качестве одной из таких эффективных практик.

Аналогичное отношение к природе, к родной земле существует, конечно, не только у тувинцев, но и других — тюркских, славянских — народов Сибири и всего евразийского геокультурного и социокультурного ландшафтов. Их своеобразие определяет формирование интеграционного этнокультурного потенциала, который может выступать основой становления духовно-экологической стратегии развития как перспективной модели цивилизационного будущего (о перспективе и возможностях такого развития см.: Цивилизационная миссия Сибири ... , 2022).

Реквием по этносу и этнографии не состоялся: что дальше? (вместо заключения)

С учетом проведенного анализа и акцентированных в тексте выводов, можно сделать следующее заключение, касающееся обобщенных результатов исследования и возможных перспектив обсуждения заявленной темы.

Тема «почвы» наиболее полно представлена в отечественной традиции, но не в терминологии этничности, а в проблематике этнической культуры и ее носителей — народов-этносов. Точнее даже, собственно, о почве можно говорить, если признавать народ как некоторую общность, как объективно существующую реальность, исторически формирующуюся в качестве таковой в результате укорененности в ландшафте. Продуктом этого процесса и является «рождение» народа как носителя специфической этнической культуры, предельно адаптированной к конкретной природной среде. Отдельный индивид становится этнофором только как член данной общности.

В раках традиционной этнической культуры связка «человек — народ-этнос — природа» является системным образованием, где все элементы взаимозависимы, и где базовым основанием выступает «очеловеченная» природная среда, «почва». Системность отражается в мировоззрении и находит проявление в концептах, тезаурусе этнокультуры, рассматриваемом как свод зафиксированных в лингвистической форме представлений носителей самой этой культуры о мире (где природный и социальный мир един), о себе и своем месте в нем. В ситуации отрыва этнофора от материнского этноса непосредственная связь с этнической общностью и «родной» природной средой заменяется опосредованной, но продолжает сохранять высокую степень устойчивости. Угрозы этнической культуре возникают тогда, когда нарушается системная целостность обозначенных представлений.

Несмотря на достаточно жесткое давление доминирующей в официальном мейнстриме социально-конструктивистской методологической позиции, ни этнография, ни этнос не исчезли окончательно из российского (и даже из зарубежного) научного дискурса. Свидетельство тому — книги, учебники и академические институты, в названии которых фигурирует этнография, а также использование понятия «этнос» во многих публикациях и в учебной литературе при определении объекта этнографии/этнологии (хотя в результате указанного давления этнография, как отмечалось, исчезла из образовательного стандарта). Таким образом, реквием пытались сыграть по неумершему, по выжившему. Слом метанарративов в отечественной науке об этническом феномене, к числу которых принадлежит системная категория «этнос», «произошел не полностью, не для всех и, наверное, ненадолго. Этнологический парадокс постмодерна состоит в том, что при кризисе конструкта “этнос” случился бум этничности» (Головнев, 2012: 6).

Еще раньше примерно об этом же писал Ю. И. Семенов в отмеченной статье (отклике на книгу В. А. Тишкова «Реквием по этносу») с очень выразительным названием «Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит». Мало того, он делает абсолютно верное заключение, соответствующее изложенной выше моей позиции: «Этничность есть не что иное, как принадлежность к этносу. Если нет этносов, то нет и не может быть никакой этничности» (Семенов, 2006: 100).

Принципиально важным считаю и следующий вывод А. В. Головнева: «Несмотря на повальное увлечение европейской антропологией, Россия упорно хранила (и продолжает хранить) название “этнография” и ее предпочтения. В этом видится почвенность народоведения, воспроизводящегося в России на собственных основаниях с переменной интенсивностью» (Головнев, 2018: 19).

Согласен также с ним и в том, что «искания и достижения российской этнографии... следует считать не “тупиковой ветвью”, а конкурентным преимуществом отечественной науки. Народоведение — национальное достояние России. Возможно, этнография — самая российская из наук (по рождению и устойчивой мотивации), и драматургия ее истории адекватна “национальному характеру”» (Головнев, 2018: 33).

Я бы только добавил к этнографии также рожденную в Советском Союзе этносоциологию — самостоятельное научное направление в исследовании этнического феномена.

Как же быть с этносом в существующей непростой ситуации? Считаю, что важно признавать этнос как реально существующий феномен общественного развития и одновременно разрабатывать соответствующее понятие в качестве системной категории этнологии, понимаемой как комплексная научная дисциплина об этническом феномене. Можно также использовать «этнос» в виде некоторого идеального типа (по М. Веберу). Значимость таких типов давно доказана в разных отраслях научного знания. Но означает ли это, что следует оставить и те представления о действительности, которые в свое время подразумевались под данным понятием? Смысл основных претензий к «этносу» и теории этноса состоял в представлении о чрезмерной статичности тех явлений, которые под ними мыслились. Реальная ситуация в жизни во многом не соответствовала теоретической схеме. Но даже если это так, то, на мой взгляд, надо было не выбрасывать из «воды—этнографии/этнологии» «ребенка—этнос», а его растить, социализировать, делать взрослым, адаптированным к изменяющейся действительности. К сожалению, в определенных случаях теория, особенно навязанная по идеологическим соображениям, является сильнее практики. Но, к счастью, в итоге практика побеждает такую теорию. И это касается как ситуации научного бытования «этноса» в советское время, так и попыток его «похоронить» в постсоветский период.

Теперь что касается «примордиализма» и конструктивизма как некоторых исследовательских ориентиров, тесно связанных с проблемой этноса. Считаю, что их нельзя ни абсолютизировать, ни противопоставлять. Они имеют место не только в исследовании разных проблем, но и присутствуют в разные исторические времена. Неправильно думать, например, что конструктивизм пришел к нам лишь после крушения СССР, он существовал в науке и политике также в советский период¹. Два этих направления представляют собой методологические средства, каждый из которых вполне уместен среди научных инструментов. Но это возможно, если у исследователя есть четкое понимание, для решения каких именно проблем он оказывается наиболее пригодным, и если сам исследователь, особенно облаченный научной и/или политической властью, не решает определенную идеологическую и/или политическую задачу. Впрочем, и в политике они являются важными инструментами.

Отстаивая позицию о важности и необходимости сохранения отечественных традиций в исследовании этнического феномена, я далек от мысли, во-первых, ограничиваться лишь ресурсами «старой этнографии» без мобилизации возможностей «новой этнографии», во-вторых, отрицать значимость зарубежного опыта в этой сфере. Западная наука обладает огромным массивом интересного и полезного теоретико-методологического и эмпирического материала. Одна его часть уже успешно освоена российскими исследователями, другая — ждет своего часа. Взаимообогащение старых и новых, отечественных и зарубежных методологических ресурсов является чрезвычайно важной задачей, поскольку только объединенными усилиями можно справиться с адекватным научным постижением той сложной, порой непредсказуемой реальности, которая захлестнула мир в нашу кризисную цифровую эпоху. В то же время надо иметь в виду, что в западной науке, как и в отечественной, далеко не всегда имеют место достаточные обоснования и строгость в выдвижении и использовании тех или иных положений. Поэтому для любого исследователя является важной задача оставаться в пространстве истинного научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов, С. А. (1989) Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука. 247 с.
- Бромлей, Ю. В. (2009) Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М. : Либроком. 440 с.
- Головнев, А. В. (2012) Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт севера) // Этнографическое обозрение. № 2. С. 3–12.
- Головнев, А. В. (2016) Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. № 4 (42). С. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/42/11>

¹ Это хорошо показал А. В. Головнев на примере анализа создания и трансформации номенклатуры коренных малочисленных народов Севера в советский и постсоветский период (см.: Головнев, 2012).

Головнев, А. В. (2018) Этнография в российской академической традиции // Этнография. № 1 (1). С. 6–39. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>

Головнев, А. В. (2021) Новая этнография Севера // Этнография. № 1 (11). С. 6–24. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-6-24](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24)

Головнев, А. В. (2022) Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. № 4 (18). С. 6–32. DOI: [https://www.doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-6-32](https://www.doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-6-32).

Головнев, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2018) Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. № 1 (58). С. 100–108. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)

Головнев, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2021) Киберэтнография и виртуальная этничность. СПб.: МАЭ РАН. 280 с.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Ильин, И. П. (1996) Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада. 256 с.

Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход в тувиноведении // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 38–45.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) Хой эьди для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.

Мадюкова, С. А. (2022) Является ли этническая культура социальным институтом? // Respublica Literaria. Т. 3. № 2. С. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.2.80-92>

Маркс, К. (1974) Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политическая литература. Т. 42. 536 с. С. 41–174.

Паин, Э. А. (2022) О преодолении некоторых стереотипов в российской этносоциологической теории // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : ИЭА РАН. 482 с. С. 34–39.

Попков, Ю. В. (2020) Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 253–268. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>

Попков, Ю. В. (2021) «Этнологическая модернизация» в России и ее проявления в стратегических ориентирах государственной национальной политики: парадигмальные основания и последствия // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник : материалы XX Национальной научной конференции с международным участием / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН. Вып. 16, ч. 1. 1146 с. С. 226–228.

Попков, Ю. В. (2022) Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. // Вестник российского университета дружбы народов. серия: история России. Т. 21. № 2. С. 300–304. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 256 с.

Семенов, Ю. И. (2006) Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». М., 2004) // Философия и общество. Вып. 2 (43). С. 94–106.

Тишков, В. А. (2003) Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 544 с.

Тишков, В. А. (2016) От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. № 5. С. 5–22.

Тишков, В. А. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития (2022) / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, И. В. Фотиева и др.; под ред. А. В. Иванова. Барнаул : Новый формат. 362 с.

Широкогоров, С. М. (1923) Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай : Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. 134 с.

Этнология (этнография) (2022) : учебник для вузов / под ред. Козьмина В. А., Бузина В. С. М. : Юрайт. 438 с.

Lamazhaa, Ch. K. (2018) Indigenous methodology and research of Tuvan culture // *Sibirica*. Vol. 17. № 3. Pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Дата поступления: 15.01.2023 г.

Дата принятия: 01.02.2023 г.

REFERENCES

Arutiunov, S. A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie [Peoples and cultures: Development and interaction]*. Moscow, Nauka. 247 p. (In Russ.).

Bromlei, Yu. V. (2009) *Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]*. 3rd ed., revised. Moscow, Librokom. 440 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2012) Etnichnost': ustoychivost' i izmenchivost' (opyt severa) [Ethnicity: Sustainability and changeability (the case of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 3–12. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2016) Etnokul'turnyi potentsial i polietnichnost' (rossiiskii rakurs) [Ethno-cultural potential and multi-ethnicity (Russian dimension)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 4 (42), pp. 61–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/42/11>

Golovnev, A. V. (2018) Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian academic tradition]. *Etnografiya*, no. 1 (1), pp. 6–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>

Golovnev, A. V. (2021) Novaia etnografiya Severa [New ethnography of the North]. *Etnografiya*, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-6-24](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24)

Golovnev, A. V. (2022) Mnogonarodnost' Rossii: vzgliad s Severa [Multinationality of Russia: A view from the North]. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 6–32. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-6-32](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-6-32)

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kisser, T. S. (2018) Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web-ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (58), pp. 100–108. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kisser, T. S. (2021) *Kiberetnografiya i virtual'naya etnichnost' [Cyberethnography and virtual ethnicity]*. St. Petersburg, MAE RAN. 280 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Ilyin, I. P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]*. Moscow, Intrada. 256 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod v tuvinovedenii [The thesaurus approach for Tuvan studies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 38–45. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi e"di dlia tuvintsev. Identichnost', udobstvo, otvetstvennost' [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lukov, V. A. and Lukov, V. I. (2008) *Tezaurusy: sub"ektnaya organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Madyukova, S. A. (2022) Iavliaetsia li etnicheskaya kul'tura sotsial'nym institutom? [Is ethnic culture a social institution?]. *Respublica Literaria*, vol. 3, no. 2, pp. 80–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.2.80-92>

Marx, K. (1974) Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. and Engels, F. *Sochineniia [Works]*. 2nd ed. Moscow, Politicheskaya literatura. Vol. 42. 536 p. Pp. 41–174. (In Russ.).

Pain, E. A. (2022) O preodolenii nekotorykh stereotipov v rossiiskoi etnosotsiologicheskoi teorii [Overcoming some stereotypes in the Russian ethnosociological theory]. In: *Etnosotsiologiya: poiski i sversheniia [Ethnosociology: Searches and*

achievements] / ed., comp. L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 482 p. Pp. 34–39. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2020) *Sovremennaiia rossiiskaia natsional'naia politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii* (na primere Tuvy) [Contemporary Russian national policy: Conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 253–268. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>

Popkov, Yu. V. (2021) «Etnologicheskaia modernizatsiia» v Rossii i ee proiavleniia v strategicheskikh orientirakh gosudarstvennoi natsional'noi politiki: paradigmal'nye osnovaniia i posledstviia ["Ethnological modernization" in Russia and its manifestations in the strategic guidelines of the state national policy: paradigmatic foundations and consequences]. In: *Rossii: tendentsii i perspektivy razvitiia* [Russia: Trends and prospects of development] : Yearbook : Proceedings of the 20th National conference with international participation / ed. V. I. Gerasimov. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. Issue 16, part 1. 1146 p. Pp. 226–228. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2022) *Retsenziia na knigu: Darylga: tuvinskie obriady osviiashcheniia v XXI veke / pod red. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii*. Kyzyl, 2021. 188 s. [Review of Lamazhaa, Ch. K., and Suvandii, N. D., eds. *Darylga: tuvinskie obriady osviiashcheniia v XXI veke* [Darylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]. Kyzyl, 2021. 188 p.]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 300–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2020) *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh* [Ethno-cultural neotraditionalism and identity in modern socio-cultural transformations]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ. 256 p.

Semenov, Yu. I. (2006) *Toropit'sia s zaupokoinoi molitvoi po etnosu vriad li stoit* (Ob osnovnykh ideiakh knigi V. A. Tishkova «Rekviev po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii». M., 2004) [It's hardly worth being in haste with a requiem for ethnos (On the basic ideas of V. A. Tishkov's book "The Requiem for Ethnos. Researches on Social and Cultural Anthropology". M., 2004)]. *Filosofia i obshchestvo*, issue 2 (43), pp. 94–106. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2003) *Rekviev po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies in social and cultural anthropology]. Moscow, Nauka. 544 p. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2016) *Ot etnosa k etnichnosti i posle* [From ethnos to ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 5–22. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2020) *Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiia: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive* [From where is Russian ethnology and where is it going? A personal view in global perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 72–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Tsivilizatsionnaia missiia Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoi k dukhovno-ekologicheskoi strategii global'nogo i regional'nogo razvitiia [Civilizational mission of Siberia: From technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development] (2022) / A. V. Ivanov, Yu. V. Popkov, I. V. Fotieva et al. ; ed. by A. V. Ivanov. Barnaul, Novyi format. 362 p. (In Russ.).

Shirokogorov, S. M. (1923) *Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii* [Ethnos: A study of the basic principles of changing ethnic and ethnographic phenomena]. Shanghai, A separate impression from the LXVII Proceedings of the Oriental Faculty of the State Far Eastern University. 134 p. (In Russ.).

Etnologiia (etnografiia) [Ethnology (ethnography)] (2022) : A textbook / ed. by V. A. Kozmin and V. S. Buzin. Moscow, Urait. 438 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Indigenous methodology and research of Tuvan culture*. *Sibirica*, vol. 17, no. 3, pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Submission date: 15.01.2023.

Acceptance date: 01.02.2023.

Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы)

Оксана Е. Ноянзина

Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ, Российская Федерация,

Светлана Г. Максимова, Дарья А. Омельченко

Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Целью данной статьи является исследование жизненных перспектив и ценностных ориентаций молодежи, проживающей в Республике Тыва, в сравнении с показателями молодежи других регионов Сибирского федерального округа. Проблема рассматривается в контексте обсуждения духовной безопасности как интегрального состояния общественного сознания и функционирования общественных институтов, которые обеспечивают удовлетворение культурных и духовных потребностей общества.

Анализируются результаты социологического исследования (опроса на основе структурированного онлайн-интервью) 2022 г., которое охватывало десять регионов Сибирского федерального округа, включая Республику Тыва. Объем выборочной совокупности составил 5 000 человек (n = 500 в каждом регионе, население в возрасте от 14 до 35 лет).

Жизненные цели молодежи Тувы воспроизводили паттерн, характерный для всей молодежи округа: материальное обеспечение — образование — карьерный рост — создание семьи — профессиональный успех. Основной акцент ставился на обеспечении материальных основ жизни. Конфигурация ценностей молодежи Тувы отличалась не только количеством факторов, но и их содержанием. На первом месте у молодежи Тувы располагался фактор патриотизма. Он проявлялся в мнениях о символических и реальных «врагах», о любви к Родине, был сопряжен с важностью сохранения духовного наследия своего народа. Безусловно, это можно считать национальной особенностью республики. Если общая ценностная структура для Сибирского федерального округа имела четкие смысловые различия по сферам их реализации, то в сознании молодежи Тувы эти ценности являлись взаимодополняющими.

Полученные данные подтвердили предположения об особом переплетении традиционного и модернизационного в образе жизни молодого населения Республики Тыва.

Ключевые слова: молодежь; Сибирский федеральный округ; Республика Тыва; молодежь Тувы; жизненная перспектива; жизненная цель; ценность; духовная безопасность

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022–2023).

Для цитирования:

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 154-169. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9>

Ноянзина Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, начальник отдела информационно-аналитического отдела Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации. Адрес: 105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 19, стр. 1. Тел./факс: +7 (495) 748-60-70. Эл. адрес: noe@list.ru

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66, каб. 515. Тел./факс: +7 (3852) 29-66-12. Эл. адрес: svet-maximova@yandex.ru

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета. Адрес: 656049, Россия, Барнаул, ул. Димитрова, д. 66, каб. 515. Тел./факс: +7 (3852) 29-66-12. Эл. адрес: daria.omelchenko@mail.ru

ETHNICITY AND SOCIETY

Article

The traditional and the modern in constructing axiological foundations of youth's life prospects (Tuva and other regions)

Oksana E. Noyanzina

Main Computing Center of the Ministry of Culture of the RF, Russian Federation,

Svetlana G. Maximova, Daria A. Omelchenko

Altai State University, Russian Federation

The aim of the article is to study life prospects and value orientations of young people in the Republic of Tuva in comparison with those living in other regions of the Siberian Federal District. The issue is considered in the context of examination of spiritual security of population as an integral condition of public consciousness and functioning of social institutes that provide the satisfaction of cultural and spiritual needs of the society.

The authors analyze the results of a sociological study (a survey based on a structured online questionnaire) conducted in 2022. It covered ten regions of the Siberian Federal District, including the Republic of Tuva. The sample size was 5,000 people ($n = 500$ in each region, the population aged 14 to 35 years).

Life goals of the Tuvan youth follow a general pattern that is characteristic to all young people of the district: material security — education — career advancement — creation of family — professional success. The focal point was certainly providing the material foundations of life. The Tuvan youth's value configuration was quite different not only in the number of factors but also in their content. The youth in Tuva put the factor of patriotism first. It consists in opinions about symbolic and real 'enemies' and love for the homeland and is associated with the significance of assimilating the spiritual heritage of their nation. We definitely consider this as a national peculiarity of the Republic. If the common value structure in the Siberian Federal District had evident semantic differences by spheres of their realization, then these values were complementary in the consciousness of the Tuvan youth.

The obtained data has confirmed our assumptions about a specific intertwining of the traditional and the modern in the way of life among the young population in the Republic of Tuva.

Keywords: youth; Siberian Federal District; Republic of Tuva; Tuvan youth; life prospect; life goal; value; spiritual security

Financing

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation within the framework of the project No. 22-28-01120 "Models of Constructing Religious Identity in the Cross-Border Regions of Russia: Institutional Mechanisms, Strategies and Practices" (2022–2023).

For citation:

Noyanzina O. E., Maximova S. G. and Omelchenko D. A. Traditsionnoe i modernizatsionnoe v konstruirovani tsnostnykh osnovanii zhiznennykh perspektiv molodezhi (Tuva i drugie regiony) [The traditional and the modern in constructing axiological foundations of youth's life prospects (Tuva and other regions)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 154–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9>

NOYANZINA, Oksana Evgenievna, Candidate of Sociology, Head, Information and Analysis Department, Main Computing Center, Ministry of Culture of the Russian Federation. Postal address: Bldg. 1, 19 Staraya Basmanaya, 105066 Moscow, Russian Federation. Tel./fax: +7 (495) 748-60-70. E-mail: noe@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-1252-6021

MAXIMOVA, Svetlana Gennadiyevna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Social and Youth Policy, Altai State University. Postal address: Room 515, 66 Dimitrova St., 656049 Barnaul, Russian Federation. Tel./fax: +7 (3852) 29-66-12. E-mail: svet-maximova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4613-4966

OMELCHENKO, Daria Alekseevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social and Youth Policy, Altai State University. Postal address: Room 515, 66 Dimitrova St., 656049 Barnaul, Russian Federation. Tel./fax: +7 (3852) 29-66-12. E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2839-5070

Введение

Российское общество переживает череду трансформаций, затрагивающих не только политические и экономические процессы, но и сферу социального. В данных обстоятельствах отношение к ценностному измерению личности не может быть второстепенным, малозначимым. В первую очередь это касается духовной безопасности, лежащей в основе стабильности общенациональных отношений и поддерживающей становление идентичности (социальной, культурной, этнической и т. д.) на макро- и микроуровнях (Беспаленко, 2006).

Исследователями уже не раз выдвигалась идея о том, что современное общество переживает гуманитарный кризис (Баркова, 2018), вызванный необходимостью актуализировать одновременно ресурсы традиционной и сетевой культур, то есть одновременно подчеркнуть и унифицировать многообразие. В Российской Федерации проблемы духовной безопасности и формирования ценностных оснований жизнедеятельности обострились в силу современных трансформаций образа и средств жизни человека, «перманентного конфликта между прошлым и настоящим, настоящим и будущим» (Бетильмерзаева, 2019: 112), затянувшимися деидеологизацией общества, поиском «общественного идеала», «национальной цели», «духовных скреп» и т. п., то есть потребностью общества в заполнении «идеологического вакуума».

Эти актуализированные социальные риски побуждают молодежную политику ориентироваться на получение знаний о том, насколько современные молодые люди осознают и оценивают будущее, способны разрабатывать жизненные планы и проекты, какова мера их заинтересованности в личном и общественном развитии. Получение объективной информации в данной сфере позволит сделать обоснованные выводы о состоянии общественных отношений, мере зрелости современного общества в целом и групп молодежи.

В рамках научной традиции социологической науки уделяется особое внимание смысложизненным ценностям молодежи, их регулирующему потенциалу (Зубок, Чупров, 2018).

При этом анализ и оценка ценностной динамики проводятся на основе разнообразных теоретических подходов (рискологического, конфликтологического, тезаурусного, контекстуального и др.). Доминирующей является ориентация на учет взаимовлияния субъектности молодежи и задающей условия ее ценностного становления социальной реальности (Коваленко, 2018).

Особенностью Республики Тыва является значительная представленность молодежи среди трудоспособного населения (почти 40%), а также существенная доля молодых людей, проживающих в сельской местности (почти 54% в группе молодежи 18–24 лет). Будучи республикой с сильными этнокультурными традициями коренного населения, Республика Тыва, как и другие российские регионы, переживает столкновение модернизационных процессов и усилий (общественных, педагогических, политических), направленных на сохранение базовых ценностей коренного населения. Исследования ценностных ориентаций тувинской молодежи показывают, что особый этноэкономический уклад накладывает существенный отпечаток на пространственное развитие территории (Персидская, 2019), одновременно происходят трансформации социокультурных основ тувинского общества, проявляющиеся в отказе молодежи от традиционных, ранее почитаемых ценностей (Куулар, 2022; Гайфуллин, 2022).

Работы российских исследователей отражают накопленный опыт в анализе и оценке этносоциальных процессов в этнических республиках Российской Федерации, в том числе дают хорошую базу для проведения компаративных социальных и социологических исследований в сфере этничности Республики Тыва (Молодежь Тувы ..., 1988; Анайбан, 2017, 2018; Ламажаа, 2015; Leung, 2017; Абылкаликов, 2021). Авторы обращают внимание на особое преломление вопросов духовности в сознании общества (Кужугет, 2006; Сузукей, 2009; Ламажаа, 2016; и др.), переплетение ценностей духовной жизни с религиозностью и регулятивными процессами социального поведения (Бадмаев и др., 2020). Вместе с тем ставятся и вопросы о декларативности религиозной идентичности молодых тувинцев (Персидская, 2019), сложного сочетания особой близости к природным процессам, родовых и семейных ценностей, эффектов некоторой культурной изоляции и пересекающихся «культурных пластов», одновременной подверженности глобализационным процессам и архаизированным социальным практикам (Ламажаа, 2013). Научная новизна нашего исследования заключается в изучении жизненных перспектив, ценностных ориентаций и целевых стратегий различных групп молодежи, проживающей в Республике Тыва, в сравнении с другими регионами Сибирского федерального округа в контексте

анализа духовной безопасности населения как интегрального состояния общественного сознания и функционирования общественных институтов, обеспечивающих удовлетворение культурных и духовных потребностей общества.

Духовная безопасность, вопросы нравственности, ценностей и морали конкретизируются в разных институциональных формах (Ваайман, 2009), внутренней и внешней политике государства (Борисов, Дмитраков, 2018). В последние десятилетия положения об обусловленности структурными возможностями индивидуальных траекторий молодежи развиты в рамках парадигмы жизненного пути (*life course perspective*, LCP) (Elder, 1995; Ежов, 2005; Hutchison, 2019), где особый интерес представляют концептуальные основания для анализа жизненных перспектив молодежи, событий и ценностей жизни в современных условиях с учетом, с одной стороны, ее социально-групповых особенностей, с другой, — общественных потребностей и духовно-нравственных императивов.

Изучение жизненных перспектив возможно с позиций оценки динамической составляющей взаимоотношений индивида и времени, особенностей восприятия настоящего, прошлого и будущего в качестве единого целого (Frank, 1948), временных представлений и отношений личности в процессе жизнедеятельности (Fraisie, 1957). Другой подход ориентирует на рассмотрение планово-перспективного компонента, где жизненная перспектива может быть понята как определенная стратегия — динамическая система перспективного ориентирования на конструирование и созидательное изменение будущего (Лисовский, 2000; Зубок, Чупров, 2008; Константиновский и др., 2011; Волокитина, 2010; Осипова, Энвери, 2016; и др.). Таким образом, жизненные перспективы играют ведущую роль в управлении временем жизни личности и реализации жизненных планов. Жизненные цели, если они поставлены адекватно способностям, знаниям, сформированным навыкам и жизненному опыту, опосредуют актуальную активность индивида в сфере общественных отношений и поведения в целом (Абульханова-Славская, 1991; Головаха, 2001; Головаха, Кроник, 1984; и др.).

При этом жизненные перспективы и социальные ценности во многом опираются на социальные контексты, инфраструктурные условия, в которых разворачивается конкретный жизненный опыт. Стартовые возможности и ресурсы отдельных индивидов оказывают влияние на социальное поведение индивида не меньше, чем реально наблюдаемые события и явления (Nuttin, Lens, 1985). Это приводит нас к мысли о том, что в условиях динамичной социальной реальности, трансформациях социальной структуры общества, наблюдаемых в настоящее время, не менее динамично меняются и ориентиры (мотивационные объекты, в терминах Ж. Нюттена), что актуализирует вопросы изучения содержания жизненных перспектив, целей и ценностей современной молодежи как более гибко реагирующей на динамику контекстов в поиске себя.

Жизненные перспективы могут быть поняты как внешние объективные и внутренние субъективно значимые цели деятельности, представляющие своего рода «отметки», перемещения по которым («намеченным конкретным событиям», следуя идее Е. И. Головахи) зависят от системы ценностного ориентирования личности (Головаха, 2001). Иерархия ценностных ориентаций, сложившихся в сознании индивида, определяет то, почему человек предпочитает те или иные сферы деятельности (Братусь, 1988).

Важно умение планировать на длительный период, что позволит не только осознанно, но и адекватно строить собственную жизнь, уметь оптимально и структурированно организовывать ее так, чтобы достичь поставленных целей. Это, в свою очередь, приводит нас к учету длительности жизненной перспективы (Кон, 1978; Кроник, 1981; и др.), то есть сроков планирования. Соответственно, от меры структурированности жизненных перспектив, планирования на долгосрочный период зависят мотивация, интеграция и способность молодежи к самоинтеграции, умение адаптироваться к изменяющимся социальным, культурным и экономическим контекстам, сохраняя целеполагание, что делает молодого человека устойчивым к вызовам современного мира.

Методы и материалы исследования

В зарубежной и отечественной науке накоплен большой арсенал специальных методик и отдельных шкал, направленных на выявление особенностей ценностных ориентаций, жизненных целей и перспектив (Нюттен, 2004; Леонтьев, 2000; Rokeach, 1973). Авторитетными являются международные исследования ценностей (Hofstede, 2011; Schwartz, 1992; Inglehart, 2003). Все они имеют свои особенности и ограничения (Ральникова, 2019).

Реализация целей нашего исследования потребовала обращения к инструментам и процедурам, которые бы, с одной стороны, позволяли решать поставленные задачи, с другой, — были бы достаточно компактными для получения большого объема данных. Для определения длительности жизненной перспективы респондентам задавался вопрос о том, на какой жизненный срок для них оптимальнее ставить жизненные цели и планировать свою жизнь. Предлагалось восемь вариантов ответа (от «я не планирую, живу одним днем» до «на всю жизнь») с возможностью дать собственный ответ и выбрать вариант «затрудняюсь ответить». Содержательные аспекты жизненных перспектив исследовались на основе вопросов о целях, которых молодым людям хотелось бы достичь в ближайшие 5–10 лет (ограничение по выбору — три варианта ответа). Среди предлагаемых вариантов фигурировали восемь позиций, включающих материальные (включая карьеру, бизнес), духовные (образование), социальные (связи, деловые знакомства, престиж, положение в обществе), традиционные (создание семьи) цели. Ценности и смысловые ориентиры изучались на основе четырехбалльных шкал (использованы 13 ценностных установок), в которых 1 балл означал большую степень согласия о важности цели (ценности), а 4 балла — полное несогласие.

Для оценки меры актуализации проблем духовной безопасности использованы результаты шкально-балльной оценки проблем регионального развития — молодые люди оценивали спектр из 13 проблемных направлений регионального развития и обеспечения личной, общественной, социальной, духовной, экономической, экологической и политической безопасности.

Исследование проведено в 2022 г. среди молодежи 14–35 лет, проживающей в регионах Сибирского федерального округа, включая Республику Тыва. Основным способом получения эмпирических данных выступал онлайн опрос разных групп молодежи (учащейся, работающей и неработающей). География исследования охватывала десять регионов Сибирского федерального округа, объем выборочной совокупности составил 5000 человек ($n = 500$ в каждом регионе). Репрезентативность выборки обеспечивалась путем расчета квотной (пропорциональной) выборки для каждого региона, учитывающей актуальное распределение по полу, возрасту и месту проживания (городские или сельские поселения) и использования различных технологий информирования и обеспечения доступа к информационной платформе, на основе которой проводился сбор данных, частично опрос проводился методом личного интервью по идентичному инструментарию. Аналитические процедуры с полученными данными осуществлены в 2022 г. в рамках написания данного материала (использован программный продукт IBM SPSS Statistics 25.0).

Актуализация угроз духовной безопасности

Прежде всего, обратим внимание на актуализацию проблематики духовной безопасности и ценностного развития в общественном сознании молодежи. В представленном исследовании респондентов Сибирского федерального округа (далее — СФО) просили провести оценку актуальности спектра региональных проблем — как экономического, так политического, социального характера. В качестве одной из угроз безопасности общественных отношений рассматривалось снижение уровня духовности и нравственности общества. Отметим, что при средней доле выборов оценки «очень большая проблема» в 17,4% по СФО, в двух территориях округа молодежь видит существенно большую угрозу утери духовных и нравственных основ жизни общества (χ , $p < 0,005$). Примечательно, что в число таких регионов вошла именно Республика Тыва (62,8%) и, с несколько меньшей долей выборов, Кемеровская область (56,1%).

О важности учета проблем духовной безопасности говорит ее рейтинговое место в ряду проблем территории — угрозы духовной безопасности и нравственности, однако, в Республике Тыва угрозы духовного характера занимают 9 место из 13 после безработицы, отсутствия перспектив для молодежи, снижения уровня, низкого качества здравоохранения, недостаточного качества предоставляемых образовательных услуг, слаборазвитой сферы услуг для досуга молодежи, отсутствия спроса на квалифицированные кадры и вопросов личной безопасности граждан. Тогда как в ряде регионов проблемы духовности по своей актуальности занимали более высокие позиции. Вместе с тем полученные оценки не умаляют значимости духовной сферы жизни для тувинской молодежи, а, скорее, усиливают риски ввиду комплексного характера территориальных проблем, наличия недостатков инфраструктуры для обеспечения высокого (или оптимального) качества жизни, сохранения культурного и человеческого капитала республики.

В чем же «на практике» отражается проблемный характер сферы духовной безопасности тувинской молодежи, что снижает потенциал готовности гибко и оперативно реагировать на вызовы современности?

Анализ сроков планирования будущего показал, что, как правило, молодым жителям Республики Тыва, да и всего СФО, не свойственно выстраивание длительных жизненных перспектив. Чаще всего период планирования ограничивается ближайшими несколькими днями или неделями, о чем сообщили почти пятая часть опрошенных (19,9%), почти столько же молодых людей строили планы на период до пяти лет (17,1%), 16,6% — планировали на несколько ближайших месяцев вперед, 14,7% — на год. Таким образом, в совокупности 67,7% современных молодых людей были готовы выстроить свое будущее на период от нескольких дней до пяти лет. Только десятая часть опрошенных во всех регионах представляли свое будущее на всю предстоящую жизнь (10,3%), лишь 1,5% — на период до 20 лет, 4,0% — до 10 лет. Отметим, что почти десятая часть молодежи (9,5%) вообще не планировали свою жизнь, предпочитая жить одним днем, а довольно существенная часть — 6,9% затруднились ответить.

Анализ открытых ответов на данный вопрос показал, что осмысление жизненных перспектив происходит на основе множественных стратегий. Так, часть молодых людей предпочитали определиться «в главном на жизнь», а потом уже планировать шаги к достижениям (или «маленьким свершениям») на период от года до трех лет. В некоторых случаях молодые люди «отделяли» социальные устремления, например, профессиональные, карьерные, от прочих целей, предпочитая определиться в «смысле жизни и глобальных планах на профессию», а также жить одним днем, не увязывая между собой эти две стратегии. Будущее для молодежи чаще размыто, так как жизнь в их представлениях «непредсказуемая штука», а планы не могут идти «как по маслу», да и вообще «планы постоянно меняются». Некоторые предпочитают «планировать постепенно», довольствуясь малыми достижениями, корректируя свои планы «по ситуации». Отдельные молодые люди демонстрировали фатализм, так как строительство планов неизбежно приводит к их разрушению и последующему разочарованию, поэтому «нужно просто иметь цель и не идти к ней, а плыть по течению и аккуратно цепляясь за неё, тем самым в скором времени ты достигнешь, то к чему ты стремишься и к чему ты шёл» (из «открытых» ответов на данный вопрос).

В ходе анализа мы рассматривали распределение трендов в разных регионах СФО с учетом возможного влияния факторов. В соответствии с результатами предварительного анализа в национальных республиках молодежи менее свойственно долгосрочное планирование, нежели в краях и областях СФО — здесь существенно реже молодые люди заявляли о наличии планов на ближайшие 10–20 лет. На уровне округа в целом существенных различий по месту проживания, возрасту и полу выявлено не было.

В Республике Тыва молодежь чаще всего строила планы на ближайшие несколько дней или недель (26,7%), второй по частоте ответ — «на несколько месяцев», релевантный для 22% молодых людей. Планировать «на всю жизнь» были готовы только 8,3% жителей республики, независимо от возраста и местности проживания. Как правило, среди планирующих свою жизнь надолго (более 20 лет) было мало тех, кто имел начальное или среднее профессиональное образование (среди молодежи с высшим образованием — 18,8%), но много работающей молодежи (13,6%) и школьников старших классов (14,6%). Молодые женщины чаще планировали свою жизнь на 20 лет вперед или на всю жизнь (10,5%), по сравнению с молодыми мужчинами (3,4%).

Таким образом, большинству молодежи Тувы, как и молодежи других сибирских регионов, присущи пассивность в отношении собственной жизни и ориентация на краткосрочную перспективу, что вряд ли способствует формированию стратегического мышления и сознательного конструирования будущего.

Полагаем, что данные 2022 г. согласуются с выводами, полученными в ходе социологических исследований, проведенных в республике в 2010 и 2014 гг. (Балакина, Кылыгдай, 2016), которые выявили высокий уровень уверенности молодых тувинцев в собственном будущем — за счет помощи родственных и земляческих альянсов, при одновременной пассивности (и даже «иждивенчества») жизненной позиции, низком уровне адаптации молодежи.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Для Вас лично оптимальнее ставить жизненные цели...», региональные выборки и данные по разным группам опрошенных, в %, ($\chi^2, p \leq 0,005$)¹.

Table 1. Distribution of responses to the question: “Setting personal life goals is optimal for the period of...”, area samplings and data by groups of respondents, %, ($\chi^2, p \leq 0,005$).

Ре-ги-он	Я не планирую, живу одним днем	На ближайшие несколько дней или недель	На несколько ближайших месяцев	На год	На период до 5 лет	На период до 10 лет	На период до 20 лет	На всю будущую жизнь	Затрудняюсь ответить
РА	17,7	18,8	12,7	11,2	13,5	4,2	1,9	15,4	4,6
РТ	8,9	26,7	22,2	8,3	11,7	7,8	3,3	8,3	2,8
РХ		29,4	29,4	11,8	5,9	5,9		11,8	5,9
АК	9,0	20,5	16,6	16,7	17,4	5,2	1,5	7,8	5,3
КК	11,2	14,4	11,2	14,4	14,4	9,6	5,6	12,0	7,2
ИО	8,5	23,6	14,2	17,0	16,0	1,9		10,4	8,5
КО	10,8	22,6	16,1	18,3	18,3	4,3	2,2	3,2	4,3
НО	10,0	18,6	19,0	15,2	17,0	3,6	0,7	8,7	7,1
ОО	8,5	20,4	14,8	13,8	18,0	2,9	1,4	12,2	8,1
ТО	10,6	18,4	9,9	17,7	18,4	4,3	1,4	11,3	7,8

Жизненные планы в структуре целеполагания молодежи Тувы

В каких жизненных сферах сконцентрированы жизненные планы молодых людей Республики Тыва? О чем конкретно они думают или мечтают, когда планируют собственное будущее?

Мы исходили из того, что линия жизненной перспективы молодежи выстраивается по точкам, фиксирующим значимые и желаемые состояния или социальные статусы, которых важно достичь и которые лежат в основе целеполагания личности и определяют ее поведение в соответствии с определенной иерархией. Согласно полученным результатам, на вершине иерархии таких «точек», по которым строится линия жизни современной сибирской молодежи, находятся цели материального успеха (59,6% выборов), на второй позиции — профессиональный успех (42,6% выборов), на третьей позиции — образовательные цели (38,5%). Именно эти три ценности — материальная обеспеченность, профессиональные достижения и образование — взаимосвязаны и взаимообусловлены в представлениях современных молодых людей, равно как и понимание значимости инвестиций в приобретение знаний и профессиональных навыков для благополучной жизни.

На четвертой ступени на лестнице жизненных целей расположились создание семьи (32,9%) и ценности карьерного роста, продвижения по службе (31,6%). Примерно на уровне пятой части выборов (20,8%) молодые люди сообщали о желании создать собственный бизнес, по 13,8% выборов отмечены такие цели как достижение определённого статуса, положения в обществе, лишь небольшая часть молодых людей (всего 3,6%) затруднились ответить, какие цели они ставят перед собой в жизни. Таким образом, абсолютное большинство молодежи Тувы вполне определились с тем, чего они хотели бы добиться в жизни. С одной стороны, такие цели носят довольно общий характер, а с другой стороны, вполне инварианты, — обеспечить благополучное существование важно для каждого гражданина. Вместе с тем значима приоритетность профессиональных успехов, часто ассоциирующихся с или профессионализмом, или образованием. Такая приоритизация, с учетом возможности множественного выбора респондентами, может свидетельствовать в том числе и об определенности жизненных стратегий и стремлении достичь желаемого уровня благополучия посредством инвестиций в интеллектуальный капитал.

¹ Здесь и далее в таблицах использованы следующие аббревиатуры: РА — Республика Алтай, РТ — Республика Тыва, РХ — Республика Хакасия, АК — Алтайский край, КК — Красноярский край, КО — Кемеровская область, НО — Новосибирская область, ИО — Иркутская область, ТО — Томская область, ОО — Омская область. Жирным начертанием выделены значения по Республике Тыва.

Жизненные цели молодежи Тувы воспроизводили цепь основных паттернов: материальное обеспечение (57,5%) — образование (46,4%) — карьерный рост (39,8%) — создание семьи (39,2%) — профессиональный успех (38,1%), в которой основной акцент безусловно делался на обеспечении материальных основ жизни. Обращал на себя внимание слабый интерес молодежи региона к формированию социального капитала, который мог бы способствовать достижению этих целей (10,5%, одно из низких значений в округе), а также отсутствие тяги к предпринимательскому делу, что сближало показатели молодежи Республики Тыва с показателями Красноярского края и Томской области.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы ставите цели, то какие цели Вы бы хотели достичь в ближайшие 5–10 лет?», региональные выборки, множественный выбор, в %.

Table 2. Distribution of responses to the question: “What goals are you planning to achieve in the nearest 5–10 years, if you set some”, area samplings, multiple selection, %.

	РА	РТ	РХ	АК	КК	ИО	КО	НО	ОО	ТО
Профессиональный успех	30,3	38,1	41,2	42,8	35,2	38,0	43,9	44,1	48,6	43,5
Материальное обеспечение	55,6	57,5	52,9	67,8	31,2	73,1	54,1	60,1	62,7	60,5
Карьерный рост, продвижение по службе	29,5	39,8	47,1	28,8	25,6	31,5	29,6	31,4	36,2	30,6
Создание семьи	36,4	39,2	58,8	31,7	28,0	44,4	41,8	33,9	33,3	36,7
Образование	36,4	46,4	35,3	40,1	40,8	28,7	30,6	40,1	40,0	40,8
Статус, положение в обществе	15,3	16,0	29,4	14,3	20,0	4,6	21,4	13,8	13,1	7,5
Связи, деловые знакомства	22,2	10,5	5,9	18,1	20,0	13,9	14,3	13,4	11,9	14,3
Собственный бизнес	24,5	19,3	23,5	23,0	12,0	27,8	29,6	23,3	18,9	14,3

При этом конфигурация жизненных целей существенно варьирует в разных социальных группах молодежи Тувы: в группах студентов вузов и работающей молодежи существенно более весомой является цель достижения определенного материального статуса (максимально среди студентов — 68,9%). Значимость образования и цели профессионального успеха выражены для школьников (54,0% и 48,4%), которые только начинают свой путь в самостоятельную жизнь. Создание семьи более актуально для студентов вузов и работающей молодежи (см. линию тренда) (рисунок 1).

Целевые установки городской и сельской молодежи отличались большей ориентацией сельской молодежи на профессиональный успех (48,7%, среди городской молодежи 44,6%) и образование (46,9% по сравнению с 39,0%), тогда как городская молодежь предпочитала цели, связанные с обеспечением материального благополучия (66,5%, в селе 58,2%), налаживанием деловых связей (16,1%, село 11,9%), ведением бизнеса (24,0%, село — 18,1%).

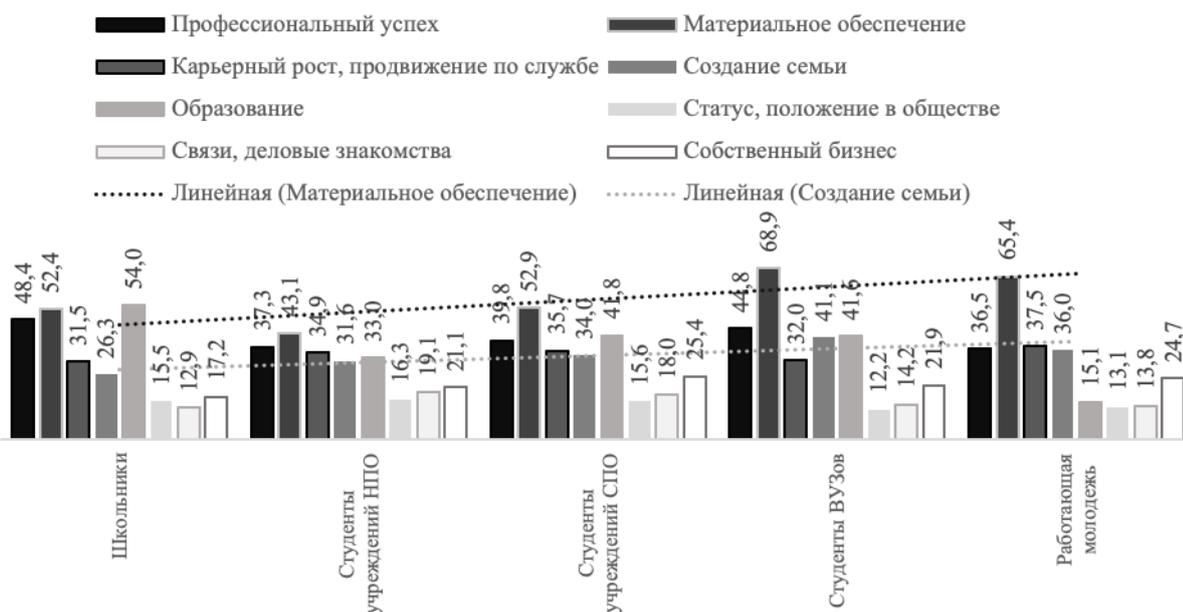

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы ставите цели, то какие цели Вы бы хотели достичь в ближайшие 5–10 лет?», группы с разным социальным статусом, множественные выборы, в %.

Figure 1. Distribution of responses to the question: “What goals are you planning to achieve in the nearest 5–10 years, if you set some”, different social groups, multiple responses, %.

Отметим, что и в данном случае проведенный анализ показал наличие значимых различий в выборах жизненных целей молодежью Республики Тыва практически по всем позициям, кроме ценностей создания семьи и ценностей образования, которые не имели региональной специфики. Именно в Республике Тыва молодежь в большей степени стремилась к выстраиванию карьерных стратегий, продвижению по службе (второе место в округе после Республики Хакасия), а также была более ориентирована, чем в других регионах, на получение образования, тогда как важность семейных ценностей была на уровне СФО.

Духовная ориентация магистральных жизненных ценностей молодежи Тувы

Отвечая на вопросы о магистральных ценностях своей жизни, молодежь округа продемонстрировала присущий молодости максимализм и множественность желаний: практически все перечисленные ценности отмечались молодыми людьми как однозначно важные, лишь пять из них были суммарно не так значимы и значительны — это следование принципу «брать от жизни все...» (16,5% суммарных отрицательных оценок), постигать духовное наследие предков (25,8% отрицательных оценок), любить и укреплять Родину (15,9%), защищать Родину от внешних (21,7%) и внутренних (16,4%) врагов (рисунок 2).

Молодежь Тувы отличалась от молодежи в других регионах более выраженным желанием получать от жизни как можно больше удовольствия (среднее значение 1,67 балла), и осознанием важности защиты Родины от внешних угроз (1,73). В целом, почти по всем ценностям значения в Республике Тыва были ниже (а значит — оценивались как более важные), чем по округу, кроме материального успеха и желания жить в стабильном государстве, тем самым утверждалась более сильная духовная ориентация. В особенности явно такие различия отмечались по ценностям постижения духовного наследия предков (среднее значение в Республике Тыва — 1,67, в среднем по выборке 1,79), создания крепкой семьи (1,46, в среднем по выборке — 1,59), реализации творческих способностей (1,65, в среднем по выборке — 1,73), любви к Родине (1,64, в среднем по выборке — 1,79), защите родины от внешних (1,70, в среднем по выборке 1,90) и от внутренних (1,70, в среднем по выборке 1,76) врагов (таблица 3).

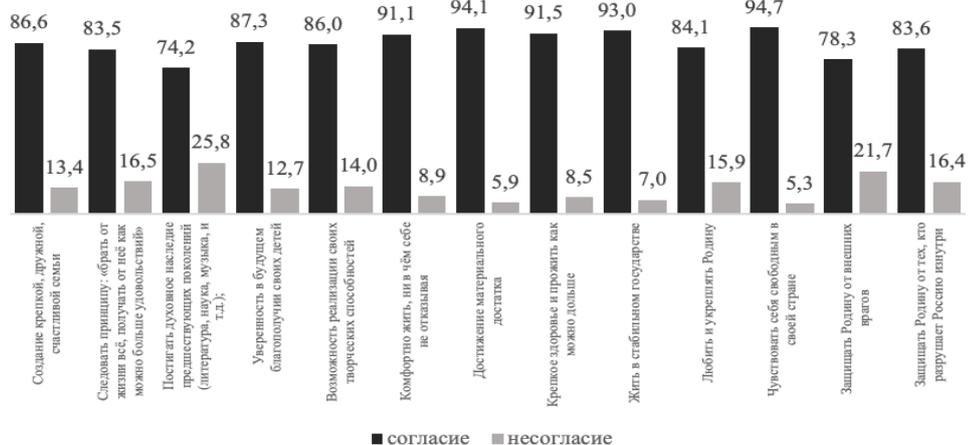

Рисунок 2. Суммарные положительные и отрицательные ответы респондентов на вопрос «Что для себя Вы считаете наиболее важным в жизни?», вся выборка, в %.
 Figure 2. Summarized positive and negative answers of respondents to the question “What is the most important in your life?”, total sampling, %.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для себя Вы считаете наиболее важным в жизни?», средние значения.
 Table 3. Distribution of responses to the question: “What is the most important in your life?”, mean values.

	РА	РТ	РХ	АК	КК	ИО	КО	НО	ОО	ТО	Среднее по выборке
Создание крепкой, дружной, счастливой семьи	1,6	1,46	1,38	1,65	1,66	1,42	1,46	1,63	1,56	1,57	1,59
Следовать принципу: «брать от жизни всё, получать от неё как можно больше удовольствий»	1,7	1,67	1,88	1,79	1,82	1,77	1,73	1,88	1,75	1,92	1,79
Постигать духовное наследие предшествующих поколений (литература, наука, музыка, и т. д.)	1,94	1,81	1,75	1,98	1,74	1,9	2,18	2,1	2,06	2,05	2,02
Уверенность в будущем благополучии своих детей	1,65	1,51	1,56	1,66	1,69	1,39	1,6	1,67	1,53	1,69	1,6
Возможность реализации своих творческих способностей	1,65	1,65	2,06	1,71	1,66	1,53	1,56	1,77	1,77	1,78	1,73
Комфортно жить, ни в чём себе не отказывая	1,55	1,42	1,44	1,45	1,54	1,3	1,4	1,53	1,5	1,76	1,5
Достижение материального достатка	1,48	1,44	1,44	1,35	1,47	1,23	1,35	1,45	1,35	1,55	1,39
Крепкое здоровье и прожить как можно дольше	1,57	1,46	1,44	1,45	1,37	1,29	1,41	1,48	1,43	1,45	1,45

Жить в стабильном государстве	1,59	1,56	1,5	1,43	1,51	1,36	1,35	1,47	1,4	1,47	1,44
Любить и укреплять Родину	1,92	1,64	1,69	1,83	1,76	1,67	1,78	1,85	1,73	1,83	1,79
Чувствовать себя свободным в своей стране	1,54	1,38	1,25	1,33	1,47	1,24	1,27	1,43	1,32	1,45	1,37
Защищать Родину от внешних врагов	2,04	1,7	2	1,96	2,1	1,73	1,95	1,95	1,83	1,88	1,9
Защищать Родину от тех, кто разрушает Россию изнутри	1,87	1,7	1,63	1,82	1,95	1,6	1,76	1,79	1,71	1,73	1,76

В целом отметим, что, выстраивая иерархию жизненных ценностей, молодые люди скорее стремились к индивидуализации будущего благополучия своей жизни, увязке его с индивидуальным комфортом, нежели общественным благополучием и безопасностью.

Заключение

Полученные данные подтвердили наши предположения об особом переплетении традиционного и модернизационного в жизненных ориентациях молодого населения Республики Тыва. В этом отношении республика, с одной стороны, сталкивается с необходимостью сохранения в условиях модернизации традиционного и во многом этнически обусловленного образа жизни, как и две другие республики Сибирского федерального округа. С другой стороны, молодежь Тувы схожим с молодежью округа образом выстраивает свои жизненные траектории, маркирует и наделяет ценностным значением наиболее существенные «точки», желаемые уровни и достижения жизненного пути, отходя от традиционных жизненных сценариев и ориентируясь на технологии достижения материального успеха через повышение личных компетенций.

Поскольку в нашей статье мы обратились к проблематике сохранения духовной безопасности тувинской молодежи на основе адаптации к вызовам современности и решения задачи сохранения неотрадиционных ценностей, следует в дальнейшем обратиться к оценке ресурсов, позволяющих молодежи реализовать свой социокультурный потенциал. В частности, как о наличии таких ресурсов, так и о возможных проблемах их использования говорит в своей работе Ю. В. Попков (Попков, 2021), подчеркивая, что тувинцы имеют хорошую перспективу реализации духовно-экологической стратегии развития, готовность реагировать на цивилизационные трансформации, опираясь на ценности национальной культуры.

Данные проведенного нами исследования показали, что молодежь Тувы вполне четко актуализирует проблемы духовности и сохранности нравственности, о чем говорит сформированная на основе их оценок иерархия угроз духовной безопасности республики. Вместе с тем, имеющийся потенциал реакции на сформировавшиеся риски снижает низкий горизонт планирования будущего, особенно у мужчин, а также слабый интерес к наращиванию индивидуального капитала при выраженном паттерне социального престижа в структуре жизненных целей. Обратим внимание и на различие конфигураций жизненных целей городской и сельской молодежи Республики Тыва в следовании выявленному паттерну — горожане стремятся к престижу через материальные и предпринимательские успехи, а сельчане — через профессиональные и образовательные достижения. При этом вполне типичные для современной молодежи ценности и жизненные ориентиры сочетаются с выраженными духовными маркерами, обращающими тувинцев к культурному наследию этноса и парадоксальному сочетанию гедонизма и установки на защиту национальных интересов. Вопросы нравственности и духовного развития в сознании молодежи Тувы сохраняют свое ценностное значение, переплетаясь со стремлением к достижению материальных ожиданий и желанием реализовать себя в социальной миссии защитника устоев и стабильности общества, то есть стоять на страже духовной и национальной безопасности малой и большой родины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская, К. А. (1991) Стратегия жизни. М. : Мысль. 299 с.
- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2017) Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке: этносоциологические очерки. М. : Институт востоковедения РАН. 240 с.
- Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>
- Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2016) Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. № 2. С. 73–89.
- Баркова, Э. В. (2018) Гуманитарное мышление в экофилософских ориентирах самоидентификации субъекта современного мира // Право и практика. № 1. С. 248–255.
- Беспаленко, И. И. (2006) Духовная безопасность России: проблемы институционализации в системе национальной безопасности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. № S18. С. 61–64.
- Бетильмерзаева, М. М. (2019) Проблема духовной безопасности современного человека в контексте двух культур // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6–7 декабря, 2019 г.) / сост. и отв. ред. М. М. Бетильмерзаева, В. Ю. Гадаев. Махачкала : ЧГПУ ; АЛЕФ. 504 с. С. 112–118.
- Борисов, С. Н., Дмитраков, А. М. (2018) Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире. Статья 1 // Наука. Искусство. Культура. Вып. 2 (18). С. 48–55.
- Братусь, Б. С. (1988) Аномалии личности. М. : Мысль. 301 с.
- Ваайман, К. (2009) Духовность. Формы, принципы, подходы : в 2 т. / пер. с нидерл. А. Лукьянова, Т. Чикиной, Н. Холмогоровой ; под ред. А. Лукьянова. М. : Библиско-богословский Ин-т св. Апостола Андрея. Т. II. VIII, 410 с.
- Волокитина, А. А. (2010) Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 216–221.
- Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Головаха, Е. И. (2001) Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Куликов. СПб. : Питер. 480 с. С. 256–269.
- Головаха, Е. И., Кроник, А. А. (1984) Психологическое время личности. Киев : Наукова думка. 209 с.
- Ежов, О. Н. (2005) Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 8. № 3. С. 22–33.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2008) Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. № 7 (291). С. 108–117.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2018) Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3. С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1>
- Коваленко, А. М. (2018) Дискурсивное поле социологического исследования российской молодежи и ее ценностей в новой социальной реальности // Гуманитарий Юга России. Т. 7. № 2. С. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.2.6>
- Кон, И. С. (1978) Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. № 3. С. 76–86.
- Константиновский, Д. Л., Вознесенская, Е. Д., Чередниченко, Г. А., Хохлушкина, Ф. А. (2011) Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М. : ЦСПиМ. 296 с.
- Кроник, А. А. (1981) К вопросу о диагностике «психологического возраста» личности // Психолого-педагогические аспекты формирования личности в учебно-воспитательном процессе / под ред. С. Д. Максименко. Киев : НИИ психологии МП УССР. 238 с. С. 15–16.

- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 319 с.
- Куулар, С. В. (2022) Изучение ценностных ориентаций тувинской молодежи // Современные проблемы науки и образования. № 2. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.31529>
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2015) Социология молодежи Тувы // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 340–348. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30>
- Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.
- Леонтьев, Д. А. (2000) Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл. 18 с.
- Лисовский, В. Т. (2000) Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб. : СПбГУП. 508 с.
- Молодежь Тувы. Социальный портрет (1988) / З. В. Анайбан, В. С. Золототрубов, В. А. Кочергин и др. ; отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 194 с.
- Нюттен, Ж. (2004) Мотивация, действие и перспектива будущего / пер. с англ. Е. Ю. Патяевой и др. ; под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл. 608 с.
- Осипова, Л. Б., Энвери, Л. А. (2016) Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (46). С. 108–129. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>
- Персидская, О. А. (2019) Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>
- Попков, Ю. В. (2021) Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. № 1. С. 217–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>
- Ральникова, И. А. (2019) Психологическое здоровье и жизненные перспективы личности // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. № 4 (15). С. 121–126.
- Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 250–267.
- Elder, G. H. Jr. (1995) The life course paradigm: Social change and individual development // Examining lives in context: Perspectives on the ecology of human development / ed. by P. Moen, G. H. Elder, Jr., K. Lüscher. Washington, DC : American Psychological Association. xx, 708 p. P. 101–139.
- Fraisse, P. (1957) Psychologie du temps. Paris : Presses Universitaires de France. 326 p.
- Frank, L. K. (1948) Society as the patient: Essays on culture and personality. Piscataway, NJ : Rutgers University Press. 395 p.
- Hofstede, G. (2011) Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 2 No. 1. P. 2307–0919. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
- Hutchison, E. D. (2019) An update on the relevance of the life course perspective for social work // Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services. Vol. 100. No. 4. P. 351–366. DOI: <https://doi.org/10.1177/1044389419873240>
- Inglehart, R. L. (2003) Human values and social change: Findings from the values surveys. N. Y. : Brill Academic. x, 285 p.
- Leung, K. Z. (2017) Contemporary youth identity in the Republic of Tuva, Russia // Новые исследования Тувы. № 3. С. 49–65. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3>
- Nuttin, J., Lens, W. (1985) Future time perspective and motivations: Theory and research method. Leuven, Belgium : Leuven University Press. 235 p.
- Rokeach, M. (1973) The nature of human values. N. Y. : Free Press. x, 438 p.
- Schwartz, S. H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 25. P. 1–65. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

Дата поступления: 11.08.2022 г.

Дата принятия: 08.09.2022 г.

REFERENCES

- Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (1991) *Strategiia zhizni [Strategy of life]*. Moscow, Mysl'. 299 p. (In Russ.).
- Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Anaiban, Z. V. (2017) *Molodezh' Tuvy i Khakasii v XXI veke: etnosotsiologicheskie ocherki [Young people of Tuva and Khakassia in the twenty-first century: Ethno-sociological essays]*. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS. 240 p. (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. (2018) Trudovaia zaniatost' i sotsial'no-professional'nye orientatsii molodezhi sovremennoi Tuvy [Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: A sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2016) Osobennosti adaptatsii etnicheskikh grupp Tuvy k rynochnoi ekonomike [Ethnic groups in Tuva and their adaptation to market economy]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 73–89. (In Russ.).
- Barkova, E. V. (2018) Gumanitarnoe myshlenie v ekofilosofskikh orientirakh samoidentifikatsii sub'ekta sovremennoogo mira [Humanitarian mind in eco-philosophical identities of self-identification of the subject in contemporary world]. *Law and Practice*, no. 1, pp. 248–255. (In Russ.).
- Bespalenko, I. I. (2006) Dukhovnaia bezopasnost' Rossii: problemy institutsionalizatsii v sisteme natsional'noi bezopasnosti [Spiritual security of Russia: Problems of institutionalization in the national security system]. *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, no. S18, pp. 61–64. (In Russ.).
- Betilmerzaeva, M. M. (2019) Problema dukhovnoi bezopasnosti sovremennoogo cheloveka v kontekste dvukh kul'tur [The problem of spiritual security of modern man in the context of two cultures]. In: *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaia bezopasnost' [Humanities knowledge and spiritual security]* : Proceedings of the 6th International research-to-practice conference (Grozny, December 6–7, 2019) / comp. and ed. by M. M. Betilmerzaeva and V. Yu. Gadaev. Makhachkala, Chechen State Pedagogical University ; ALEF. 504 p. Pp. 112–118. (In Russ.).
- Borisov, S. N. and Dmitrakov, A. M. (2018) Dukhovnaia bezopasnost' i problemy bezopasnosti v sovremennom mire. Stat'ia 1 [Spiritual safety and security problems in the contemporary world. Article 1]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, issue 2 (18), pp. 48–55. (In Russ.).
- Bratus, B. S. (1988) *Anomalii lichnosti [Abnormalities of the personality]*. Moscow, Mysl'. 301 p. (In Russ.).
- Waaijman, K. (2009) *Dukhovnost'. Formy, printsipy, podkhody [Spirituality: forms, foundations, methods]* : in 2 vols. / transl. from Dutch by A. Lukianov, T. Chikina and N. Kholmogorova ; ed. by A. Lukianov. Moscow, Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle. Vol. II. viii, 410 p. (In Russ.).
- Volokitina, A. A. (2010) Zhiznennye strategii molodezhi v usloviakh professional'nogo vybora [Life strategies of youth in conditions of professional choice]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 216–221. (In Russ.).
- Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethnodemographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Golovakha, E. I. (2001) Zhiznennye perspektivy i tsennostnye orientatsii lichnosti [Life prospects and personal value orientations]. In: *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov [Personality psychology in works of Russian psychologists]* / comp. by L. V. Kulikov. St. Petersburg, Piter. 480 p. Pp. 256–269. (In Russ.).
- Golovakha, E. I. and Kronik, A. A. (1984) *Psikhologicheskoe vremia lichnosti [A person's psychological time]*. Kiev, Naukova dumka. 209 p. (In Russ.).
- Ezhov, O. N. (2005) Paradigma zhiznennogo puti v zarubezhnoi sotsiologii [Life course paradigm in Western sociology]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 8, no. 3, pp. 22–33. (In Russ.).
- Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2008) Stanovlenie i razvitie otechestvennoi sotsiologii molodezhi [Formation and development of Russian sociology of youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7 (291), pp. 108–117. (In Russ.).
- Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2018) Smyslozhiznennye tsennosti v kul'turnom prostranstve rossiiskoi molodezhi [Life values in the cultural space of the Russian youth]. *Research Result. Sociology and Management*, vol. 4, no. 3, pp. 3–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1>

Kovalenko, A. M. (2018) Diskursivnoe pole sotsiologicheskogo issledovaniia rossiiskoi molodezhi i ee tsennosti v novoi sotsial'noi real'nosti [Discursive field of social research of the Russian youth and its values in new social reality]. *Humanities of the South of Russia*, vol. 7, no. 2, pp. 73–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.2.6>

Kon, I. S. (1978) Vozrastnye kategorii v naukakh o cheloveke i obshchestve [Age categories in the sciences of man and society]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 76–86. (In Russ.).

Konstantinovskii, D. L., Voznesenskaia, E. D., Cherednichenko, G. A. and Khokhlushkina, F. A. (2011) *Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodezhi: 1998–2008 gody* [Education and youth's life paths: 1998–2008]. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing. 296 p. (In Russ.).

Kronik, A. A. (1981) K voprosu o diagnostike «psikhologicheskogo vozrasta» lichnosti [To the question of diagnostics of the “psychological age” of personality]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty formirovaniia lichnosti v uchebno-vospitatel'nom protsesse* [Psychological and pedagogical aspects of personality formation in the educational process] / ed. by S. D. Maksimenko. Kiev, Research Institute of Psychology of the Ministry of Education of the Ukrainian SSR. 238 p. Pp. 15–16. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia* [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 320 p. (In Russ.).

Kuular, S. V. (2022) Izuchenie tsennostnykh orientatsii tuvinskoii molodezhi [Studying value orientations of Tuvan youth]. *Modern Problems of Science and Education*, no. 2. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.31529>

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Sotsiologiia molodezhi Tuvy [Sociology of youth in Tuva]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 340–348. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30>

Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvinskaia etnichnost' i sotsium v etnosotsiologicheskikh i antropologicheskikh issledovaniiaakh [Tuva ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.).

Leontiev, D. A. (2000) *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Life sense orientation test (LSO)]. 2nd ed. Moscow, Smysl. 18 p. (In Russ.).

Lisovskii, V. T. (2000) *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [Spiritual world and value orientations of the youth in Russia]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. 508 p. (In Russ.).

Molodezh' Tuvy. Sotsial'nyi portret [The youth of Tuva: A social portrait] (1988) / Z. V. Anaiban, V. S. Zolototrubov, V. A. Kochergin et al. ; ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 194 p. (In Russ.).

Nuttin, J. (2008) *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, planning, and action] / transl. from English by E. Yu. Patiaeva et al. ; ed. by D. A. Leontiev. Moscow, Smysl. 608 p. (In Russ.).

Osipova, L. B. and Enveri, L. A. (2016) Zhiznennye strategii molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniia [Life strategies of young people: Sociological research experience]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 4, pp. 108–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>

Persidskaia, O. A. (2019) Rol' tsennostnykh orientatsii molodykh tuvintsev v prostranstvennom razvitii Respubliki Tyva [The role of value orientations of young Tuvans in the spatial development of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>

Popkov, Yu. V. (2021) Identichnost', sotsiokul'turnyi potentsial, tsennostnye orientatsii i otsenka perspektiv tsivilizatsionnogo budushchego u tuvinskikh i russkikh studentov Sibiri [Identity, socio-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects of the civilizational future among Tuvan and Russian students in Siberia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 217–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>

Ralnikova, I. A. (2019) Psikhologicheskoe zdorov'e i zhiznennye perspektivy lichnosti [Psychological health and life prospects of a person]. *Health, Physical Culture and Sports*, vol. 4, no. 15, pp. 121–126. (In Russ.).

Suzukey, V. Yu. (2009) Prostranstvo i vremya v traditsionnoi kul'ture tuvincev [Space and time in traditional culture of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250–267. (In Russ.).

Elder, Jr. G. H. (1995) The life course paradigm: Social change and individual development. In: *Examining lives in context: Perspectives on the ecology of human development*. / ed. by P. Moen, G. H. Elder, Jr. and K. Lüscher. Washington, DC, American Psychological Association. xx, 708 p. Pp. 101–139.

Fraisse, P. (1957) *Psychologie du temps*. Paris, Presses Universitaires de France. 326 p.

Frank, L. K. (1948) *Society as the patient: Essays on culture and personality*. Piscataway, NJ, Rutgers University Press. 395 p.

Hofstede, G. (2011) Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*, vol. 2, no. 1, pp. 2307–0919. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

Hutchison, E. D. (2019) An update on the relevance of the life course perspective for social work. *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*, vol. 100, no. 4, pp. 351–366. DOI: <https://doi.org/10.1177/1044389419873240>

Inglehart, R. L. (2003) *Human values and social change: Findings from the values surveys*. New York, Brill Academic. x, 285 p.

Leung, K. Z. (2017) Contemporary youth identity in the Republic of Tuva, Russia. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 49–65. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3>

Nuttin, J. and Lens, W. (1985) *Future time perspective and motivations: Theory and research method*. Leuven, Belgium, Leuven University Press. 235 p.

Rokeach, M. (1973) *The nature of human values*. New York, Free Press. x, 438 p.

Schwartz, S. H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, vol. 25, pp. 1–65. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

Submission date: 11.08.2022.

Acceptance date: 08.09.2022.

Нейросемантические характеристики употребительных слов тувинского языка через призму комплексного психолингвистического эксперимента

Анастасия В. Колмогорова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация,
Айдысмаа А. Натпит

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье описываются нейросемантические характеристики 73 употребительных в устной речи тувинцев существительных, из которых 55 — слова тувинского языка, 18 — русского. Материал для подобного описания получен в 2021–2022 гг. в ходе психолингвистического эксперимента со 150 тувинско-русскими билингвами, средний возраст которых составил 22,6 года. Выделены пять групп стимулов-существительных: культурно-значимые слова (названия ритуалов и их элементов, натурфактов, имеющих высокую символическую нагрузку в традиционной картине мира, термины родства); зоонимы; названия бытовых объектов на тувинском языке, названия бытовых объектов на русском языке, лексика повседневной сферы.

Проблема исследования находится в поле совместных поисков когнитивной лингвистики, нейросемантики и афазиологии. Речь идет о поисках нейронного коррелята того, что в традиционной лингвистике называется значением слова. Согласно нейросемантической концепции Ф. Пульвермюллера, такой коррелят представляет собой распределенную структуру нейронов, которые, активируясь, совместно позволяют языковой личности получить «ощущение» слова и обеспечивают понимание.

Для проведения эксперимента авторы воспользовались хорошо апробированной в перцептивной семантике методологией выявления таких психолингвистических параметров слов, как: субъективная частотность, возраст усвоения, представимость, знакомство с концептом. Впервые на материале тувинского языка установлено, для каких групп слов существенными являются те или иные психолингвистические параметры, с какими нейросемантическими характеристиками слов они соотносятся (сенсомоторный опыт, визуальное восприятие, опыт взаимодействия со словом).

Предложены гипотезы относительно факторов, влияющих на выявленные характеристики слов; установлены слова, нейронные корреляты которых имеют самые сильные связи. Выявлено, что для культурно-значимых слов относительно высоким по значениям и наиболее сильным по влиянию на другие параметры оказался параметр «знакомство с концептом», для зоонимов — «представимость», для повседневной лексики — «субъективная частотность», которая сильно

коррелирует с «возрастом усвоения», для названий бытовых предметов на тувинском — «знакомство с концептом», а на русском — наибольшее влияние на другие параметры оказала субъективная частотность.

Рефлексия информантов показала, что бытовая сфера в наибольшей степени затронута конкуренцией слов родного и неродного языков — здесь тувинские слова имеют самые низкие значения психолингвистических параметров.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент; нейросемантика; психолингвистический параметр слов; употребительная лексика; тувинцы; тувинский язык; тувинско-русский билингвизм

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта главы-председателя Правительства Республики Тыва для поддержки молодых ученых РТ в 2021–2022 годах.

Для цитирования:

Колмогорова А. В., Натпит А. А. Нейросемантические характеристики употребительных слов тувинского языка через призму комплексного психолингвистического эксперимента // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.10>

Колмогорова Анастасия Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Санкт-Петербургской Школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 190121, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123.

Эл. адрес: akolmogorova@hse.ru

Натпит Айдысмаа Андреевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета. Адрес: 667001, Россия, г. Кызыл, ул. Подгорная, д. 24. Эл. адрес: aiemmoon@mail.ru

PHILOLOGY

Article

Neurosemantic characteristics of common words in the Tuvan language through the prism of a complex psycholinguistic experiment

Anastasia V. Kolmogorova

National Research University – Higher School of Economics, Russian Federation,

Aidysmaa A. Natpit

Tuvan State University, Russian Federation

The purpose of the study is to describe the neurosemantic characteristics of 73 nouns used in the oral speech of the Tuvans: 55 are words of the Tuvan language, 18 are from Russian. We obtained the word list in a psycholinguistic experiment with 150 Tuvan-Russian bilinguals whose average age was 22.6 years. Five groups of noun stimuli were identified: culturally significant words (names of rituals and their elements, natural objects with a high symbolic load in the traditional worldview, kinship terms); zoonyms; names of household objects in Tuvan, names of household objects in Russian, and vocabulary of the everyday.

The research problem lies in the field of joint inquiries of cognitive linguistics, neurosemantics and aphasiology. It is a case of searching for a neural correlate that is called the meaning of a word in traditional linguistics. According to F. Pulvermüller's neurosemantic conception, such a correlate is a distributed structure of neurons. In being activated, they allow a person to get a "feeling" of a word and provide understanding.

In order to conduct the experiment, we used a methodology already well-tested in perceptual semantics to identify such psycholinguistic properties of words as subjective frequency, age of acquisition, imageability, familiarity with a concept. The novelty of the work is that for the first time using the Tuvan language material we have found out which groups of words different psycholinguistic properties are essential for and which neurosemantic characteristics of words they correlate with (sensorimotor experience, visual perception, experience of engagement with a word).

We hypothesize about factors affecting the identified characteristics of words and specify words that have neural correlates with the strongest connections. It has been found out that in case of culturally significant words the property "familiarity with a concept" turns out to be relatively high in value and the strongest in influence on other properties; in case of zoonyms it is "imageability"; in case of everyday vocabulary it is "subjective frequency" which strongly correlates with the "age of acquisition". It is "familiarity with a concept" in case of names of household items in Tuvan. The subjective frequency has the greatest influence on other properties in Russian.

The reflection of the informants has shown that the household sphere is most affected by the competition between words of the native and non-native languages. Those Tuvan words which are most deeply influenced by this competition have the lowest values of psycholinguistic properties.

Keywords: psycholinguistic experiment; neurosemantics; psycholinguistic properties of words; usual vocabulary; Tuvan language; Tuvan-Russian bilingualism

Financing

The research was carried out with financial support for young researchers of the Republic of Tuva in 2021–2022 granted by the Head-Chairman of the Government of the Republic of Tuva.

For citation:

Kolmogorova A. V. and Natpit A. A. Neurosemanticheskie kharakteristiki upotrebitel'nykh slov tuvinskogo iazyka cherez prizmu kompleksnogo psikholingvisticheskogo eksperimenta [Neurosemantic characteristics of common words in the Tuvan language through the prism of a complex psycholinguistic experiment]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 170–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.10>

hse.ru

KOLMOGOROVA, Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Philology, St. Petersburg School of Arts and Humanities, National Research University – Higher School of Economics (HSE University). Postal address: 123 Naberezhnaya Kanala Griboedova, 190121 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: akolmogorova@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-6425-2050

NATPIT, Aidysmaa Andreevna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Tuvan State University. Postal address: 24 Podgornaya St., 667001 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: aiemmoon@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8066-7654

Введение

Данная публикация посвящена проблеме изучения свойств слов родного языка в когнитивной системе тувинско-русских билингвов.

Феномен билингвизма приобретает все большую важность в современных социолингвистических и когнитивных исследованиях как зарубежных, так и отечественных исследователей. Закономерности сосуществования разных языков в одном языковом сознании и социальные факторы, способные видоизменять их стали предметом пристального внимания целого ряда наук и научных направлений: эколингвистики, нейро- и психолингвистики, когнитивных наук.

Цель нашего проекта состоит в том, чтобы исследовать нейросемантические свойства употребительных слов тувинского языка и составить выборку тех из них, для которых в когнитивной реальности современных билингвальных тувинцев имеются устойчивые нейронные связи.

В данной статье мы рассмотрим результаты комплексной экспериментальной работы, проведенной нами в трех группах носителей тувинского языка в 2021–2022 гг. По результатам применения опросника «Билингвальный языковой профиль» Д. Бёдсонга и коллег¹ в группу информантов были отобраны лишь те носители, для которых характерно паритетное использование тувинского и русского языков — сбалансированные билингвы.

Первые две группы привлекались для формирования списка стимульного материала: 10 билингвов (Mean age=33,2; у 3 респондентов образование высшее, у 6 — незаконченное высшее, у 1 — среднее специальное; 2 респондента — мужчины, 8 — женщины) и 50 тувинско-русских билингвов (Mean age=33,4; 16 мужчин и 34 женщины, в возрастном диапазоне 17–65 лет). Третья группа состояла из 150 информантов, тувинско-русских билингвов (Mean age=22,6 года, 70 мужчин и 80 женщин, 110 человек — с высшим образованием, 14 — со средним общим, 26 — со средним специальным). Информанты данной группы привлекались для оценивания психолингвистических параметров словесных стимулов, отобранных в результате проведения двух первых экспериментов.

Нейросемантический поход к значению слова

Нейросемантика — относительно новое направление в исследованиях значения слова. Его исходная посылка состоит в том, что каждое звучащее или написанное слово потому и является словом, что способно активировать уникальную конфигурацию нейронов в разных участках головного мозга, которые в совокупности своих связей формируют когнитивную репрезентацию, становящуюся нейронным коррелятом того, что в лингвистике принято называть значением (Patterson, Nestor, Rogers, 2007).

Если, согласно локальной теории, подобные нейронные конфигурации затрагивают близлежащие участки кортекса (Collins, Loftus, 1975), то, по мнению сторонников холистической теории, задействованы в той или иной мере оказываются все участки (Waxman, Booth, 2000). Однако в работах Ф. Пульвермюллера и коллег было убедительно показано, что следует говорить, скорее, о некоей распределенной конфигурации точек нейронной активации: нейронный коррелят слова «рыба», например, объединяет нейронные следы, хранящие информацию о форме, цвете, вкусе, запахе соответствующего референта (Pulvermüller, 2013: 459). Они объединены в единую цепочку кортикальных связей, которая может затрагивать разные регионы коры.

Сила связи нейронов в таком корреляте «значения слова» зависит от того, насколько часто, относительно других их активаций в иных цепочках, они активируются вместе под влиянием словесного стимула. Для того, чтобы узнать, насколько сильна связь между нейронными коррелятами значения того или иного слова, мы можем прибегнуть к нескольким способам: а) использовать данные фМРТ² в нейросемантическом эксперименте (Pulvermüller, 2002); б) организовать поведенческий эксперимент в парадигме e-prime и понаблюдать за временем когнитивной обработки слова информантом при одновременном предъявлении ему соответствующих или противоречащих семантике слова аудиаль-

¹ Birdsong, D., Gertken, L. M., Amengual, M. (2012) Bilingual Language Profile: An Easy-to-Use Instrument to Assess Bilingualism [Электронный ресурс] // COERLL, University of Texas at Austin. Web. 20 Jan. 2012. URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> (дата обращения: 26.04.2022).

² Функциональная магнитно-резонансная томография.

ных или визуальных стимулов (Некрасова, 2016); в) измерить ряд психолингвистических параметров слова в ходе психолингвистического эксперимента (например, субъективная частотность слова, знакомство с концептом, возраст усвоения) (Akinina et al., 2015).

У каждого из этих способов есть свои преимущества и ограничения: первый способ позволяет получить непосредственные данные в виде визуализации. Например, в работе М. Кифера и Ф. Пюльвермюллера (Kiefer, Pulvermüller, 2012: 812) представлены изображения коры головного мозга, где при помощи цветowych маркеров показаны корреляция нейронных связей в коре головного мозга при восприятии слов с семантикой движения и при совершении соответствующих действий. Цветовые маркеры позволяют увидеть, что данные зоны активации на левом и правом изображениях во многом совпадают, и это доказывает связь, существующую между словом и сенсомоторным опытом человека. Однако при всей иллюстративности получаемых результатов, использование фМРТ не дает возможности обработать большую выборку слов и требует дорогостоящего оборудования.

Используя второй способ, мы можем получить только косвенные данные (чем меньше становится время реакции респондента на слово при одновременном предъявлении соответствующего его семантике стимула в иной модальности, тем крепче нейронная связь), и нам также потребуется специальное оборудование. В третьем случае данные также будут косвенными (например, чем выше значения представимости, тем больше вовлечены структуры коры, ответственные за зрительное восприятие), но нам не потребуется специальное оборудование, и мы можем охватить репрезентативную выборку информантов и значительную по объему коллекцию слов. Именно этот путь мы выбрали в нашем исследовании.

Психолингвистические параметры слова как источник косвенных данные о нейросемантических характеристиках слов

Психолингвистические или когнитивные параметры слова (*psycholinguistic properties of words*) — это некоторые устанавливаемые экспериментальным путем свойства слова как объекта нейросемантики. Ряд из них еще называют свойствами перцептивной семантики слова (например, свойство представимости) (Miklashevsky, 2018).

Охарактеризуем подробнее те из них, которым посвящена данная публикация.

1. Субъективная частотность слова. Хотя для многих языков существуют частотные словари, созданные путем обработки квантитативными методами большого корпуса письменных текстов, есть достаточно обширная критическая литература, поднимающая вопрос о том, насколько такая «объективная» частотность отражает реальное речепотребление носителей языка (Gilhooly, Logie, 1980; Gernsbacher, 1984). Субъективная частотность в этом смысле более экологичный параметр — она позволяет учесть реальные речевые практики, хотя и оцененные достаточно приблизительно. Сегодня ее значения используются в большом числе современных нейросемантических исследований (Chedid et al., 2022; Speed, Brybaert, 2022). Инструкция для измерения субъективной частотности была впервые предложена в работе Д. Балоты и коллег (Balota, Pilotti, Cortese, 2001). Мы использовали ее модифицированную версию: поставьте 1, если вы никогда не слышали, не писали, не говорили это слово; 2 — если слышали, читали, писали, говорили это слово хотя бы 1 раз в год; 3 — хотя 1 раз в месяц; 4 — 1 раз в день; 5 — несколько раз в день.

Для слов тувинского языка этот параметр тем более важен, что частотного словаря общенационального языка пока нет.

2. Другой интересующий нас параметр — представимость — базируется в основном на визуальном восприятии объекта, номинируемого словом (Connell, Lynott, 2012). Информанту предлагается по шкале от 1 до 5 оценить, насколько легко себе представить то, что обозначает данное слово. Значения представимости отражают силу нейронной связи слова с визуальной модальностью — с образом денотата.

3. Следующий параметр — возраст усвоения. Утверждение о том, что «чем раньше слово усвоено, тем быстрее оно обрабатывается мозгом» (Zevin, 2009: 519), стало классикой нейролингвистики. Т. В. Ахутина (Ахутина, 2014) объясняет эту зависимость тем, что рано усвоенные слова, будучи локализованы в ядре ментального лексикона, становятся своего рода посредниками для установления связи между словами, находящимися на периферии. Для выявления данного параметра мы предла-

гали информантам отметить один из периодов, в который он узнал данное слово: 1 — 1–3 года; 2 — 4–6 лет; 3 — 7–9 лет; 4 — 10–12 лет; 5 — после 12 лет.

4. Наконец, последний из параметров — знакомство с концептом. Концепты в данном случае понимаются в нейросемантическом смысле как «гибкие, зависящие от когнитивного опыта и основанные на данных, получаемых мозгом в разных модальностях, ментальные репрезентации, распределенные между сенсорными и моторными системами» (Kiefer, Pulvermüller, 2012: 817). Ведущим фактором формирования такой репрезентации является сенсомоторный опыт взаимодействия с объектом. Таким образом, мы предъявляли информантам рисунок, изображающий объект, называемый словом, и просили оценить по шкале от 1 до 5, насколько им знаком объект на рисунке.

Отметим, что все данные параметры впервые оцениваются на выборке тувинских слов. Как мы далее постараемся показать, несмотря на то, что они отражают когнитивную реальность носителей языка конкретной когорты (средний возраст 22,6 года), косвенно значения данных параметров обусловлены многими экстралингвистическими факторами. Так, возраст усвоения слова и его субъективная частотность во многом обусловлены языковой политикой, проводимой на территории Республики Тыва, субъективным отношением к родному языку в лингвокультурном коллективе, коммуникативной силой русского языка, распространенностью тех или иных социо-речевых практик и т. д. Знакомство с концептом и представимость чрезвычайно чувствительны к изменениям в практиках повседневной жизни, в укладе, традиционном ведении хозяйства и т. д.

Материал, методы и дизайн экспериментальной работы

Хотя в рамках проводимой работы мы получили оценки параметров 120 слов тувинского языка (существительных и глаголов), материалом для настоящей публикации послужили данные о значениях психолингвистических параметров (ПП) 55 существительных тувинского языка, а также 18 слов русского языка, активно используемых информантами в речи на тувинском.

Основную проблему составила процедура подбора стимульного материала. Мы решили выделить несколько групп именной лексики:

- бытовая лексика — названия предметов быта и повседневного обихода (посуда, утварь, элементы помещения);
- повседневная лексика — имена реалий, составляющих повседневную жизнь (имена натурфактов, частей тела, профессий);
- названия животных (диких и домашних);
- культурно-значимая лексика — названия сакральных объектов, ритуалов, национальных традиций, натурфактов, имеющих как повседневное значение, так и символическое — в народной культуре и верованиях.

Такой выбор лексических единиц неслучаен.

В литературе по перцептивной семантике и нейросемантике традиционно отмечается принципиально разный статус названий животных и названий инструментов и приспособлений (*tools*) (Damasio et al., 1996; Pulvermüller, 1999): первые связаны с визуальным восприятием, вторые — с сенсомоторным. Вместо категории инструментов мы взяли группу имен бытовых объектов, поскольку они связаны с моторной активностью. Символическая составляющая культурно-значимых слов, их связь с эмоциями и культурной памятью также рассматривались нами как важный нейросемантический фактор.

Для наполнения выделенных групп конкретными лексическими единицами-стимулами нашего будущего эксперимента нам потребовалось провести ряд предварительных экспериментов, поскольку на сегодняшний момент существует лишь несколько лексикографических источников по тувинскому языку, в которых отражен ограниченный круг лексем литературного языка, а нам требовались слова бытовой и повседневной направленности.

Первый предварительный эксперимент включал в себя нарративные интервью с 10 носителями тувинского языка, основные характеристики которых представлены во введении.

После нескольких контактоустанавливающих реплик респондентам на тувинском языке были заданы вопросы подобного характера:

- *Бөгүн каш шакта оттуп келдиңер?* ‘Во сколько вы сегодня встали утром?’;
- *Чүнү канчап турдуңар бөгүн?* ‘Что делаете в течение дня?’;

- *Даң-бажында оттуп келгеш, чүнү чип алдыңар? ‘Что едите на завтрак?’*,
- *Чүү-биле ажылдаар чериңерже чедип келдиңер? ‘На чем добираетесь до места работы/учебы’*,
- *Чурттап олулар бажыңыңар дугайында чугаалап бээр силер бе? Кирип кээрге, чүү бар? Кандыг херекселдер бар? Кайда турар? ‘Расскажите о своем доме? Что есть, когда заходите? Какие вещи есть? Как стоят?’ и т. д.*

Респондентов просили подробно рассказать об их обычном дне, а также описать комнату / квартиру / дом. Каждое интервью в целом длилось 15–20 минут. На основе корпусного анализа скриптов интервью был создан частотный список тувинских существительных.

В ходе второго предварительного эксперимента 50 носителям тувинского языка на тувинском языке были заданы 4 вопроса:

- 1) *Эр/кыс* (ваш пол);
- 2) *Назы (хар)* ‘возраст’;
- 3) *Кайы чүве адын эң көвей ажыглаар силер хүнде?* ‘Какое слово-существительное Вы чаще всего употребляете в речи?’;
- 4) *Хүнүнне бо-ла ажыглаар 5 чүве аттарын бижир. Хүнде каш каттап ажыглаар силер ол чүве адын база айтып калыңар (Чижээ: сандай — 2–3 каттап)* ‘Запишите 5 слов-существительных, которые Вы часто используете в речи, уточнив сколько раз в день Вы их употребляете? Например, 2–3 раза’.

На основе результатов данного эксперимента также был составлен частотный список слов.

Слова, совпавшие в частотных списках по результатам первого и второго экспериментов, составили основу списка слов-стимулов (существительных) для дальнейшей работы с информантами: 30 слов, обозначающих предметы быта (12 на тувинском языке и 18 — на русском), реалии повседневной жизни (14). Список из 14 стимулов-имен животных был составлен по учебникам тувинского языка, частично дополнен по материалам экспериментов. 29 существительных были взяты из списка культурно-значимых для тувинцев слов тувинского языка, выявленного в результате ассоциативного эксперимента в работе Ч. С. Цыбеновой (Цыбенова, 2013). Для того, чтобы измерить ПП «знакомство с концептом», мы отобрали стимулы для каждого слова из БД для русского языка «Существительное и объект» (Акинина и др., 2014), частично — сгенерировали их самостоятельно на основании соответствующих рисунков, находящихся в свободном доступе в сети Интернет, которые были скорректированы по параметрам цветопередачи и размера для максимального соответствия изображениям из БД.

Процедура эксперимента проходила в смешанной форме: экспериментатор находился на видеосвязи с информантом в течение всего времени, пока информант отвечал на опросник, направленный на оценку ПП и расположенный на платформе *Google forms*. В среднем, на оценку пула из 73 слов и рисунков к ним у информанта уходило 112,7 минут.

Основными методами исследования послужили метод когнитивного эксперимента, интервью, методы статистической обработки данных, описательный метод, элементы лингвокультурологического анализа.

Результаты и обсуждение

Сначала рассмотрим значения ПП, полученные по каждой из групп лексических единиц, дадим нашим наблюдениям лингвокультурологический комментарий, а затем представим применения статистических мер к значениям ПП в разных группах, в том числе — проведем коррелятивный анализ.

Культурно-значимые слова. Полученные данные свидетельствуют о том, что самыми высокими значениями ПП «Субъективная частотность» ($\geq 3,9$) обладают лексемы, сочетающие в себе профанное и сакральное значения: *дээр* ‘небо’, *өг-бүлө* ‘семья’, *сүт* ‘молоко’, *ие* ‘мать’, *даг* ‘гора’, *Тыва*. При этом альтернатива значений происходит под влиянием типа дискурса и коммуникативной ситуации: связанной с культурной, национальной самоидентификацией, ритуалами или, наоборот, имеющей отношение к повседневной жизни.

В интервал «средней» частотности между 3,8 и 3 попадают слова (в порядке убывания частотности): *сылдыс* ‘звезда’, *артыш* ‘можжевелник’, *ада* ‘отец’, *алдың* ‘золото’, *одаг* ‘костер’, *хүреш* ‘национальная борьба’, *лама* ‘буддистский монах’, *арга* ‘лес’, *хем* ‘река’, *хөөмей* ‘горловое пение’, *чодураа* ‘черемуха’, *кадак* ‘лента для подношений’, *хөл* ‘озеро’, *чинчи* ‘бусы’, *кадарчы* ‘пастух’.

Таким образом, в группы высокочастотных слов и слов средней частотности попадают либо номинации, имеющие уже упоминавшуюся способность к семантической альтернации (термины родства, элементы окружающей природы, в том числе ландшафта, небесные светила), либо элементы традиционной культуры, ставшие символом национально-культурной идентичности в публичном пространстве, имеющие «символическую мощность» (Биткеева, 2022) (национальная борьба, горловое пение, традиция использовать для подношения ритуальные ленты).

В интервал от 2,9 до 2,6 — слова: *дыт* ‘лиственница’, *өг* ‘юрта’, *арт* ‘перевал’, *чылгы* ‘табун’, *хевис* ‘ковер’.

Самые низкие значения ($\leq 2,5$) — лексемы *суруг мал* ‘отара’ и *хам* ‘шаман’.

Иными словами, в группе редких и малочастотных слов оказались лексемы, связанные с важными сакральными практиками (*хам*) или со скотоводческим бытом (*өг*, *чылгы*, *хевис*, *суруг мал*).

Дальнейшее сопоставление значений частотности со значениями представимости и знакомства с концептом (рис. 1) продемонстрировало, что они коррелируют: наиболее представимые слова с высоким уровнем знакомства с концептом (*дээр* — 4,7, *даг* — 4,6, *хүреш* — 4,6) — это высоко- или среднечастотные слова, а наименее представимые (*суруг мал* — 3,4, *хевис* — 3,4) — низкочастотные слова. Но респонденты, в общем, довольно низко оценивая частотность слов, при этом высоко оценивают представимость их денотата и еще выше — знакомство с референтом слова (табл. 1). Прежде всего, это касается номинаций предметов или феноменов, связанных с сакральными практиками (рис. 2).

Так, лексема *хам* имеет низкие показатели частотности и представимости, но достаточно высокие — знакомства с концептом, т. е. слово используется редко, представить шамана нелегко, но, с другой стороны, перцептивно — это достаточно хорошо знакомая реалья. Таким образом, мы можем наблюдать в отношении категории культовой сакральности некую практику *silent language*, сакральной тишины, предполагающую намеренную неноминативность культурно важных объектов: слова используются редко, но объекты представляются хорошо, и они знакомы.

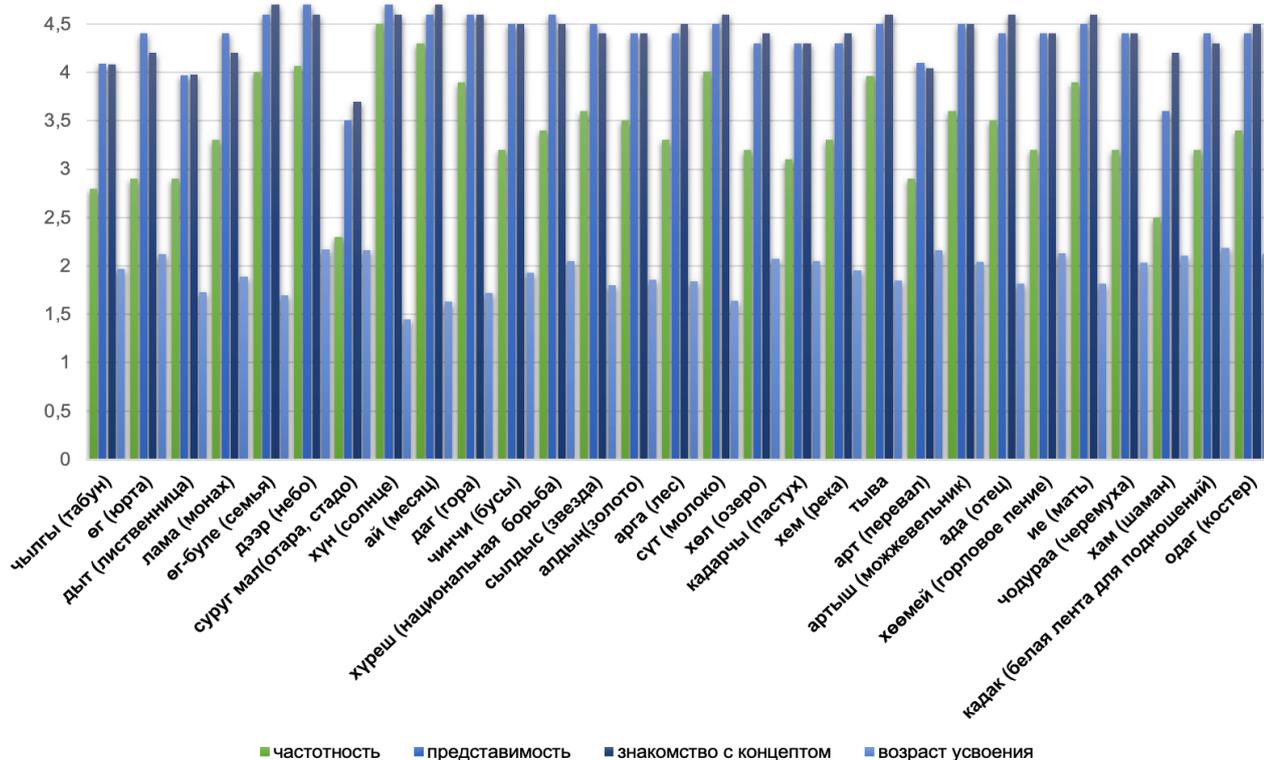

Рисунок 1. Распределение средних значений четырех ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом, возраст усвоения) для каждого слова в группе культурно-значимых слов.
 Fig. 1. Distribution of the mean values of four psycholinguistic properties (subjective frequency, imageability, familiarity with a concept, age of acquisition) for each word from the group of culturally relevant words.

Параметр «возраст усвоения» демонстрирует те же тенденции: лексемы с семантической альтернативой усваиваются раньше других слов из данной группы, а слова, имеющие отношение к кочевому образу жизни, скотоводческому быту, а также к культовым практикам — позже всех.

Зоонимы. Мы можем наблюдать, что, в общем, все слова группы были достаточно рано усвоены (1,8-1,9 года), исключение составляют лексемы *сарлык* ‘як’ — 2,13 и *теве* ‘верблюд’ — 2,03. Максималь-

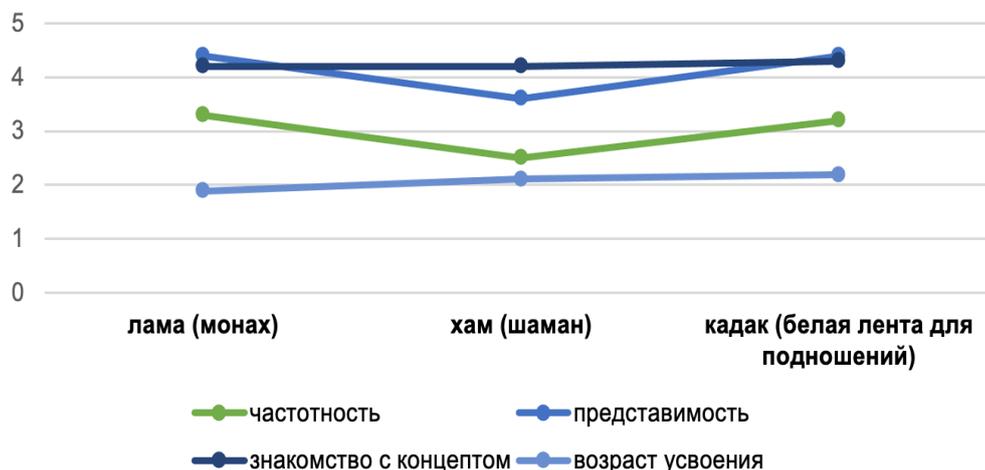

Рисунок 2. Распределение средних значений четырех ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом, возраст усвоения) для четырех лексем, связанных с ритуалами.

Fig. 2. Distribution of the mean values of four psycholinguistic properties (subjective frequency, imageability, familiarity with a concept, age of acquisition) for words related to rituals.

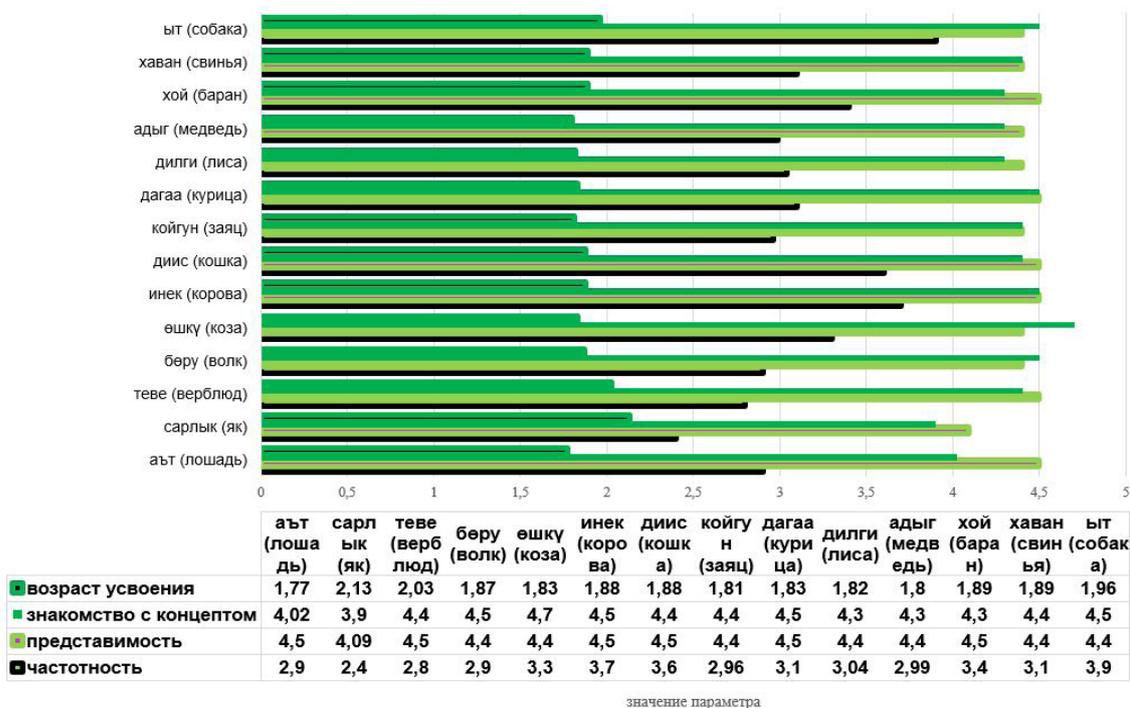

Рисунок 3. Распределение средних значений четырех ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом, возраст усвоения) для каждого слова в группе зоонимов.

Fig. 3. Distribution of the mean values of four psycholinguistic properties (subjective frequency, imageability, familiarity with a concept, age of acquisition) for each word from the group of zoonyms.

ное в данной группе значение представимости 4,5 характерно как для слова *теве* 'верблюд', так и для слов *инек* 'корова', *аът* 'лошадь', *диис* 'кошка', *дагаа* 'курица' (рис. 3).

В нарративных интервью после прохождения опроса наши информанты также отмечали, что все животные хорошо ими представляются даже больше не потому, что они часто видели их в реальной жизни (большинство как раз — нет), а потому, что они часто и очень красочно изображались в детских книжках, их рисунки часто попадают в Интернете, используются, в частности, в качестве основы для мемов. Иными словами, здесь мы наблюдаем семиотически опосредованную связь с визуальным формированием ярких образов денотатов слов — в их основе лежит не только восприятие реальных животных, но и их «обработанных культурой» аналогов (изображений на книжных иллюстрациях, в интернет-публикациях).

Интересно, что подобная опосредованность нейросемантики культурными практиками наблюдается и при анализе слов по параметру «знакомство с концептом»:

— «самыми знакомыми» (4,5) являются *ошкү* 'коза', *бөрү* 'волк', *инек* 'корова', *дагаа* 'курица', *ыт* 'собака';

— «знакомыми» (4,4–4,3) — *хаван* 'свинья', *койгун* 'заяц', *диис* 'кошка', *теве* 'верблюд', *хой* 'баран', *адыг* 'медведь', *идилги* 'лиса';

— «малознакомыми» (4,2–3,8) — *аът* 'лошадь', *сарлык* 'як'.

В группу хорошо знакомых попадают животные, которых обычно держат на мелких подворьях, и это понятно, однако сюда же попадает лексема *бөрү* 'волк' — видимо, потому, что волк является излюбленным персонажем народных тувинских сказок и героем многочисленных пословиц («*Бөрүге хой кадартпа, чазыйга хымыш тудуспа*» 'Не давай волку овец пасти — не давай поварешки жадному', «*Ээзи чирткенинге хараадаар, бөрү артканынга хараадаар*» 'Хозяину жалко, что волк овцу задрал, а волку — что не все сожрал', «*Бөрү кырыза-даа, джи чидиг*» 'Волк старый, но клык — острый' и др.). Несмотря на то, что в реальной жизни не каждый встречался с волком в дикой природе, визуальное восприятие его культурных «симулякров» создает иллюзию обладания опытом непосредственного взаимодействия.

Обращает внимание тот факт, что *аът* 'лошадь' попадает в группу малознакомых концептов, наряду с *сарлык* 'як' — по-видимому, сказывается малая степень знакомства современного молодого поколения тувинцев со скотоводческим кочевым образом жизни.

Бытовая лексика. Отметим, что во время предварительных экспериментов по сбору употребительных слов тувинского языка мы обнаружили, что, описывая свою квартиру, информанты, говоря на тувинском языке, используют для номинации элементов жилища и в том числе — бытовых предметов слова русского языка, например, *стол, шкаф, плита: Бажыңче кирип кээрге, кухня, спальня, зал бар. Кухняда стол, плита, сандайлар бар. Спальняже кире бээрге орун, стол, сандай шкаф бар.*

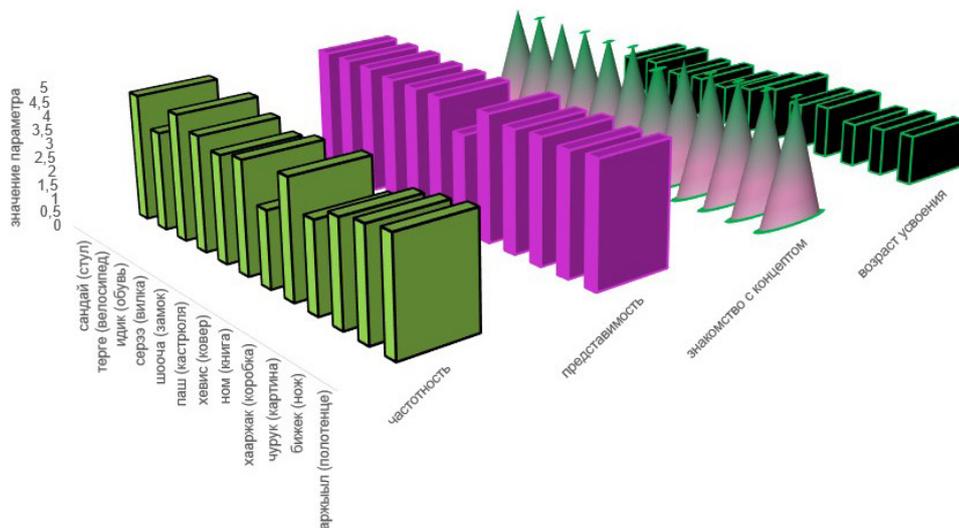
Нам это показалось важным в контексте билингвальной языковой ситуации, поэтому для данной группы мы рассмотрим отдельно параметры сначала тувинских слов (рис. 4), затем — русских (рис. 5).

Значения параметров «знакомство с концептом» и «представимость» являются очень высокими у всех слов — не ниже 4,4, за исключением лексемы *хевис* 'ковёр'. Как показали наши дальнейшие эксперименты с параметром «устойчивость номинации», видя изображение этого объекта, информанты в большинстве случаев называли его русскими словами *ковёр* или *дорожка*, не используя слово *хевис*. По-видимому, оно сильно конкурирует с русскоязычными словами, поэтому все его параметры имеют низкие значения. Аналогичную ситуацию мы отметили и для лексемы *хааржак* 'коробка', которая, по словам наших информантов, чаще встречается им в речи в значении 'гроб' («*Хааржаан үндүрген бе?*» 'Гроб уже вынесли?'), поэтому оно малочастотно, а в значении 'коробка' чаще употребляется соответствующее русское слово.

В целом, значения частотности значительно сильнее отличаются: слова *сандай, идик, паш, ном* и *аржыыл* имеют самые высокие частоты, а лексемы *терге, шооча, хааржак* и *чурук* — низкие в связи с тем же фактором конкуренции с русскими словами. Слова усвоены в целом довольно рано — от 1,54 до 1,95 года, исключение — уже упоминавшаяся лексема *хевис*.

Что касается русских слов (рис. 5), бытующих в речи тувинцев на родном языке, то у них средние значения по группе для ПП «субъективная частотность», «знакомство с концептом» и «представимость» не ниже, чем у тувинских (табл. 1), но значения ПП «возраст усвоения» значительно выше.

Повседневная лексика. В группу лексем повседневной лексики мы включили имена профессий, фонтонимы, соматизмы и т. д.

	сандай (стул)	терге (велосипед)	идик (обувь)	серээ (вилка)	шооча (замок)	паш (кастрюля)	хевис (ковёр)	ном (книга)	хааржак (коробка)	чурук (картина)	бижек (нож)	аржыыл (полотенце)
■ частотность	4,5	3,5	4,5	4,1	3,8	4,01	2,7	4,2	3,2	3,7	3,9	4,05
■ представимость	4,6	4,6	4,6	4,5	4,5	4,5	3,5	4,6	4,4	4,5	4,4	4,5
■ знакомство с концептом	4,7	4,6	4,7	4,6	4,5	4,6	4,03	4,7	4,5	4,5	4,5	4,6
■ возраст усвоения	1,54	1,66	1,47	1,56	1,51	1,74	2,06	1,74	1,95	1,62	1,76	1,85

Рисунок 4. Распределение средних значений четырех ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом, возраст усвоения) для каждого слова в группе «бытовой лексики» на тувинском языке.
 Fig. 4. Distribution of the mean values of four psycholinguistic properties (subjective frequency, imageability, familiarity with a concept, age of acquisition) for each word from the group of names of household objects in Tuvan.

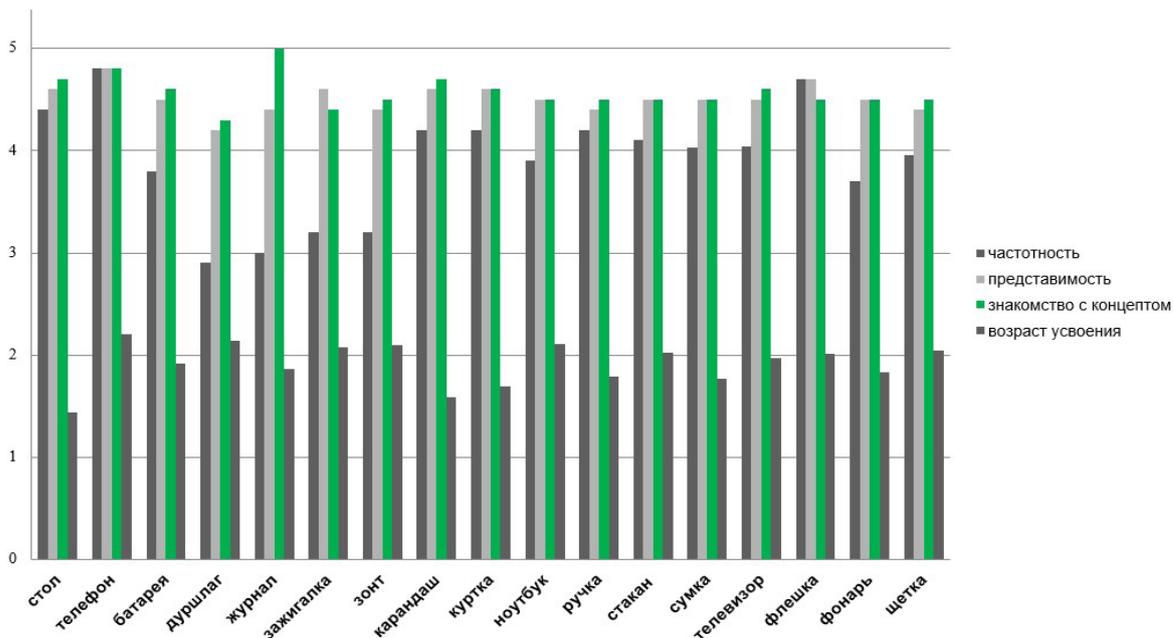

Рисунок 5. Распределение средних значений четырех ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом, возраст усвоения) для каждого слова из группы «бытовой лексики» на русском языке.
 Fig. 5. Distribution of the mean values of four psycholinguistic properties (subjective frequency, imageability, familiarity with a concept, age of acquisition) for each word from the group of names of household objects in Russian.

Наибольшими значениями частотности обладают лексемы *бажың* ‘дом’, *акша* ‘деньги’, *башкы* ‘учитель’, *эжик* ‘дверь’, *соңга* ‘окно’; наименьшими — *хадың* ‘береза’, *шиви* ‘ель’ (рис. 6). Очевидно, что элементы оседлого образа жизни (дом и его части) занимают все более важное место в когнитивной реальности молодых тувинцев, а вот мир природы уходит за пределы когнитивного фокуса. Наиболее представимыми являются *бажың* ‘дом’, *эмчи* ‘врач’, *чечек* ‘цветок’ и *акша* ‘деньги’, они же (и еще *башкы* и *орук*) имеют наиболее высокие значения ПП «знакомство с концептом». Наименее представимыми с низкими значениями ПП «знакомство с концептом» — *шиви* ‘ель’, *хадың* ‘береза’, *кадарчы* ‘пастух’. Большинство информантов отмечали, что в живой речи последнее слово никогда не слышали. Лишь один информант вспомнил, что в деревне слышал его в контексте: «*Кым богун кадарчы ирги?*» ‘Кто сегодня присматривает за скотом?’

Лексемы-лидеры по параметрам представимости и знакомства с концептом являются, как правило, рано усвоенными.

Интересно, что аутсайдеры этой группы по всем ПП, например, *шиви* ‘ель’, по нашим наблюдениям и рефлексиям информантов, активно вытесняются русскими словами. Так, информанты отмечали в устной беседе, что частотными в их речи являются фразы: *ёлканы эккээр* ‘сходить за ёлкой’, *ёлканы каастаар* ‘нарядить ёлку’; *Ёлка чаныңга тыттыржып аалыңарам че!* ‘Давайте сфотографируемся рядом с ёлкой!’

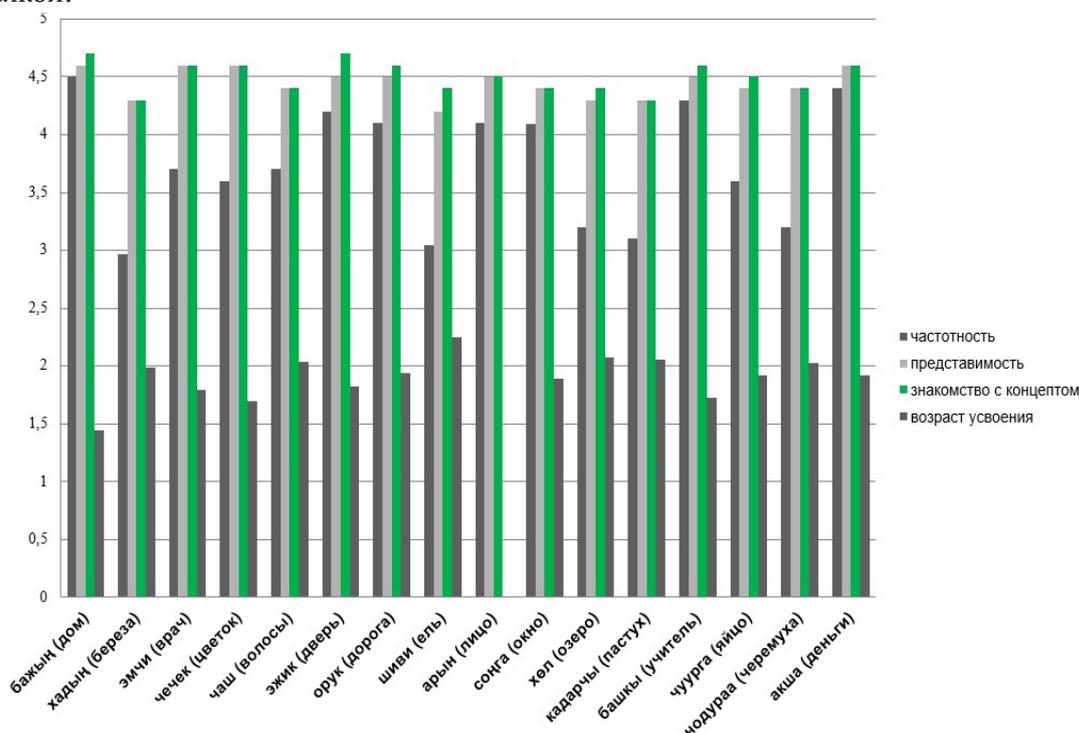

Рисунок 6. Распределение средних значений четырех ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом, возраст усвоения) для каждого слова в группе повседневных слов.

Fig. 6. Distribution of the mean values of four psycholinguistic properties (subjective frequency, imageability, familiarity with a concept, age of acquisition) for each word from the group of commonplace words.

Сравнение средних значений и значений медиан в каждой из групп по каждому параметру показывает, что по ПП «субъективная частотность» мы наблюдаем самые низкие значения в группах названий животных и культурнозначимых слов; самые высокие — в группе «бытовая лексика», при этом в группе бытовой лексики на тувинском языке — самое высокое значение стандартного отклонения по всей измеренной выборке, т. е. значения частотности у этих слов распределены очень неравномерно.

Таблица 1. Средние значения, значения медианы и стандартного отклонения по четырем ПП для каждой из групп лексики.

Table 1. Mean values, median values and standard deviation values for each of the five groups of words.

n/n	группа лексики	Частотность			Представимость			Знакомство с концептом			Возраст усвоения		
		mean	mediana	st.deviation	mean	mediana	st.deviation	mean	mediana	st.deviation	mean	mediana	st.deviation
1	Культурно-значимые слова	3,3	3,4	0,5	4,3	4,4	0,4	4,3	4,4	0,3	2	2,2	0,2
2	Зоонимы	3,1	3,07	0,4	4,4	4,4	0,1	4,4	4,4	0,2	1,9	1,9	0,1
3	Бытовая лексика (тув)	4	4	0,8	4,5	4,5	0,07	4,6	4,6	0,07	1,7	1,6	0,2
4	Бытовая лексика (рус)	3,9	4	0,6	4,5	4,5	0,1	4,6	4,5	0,2	1,9	2	0,2
5	Повседневная лексика	3,7	3,7	0,5	4,5	4,6	0,2	4,5	4,6	0,2	1,9	1,9	0,2

Значения для представимости высокие по всем группам, но выше всего — в группе повседневной лексики. А ниже всего — у культурно-значимых слов, у которых и самые высокие значения стандартного отклонения по этому параметру.

Самые высокие средние значения и значения медианы по параметру «знакомство с концептом» при одновременно низких значениях стандартного отклонения у тувинских слов из группы «бытовая лексика». Одновременно в этой же группе — самые низкие значения возраста усвоения. Самые же высокие значения возраста усвоения — у культурно-значимых слов.

Рассмотрим также корреляции между параметром субъективной частотности и остальными ПП, а также корреляции представимости и знакомства с концептом, которые существуют в каждой из групп (рис. 7).

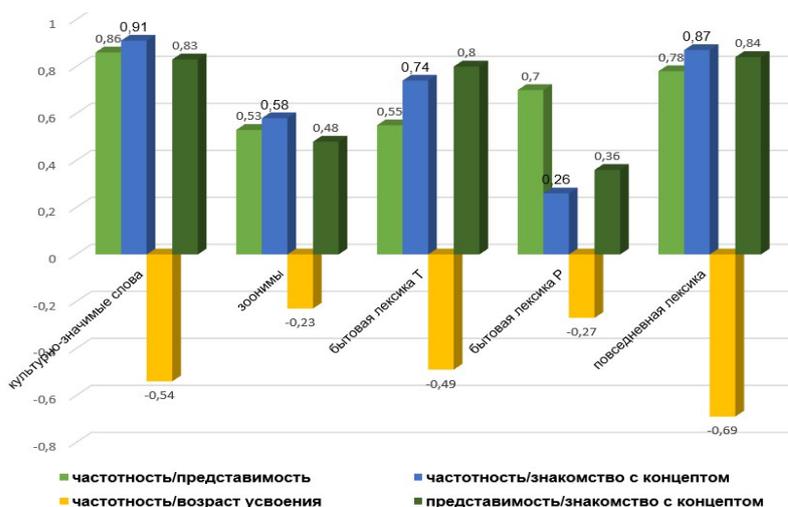

Рисунок 7. Результаты коррелятивного анализа четырех параметров в пяти группах существительных.

Fig. 7. Results of the correlation analysis of four parameters in the five groups of words.

Охарактеризуем силу корреляций, согласно шкале Чеддока. Среди обратных корреляций, которые были выявлены между ПП «частотность» и «возраст усвоения», заметная связь между ПП существует только в группе *повседневной лексики* (чем раньше усвоено слово, тем оно частотнее).

Что касается прямых корреляций, то многие из наших наблюдений, полученных в качественном анализе, находят свое статистическое подтверждение.

Так, в группах культурно-значимых слов и повседневной лексики мы видим важную роль ПП «знакомство с концептом», с которым коррелируют и частотность, и представимость. Если вспомнить, что, как мы уже отмечали, при этом культурно-значимые слова имеют низкую частотность, а повседневный вокабуляр — высокую, то подтверждается наша гипотеза о неноминативности объектов ценностной картины мира, в особенности — сакральных: они познаются в опыте событий взаимодействия, а не из речевого узуса. В этом случае слово служит только для «якорения» опыта. А вот у повседневного вокабуляра связь между номинацией (словом) и объектом чрезвычайно крепка — в традиции нейросемантики такой механизм называют «референциальной семантикой»¹.

В группе зоонимов ПП незначительно зависят друг от друга. Полагаем, что причина тому — опосредованность опыта взаимодействия с типичными референтами данных слов вторичными семиотическим кодом.

Интересны различия, проявившиеся в группах названий бытовых предметов на тувинском и русском языках: если у первых наблюдаем сильные корреляции между знакомством с концептом, с одной стороны, и представимостью, а также частотностью — с другой, то у русских слов эти корреляции слабые, а сильной оказывается связь между частотностью и представимостью. Получается, что если для тувинских слов из этой группы важен фактор опыта взаимодействия с объектом, то для русских — частотность самого слова в речи (от нее зависит то, насколько легко/ трудно представить денотат).

Заключение

Наш эксперимент, не претендуя на всеохватность, тем не менее, позволяет сформулировать несколько интересных наблюдений, которые можно расположить на разных уровнях системы «среда — когнитивная реальность носителя языка».

Для каждой группы существительных проявилась своя специфика ПП, которая дает нам косвенную информацию как о нейросемантических характеристиках слов, так и об экстралингвистических факторах, оказавших на них влияние.

Так, значимость ПП «знакомство с концептом» для всех остальных ПП в сочетании с низкими значениями субъективной частотности в группе культурно-значимых слов дает основания полагать, что в их семантике важную роль имеет подкрепляемый эмоционально сенсомоторный опыт, получаемый в ситуациях формирования национальной идентичности, обладающих свойством «неноминативности»: участие в национальных праздниках, ритуалах, обрядах. Хотя заметно, что существительные, связанные с традиционным кочевым образом жизни, постепенно теряют свою когнитивную выделенность в силу изменений в образе жизни тувинцев.

Для зоонимов выше других ПП оказывается ПП «представимость», что указывает на фундированность нейросемантики данных слов в визуальном восприятии. С другой стороны, между ПП зоонимов практически отсутствуют значимые корреляции. Причиной тому считаем опосредованное вторичным семиотическим кодом культуры формирование концептов данных слов — преимущественно через рисунки, фильмы, мультфильмы, мемы, а не в непосредственном визуальном восприятии.

Повседневная лексика обнаруживает высокие значения ПП «субъективная частотность», которая сильно зависит от того, насколько рано было усвоено слово. Важность этих двух ПП обусловлена спецификой языковой ситуации: слова данной группы усваиваются рано в семейном общении с детьми, которое ведется преимущественно на родном языке.

Номинации бытовых предметов на тувинском языке оказываются в наибольшей степени укоренены в сенсомоторном опыте манипулирования объектами, а все параметры бытовых слов на русском языке сильно связаны с их частотностью употребления в речи. Иными словами, в нейронной репре-

¹ Миклашевский, А. А. Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 173 с.

зентации первых большую роль играет опыт действия с объектами, а вторых — опыт действия со словом. Рефлексия информантов показала, что бытовая сфера в наибольшей степени затронута конкуренцией слов родного и неродного языков.

Таким образом, проведенный психолингвистический эксперимент позволил нам достичь поставленной цели — получить косвенные сведения о нейросемантических характеристиках пяти групп существительных, употребляемых в речи на тувинском языке в когорте из 150 молодых тувинцев-сбалансированных билингвов.

Полученная информация необходима для того, чтобы в последующем использовать лексемы с предположительно наиболее сильными нейронными связями для составления упражнений для оживления чувства языка в речевой терапии тувинско-русских билингвов с афазией¹ (Колмогорова, 2021). Кроме того, мы планируем создать компьютерное приложение-симплификатор (описание аналогичного приложения для английского языка дано в работе Дж. Паэтзольда и Л. Специя (Paetzold, Specia, 2016)), которое, получая на вход достаточно сложный текст, например, новости из СМИ, на выходе выдает его адаптированный для целевой группы пациентов эквивалент, при этом нейросемантически «слабые» слова, там, где это возможно, заменяются на «сильные», чтобы облегчить понимание информации пациентами-тувинцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акинина, Ю. С., Искра, Е. В., Иванова, М. В., Грабовская, М. В., Исаев, Ю. Д., Коркина, И. Д., Малютина, С. А., Сергеева, Н. Ю. (2014) Библиотека стимулов «Существительное и объект»: нормирование психолингвистических параметров // Тезисы докладов Шестой международной конференции по когнитивной науке. Калининград, 23-27 июня 2014 г. / ред. А. А. Кибрик и др. Калининград : б. и. 752 с. С. 112–114.

Ахутина, Т. В. (2014) Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М. : Языки славянской культуры. 423 с.

Биткеева, А. Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 38–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Колмогорова, А. В. (2021) Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингвов: опыт экспериментального исследования // Новые исследования Тувы. № 2. С. 197–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

Некрасова, Е. А. (2016) Взаимозависимость модальной семантики слова и перцептивного канала предъявления информации // Вестник Томского государственного университета. № 402. С. 10–17. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/402/2>

Цыбенова, Ч. С. (2013) Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва // Вопросы психолингвистики. Вып. 17. С. 180–193.

Akinina, Y., Malyutina, S., Ivanova, M., Iskra, E., Mannova, E., Dragoy, O. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs // Behavior Research Methods. Vol. 47 (3). P. 691–707. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-014-0492-9>

Balota, D., Pilotti, M., Cortese, M. J. (2001) Subjective frequency estimates for 2,938 monosyllabic words // Memory and Cognition. Vol. 29. P. 639–647. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03200465>

Chedid, G., Sfeir, M., Mouzawak, M., Saroufim, L., Hayek, P., Wilson, M. A., Brambati, S. M. (2022) A Standardized Set of 380 Pictures for Lebanese Arabic: Norms for Name Agreement, Conceptual Familiarity, Imageability, and Subjective Frequency // Journal of Psycholinguist Research. Vol. 51(1). P. 93–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-021-09826-8>

Collins, A. M., Loftus, E. F. (1975) A spreading activation theory of semantic processing // Psychological Review. Vol. 82. P. 407–428.

Connell, L., Lynott, D. (2012) Strength of perceptual experience predicts word processing performance better than concreteness or imageability // Cognition. Vol. 125 (3). P. 452–465. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.07.010>

Damasio, H., Grabowski, T. J., Tranel, D., Hichwa, R. D., Damasio, A. R. (1996) A neural basis for lexical retrieval // Nature. Vol. 380. P. 499–505. DOI: <https://doi.org/10.1038/380499a0>

Gernsbacher, M. A. (1984) Resolving 20 years of inconsistent interactions between lexical familiarity and orthography, concreteness, and polysemy // Journal of Experimental Psychology. Vol. 113. P. 256–281. DOI: <https://doi.org/10.1037//0096-3445.113.2.256>

¹Афазия — системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга.

Gilhooly, K. J., Logie, R. H. (1980) Age-of-acquisition, imagery, concreteness, familiarity, and ambiguity measures for 1,944 words // *Behavior Research Methods & Instrumentation*. Vol. 12. P. 395–427. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03201693>

Kiefer, M., Pulvermüller, F. (2012) Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions // *Cortex*. Vol. 48. Issue 7. P. 805–825. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2011.04.006>

Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // *Journal of Psycholinguistic Research*. Vol. 47(3). P. 641–661. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-017-9548-1>

Paetzold, G., Specia, L. (2016) Inferring Psycholinguistic Properties of Words // *Proceedings of the 2016 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, San Diego, California*. Association for Computational Linguistics. P. 435–440. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/N16-1050>

Patterson, K., Nestor, P., Rogers, T. (2007) Where do you know what you know? The representation of semantic knowledge in the human brain // *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 8. P. 976–987. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn2277>

Pulvermüller, F. (1999) Words in the Brain's Language // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 22. P. 253–279. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0140525X9900182X>

Pulvermüller, F. (2002) Brain reflections of words and their meaning // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 5. P. 517–524. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(00\)01803-9](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(00)01803-9)

Pulvermüller, F. (2013) How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 17. № 9. P. 458–470. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.004>

Speed, L. J., Brybaert, M. (2022) Dutch sensory modality norms // *Behavior Research*. Vol. 54. P. 1306–1318. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01656-9>

Waxman, S. R., Booth, A. E. (2000) Principles that are invoked in the acquisition of words, but not facts // *Cognition*. Vol. 77. P. 33–43. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(00\)00103-7](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(00)00103-7)

Zevin, J. (2009) Word Recognition // *Encyclopedia of Neuroscience*. P. 517–522. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-008045046-9.01881-7>

Дата поступления: 10.11.2022 г.

Дата принятия: 25.01.2023 г.

REFERENCES

Akinina, Yu. S., Iskra, E. V., Ivanova, M. V., Grabovskaya, M. V., Isaev, Yu. D., Korkina, I. D., Malyutina, S. A. and Sergeeva, N. Yu. (2014) Biblioteka stimulov «Sushchestvitel'noe i ob'ekt»: normirovanie psikholingvisticheskikh parametrov [Collection of stimuli "Noun and object": normalization of psycholinguistic properties of words]. In: *Shestaya mezhdunarodnaia konferentsiia po kognitivnoi nauke [The Sixth International Conference on Cognitive Science]*: Abstracts. Kaliningrad, June 23–27, 2014 / ed. by A. A. Kibrik et al. Kaliningrad, s. n. 752 p. Pp. 112–114. (In Russ.).

Akhutina, T. V. (2014) *Neirolingvisticheskii analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [Neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 423 p. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2022) Model' sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniia i aktual'nye tendentsii iazykovoi politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 38–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Kolmogorova, A. V. (2021) Psikholingvisticheskie parametry russkikh slov i ikh vizual'nykh korreliatov v iazykovom soznanii tuvinsko-russkikh bilingvov: opyt eksperimental'nogo issledovaniia [Psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in the linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals: An experiment-based study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 197–210 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

Nekrasova, E. A. (2016) Vzaimozavisimost' modal'noi semantiki slova i pertseptivnogo kanala pred"iavleniia informatsii [The semantics of words and a perceptive channel: The impact of sensomotor experience on the perception of words]. *Tomsk State University Journal*, № 402, pp. 10–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/402/2>

Tsybenova, Ch. S. (2013) Assotsiativnyi eksperiment v kontekste issledovaniia iazykovoi situatsii: na primere Respubliki Tyva [Associative experiment in the study of a language situation: The case of the Republic of Tyva]. *Voprosy psikholingvistiki*, issue 17, pp. 180–193. (In Russ.).

Akinina, Y., Malyutina, S., Ivanova, M., Iskra, E., Mannova, E. and Dragoy, O. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods*, vol. 47, no. 3, pp. 691–707. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-014-0492-9>

Balota, D. A., Pilotti, M. and Cortese, M. J. (2001) Subjective frequency estimates for 2,938 monosyllabic words. *Memory and Cognition*, vol. 29, pp. 639–647. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03200465>

Chedid, G., Sfeir, M., Mouzawak, M., Saroufim, L., Hayek, P., Wilson, M. A. and Brambati, S. M. (2022) A standardized set of 380 pictures for Lebanese Arabic: Norms for name agreement, conceptual familiarity, imageability, and subjective frequency. *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 51, no. 1, pp. 93–133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-021-09826-8>

Collins, A. M. and Loftus, E. F. (1975) A spreading activation theory of semantic processing. *Psychological Review*, vol. 82, no. 6, pp. 407–428.

Connell, L. and Lynott, D. (2012) Strength of perceptual experience predicts word processing performance better than concreteness or imageability. *Cognition*, vol. 125, no. 3, pp. 452–465. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.07.010>

Damasio, H., Grabowski, T. J., Tranel, D., Hichwa, R. D. and Damasio, A. R. (1996) A neural basis for lexical retrieval. *Nature*, vol. 380, pp. 499–505. DOI: <https://doi.org/10.1038/380499a0>

Gernsbacher, M. A. (1984) Resolving 20 years of inconsistent interactions between lexical familiarity and orthography, concreteness, and polysemy. *Journal of Experimental Psychology*, vol. 113, no. 2, pp. 256–281. DOI: <https://doi.org/10.1037//0096-3445.113.2.256>

Gilhooly, K. J., and Logie, R. H. (1980) Age-of-acquisition, imagery, concreteness, familiarity, and ambiguity measures for 1,944 words. *Behavior Research Methods & Instrumentation*, vol. 12, pp. 395–427. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03201693>

Kiefer, M. and Pulvermüller, F. (2012) Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions. *Cortex*, vol. 48, issue 7, pp. 805–825. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2011.04.006>

Miklashevsky, A. (2018) Perceptual experience norms for 506 Russian nouns: Modality rating, spatial localization, manipulability, imageability and other variables. *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 47, no. 3, pp. 641–661. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-017-9548-1>

Paetzold, G. and Specia, L. (2016) Inferring psycholinguistic properties of words. In: *Proceedings of the 2016 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*. San Diego, California. Association for Computational Linguistics. Pp. 435–440. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/N16-1050>

Patterson, K., Nestor, P. J. and Rogers, T. T. (2007) Where do you know what you know? The representation of semantic knowledge in the human brain. *Nature Reviews Neuroscience*, vol. 8, pp. 976–987. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn2277>

Pulvermüller, F. (1999) Words in the brain's language. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, no. 2, pp. 253–279. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0140525X9900182X>

Pulvermüller, F. (2002) Brain reflections of words and their meaning. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 5, no. 12, pp. 517–524. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(00\)01803-9](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(00)01803-9)

Pulvermüller, F. (2013) How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 17, no. 9, pp. 458–470. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.004>

Speed, L. J. and Brybaert, M. (2022) Dutch sensory modality norms. *Behavior Research*, vol. 54, pp. 1306–1318. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01656-9>

Waxman, S. R. and Booth, A. E. (2000) Principles that are invoked in the acquisition of words, but not facts. *Cognition*, vol. 77, no. 2, pp. 33–43. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(00\)00103-7](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(00)00103-7)

Zevin, J. (2009) Word Recognition. *Encyclopedia of Neuroscience*, pp. 517–522. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-008045046-9.01881-7>

Submission date: 10.11.2022.

Acceptance date: 25.01.2023.

Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы

Чойган Г. Ондар

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,
Венера С. Донгак, Долаана Ш. Монгуш
Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Развитие информационно-коммуникативных технологий привело к расширению сферы функционирования тувинского языка в интернет-пространстве. В данной статье представлен обзор интернет-ресурсов, в которых функционирует тувинский язык, их проблемы и перспективы.

При рассмотрении представленности тувинского языка авторы разделили интернет-ресурсы на четыре типа: информационные сайты, социальные сети и мессенджеры, веб-сервисы и онлайн-инструменты, мобильные приложения. Например, выявлено, что интерфейс и полное наполнение на тувинском языке имеют только сайт газеты «Шын» и портал «Тываның чогаалчылары — Писатели Тувы». Официальные сайты учреждений Тувы не имеют тувинского варианта интерфейса и содержат мало информации на тувинском языке: самое большое количество новостей на тувинском языке представлено на сайте Правительства Республики Тыва (45% от общего количества новостей), меньше всего из рассмотренных — на сайте Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва (всего 0,16%).

Несмотря на то, что тувинский язык является одним из государственных языков РТ, область его функционирования ограничена. Видна разница между востребованностью тувинского языка на официальных сайтах и в социальных сетях. Сами органы власти не столь активно используют и развивают тувинский язык в Интернете, хотя пропагандируют развитие языка. А само общество без особой государственной поддержки делает работу по расширению функционирования тувинского языка в Интернете.

Тувинский язык является языком коммуникации в социальной сети «ВКонтакте» и в мессенджере Viber. Есть языковые инструменты для пользователей тувинским языком, в том числе «Википедия» на тувинском языке, онлайн-словари, тувинская раскладка клавиатуры, электронный корпус, платформа для сбора данных для создания тувинского онлайн-переводчика, морфологический анализатор. В магазинах приложений для мобильных устройств App Store и Google Play есть несколько приложений.

Ключевые слова: тувинский язык; цифровизация тувинского языка, цифровая устойчивость языка; Интернет; интернет-пространство

Для цитирования:

Ондар Ч. Г., Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 186-207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Ондар Чойган Геннадиевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 67000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (913) 359-55-04. Эл. адрес: choygandi@mail.ru

Донгак Венера Седип-ооловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Тувинского государственного университета. Адрес: 67000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (923) 266-62-65. Эл. адрес: dongak@mail.ru

Монгуш Долаана Шолбан-ооловна — аспирант кафедры философии Тувинского государственного университета. Адрес: 67000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (929) 317-43-38. Эл. адрес: dana_ksd@mail.ru. Научный руководитель — к. соц. н. В. С. Донгак.

The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects

Choigan G. Ondar

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,*

Venera S. Dongak, Dolaana Sh. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The development of information and communication technologies has led to the extension of the sphere where the Tuvan language functions on the Internet. This article presents an overview of web resources in Tuvan, their problems and prospects.

While considering the representations of the Tuvan language, the authors classified Internet resources into four types: information sites, social networks and messengers, web services and online tools, mobile apps. For instance, it has been found out that only the website of the newspaper "Shyn" and the portal "Tyvanyn chogaalchylary — Writers of Tuva" offer an interface and full content in Tuvan. The official websites of Tuvan institutions do not have a Tuvan version of the interface and contain little information in the Tuvan language: the largest number of news items in Tuvan is presented on the website of the Government of the Republic of Tuva (45% of the total number of news), and the website of the Ministry of Economic development and Industry of the Republic of Tuva contains the least number of news items in Tuvan among the analyzed web resources (only 0.16%).

Despite the fact that Tuvan is one of the official languages of the Republic of Tuva, the scope of its functioning is limited. The difference between the demand for the Tuvan language on official websites and in social networks is evident. It can be observed that the authorities themselves do not actively use and develop the Tuvan language on the Internet, although they champion the development of the language. And without special state support the society seeks to expand the functioning of the Tuvan language on the Internet.

Tuvan is the language of communication in the VK social network and the Viber messenger. There are language tools for users who know Tuvan, including Wikipedia in Tuvan, online dictionaries, Tuvan keyboard layout, electronic corpus, a data collection platform for developing Tuvan online translation tools, and a morphological analyzer. There are also several apps available in the App Store and Google Play.

Keywords: Tuvan; digitalization of the Tuvan language, digital stability of the language; Internet; web space

For citation:

Ondar Ch. G., Dongak V. S., Mongush D. S. Tuvinskii iazyka v Internete: predstavlenost', problemy i perspektivy [The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 186-207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

ONDAR, Choigan Gennadievich, Candidate of Philology, Researcher, Linguistic Sector, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 359-55-04. E-mail: choygandi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5779-4217

DONGAK, Venera Sedip-oolovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Philosophy, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 266-62-65. E-mail: dongak@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2220-523X

MONGUSH, Dolaana Sholban-oolovna, Post-graduate student, Department of Philosophy, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (929) 317-43-38. E-mail: dana_ksd@mail.ru. The research adviser: Candidate of Sociology Venera S. Dongak.

ORCID ID: 0000-0001-5428-9151

Введение

В связи с широким распространением сети Интернет изучение динамик языковых процессов, происходящих в сетевом пространстве, обретает особую актуальность, поскольку сейчас именно там наблюдаются наиболее заметные процессы изменения и обновления языка. Между тем в современном мире именно широкое применение языка в цифровом пространстве признается ключевым фактором устойчивости языка. Так, для оценки низкой жизнеспособности языка в цифровом пространстве, венгерский лингвист и математик А. Корнай называет следующие факторы: во-первых, потеря функциональности языка, наблюдаемая всякий раз, когда другие языки захватывают целые функциональные области; во-вторых, потеря престижа языка, когда поговорка «если чего-то нет в интернете, то этого не существует» как нельзя лучше подходит для описания ситуации, в которой оказались многие языки мира; в-третьих, потеря компетентности, когда носители языка принимают резко упрощенную версию грамматики при использовании языка в интернет-коммуникации (Kornai, 2013: 1). Однако возможен и противоположный процесс, при котором язык все больше приобретает цифровые функции и престиж с одновременным развитием цифровых навыков у его носителей (там же).

С появлением и широким распространением Интернета тувинский язык стал одним из языков киберпространства, на котором идет коммуникация, передача и получение информации. В связи с этим возникает вопрос о государственной и общественной поддержке равноправного функционирования тувинского языка в региональном интернет-пространстве как одного из государственных языков Республики Тыва, поэтому вопрос представленности и функционирования тувинского языка в Интернете должен обсуждаться и исследоваться.

Распространение Интернета в Тыве началось на рубеже веков. В 1998 г. компания «Тывасвязьинформ» организовала первый коммутируемый доступ к Интернету¹. Первые тувинские сайты появляются в начале 2000-х гг.: новостные сайты², различные форумы³ (они были очень популярны до появления социальных сетей), сайты органов власти и различных госучреждений⁴, сайты общественных организаций⁵ и т. д. Интерфейс и основное содержание этих сайтов были на русском языке. Они создавались для информирования населения. Первый сайт полностью на тувинском языке появился в 2009 г.⁶ Автор — известный тувинский тележурналист Орлан Дамба-Хуурак⁷ (Дамба-Хуурак, 2010).

¹ Тывасвязьинформ — 75 лет непрерывного развития электросвязи в республике Тыва [Электронный ресурс] // YouTube. 30 октября 2019 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YB7AhvT3Ko8> (дата обращения: 08.01.2023).

² Так, информационное агентство «Тува-Онлайн» заработало 15 августа 2001 г. См. информацию на главном сайте <https://www.tuvaonline.ru> (дата обращения: 11.11.2022).

³ В глобальной сети появился самый народный тувинский сайт [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2004, 17 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2004/12/17/v-globalnoy-seti-poyavilsya-samyu-narodnyu-tuvinskiy-sayt.html> (дата обращения: 11.11.2022); Еще один тувинский форум появился в Интернете [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2006, 22 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2006/05/22/forum.html> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴ У кызылской мэрии появился свой сайт [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2005, 9 ноября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2005/11/09/meria.html> (дата обращения 08.01.2023); У тувинского отделения пенсионного фонда появился свой сайт [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2006, 2 ноября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2006/11/02/pension-site.html> (дата обращения: 08.01.2023); Все о занятости населения Тувы на новом сайте [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2007, 8 августа. URL: https://www.tuvaonline.ru/2007/08/08/1514_derzan.html (дата обращения: 08.01.2023); и др.

⁵ Оюн Д. Создан первый сайт тувинских шаманов [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2008, 10 января. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2007/01/10/site-tos-deer.html> (дата обращения: 08.01.2023); У тувинского отделения союза журналистов появился свой сайт [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2008, 13 декабря. URL: https://www.tuvaonline.ru/2008/12/13/2512_s-305-te.html (дата обращения: 08.01.2023); Оюн Д. У Союза женщин Тувы появился свой сайт [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2010, 24 ноября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2010/11/24/u-soyuza-zhenschin-tuvy-poyavilsya-svoy-sayt.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ В сети появился новый сайт на тувинском языке [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2009, 18 ноября. URL: https://www.tuvaonline.ru/2009/11/18/4637_site.html (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Одной из основных задач сайта, как указывает автор, является распространение, развитие и сохранение тувинского языка и литературы. Сайт, к сожалению, сейчас не работает, был закрыт из-за проблем с доменом, связанных со скоростью Интернета и загрузкой видеоматериалов. Орлан Дайынчиевич продолжает работу по популяризации, сохранению и развитию тувинского языка на своей личной странице в социальных сетях «ВКонтакте» и др., где он выставляет посты только на тувинском языке: собственные стихи, переводы с русского языка, заметки, аудио и видеоматериалы.

Со временем в регионе появился мобильный Интернет, который с 2010 г.¹, благодаря компании «МТС», дал возможность пользоваться высокоскоростным (3G) Интернетом в мобильных устройствах. С сентября 2014 г. компания «МТС» запустила в республике мобильный Интернет четвертого поколения LTE (4G), который привел к еще большему росту популярности мобильного Интернета в регионе². По данным Министерства цифрового развития Республики Тыва, на 6 декабря 2022 г. возможность подключения к широкополосному доступу к сети Интернет имели 97% от общего количества населения республики³.

Как сообщал КрасноярскСтат, в 2020 г. Интернетом в Тыве пользовались 93,5% обследованного населения республики в возрасте 15 лет и старше⁴. Это очень высокий показатель в сравнении, например, с соседними регионами: в Красноярском крае на 2020 г. этот показатель был равен 84,1%, а в Республике Хакасия — 82,4%⁵.

Актуальность исследовательской работы связана тем, что с момента появления первых интернет-ресурсов на тувинском языке до сегодняшнего дня прошло примерно 20 лет, за которые тувинский язык получил определенное распространение в интернет-пространстве.

Некоторые вопросы, посвященные проблемам присутствия тувинского языка в интернет-пространстве, начали обсуждаться с 2010 г. самими разработчиками сайтов (Дамба-Хуурак, 2010; Папын, 2010; Кужугет, 2012). Примерно в это время у тувинского общества возникает четкое осознание важности сохранения и развития тувинского языка через расширение представленности и функционирования тувинского языка в Интернете⁶. Позже выходят работы, касающиеся вопросов изучения тувинского языка с помощью цифровых технологий (Салчак, 2012; Бавуу-Сюрюн, 2016; Дагбажык, 2016; Далаа, 2016; Хийс, Бавуу-Сюрюн, 2016; Саая, 2017; Салчак, Ондар, 2020). В последнее время появляются работы, изучающие социокультурную жизнь тувинцев через анализ сообществ в социальных сетях, где присутствуют тувинцы (Ламажаа, 2021).

В целом проблема представленности национальных языков России в региональном Интернете начала обсуждаться не так давно (Махмутов, Орехов, 2014). И еще очень мало работ, посвященных изучению «национального Интернета», обозначающего сетевые ресурсы, создаваемые представителями и для представителей определенной этнической группы. Исследование З. А. Махмутова и Б. В. Орехова, проведенное в 2012 г., показало, что на официальных сайтах пяти республик Российской Федерации использовались языки этнических групп, давших название данным субъектам: башкирский, бурятский, карельский, татарский и якутский языки (там же: 194).

Наиболее изученным является представленность татарского языка в Интернете (Makhmutov, Sagitova, Ibragimova, 2015; Махмутов, 2015; Габдрахманова, Махмутов, 2018). Так, например, З. А. Махмутовым были обследованы 317 сайтов учреждений, расположенных на территории Республики Татарстан. Анализ показал, что татарский язык представлен на каждом третьем сайте, но лишь на 10 сайтах информация на татарском и русском языках была представлена наравне. Наиболее слабые позиции татарского языка наблюдались в коммерческом и государственном образовательном секторе официального сегмента (Махмутов, 2015: 33). Как отмечают Г. Ф. Габдрахманова и З. А. Махмутов, использование национального языка на сайтах учреждений, находящихся на территориях республик

¹ Алексеева Е. МТС запускает в Тыве сети «третьего поколения» (3G) [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2010, 23 апреля. URL: https://www.tuvaonline.ru/2010/04/23/2708_set.html (дата обращения: 08.01.2023).

² Речка Т. Абоненты МТС в Тыве удвоили 4G трафик [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2015, 2 апреля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2015/04/02/abonenty-mts-v-tuve-udvoili-4g-trafik.html> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Доступ к интернету в труднодоступных населенных пунктах [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития Республики Тыва. 2022, 6 декабря. URL: <https://mis.rtyva.ru/events/22273/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ В Тыве доля активных пользователей интернета больше, чем в Хакасии и Красноярском крае [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2021, 30 сентября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/09/30/v-tuve-dolya-aktivnyh-polzovatele-interneta-bolshe-chem-v-hakasii-i-krasnoyarskom-kraye.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Там же.

⁶ Оюн Д. Интернет и социальные сети помогут сохранению тувинского языка и его популяризации [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2012, 25 сентября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2012/09/25/internet-i-socialnye-seti-pomogut-sohraneniuyu-tuvinskogo-yazyka-i-ego-populyarizacii.html> (дата обращения: 08.01.2023).

РФ, не является достаточным индикатором языковой ситуации на информационных ресурсах (Габдрахманова, Махмутов, 2018: 145). Они обращают внимание исследователей не только на соотношение языкового содержания сайтов, но и на время появления информации. По их мнению, лишь в этом случае получится осуществить объективный анализ информационных ресурсов национального Интернета (там же).

В Республике Хакасия научным сообществом поднимался вопрос об использовании, внедрении хакасского языка на веб-сайтах и официальных порталах государственных учреждений. Так, А. В. Гусейнова пишет о том, что национальный язык региона практически не используется на официальных порталах, телевидении и других источниках информации. Как отметила автор, «наиболее существенной негативной характеристикой Хакаснета является практически полное отсутствие хакасского языка на официальных сетевых ресурсах» (Гусейнова, 2017: 350).

Целью нашей статьи является обзор информационных, коммуникационных и справочных интернет-ресурсов, содержащих контент на тувинском языке. Авторы работы ставят задачу проанализировать представленность тувинского языка 1) в интернет-ресурсах региональных министерств и учреждений, которые имеют, на наш взгляд, непосредственное отношение к сохранению, развитию и популяризации тувинского языка; 2) в социальных сетях и мессенджерах; 3) в справочных интернет-ресурсах (онлайн-словари, энциклопедии, справочники и т. д.); 4) в мобильных приложениях. Кроме того, для достижения цели данной статьи проанализированы проблемы, связанные с использованием тувинского языка в вышеупомянутых ресурсах, и обозначены перспективы.

В работе используются описательный, статистический и сопоставительный методы. Источниками материала исследования послужили интернет-ресурсы, содержащие контент на тувинском языке или где он является языком коммуникации, а также новостные сайты¹ как важный источник, где можно проследить основные вехи развития тувиноязычного интернет-пространства. Также авторы статьи провели несколько интервью в январе 2023 г. с активистами, которые занимаются сохранением, развитием и популяризацией тувинского языка в Интернете.

Информационные сайты

В данном разделе объединены разные по типу сайты: официальные сайты органов государственной власти, ведомственных учреждений (институтов, центров, библиотек), электронных СМИ, которые содержат официальную, медийную, познавательную информацию, касающуюся разных сфер жизни тувинского общества.

В 2005 г. функционировал тувиноязычный сайт газеты «Шын», который в этой версии просуществовал недолго². Новый сайт газеты открылся в 2012 г. Как указывается в сообщении пресс-службы Правительства Республики Тыва, «интернет-версию газеты можно рассматривать как одну из форм поддержки тувинского языка в общественно-политической жизни республики, его популяризации»³. Сейчас весь интерфейс и содержание сайта газеты «Шын»⁴ практически полностью на тувинском языке, хотя по уставу сетевого варианта газеты (отдельного от печатного) есть требование об обязательном размещении статей на русском языке, поэтому статьи на русском языке все же выходят⁵.

Сайт «Тываның аныяктары» («Молодежь Тувы») — один из сайтов, осуществляющих свою деятельность частично на тувинском языке. Это сетевое издание газеты «Тываның аныяктары», зарегистрированное в качестве СМИ 25 сентября 2020 г., учредителем является «ИД Тывамедиагрупп». На сайте имеется 7 разделов: «Главная», «Медээлер / Новости», «Молодежь», «Культура», «Здоровье»,

¹ По большей части данные сайтов ИА «Тув-Онлайн» (<https://www.tuvaonline.ru>) и «Тува.Азия» (<https://www.tuva.asia>).

² Оюн Д. Накануне Шагаа в Интернете появился новый тувиноязычный сайт [Электронный ресурс] // ИА «Тув-Онлайн». 2005, 8 февраля. URL: <https://tuvaonline.ru/2005/02/08/shyn.html> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Тувинская газета «Шын» открыла интернет-версию [Электронный ресурс] // Тува. Азия. 2012, 6 декабря. URL: <https://tuva.asia/news/tuva/5709-shyn.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Адрес сайта: <https://shyn.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Из материалов онлайн-интервью авторов статьи с Н. В. Сат, директором издательского дома «Тывамедиагрупп», 9 января 2023 г.

⁶ Адрес сайта: <http://anyiaktar.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

«Контакты», «Объясняем.рф». По состоянию на 3 февраля 2023 г., в рубрике «Медээлер» представлено 1068 новостей, из которых 30% — на тувинском языке. Сайт освещает текущие события, особенно все те новости и события, связанные с жизнью молодежи в Туве.

В составе информационных сайтов есть отдельная категория сайтов — справочные сайты, содержащие в себе учебную, научную, познавательную информацию. Итак, в 2012 г. открылся сайт «Тыва дыл» («Тувинский язык»), созданный Институтом развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва «для всех, кто интересуется тувинским языком»¹. Сайт содержал информацию о новых исследованиях в области тувинской филологии, методические материалы для преподавателей тувинского языка, фольклорные и литературные произведения, творческие задания, интерактивные диктанты, игры, уроки для изучающих тувинский язык². Один из инициаторов создания сайта А. С. Шаалы говорила, что «создатели сайта сочли целесообразным перевести многие материалы на русский язык»³. На данный момент сайт не функционирует.

Сайт «Тываның чогаалчылары — Писатели Тувы»⁴, созданный совместными усилиями ученых Научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета и Института развития национальной школы в 2014 г., полностью на тувинском языке и содержит тексты произведений тувинских писателей, автобиографические сведения о писателях, критические статьи⁵.

Однако отметим, что первый сайт с презентацией тувинской литературы появился раньше — на русском языке. В мае 2011 г. был открыт детский литературный сайт «Радуга Тувы»⁶, созданный Инной и Игорем Принцевыми (Принцев, 2011: 305). Данный ресурс является обучающей и развлекательной платформой для детей, где представлены произведения в разных жанрах: фольклор, поэзия, проза и другие. Есть произведения как на тувинском, так и переведенные на русский язык. На сайте есть замечательный раздел «Аудио» с озвученными сказками на тувинском и русском языках. Выбор русского языка, пишет один из его создателей И. Принцев, «объясняется двумя его задачами. Первая — помочь детям из отдаленных районов Тувы в полной мере овладеть русским языком. Вторая — дать возможность детям из других регионов России читать тувинские книжки» (там же: 306). Основная цель этого проекта — популяризация тувинской литературы путем распространения переводов (на русский язык), т. е. проект изначально не был связан с сохранением и развитием тувинского языка, тем не менее, часть материала была на тувинском языке.

Отдельную группу среди информационных сайтов представляют официальные сайты органов государственной власти. Одним из первых сайтов, где появились материалы на тувинском языке, стал официальный сайт Правительства Республики Тыва. Отметим, что на данном сайте некоторые материалы дублировались на русском и тувинском языках. В новой версии сайта⁷ (заработавшем с февраля 2013 г.) нет возможности перейти на тувинский интерфейс, но есть специальный раздел «Медээлер» («Новости»), где размещены 5057 публикаций только на тувинском языке (по состоянию на 10 января 2023 г.). За аналогичный период с 2013 по 2023 гг. на русском языке опубликовано 11235 записи, т. е. 45% записей новостной ленты переведены на тувинский язык.

¹ В Туве открылись сайты о тувинском языке [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2012, 24 февраля. URL: <https://tuva.asia/news/tuva/4489-tyva-dyl.html> (дата обращения: 08.01.2023).

² Принцева И. В Туве открылся сайт о тувинском языке и на тувинском языке «Тыва дыл» [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2012, 26 февраля. URL: <https://tuvaonline.ru/2012/02/26/v-tuve-otkrylsya-sayt-o-tuvinskom-yazyke-i-na-tuvinskom-yazyke-tyva-dyl.html> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Там же.

⁴ Тываның чогаалчылары — Писатели Тувы [Электронный ресурс] // Тываның чогаалчылары. Эртем-методиктиг, өөредилгелиг сайт. 2014, 17 ноября. URL: <https://pisateli-tuvy.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Бавуу-Сюрюн М. В., Ооржак Б. Ч., Хертек А. Б., Салчак А. Я. 10 лет успешной деятельности научно-образовательного центра «Тюркология» ТувГУ // Развитие ТувГУ в XXI веке: интеграция образования, науки и бизнеса: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Тувинского государственного университета, г. Кызыл, 30 октября 2020 года. Кызыл: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тувинский государственный университет», 2020. С. 88.

⁶ Радуга Тувы [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. 2011, 6 мая. URL: <http://tuvacheleesh.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Официальный портал Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

Также на официальном портале Республики Тыва имеется раздел со ссылками на сайты министерств. Список включает 15 разных министерств Республики Тыва. Все сайты также имеют интерфейс только на русском языке.

Информация на тувинском языке представлена, например, на сайте Министерства образования Республики Тыва¹, который существует с конца 2017 г. Мы проанализировали его раздел «Новости», где есть публикации и на русском, и на тувинском языках. По состоянию на 10 января 2023 г. в разделе «Новости» имеется всего 5036 опубликованной записи, из которых 134 публикации на тувинском языке, что составляет 2,7%. Однако ради справедливости стоит отметить, что 132 записи появились лишь в 2021–2022 гг. За сентябрь 2022 г. в данном разделе размещено 126 новостей, из которых 11 на тувинском языке, т. е. уже 11,4% всей новостной ленты. Итак, мы видим определенный рост контента на тувинском языке. Это может объясняться изменением кадрового состава пресс-службы министерства или позицией руководства ведомства.

Для сравнения мы также посмотрели показатели официального сайта Министерства культуры Республики Тыва². Интерфейс сайта полностью на русском языке и нет возможности переключиться на тувинский язык. Только название ведомства дублируется на русском и тувинском языках. Первая новость на сайте опубликован 26 апреля 2021 г., т. е. сайт существует около двух лет. По состоянию на 10 января 2023 г. новостная лента сайта состоит из 569 публикаций, из которых 13 на тувинском языке (2,3%).

Новый сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва³ функционирует с 11 октября 2010 г. В новостной ленте сайта имеется всего 3172 публикации, из которых всего 5 публикаций на тувинском языке — это 0,16%.

Что касается официальных сайтов региональных учреждений науки, образования и культуры, то нами были проанализированы сайты Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Института развития национальной школы Республики Тыва, Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел и Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Интерфейс сайта Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел⁴ полностью на русском языке. Новостная лента ведется с 17 ноября 2018 г., и по состоянию на 10 января 2023 г. содержит 786 публикаций, из которых 277 (35%) на тувинском языке.

Сайт Института развития национальной школы⁵ не имеет интерфейса на тувинском языке. Описание организации полностью на русском языке. В отдельном разделе есть «Электронная библиотека», где размещены электронные версии учебников по тувинскому языку и литературе. Новостная лента пополняется с 29 мая 2014 г. и на 10 января 2023 г. содержит 691 публикацию, из которой 197 на тувинском языке, что составляет 28,5%.

Анализ сайта ведущего научного учреждения республики, Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва⁶, по-

¹ Официальный сайт Министерства образования Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования Республики Тыва. URL: <https://monrt.rtyva.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

² Официальный сайт Министерства культуры Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Республики Тыва. URL: <https://culture-tyva.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Официальный сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва. URL: <http://mert.tuva.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Официальный сайт Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел. URL: <https://tuvancenter.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Официальный сайт Института развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва. URL: <http://irnsh.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Официальный сайт Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

казал, что на сайте также нет интерфейса на тувинском языке. В русскую версию сайта встроен автопереводчик текстов на ряд иностранных языков (арабский, китайский, датский, английский, французский, немецкий, итальянский, португальский и испанский). Публикация новостей начинается с 12 октября 2015 г. и на 10 января 2023 г. содержит 991 публикацию, лишь малая доля — 78 (8%) из которых — на тувинском языке.

Сайт Национальной библиотеки Республики Тыва им. А. С. Пушкина¹ также не имеет интерфейса на тувинском языке. В разделе «Краеведение» есть два подраздела «Тыва чоннуң алдын үүжези» («Золотой запас тувинского народа»), где можно ознакомиться с образцами разных жанров фольклорных произведений, и «Тыва дыл төвү» («Центр тувинского языка»), там несколько видео о тувинском языке. Новостная лента сайта пополняется с 5 августа 2011 г. и на 10 января 2023 г. содержит 3624 публикации. Из них 165 — на тувинском языке, что составляет 4,5%. Сайт существует более 10 лет, но публикации на тувинском языке чаще стали появляться совсем недавно — с апреля 2019 г. До этого на сайте было опубликовано всего 2 новости на тувинском языке.

Добавим, что новостной портал тувиноведения Тува.Азия² также имел краткий период (в 2016 г.) публикации новостей на тувинском языке, это были републикации новостей газеты «Шын».

На сайте ведущего высшего учебного заведения республики — Тувинского государственного университета также не имеется интерфейса на тувинском языке³. Учитывая то, что большая часть абитуриентов, студентов, сотрудников — носители тувинского языка, а также то, что у университета есть сильный филологический факультет, — было бы логичным, если бы некоторая часть интерфейса сайта вуза была на тувинском языке с дополнительным разделом «Медээлер» («Новости»), материалами на тувинском в разделе «Абитуриенту».

Таким образом, мы видим, что региональных сайтов полностью на тувинском языке практически нет, кроме сайта газеты «Шын» и сайта «Тываның чогаалчылары — Писатели Тывы». Все остальные сайты не имеют интерфейса на тувинском языке и содержат мало информации на тувинском языке. Новости появляются сначала на русском языке, переводы которых — обычно через 1–2 дня. Несмотря на то, что тувинский язык является одним из государственных языков РТ, область его функционирования в официальном Интернете сильно ограничена. Сами органы власти, научные и образовательные учреждения практически не используют его для поддержания в Интернете. Чтобы подчеркнуть противоречия между декларациями и реальностью можно привести в пример сайт ООО «Мир тувинцев»⁴, где среди основных задач проекта на главной странице называется развитие тувинского языка, однако сам сайт не имеет тувиноязычного интерфейса.

Социальные сети и мессенджеры

В этом разделе мы дадим краткий обзор представленности тувинского языка в популярных социальных сетях и мессенджерах. Данный тип интернет-ресурсов служит, в основном, средством коммуникации между людьми. Мессенджеры — это приложения и программы, с помощью которых можно звонить, переписываться, общаться по видеосвязи и отправлять аудиосообщения и файлы. Они упрощают и ускоряют общение, служат удобным и доступным инструментом коммуникации. Аналогичным средством общения являются и социальные сети, которые так же используются для общения в сети, однако они носят больше развлекательный и коммерческий характер.

К этому типу интернет-ресурсов мы добавили также видео-хостинг *YouTube* и платформу «Яндекс.Дзен». Согласно социологическому исследованию, проведенному Ч. К. Ламажаа в 2021 г., самыми популярными социальными сетями и мессенджерами, которыми пользуются тувинцы, были названы

¹ Официальный сайт Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. URL: <https://tuvva-library.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

² Портал тувиноведения «Tuva.Asia». Главная страница [Электронный ресурс] // Tuva.Asia. URL: <http://tuvva.asia> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Официальный сайт Тувинского государственного университета. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тувинского государственного университета Республики Тыва. URL: <http://tuvsu.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Сайт ТРОО «Мир тувинцев». Главная страница [Электронный ресурс] // Сайт ТРОО «Мир тувинцев». URL: <https://mirtuvintsev.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).

Viber, *Instagram*¹, «ВКонтакте» (Ламажаа, 2021: 119). Основной целью использования мессенджеров респонденты социологического опроса Ч. К. Ламажаа назвали следующие причины: «для связи со знакомыми, родственниками» (90,2% всех респондентов); «связь с коллегами по работе» (82%), а социальные сети в основном используются одинаково «для получения информации, новостей» (76,8%) и «для связи со знакомыми и родственниками» (76,4%) (там же: 119–120). Интересно, что исследования, проведенные в общероссийских масштабах, показывают, что *Viber* уступает по популярности *WhatsApp*, «ВКонтакте», *Telegram* и занимает одно из последних мест².

В России социальные сети получили широкое распространение с появления «Одноклассников» (26 марта 2006 г.)³ и «ВКонтакте» (10 октября 2006 г.)⁴, которые до сих пор пользуются большой популярностью среди тувиноязычных пользователей. Среди бывших популярных социальных сетей необходимо упомянуть *Facebook* и *Instagram*, которые с 21 марта 2022 г. запрещены в России в связи с признанием компании-владельца сети *Meta* (США) экстремистской организацией. Появление и распространение социальных сетей совпали с ростом популярности мобильной сети Интернет и мобильных гаджетов.

В 2013 г. началась работа по переводу интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на тувинский язык по инициативе А. Кужугета, который тогда учился в аспирантуре Института гидродинамики СО РАН в Новосибирске⁵. Для запуска тувиноязычной версии социальной сети тогда требовалось перевести 90% всех фраз интерфейса на тувинский язык, что было сделано к концу 2014 г., благодаря грантовой поддержке Главы Республики Тыва. Интерфейс на тувинском языке был доступен и им активно пользовались, пока в конце 2022 г. тувинская версия интерфейса не была исключена из списка языков. Дело в том, что даже заверченный перевод требует постоянной работы над новыми фразами и оттачиванием существующих, так как практически каждый день в функционале сайта добавляются все новые разделы, сервисы и т. д. Сейчас тувинская версия сайта содержит около 42 тысяч непереведенных строк, для его повторного включения необходимо перевести около 14 тысяч. И эта цифра растет с каждым днем. К сожалению, как нам сообщил А. Кужугет, на данный момент работа по переводу интерфейса не ведется.

Тем временем «ВКонтакте» стал одним из основных площадок функционирования тувинского языка в Интернете. Как пишет Ч. К. Ламажаа, «тувинских сообществ в самой популярной российской социальной сети “ВКонтакте” на сегодня чуть более 5 тыс., численность их участников колеблется от нескольких человек до 95 тыс.» (Ламажаа, 2021: 120). Невозможно уместить в рамках одной статьи описание всего разнообразия сообществ. Здесь мы рассмотрим некоторые сообщества, где общение ведется преимущественно или только на тувинском языке⁶, и сообщества, посвященные сохранению и популяризации тувинского языка⁷.

¹ С 21 марта 2022 г. *Instagram* запрещен в России в связи с признанием компании-владельца сети *Meta* (США) экстремистской организацией. — ред.

² ВЦИОМ назвал самые популярные соцсети в России [Электронный ресурс] // Ведомости. 2022, 18 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2022/04/18/918515-vtsiom-samie-populyarnie-sotsseti> (дата обращения: 08.01.2023).

³ День рождения социальной сети «Одноклассники» [Электронный ресурс] // ИА «Инфонаик». 2014, 26 марта. URL: <https://www.infoniac.ru/events/Den-rozhdeniya-social-noi-seti-Odnoklassniki.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ «ВКонтакте» отмечает 16-летие: история соцсети, достижения и новый дизайн [Электронный ресурс] // МК.RU. Санкт-Петербург. 2022, 10 октября. URL: <https://spb.mk.ru/social/2022/10/10/vkontakte-otmechaet-16letie-istoriya-socseti-dostizheniya-novyy-dizayn.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Интервью с Али Кужугет 8 января 2023 г.

⁶ Например, сообщество «Тыва хуреш. INFO» (Тувинская национальная борьба) (74 тыс. подписчиков) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/tuva_khuresh_info (дата обращения: 08.01.2023); группа «Кыстын чажытгары» (Секреты девушки) (44 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/republicoftuvagirls> (дата обращения: 08.01.2023); сообщество «Сарыг шажын Тывада» (Буддизм в Тыве) (38 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public.sarygshajin> (дата обращения: 08.01.2023); сообщество «Тыва ырылар сөстери» (Слова тувинских песен) (26 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tuvaurylarsosteri> (дата обращения: 08.01.2023); и др.

⁷ Например, группа «Тувинский язык. Тыва дыл» (11 тыс. подписчиков) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/tuva_slovar (дата обращения: 08.01.2023); группа «Тыва Википедия» (10 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tyvawiki> (дата обращения: 08.01.2023); группа «Тыва дыл» (Тувинский язык) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/ityva_dyl (дата обращения: 08.01.2023).

Сообщество «Тувинский язык. Тыва дыл» является крупнейшей среди групп, имеющих отношение к тувинскому языку. Данное сообщество объединяет более 11 тыс. подписчиков. Сообщество создал А. Аскаргов 7 сентября 2012 г. Изначально подразумевалось, что группа будет обучающей платформой, однако сегодня читатель также может узнавать о новых книгах на тувинском языке, о событиях и мероприятиях, касающихся тувинского языка¹. Последний пост на странице группы выложен 21 марта 2021 г., с тех пор контент группы не обновлялся. Языки сообщества: тувинский и русский.

Сообщество «Тыва Википедия» существует с 22 марта 2012 г. для освещения процесса создания и развития тувинского раздела Википедии (о нем будет сказано далее). Создатель группы А. А. Кужугет до сих пор поддерживает и развивает сообщество². На странице сообщества периодически выходят объявления о важных событиях «Тыва Википедии», размещаются события российского языкового активизма, ссылки на статьи «Тыва Википедии», информация о тувинском языке, правила орфографии, толкование отдельных слов, аудио и видеоматериалы на тувинском языке. Сообщество ведется и на тувинском, и на русском языках.

Согласно статистике сообщества «Тыва Википедия», основная доля посетителей сообщества — это женщины (67%) в возрасте от 35 до 45 лет — 21,8% от общего числа посетителей, от 45 и старше — 16,3%, от 30 до 35 лет — 9%, от 24 до 27 лет — 7,2%, от 27 до 30 лет — 5,4%, от 21 до 24 лет — 5,4%, от 18 до 21 года — 1,8%, до 18 лет — 0%. Доля посетителей-мужчин составляет 33%, из них в возрасте от 30 до 35 лет — 12,7%, от 35 до 45 лет — 10,9%, от 45 лет — 3,6%, от 21 до 24 лет — 1,8%, от 18 до 21 года — 1,8%, до 18 лет — 1,8%³.

Особой популярностью среди тувинских пользователей пользуются непрофессиональные литературные сообщества. Их можно подразделить по двум основным направлениям: сообщества, публикующие стихи⁴, и сообщества, публикующие прозу. Если сообщества со стихами собственного сочинения стали популярны еще в 2012 и 2013 гг., то сообщества, публикующие авторскую прозу, стали появляться позже (2014)⁵ и обрели популярность относительно недавно⁶.

Например, сообщество «Чогаалдарым» («Мои сочинения»), созданное А. Ондар 22 июня 2022 г., всего за полгода набрало 10 тыс. активных подписчиков и стало одним из самых больших сообществ⁷ такого типа. Подписчики активно комментируют, обсуждают и, судя по отзывам, с нетерпением ждут выхода новых глав сочинений. Посетителями сообщества по большей части являются женщины (86%). Читают люди в возрасте от 35 до 44 лет — 27,2%, от 25 до 34 лет — 17,3%, от 45 до 54 лет — 16,9%, от 55 до 64 лет — 11,2%, от 18 до 24 лет — 6,7%, до 18 лет — 6%. В основном читают с мобильных устройств (99,4%). В группе есть правило: писать только на тувинском языке⁸.

Другая популярная среди тувинцев социальная сеть *Instagram*⁹ открылась 6 октября 2010 г. и стала очень популярна в последние несколько лет. Согласно опросу 2021 г. тувинцы пользовались ею чаще, чем «ВКонтакте» (Ламажаа, 2021: 119). В отличие от «ВКонтакте», на этой платформе

¹ Интервью с Азагом Аскарговым 8 января 2023 г.

² Интервью с Али Кужугет 8 января 2023 г.

³ По состоянию на 17 января 2023 г.

⁴ Сообщество «Шулуктер бооп хуула берди!!!» (33 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/setkilejiajuk>; группа «Тыва Шулуктер | ТШ» (Тувинские стихи) (15 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tuvashuluk> (дата обращения: 08.01.2023); сообщество «Доозуннут кыдырааштан... || Шулуктер» (Из запыленной тетради || Стихи) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/slovamoi>; сообщество «Эрик Донгак ШУЛУКТЕР» (Стихи Эрика Донгака) (7 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/erikdongak> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Тыва оглунун чогаалдары (Сочинения сына Тувы) (19 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2014, 18 января. URL: https://vk.com/tuva_oglunun_chogaaldary (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Тыва Кыстын Чогаалдары (Сочинения тувинки) (50 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2016, 15 марта. URL: https://vk.com/tyva_kystyn_chogaaldary (дата обращения: 08.01.2023); Чогаалдарым (Мои сочинения) (17 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2020, 22 сентября. URL: <https://vk.com/chogaaldarym17> (дата обращения: 08.01.2023); Тоогуп берейн чогаалдарым (Расскажу о своих сочинениях) (9 тыс.) // ВКонтакте. 2020, 20 июня. URL: <https://vk.com/public196478457> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Чогаалдарым (Мои сочинения) (10 тыс.) [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2022, 22 июня. URL: <https://vk.com/public214093273> (дата обращения: 08.01.2023).

⁸ Данные предоставила Ая Ондар.

⁹ С 21 марта 2022 г. *Instagram* запрещен в России в связи с признанием компании-владельца сети *Meta* (США) экстремистской организацией. — ред.

нельзя создавать отдельные сообщества, каждый профиль является отдельным аккаунтом. По сути, пользователи взаимодействуют через личные сообщения (директ) и групповые чаты, через просмотр и комментирование постов и коротких «историй». Несмотря на такое ограниченное взаимодействие, социальная сеть стала очень популярной, хотя в связи с ее запретом в 2022 г., вероятно эта популярность среди российских пользователей несколько снизилась.

Практичным и доступным способом общения и обмена информацией являются мессенджеры. Далее кратко рассмотрим представленность тувинского языка в мессенджерах.

Самым популярным мессенджером для тувинцев является *Viber*. Данным приложением пользуются почти все тувинцы, поддерживая связь с семьей, родственниками, коллегами, земляками:

«*Viber* прежде всего используется для связи со знакомыми, родственниками (90,2%). Количество участников в чатах родственников колеблется от 13 до 70 человек, общение в них ведется практически постоянно, чаще всего на тувинском языке. Участники групп обмениваются информацией, новостями и договариваются о совместных действиях. Самые распространенные названия для подобных групп звучат или на тувинском языке “Төрелдер” (“Родственники”), с вариациями “Эргим Төрелдер” (“Дорогие родственники”), “Угбашкылар” (“Сестры”) и пр., или на русском — “Семья”, “Родня”, “Родные”. Названия могут быть связаны с фамилиями (напр., “Байкаралар”), или районом (“Төрелдер Улуг-Хем”)» (Ламажаа, 2021: 120).

Кроме того, имеются специальные группы со своей тематикой и направлением, в которых основным языком общения является тувинский. Например, в группе «Алдын-Херел судуру» («Сутра золотистого света») (1,7 тыс. участников), созданной 21 декабря 2022 г., Шолбан Ооржак¹ выставил свой перевод сутры (21 глава, 1281 строка) на тувинский язык. Сейчас он продолжает выставлять в группу и другие свои переводы текстов по буддийской философии и практике. В группе он ежедневно идет общение между ним и участниками группы на тему буддийской философии и практики. Всё общение идет на тувинском языке.

Есть также группа А. Ондар, о которой мы говорили выше, содержание которой дублирует содержание сообщества в соц.сети «ВКонтакте». Там 2500 подписчиков, по мере написания она выставляет туда свои сочинения по главам, далее сразу идут обсуждения и отзывы. Группа полностью на тувинском языке².

Интересный формат общения в группе «Такси “Добро” Кызыл!!!» (16 тыс.)³. В этой группе переписка ведётся между водителями такси и теми, кто пользуется их услугами. Участник группы пишет свой адрес и куда ему нужно ехать. Далее таксист, который хочет забрать этот заказ, через опцию «Ответить» пишет «Еду бе?» («Еду?»), если заказчик согласен, то пишет «Чаа» («Хорошо»). Таксист приезжает по указанному адресу и пишет «Үнер» («Выходить») и указывает номер машины. Когда пассажир садится в машину, по правилам группы водитель должен написать «Алган» («Забрал»), а когда довез до указанного адреса, пишет «Чедирген» («Довез»). Можно сказать, что это местный аналог российского агрегатора «Яндекс.Такси».

Есть и другие группы, связанные предоставлением услуг, например, популярная группа «Эът — дорт Малчыннардан» («Мясо — напрямую от чабанов») (22 тыс. участников)⁴. Здесь можно поместить объявления о продаже или купле мяса. Общение практически полностью идет на тувинском языке.

Специалисты в области тувинского языка обмениваются информацией между собой и дискутируют на темы, связанные с тувинским языком в группе учителей тувинского языка республики «Уш ыдык ӨНҮ» («Три святыни»). В группе 241 участник⁵, почти все они — члены общественной организации «Ассоциация учителей тувинского языка и литературы».

Интерфейс на тувинском языке имеет мессенджер *Telegram*. Новость о том, что мессенджер переведен на тувинский язык, появилась 21 марта 2021 г. Автор перевода и новости, который предпочел остаться неизвестным, написал: «Дорогие земляки, давайте развивать тувинский язык и расширять

¹ Практикующий буддист, переводчик текстов по буддийской философии и практике на тувинский язык.

² По состоянию на 17 января 2023 г.

³ По состоянию на 19 января 2023 г.

⁴ По состоянию на 19 января 2023 г.

⁵ По состоянию на 19 января 2023 г.

сферы его употребления»¹. Среди официальных языков мессенджера тувинского языка пока нет, и чтобы перейти на тувинский язык, нужно перейти по ссылке: <https://t.me/setlanguage/tuvan>. Однако этот мессенджер не так популярен среди тувинцев, им в основном пользуется молодежь.

Видеохостинг *YouTube* является одним из самых популярных видео-хостингов «социального» характера, которым очень часто пользуются тувинцы (Ламажаа, 2021: 119). Одним из самых больших *YouTube*-каналов, который содержит контент на тувинском языке, является официальный канал «ГТРК Тыва»², у которого 47,6 тыс. подписчиков (по состоянию на 19 января 2023 г.). Ежедневно на канале выкладываются записи эфиров телевизионного времени. Практически вся жизнь республики освещается благодаря ГТРК «Тыва» не только на русском языке, но и на тувинском языке: телеканал проводит прямые трансляции с национальных фестивалей, праздников и турниров, выпускает сюжеты о повседневных проблемах населения.

Другой телеканал «Тува 24»³ — активно охватывает медиапространство Тувы в последние годы. У канала в *YouTube* 21 тыс. подписчиков (по состоянию на 19 января 2023 г.). Телеканал имеет большой спектр телепрограмм и рубрик, среди которых можно выделить такие спецпроекты на тувинском языке: как «Сылдысчыгаш» («Звездочка») — детская телепрограмма, «Чон аразында кижиги» («Человек из народа») — проект, рассказывающий об известных, талантливых людях нашей республики, и «Хүннүң чугула айтырыы» («Важный вопрос дня»), программа, поднимающая острые, актуальные вопросы, касающиеся разных сфер жизнедеятельности в регионе в текущее время. Телеканал осуществляет на тувинском языке прямые трансляции с разных событий республики. Кроме спецпроектов и текущих рубрик, телеканал также выпускает регулярную новостную передачу на тувинском языке.

Среди популярных *YouTube*-каналов только на тувинском языке можно выделить «ISHKIN TV Ишкин оглу»⁴. Количество подписчиков данного канала 16,9 тыс. (по состоянию на 19 января 2023 г.). Канал ведет заслуженный артист Республики Тыва Айдын Монгуш (творческий псевдоним — Ишкин оглу). Канал ведет постоянную рубрику «Ишкинниң аалчызы» («Гость Ишкина») в формате беседы автора с выдающимися людьми республики, достойными гражданами и видными деятелями в сферах культуры, искусства, образования, спорта и здравоохранения Республики Тыва. Другая интересная рубрика этого канала — «Эне Тывам» («Родная Тува»). В ней рассказывается про разные уголки и необычные места Республики Тыва. Автор канала лично осуществляет выезды на разные локации, создает интересный контент.

В *YouTube* есть каналы учреждений культуры и образования Республики Тыва, занимающиеся, в том числе популяризацией, сохранением тувинского языка. Канал Центра развития традиционной тувинской культуры и ремесел существует с 21 апреля 2014 г., и на сегодня (19 января 2023 г.) объединяет 4 тыс. подписчиков⁵. Канал в основном на тувинском языке и содержит много видео, посвященные популяризации разных аспектов тувинской традиционной культуры.

Канал Института развития национальной школы существует с 10 января 2020 г., имеет 484 подписчика (на 19 января 2023 г.)⁶. На канале есть разделы, содержащие видео о народных традициях, уроки по этнопедагогике, мультфильмы, караоке детских тувинских песен, видео с мероприятий. Название многих видео на русском языке, но содержание всех видео на тувинском.

Помимо *YouTube*-каналов учреждений есть несколько частных каналов, которые занимаются обучением, сохранением, популяризацией и развитием тувинского языка. Например, А. Сюрюн, российский лингвист, специалист по тувинскому и тофаларскому языкам, руководитель Научного цен-

¹ Telegram доступен на тувинском [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2021, 21 марта. URL: https://vk.com/wall-42729401_9722 (дата обращения: 08.01.2023).

² ГТРК Тыва [Электронный ресурс] // YouTube. 2012, 14 декабря. URL: <https://www.youtube.com/@gtrktuva> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Телеканал Тува 24 [Электронный ресурс] // YouTube. 2016, 15 ноября. URL: <https://www.youtube.com/@useron4on2ov7y/featured> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ ISHKIN TV Ишкин оглу [Электронный ресурс] // YouTube. 2018, 26 марта. URL: <https://www.youtube.com/@ishkintv1069/featured> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Tuvan cultural center / Центр тувинской культуры [Электронный ресурс] // YouTube. 2014, 21 апреля. URL: <https://www.youtube.com/@tuvanculturalcenter6467> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ ИРНШ Тыва [Электронный ресурс] // YouTube. 2020, 10 января. URL: https://www.youtube.com/@irnsh_tuva (дата обращения: 08.01.2023).

тра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН, ведет рубрику «Тыва дыл» для популяризации и развития тувинского языка на своем личном канале «ArzhaanaS»¹. Канал больше ведется как личный блог: автор выбирает разные бытовые темы и в коротких видео рассказывает на тувинском языке. За каналом следят 1,13 тыс. подписчиков (по состоянию на 19 января 2023 г.). Отметим, что пока у автора нет научных публикаций на эту тему. Хотя хотелось бы, чтобы ученый также проанализировала эту проблему и осветила с профессиональной точки зрения.

Еще один *YouTube*-канал — «Тыва дыл. Тувинский язык»². Он содержит видео, обучающие тувинскому языку. Количество подписчиков — 653 (на 19 января 2023 г.). Контент данного канала носит обучающий, образовательный характер. На канале объясняется грамматика тувинского языка. Стоит отметить, что здесь наблюдается частичное употребление тувинского языка, так как теоретическая часть видео-уроков, толкование и объяснение материала осуществляется на русском языке. Часть контента ведется в форме беседы на разные темы, такие как: обсуждение тувинских художественных произведений, изучение этимологии сложных исконно тувинских слов и даже философские рассуждения о буддизме. Автор проекта А.-С. Норбу, мануальный терапевт, ортопед, поэтому большая часть видеоматериала также посвящена медицине, где автор говорит на разные темы, охватывающие проблемы, профилактику, болезни на тувинском языке.

Относительно новая платформа для создания и просмотра контента, где люди рассказывают о своих увлечениях, находят аудиторию и зарабатывают на творчестве — Яндекс.Дзен. Один из пользователей данной платформы Б. Ендан, ведущий библиотекарь Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва создал блог «Тывам» («Моя Тыва»)», публикующий контент в основном на тувинском языке. Канал открыт 1 июня 2021 г. На 20 января 2023 г. у канала 4,2 тыс. подписчиков, 18 тематических подборок: «Өндүр салым» («Великая судьба»), «Буддизм. Мантры. Медитации», «Хөөмей-ыры» («Горловое пение»), «Өртемчейниң хоойлулар» («Законы Вселенной»), «Тыва технологиялар» («Тувинские технологии»), «Кадыкшылдың аадаңы» («Аудио здоровья»), «Фен-Шуй», «Тыва дылым» («Мой тувинский язык»), «Тыва чогаалдың начиннары» («Столпы тувинской литературы»), «Тыва чемниң дээжи» («Тувинская кухня»), «Амданныг-ла аяк шайым» («Тувинское чаепитие»), «Үлегер домактар, чечен сөстөр, тоолчургу чугаалар...» («Пословицы, поговорки, легенды»), «Төрел-аймак төөгүлүг» («История рода»), «Өгбелерим өөредии — чараш-чаагай чаңчылдары» («Учение предков — славные традиции»), «Йөрээлдер» («Благопожелания»), «Чүс-чүс чылдың чүглүг ырлары» («Окрыляющие песни столетий»), «Ом мани беме хум» («Мантра сострадания»), «Тыва дылым. Тыва чогаал» («Мой тувинский язык. Тувинская литература»).

Отметим, что за ближайшие несколько лет социальная сеть «ВКонтакте» и мессенджер *Viber* стали основными интернет-площадками функционирования тувинского языка. Одной из причин популярности тувинского языка как языка общения в них, на наш взгляд, заключается в том, что эти ресурсы являются популярными у взрослой аудитории. В киберпространстве происходит преимущественно текстовое общение, которое соотносимо с объективной реальностью (Holmes, 2005: 44-45), поэтому в соответствии с традициями тувинского народа взрослые задают язык и тон общения, а молодежь уже подстраивается. И, наоборот, в молодежных группах основным языком общения является русский⁴.

Очевидно, что, помимо прочего, видна разница между востребованностью тувинского языка в официальных сайтах и социальных сетях. Видно, что сами органы власти не столь активно используют и развивают тувинский язык в Интернете, хотя активно пропагандируют развитие языка. А само общество стихийно, без особой государственной поддержки, делает работу по расширению функционирования тувинского языка в Интернете.

¹ ArzhaanaS [Электронный ресурс] // YouTube. 2020, 24 октября. URL: <https://www.youtube.com/@ArzhaanaS> (дата обращения: 08.01.2023).

² Тыва дыл. Тувинский язык. [Электронный ресурс] // YouTube. 2016, 8 апреля. URL: <https://www.youtube.com/@user-yr4eq1sz9g> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Тывам [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен. 2021, 01 июня. URL: <https://dzen.ru/tyvam> [(дата обращения: 08.01.2023).

⁴ ReadKyzyl [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2013, 12 сентября. URL: https://vk.com/read_kzl (дата обращения: 08.01.2023).

Веб-сервисы и онлайн-инструменты

Под веб-сервисами и онлайн-инструментами мы подразумеваем словари, энциклопедии, справочники и т. д., основная их ценность заключается в функционале, сервис-ориентированной архитектуре.

Тувинская Википедия была открыта в мае 2006 г. и находилась в вики-инкубаторе до 2013 г. К 2011 г., когда работа по созданию тувинского раздела Википедии возобновилась, он содержал всего 20 статей¹. В июле 2013 г. Языковой комитет (Language committee) Фонда Викимедиа (Wikimedia Foundation) одобрил создание раздела Википедии на тувинском языке². Тогда, 7 июля 2013 г., в ней было написано 556 статей³. Это стало возможно благодаря грантовой поддержке Главы Республики Тыва. Сейчас тувинский раздел Википедии содержит 3387 статей⁴ (по состоянию на 19 января 2023 г.). Тематика статей очень разнообразна. Некоторые статьи были созданы благодаря инструменту Википедии «Перевод содержания»⁵, с помощью которого можно создавать переводы оригинальных статей на разных языках. К сожалению, для тувинского языка пока доступен только шаблон без встроенного машинного переводчика, т. е. перевод содержания осуществляется вручную, при этом структура статьи, ссылки и примечания можно сохранить. Сейчас созданием и редактированием статей занимаются несколько волонтеров.

На главной странице тувинского раздела Википедии можно найти ссылки на установку тувинской раскладки клавиатуры⁶ для всех основных операционных систем, в том числе для мобильных устройств. Здесь размещены практически все существующие на данный момент раскладки клавиатуры для тувинского языка, в том числе ссылка на первую подобную программу, разработанную для *Microsoft Windows* А. С. Папыном (Папын, 2010). Раскладку до сих пор можно скачать по указанной в статье ссылке⁷, но, к сожалению, программа уже устарела, а сейчас есть более удобные способы набора тувинских букв⁸.

С 2006 г. также в сети Интернет развивается первый тувинско-английский онлайн-словарь⁹, созданный на основе полевых материалов американских ученых Д. К. Харрисона и Г. Д. С. Андерсона, собранных в 1997–2004 гг.¹⁰ Согласно информации на сайте словаря в нем 8309 словарных статей, 2980 аудио-файлов (можно слышать, как звучат тувинские слова), 180 фотографий.

Одним из фундаментальных проектов, направленных на расширение доступа к тувинскому языку в Интернете, стал «Электронный корпус тувинского языка»¹¹, созданный в 2011 г. для решения научных и образовательных задач. Данный ресурс можно рассматривать как информационный сайт справочного характера, но главным мы считаем его прикладной характер, поскольку контент, представленный в нем, позволяет пользователям данного ресурса использовать материалы корпуса в ходе научных и прикладных исследований. Данный проект реализуется Научно-образовательным

¹ Активизировалась работа над тувинским языковым разделом Википедии [Электронный ресурс] // Мир энциклопедий. 2012, 7 декабря. URL: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/46695/> (дата обращения: 08.01.2023).

² Открылась тувинская Википедия [Электронный ресурс] // Мир энциклопедий. 2012. 11 августа. URL: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/46695/> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Тувинская Википедия легализуется [Электронный ресурс] // Tuva.Asia. 2013, 7 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/6384-tuv-vikipediya.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Википедия. Хостуг энциклопедия [Электронный ресурс] // Wikipedia. 2013, 11 августа. URL: <https://tyv.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Перевод содержания [Электронный ресурс] // Wikipedia. 2016, 6 июня. URL: https://www.mediawiki.org/wiki/Content_translation/ru (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Тыва танал [Электронный ресурс] // Тыва Википедия. 2013, 24 сентября. URL: https://tyv.wikipedia.org/wiki/Тыва_танал (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Тувинская раскладка клавиатуры [Электронный ресурс] // Тува.Азия. URL: <https://www.tuva.asia/tt/tuvan.exe> (дата обращения: 08.01.2023).

⁸ Тыва ALT [Электронный ресурс] // Тувинская Википедия. 2013, 24 сентября. URL: tyva_key.exe (дата обращения: 08.01.2023).

⁹ Tuvan-English Talking Dictionary (Тувинско-английский разговорный словарь) [Электронный ресурс] // Tuvan-English Talking Dictionary. URL: <http://tuvan.swarthmore.edu> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁰ About the Dictionary (О словаре) [Электронный словарь] // Tuvan-English Talking Dictionary. URL: <http://tuvan.swarthmore.edu/about> (дата обращения: 08.01.2023).

¹¹ Электронный корпус тувинского языка [Электронный ресурс] // Электронный корпус тувинского языка. URL: <http://tuvancorpus.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

центром «Тюркология» Тувинского государственного университета (Салчак, 2012; Бавуу-Сюрюн, 2016; Дагбажык, 2016; Далаа, 2016; Монгуш, 2016; Ооржак, Хертек, Кужугет, Ондар, 2016). Целью проекта является создание электронного корпуса тувинского языка, собрания лингвистических банков данных, предназначенных для последующей комплексной автоматизации научных исследований и прикладных разработок в области тувинского языкознания. Сегодня, благодаря электронному корпусу тувинского языка, можно читать произведения известных писателей-классиков тувинской литературы. Авторы этой статьи считают, что для полноценной работы с материалами электронного корпуса тувинского языка для научных целей необходимы разработка и внедрение лингвистических разметок и системы поиска в данном ресурсе.

1 ноября 2017 г. был презентован онлайн русско-тувинский словарь¹, который до сих пор функционирует² на платформе tyvan.ru. Ресурс создавала инициативная группа, в составе которой ученые Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ), студенты Тувинского государственного университета (ТувГУ), журналисты. Работу координировал А. А. Кужугет, будучи начальником Департамента информационной политики Правительства Республики Тыва³. По данным статистики ресурса за год (с 21 января 2022 г. по 10 января 2023 г.) количество просмотров сайта — 149 тыс., количество посетителей сайта — 81 тыс.

На базе данного ресурса с 2017 г. существует отдельная платформа для формирования базы параллельных тувинско-русских фраз для создания онлайн-переводчика⁴. По требованиям Яндекса для включения любого языка в сервис «Яндекс.Переводчик», необходимо предоставить минимум 1 млн параллельных фраз для обучения нейросети: слов, словосочетаний, простых и сложных предложений и текстов. По словам А. Крайнова, руководителя Лаборатории компьютерного зрения и технологий искусственного интеллекта Яндекса: «Машина очень хорошо учится на них [на двуязычных параллельных фразах]»⁵. К 20 января 2023 г. на сайте собрано 233 тыс. параллельных фраз. Проект осуществляется А. Кужугетом из личных средств, а также благодаря донатам (пожертвованиям) пользователей ресурса. Таким образом, чтобы появился тувинский онлайн-переводчик необходимо собрать еще 767 тыс. тувинско-русских параллельных фраз. С конца 2022 г. работу по сбору параллельных фраз взял на себя ТИГПИ. Если тувинский язык появится в сервисе «Яндекс.Переводчик», то можно переводить на тувинский язык (с тувинского языка) с любого языка (на любой язык), который представлен в этом ресурсе.

В сети Интернет можно найти морфологический анализатор тувинского языка⁶. На сайте *Apertium Beta*, который является платформой машинного перевода, на данный момент можно осуществлять морфологический анализ тувинских предложений, для этого необходимо выбрать тувинский язык из списка языков. Например, если ввести предложение «Бажың иштин аштап алыр сен» («Уберешься дома // Почистишь свою голову»), то морфологический анализатор выдает все возможные варианты морфемной разбивки данного предложения. Словоформа *бажың* может быть интерпретирована по-разному: во-первых, как слово *бажың* 'дом' в номинативе, или как слово *баи* 'голова' с аффиксом принадлежности 2-го лица единственного числа в номинативе *баж-ың* 'твоя голова'. При этом можно посмотреть список символов для расшифровки морфологической разбивки⁷.

¹ В Тыве создали электронную версию русско-тувинского словаря [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2017, 02 ноября. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/education/33297/ (дата обращения: 08.01.2023).

² Русско-тувинский словарь [Электронный ресурс] // Русско-тувинский электронный словарь. 2017, 1 ноября. URL: <https://tyvan.ru> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Отчет по созданию русско-тувинского онлайн словаря (2016–2017 гг.) [Электронный ресурс] // Русско-тувинский электронный словарь. URL: <https://tyvan.ru/contrib/recognisers.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Переводы [Электронный ресурс] // Русско-тувинский электронный словарь. URL: <https://tyvan.ru/add> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Асланова Н. Александр Крайнов, Яндекс: искусственный интеллект среди нас [Электронный ресурс] // Profit. 2019, 26 марта. URL: <https://profit.kz/articles/13491/Aleksandr-Krajnov-Yandeks-iskusstvennij-intellekt-sredi-nas/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Открытая платформа машинного перевода [Электронный ресурс] // Apertium Beta. URL: <https://beta.apertium.org/index.rus.html#analysis> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ List of symbols (Список символов) [Электронный ресурс] // Apertium. 2013, 4 декабря. URL: https://wiki.apertium.org/wiki/List_of_symbols (дата обращения: 08.01.2023).

Таким образом, в сети Интернет есть несколько языковых инструментов, в том числе «Википедия» на тувинском языке, онлайн словари, тувинская раскладка клавиатуры, электронный корпус, платформа для сбора базы данных для создания тувинского онлайн переводчика, морфологический анализатор. Ряд ресурсов были созданы за счет средств гранта Главы Республики Тыва. На наш взгляд, не хватает интернет-ресурсов для обучения тувинскому языку, других специализированных словарей, полноценного корпуса с лингвистической разметкой для автоматизации исследования тувинского языка, онлайн-переводчика, системы проверки правописания, синтезатора речи, распознавателя тувинской речи.

Мобильные приложения

Мобильные приложения предназначены для использования в мобильных устройствах (смартфоны, планшеты и др.). Загружаются из специальных онлайн магазинов приложений. Мобильные приложения могут создаваться в нескольких версиях для разных операционных систем, самыми популярными из которых являются *iOS* и *Android*.

Одним из первых приложений для тувинского языка, которое стало доступно для скачивания, является «Тыва танал» («Тувинская клавиатура»), появившееся для операционной системы *Android* 27 октября 2014 г.¹ Разработчики — программист и языковой активист из Удмуртии Г. Григорьев, лингвист и языковой активист из Республики Марий Эл А. Чемышев и А. Кужугет. Аналогичное приложение *iOS* «Тыва танал» появилось 23 октября 2015 г. Разработчик — А. Кужугет. Он также разработал вторую версию раскладки клавиатуры для тувинского языка под *iOS* «Тыва танал 2». Оно стало доступно для скачивания 9 мая 2016 года. Судя по отзывам, эти приложения очень полезны людям, однако требуется доработка, чтобы установка приложения было легче, использование было удобнее.

Одним из первых тувинских приложений, которое появилось на базе *iOS*, является приложение «Tyvan.ru»² (тувинско-русский, русско-тувинский словари). Словарь создан 7 августа 2015 г. С 9 января 2018 г. при введении и поиске слова появляется клавиатура с тувинскими буквами. Разработчиком приложения является А. Кужугет.

Аналогичный словарь «Тыва-орус сөстүк» («Тувинско-русский словарь») для операционной системы *Android* появился 12 ноября 2015 года³. Он содержит 16630 словарных статей. Разработчиком словаря указан *Tuva Developer* (А. Кужугет).

Приложение «Тыва кроссворд» (Тувинский кроссворд) доступен на двух платформах, на базе *Google Play*⁴ он появился 8 января 2016 г., на базе *App Store* — 15 января 2016 г.⁵ Описание приложения на обеих платформах на тувинском и русском языках. Разработчик приложений снова А. Кужугет. Приложение содержит несколько кроссвордов на тувинском языке. В отзывах пользователи жалуются, что приложение давно не обновлялось и новых кроссвордов не появляется.

20 февраля 2016 г. в *App Store* появилось приложение «Тыва ырылар» («Тувинские песни») ⁶. Судя по описанию, это сборник тувинских традиционных песен со словами, с возможностью воспроизведения, а некоторые песни с аккордами для игры на гитаре. Интерфейс приложения на тувинском языке. Приложение платное. Автор и разработчик — А. Кужугет.

¹ Тыва танал [Тувинская клавиатура] [Электронный ресурс] // Google Play. 2014, 27 октября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.anysoftkeyboard.languagepack.tyva> (дата обращения: 08.01.2023).

² Tyvan.ru. Тувинско-русский переводчик [Электронный ресурс] // App Store. 2015, 7 августа. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/tyvan-ru/id1023486602> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Тыва-орус сөстүк [Тувинско-русский словарь] [Электронный ресурс] // Google Play. 2015, 12 ноября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=tyv.rus.speakbook> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Тыва кроссворд [Тувинский кроссворд] [Электронный ресурс] // Google Play. 2016, 8 января. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.tyv.words> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Тыва кроссворд [Тувинский кроссворд] [Электронный ресурс] // App Store. 2016, 15 января. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/tyva-krossvord/id1073403459> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Тыва ырылар [Тувинские песни] [Электронный ресурс] // App Store. 2016, 20 февраля. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/tyva-ырылар/id1084126654> (дата обращения: 08.01.2023).

Аналогичное приложение «Тува Music» («Тувинская музыка») появилось 15 апреля 2019 г. в *App Store*¹, а для системы *Android* — 5 мая 2019 г.² Приложение содержит практически все современные эстрадные песни. Подписка платная — 75 рублей в месяц. Языком интерфейса можно выбрать тувинский или русский языки. Интерфейс на тувинском языке, к сожалению, неполный и с многочисленными ошибками. Разработчиком указана Б. Кара-Сал.

25 апреля 2017 г. Институт перевода Библии создал приложение «Ыдыктыг Библия тыва дылда» («Священная Библия на тувинском языке») на базе операционной системы *Android*³. Перевод текста Библии на тувинский язык был осуществлен силами тувинских писателей-билингвов. В 1990-е годы была сформирована тувинская группа переводчиков Библии (Н. Куулар, Э. Мижит, М. Кужугет, С. Комбу) и редакторов (В. Войнов, Л. Мижит, Т. Кандаурова, Е. Самба, С. Сычев). Она работала под методическим руководством Института перевода Библии и активно консультировалась с христианами-носителями тувинского языка (Саитбатталов, Лукманова, Саитбатталова, 2022). На базе *iOS* такое же приложение появилось только 12 июля 2020 г.⁴ В приложении размещен полный перевод Библии на тувинский язык. 26 сентября 2019 г. для *Android* также Институтом перевода Библии создано приложение «Библия-дан чуруктарлыг чугаалар» («Рассказы с изображениями из Библии») ⁵. Аналогичное приложение для системы *iOS* создано 21 декабря 2020 г.⁶ В описании приложения написано, что это «иллюстрированное приложение для детей и взрослых на тувинском языке для первого знакомства с Библией»⁷.

Приложение «Тувинский разговорник» появился 23 октября 2018 г.⁸ Аналог этого приложения для *Android* «Русско-тувинский разговорник» для системы *iOS* появился 1 ноября 2018 г.⁹ Разработчик приложений А. Кужугет. Инициаторами и заказчиками проекта являются Агентство по делам национальностей Республики Тыва, Центр традиционной тувинской культуры и традиционных ремесел Республики Тыва. Источником материала для уроков является русско-тувинский разговорник К. А. Бичелдея «Поговорим по-тувински»¹⁰. В приложении имеется 10 уроков. Уроки озвучены звукозаписывающей студией «Шыян-ам» (г. Кызыл) специально для данного проекта¹¹.

В магазине *Google Play* также доступен другой «Русско-тувинский разговорник», созданный 16 сентября 2020 г.¹² Автор приложения — TravelGuidance.ru — сервис, который занимается разработкой

¹ Тува music [Тувинская музыка] [Электронный ресурс] // App Store. 2019, 15 апреля. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/тува-music/id1452733083> (дата обращения: 08.01.2023).

² Тува music [Тувинская музыка] [Электронный ресурс] // Google Play. 2019, 5 мая. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.tuvamusic> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Ыдыктыг Библия тыва дылда [Священная Библия на тувинском языке] [Электронный ресурс] // Google Play. 2017, 25 апреля. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=org.ibt.tuvan.ydyktygbibliya.sab> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Ыдыктыг Библия тыва дылда [Священная Библия на тувинском языке] [Электронный ресурс] // App Store. 2020, 12 июля. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/ыдыктыг-библия-тыва-дылда/id1232563809> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Библиядан чуруктарлыг чугаалар [Рассказы с изображениями из Библии] [Электронный ресурс] // Google Play. 2019, 26 сентября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=org.tuvan.childrensbible.sab> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Библиядан чуруктарлыг чугаалар [Рассказы с изображениями из Библии] [Электронный ресурс] // App Store. 2020, 21 декабря. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/библиядан-чуруктарлыг-чугаалар/id1545299786> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Там же.

⁸ Тувинский разговорник [Электронный ресурс] // Google Play. 2018, 23 октября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=tyv.rus.speakbook> (дата обращения: 08.01.2023).

⁹ Русско-тувинский разговорник [Электронный ресурс] // App Store. 2018, 1 ноября. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/русско-тувинский-разговорник/id1445657824?platform=iphone> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁰ Бичелдей К. А. Поговорим по-тувински [Тывалап чугаалажылынар] Кызыл: Издательство ТРОО «Мир тувинцев»; Тувинское книжное издательство, 2012. 85 с.

¹¹ Русско-тувинский разговорник [Электронный ресурс] // App Store. 2018, 1 ноября. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/русско-тувинский-разговорник/id1445657824?platform=iphone> (дата обращения: 08.01.2023).

¹² Русско-тувинский разговорник [Электронный ресурс] // Google Play. 2020, 16 сентября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=travelguidance.ru.tuvan> (дата обращения: 08.01.2023).

приложений для туристов¹. Разговорник также состоит из 10 логических тем. Все тувинские слова специально написаны русскими буквами без использования тувинских уникальных букв (ө, ң, ү). В приложении также есть возможность проверить свои знания, пройдя тесты.

Для операционной системы *Android* также доступно приложение «Тыва чаңчылдар» («Тувинские традиции»), размещенное в *Google Play* 31 октября 2019 г.² Инициаторы и участники проекта — молодые сотрудники ТИГПИ: А. Монгуш, А. Хомушку, Б. Адыгбай, С. Саая, Ч. Хуурак. Разработчик приложения — А. Кужугет. В приложении на тувинском языке описаны традиции и обычаи тувинского народа. Приложение на тувинском языке.

Недавно для *Android* стало доступно приложение «Тувинские сказки AR»³, разработанное Тувинской библиотечной ассоциацией совместно с Тувинской детской библиотекой им. К. А. Чуковского. В *Google Play* оно стало доступно 21 сентября 2021 г. Проект был реализован благодаря грантовой поддержке Главы Республики Тыва и стал первым опытом внедрения дополненной реальности в библиотеках Тувы⁴. Это сборник из 5 сказок в дополненной реальности. В самом приложении доступны тексты сказок, а дополненная реальность работает при наведении включенной камеры на специальные рисунки из бумажной книжки, т. е. полноценная работа приложения доступно только тем, у кого есть сама книжка. В описании приложения не дается никаких упоминаний об этой книжке: каким тиражом была издана, где ее взять и т. д.

Таким образом, с 2014 г. почти каждый год появляются все новые приложения на тувинском языке или для тувинского языка. Однако не хватает приложений для обучения тувинскому языку. На данный момент самым продуктивным разработчиком тувинских приложений и для *Android*, и для *iOS* является А. Кужугет, отсюда видно, как у нас в регионе мало разработчиков мобильных приложений.

Проблемы и перспективы тувинского языка в интернет-пространстве

Если рассмотреть уровень цифровой устойчивости тувинского языка по трем аспектам (функционирование, престиж, языковая компетентность носителей), выделенным А. Корнаем (Kornai, 2013: 2), то тувинский язык, с одной стороны, идет в ногу со временем и расширяет сферу своего функционирования в интернет-пространстве, с другой стороны, как языку киберпространства ему необходимо отвечать определенным требованиям.

Согласно статье 5 Конституции Республики Тыва тувинский язык, наряду с русским языком, является государственным языком в Республике Тыва. Соответственно, тувинский язык в полной мере должен использоваться как в письменной, так и в устной речи на территории Республики Тыва, тем более в веб-сайтах государственных учреждений, информацией и услугами которых пользуется народ, проживающий в данном регионе, где титульным этносом является тувинцы, которые в подавляющем большинстве хорошо владеют своим родным языком.

Для полного соблюдения требований регионального законодательства все региональные сайты должны стремиться предоставлять информацию для населения в соотношении 1/1 (100%) на русском и тувинском языках. С точки зрения стремления сохранения, развития и популяризации тувинского языка, на наш взгляд, необходимо предоставить населению возможность выбирать интерфейс и содержание полностью на тувинском языке, при этом тувинский интерфейс должен быть выбран по умолчанию при открывании веб-сайта. Если посетитель не владеет тувинским языком или желает получить информацию на русском языке, то он может перейти на русскоязычную версию сайта. Основная идея такой меры состоит в том, что на сайтах региональных учреждений тувинский язык

¹ Travel Guidance [Электронный ресурс] // travelguidance.ru. URL: <https://travelguidance.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

² Тыва чаңчылдар [Тувинские традиции] [Электронный ресурс] // Google Play. 2019, 31 октября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.tigpi.changchyl> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Тувинские сказки AR [Электронный ресурс] // Google Play. 2021, 17 сентября. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.library.ArLibrary> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Тувинские народные сказки с технологией дополненной реальности — лучшая идея в реализации AR-проектов [Электронный ресурс] // Сайт Министерства культуры Республики Тыва. 2021, 29 декабря. URL: <https://culture-tyva.ru/press-czentr/novosti/tuvinskie-narodnye-skazki-s-tehnologiej-dopolnennoj-realnosti-luchshaya-ideya-v-realizaczii-ar-proektov/> (дата обращения: 08.01.2023).

должен быть доступен в полной мере и без дополнительных, пусть даже минимальных, усилий. Таким образом, официальные структуры должны обеспечивать равноправное функционирование двух государственных языков Республики Тыва в региональном интернет-пространстве, а именно требовать от официальных учреждений, чтобы их сайты имели интерфейсы на русском и тувинском языках, чтобы информация на сайтах давалась наравне и на тувинском, и на русском языках.

Для расширения функционирования тувинского языка в Интернете должна быть возможность быстро и легко создать контент на тувинском языке. Наличие машинного переводчика тувинского языка намного облегчило бы создание интернет-контента на тувинском языках. Тогда легко можно было бы создавать тувинские версии сайтов ведомств и учреждений Тувы, было бы легче наполнять тувинский раздел Википедии новыми статьями, переведенными с русского и других языков. Применение машинного переводчика повысит скорость появления актуальных новостей на тувинском языке.

Перспективным направлением для дальнейшего расширения присутствия тувинского языка в Интернет является создание синтезатора тувинской речи. Весной 2022 г. Яндекс презентовал новую технологию автоматического синхронного перевода контента *YouTube* с иностранного языка на русский¹. Для того, что такая возможность была доступна и для тувинского языка, необходимо, во-первых, создать онлайн-переводчик тувинского языка на платформе «Яндекс.Переводчик», во-вторых, создать синтезатор тувинской речи.

Другим важным инструментом расширения функционирования тувинского языка является осознанный выбор тувинского языка языком общения в сети Интернет блогерами, известными людьми, в особенности, молодежными лидерами. Это в том числе повышает престиж тувинского языка. Использование тувинского языка во многом увеличивается благодаря участию взрослой аудитории в социальных сетях и мессенджерах, в особенности повсеместное использование тувинского языка в «Viber» можно объяснить тем, что в группах сидят много пожилых людей. Таким образом, престиж тувинского языка в киберпространстве определяется цифровой активностью взрослой аудитории.

Общей проблемой для всех тувинских интернет-ресурсов, связанной с языковыми компетенциями носителей, является пренебрежение тремя уникальными буквами тувинского алфавита *ө*, *ү*, *ң* при написании текста на тувинском языке. К сожалению, такие ошибки допускают и официальные сайты учреждений². Более того, наблюдаются ситуации, когда правописание с использованием тувинских букв, не соблюдаются и некоторыми учеными, в том числе филологами, при написании статей на русском языке. А для текстов социальных сетей и мессенджеров это стало обычным делом. До сих пор многие пользователи не знают о существовании инструмента и приложений «Тыва танал». Другие предпочитают не пользоваться «Тыва танал» из-за того, что набор текста с помощью «Тыва танал» занимает больше времени. Например, в устройствах *iOS* для того, чтобы набрать три буквы *ө*, *ү*, *ң* необходимо некоторое время (менее секунды) удерживать соответственно буквы «о», «у», «н». Однако для цифрового мира доли секунд имеют существенное значение. Поэтому необходимо, во-первых, усилить информирование населения о наличии таких инструментов, увеличивать мотивацию к их применению, во-вторых, улучшать удобство использования самих раскладок тувинской клавиатуры.

В текстах официальных сайтов учреждений, социальных сетей и мессенджеров допускается большое количество орфографических и пунктуационных ошибок. Игнорирование правил тувинской орфографии, во-первых, связано с действительной низкой грамотностью населения по тувинскому языку. В особенности молодежь из-за того, что она по большей части не изучала тувинский язык в школе. Одним из основных испытанных средств является повсеместное внедрение систем проверки правописания тувинского языка. Пользователи допускают намного меньше опечаток и орфографических ошибок, благодаря функции автозамены и подчеркивания «неправильных слов». Работа

¹ «Яндекс» создал прототип закадрового перевода видео в «Браузере» [Электронный ресурс] // vc.ru. 2021, 16 июля. URL: <https://vc.ru/tech/270552-yandeks-sozdal-prototip-zakadrovogo-perevoda-video-v-brauzere> (дата обращения: 08.01.2023).

² Таныжынар, эртем-өөредиглиг ном «Тывызыкты тыппышаан өөренили» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Республики Тыва. 2022, 22 марта. URL: <https://culture-tyva.ru/press-czentr/novosti/tanyzhynar-ertem-өөrediglig-nom-tyvvyzykty-typpyshaan-өөreniili/> (дата обращения: 08.01.2023).

над созданием такого инструмента ведется в ТИГПИ¹, кроме того, такую программу разрабатывает независимый разработчик В. Иргит², который использовал корпус материалов интернет-версии газеты «Шын» и сайта Правительства Республики Тыва. На сегодняшний день в этих сайтах больше всего текстов на тувинском языке, и они проходят тщательную корректуру.

Заклучение

Мы рассмотрели различные интернет-ресурсы, в которых тувинский язык является языком коммуникации, служит средством получения и передачи информации. Изученный материал был сгруппирован по разным видам ресурсов: информационные сайты, социальные сети и мессенджеры, веб-сервисы и онлайн-инструменты, мобильные приложения. Также мы рассмотрели их основные общие проблемы и перспективы. И в целом тувинский язык можно отнести к живым языкам цифровой среды.

Однако многие государственные ведомства, институты и учреждения, имеющие прямое отношение к культуре, языку тувинского народа незаконно пренебрегают тувинским языком при наполнении своих сайтов. По закону они должны оформлять сайты не только на русском языке, но и на тувинском, предоставляя всем гражданам республики полноценную возможность получения информации на тувинском языке как на государственном языке республики. Никто, к сожалению, за этим не следит.

Наибольшее распространение тувинского языка наблюдается в социальной сети ВКонтакте и в мессенджере Viber, где люди общаются на житейские, бытовые темы, создают «литературные» произведения, получают информацию о различных услугах, тем самым поддерживая функционирование тувинского языка. Кроме того, есть другие интернет-ресурсы, содержащие контент на тувинском языке, к числу которых относятся разные каналы, платформы, проекты в Youtube, Яндекс.Дзен и др.

Что касается инструментов и мобильных приложений для тувинского языка, то понемногу появляются все новые и новые сервисы, поддерживающие функционирование тувинского языка в Интернете. К сожалению, не хватает электронных ресурсов, обучающих тувинскому языку разные категории желающих: самих носителей и тех, для кого тувинский язык не является родным. К числу необходимых интернет инструментов мы также относим: специализированные словари, полноценный корпус с лингвистической разметкой для автоматизации исследования тувинского языка, онлайн-переводчик, система проверки правописания, синтезатор речи, распознаватель тувинской речи.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность уважаемым информантам А. А. Кужугету, В. А. Иргиту, О. Д. Дамба-Хуураку, Н. В. Сат, А. И. Аскарору, А. А. Ондар, А. С. Сюрюн — за предоставленную информацию и за неоценимый вклад в развитие тувинского языка в Интернете. Отдельная благодарность У. А. Донгак и А. В. Чемышеву за консультацию и ценные советы при написании статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2016) Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–27.

Габдрахманова, Г. Ф., Махмутов, З. А. (2018) Национальный интернет России: к постановке проблемы // Oriental Studies. № 11 (3). С. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>

Гусейнова, А. В. (2017) Хакасский язык в национальном интернет-пространстве // Мир науки, культуры, образования. № 5 (66). С. 349–351.

Дагбажык, А. С. (2016) Структура словарной статьи Национального корпуса тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 36–44.

¹ Ондар Ч. Цифровое развитие тувинского языка на 2023–2032 годы [Электронный ресурс] // YouTube. 2022, 25 декабря. URL: <https://www.youtube.com/live/JYJ6YTQ-ISg?feature=share> (дата обращения: 08.01.2023).

² Иргит В. Разбор кода на kaggle: сбор корпуса и разработка системы проверки орфографии тувинского языка [Электронный ресурс] // YouTube. 2022, 25 декабря. URL: <https://www.youtube.com/live/JYJ6YTQ-ISg?feature=share> (дата обращения: 08.01.2023).

Далаа, С. М. (2016) ЭВМ и тувинский язык: обзор исследовательских работ Тувинского государственного университета // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–35.

Дамба-Хуурак, О. Д. (2010) Первый тувиноязычный сайт // Новые исследования Тувы. № 1. С. 206–210.

Кужугет, А. А. (2012) Перспективы тувинской «Википедии» // Новые исследования Тувы. № 2. С. 142–145.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Махмутов, З. А. (2015) Языковой ландшафт татарского Интернета. Казань : Академия наук Республики Татарстан. 36 с.

Махмутов, З. А., Орехов, Б. В. (2014) Методологические и практические аспекты изучения национальных Интернетов в России // Русский язык и новые технологии / под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М. : Новое литературное обозрение. 256 с. С. 189–199..

Монгуш, Ч. М. (2016) Метатекстовая разметка в Национальном корпусе тувинского языка: структура и функциональные возможности // Новые исследования Тувы. № 4. С. 45–52.

Ооржак, Б. Ч., Хертек, А. Б., Кужугет, М. А., Ондар, В. С. (2016) Семантическая разметка имени для Электронного корпуса текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–65.

Папын, А. С. (2010) Тувинская раскладка клавиатуры // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–25.

Принцев, И. (2011) Радуга Тувы // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 305–307.

Саая, С. Д. (2017) Способы создания компьютерного интерфейса на тувинском языке (на основе социальной сети «ВКонтакте») // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: Сборник материалов Международной научной конференции, Сыктывкар, 16–17 марта 2017 года / отв. ред. М. С. Федина. Сыктывкар : Коми республиканская академия государственной службы и управления. 308 с. С. 173–177.

Сайтбатталов, И. Р., Лукманова, Р. Х., Сайтбатталова, Ю. А. (2022) Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки // Новые исследования Тувы. № 4. С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>

Салчак, А. Я., Ондар, В. С. (2020) Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги // Новые исследования Тувы. № 1. С. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.6>

Салчак, А. Я. (2012) Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 3. С. 110–114.

Хийс, Г., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2016) Язык и фольклор тувинцев Монголии в базах данных электронных ресурсов на тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 77–87.

Holmes, D. (2005) *Communication theory, media, technology and society*. London : Sage Publications. 272 p.

Kornai, A. (2013) Digital language death // *PLoS ONE*, 8 (10): e77056. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056>

Makhmutov, Z. A., Sagitova, A. G., Ibragimova, E. R. (2015) Russian and Tatar languages in official internet resources // *International Review of Management and Marketing*. Vol. 5. No. 4. P. 154–159.

Дата поступления: 01.02.2023 г.

Дата принятия: 15.02.2023 г.

REFERENCES

Bavuu-Surun, M. V. (2016) Voprosy sozdaniia elektronnykh resursov tuvinskogo iazyka: nekotorye itogi, neotlozhnye zadachi i perspektivy [Creating electronic resources on Tuvan language: Preliminary results, current challenges and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–27. (In Russ.).

Gabdrakhmanova, G. F. and Mahmutov, Z. A. (2018) Natsional'nyi internet Rossii: k postanovke problemy [National internet of Russia: Problem statement revisited]. *Oriental Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 142–151. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>

Guseinova, A. V. (2017) Khakasskii iazyk v natsional'nom internet-prostranstve [Khakass language in the national Internet space]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (66), pp. 349–351. (In Russ.).

Dagbazhyk, A. S. (2016) Struktura slovarnoi stat'i Natsional'nogo korpusa tuvinskogo iazyka [The structure of an entry in the National corpus of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 36–44. (In Russ.).

Dalaa, S. M. (2016) EVM i tuvinskii iazyk: obzor issledovatel'skikh rabot Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Computers and Tuvan language: An overview of research at Tuvan State University]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–35. (In Russ.).

Damba-Huurak, O. D. (2010) Pervyi tuvinoiazychnyi sait [The first Tuvan-language site on the Internet]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 206–210. (In Russ.).

Kuzhuget, A. A. (2012) Perspektivy tuvinskoi «Vikipedii» [Prospects of Tuvan Wikipedia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 142–145. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Makhmutov, Z. A. (2015) *Iazykovoii landshaft tatarskogo Interneta [The language landscape of the Tatar Internet]*. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 36 p. (In Russ.).

Makhmutov, Z. A. and Orekhov, B. V. (2014) Metodologicheskie i prakticheskie aspekty izucheniia natsional'nykh Internetov v Rossii [Methodological and practical aspects of studying national Internets in Russia]. In: *Russkii iazyk i novye tekhnologii [Russian language and new technologies]* / ed. by M. V. Akhmetova and V. I. Belikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 256 p. Pp. 189–199. (In Russ.).

Mongush, Ch. M. (2016) Metatekstovaia razmetka v Natsional'nom korpuse tuvinskogo iazyka: struktura i funktsional'nye vozmozhnosti [A metatextual markup in the national corpus of Tuvan language: The structure and functionality]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 45–52. (In Russ.).

Oorzhak, B. Ch., Khertek, A. B., Kuzhuget, M. A. and Ondar, V. S. (2016) Semanticheskaia razmetka imeni dlia Elektronnoogo korpusa tekstov tuvinskogo iazyka [Semantic markup of nouns and adjectives for the Electronic corpus of texts in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–65. (In Russ.).

Papyn, A. S. (2010) Tuvinskaia raskladka klaviaturny [Tuvan keyboard layout]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).

Printsev, I. (2011) Raduga Tuvy [Tuvan rainbow]. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 305–307. (In Russ.).

Saia, S. D. (2017) Sposoby sozdaniia komp'iuternogo interfeisa na tuvinskom iazyke (na osnove sotsial'noi seti «VKontakte») [Ways to create a computer interface in the Tuvan language (based on the VK social network)]. In: *Elektronnaia pis'mennost' narodov Rossiiskoi Federatsii: opyt, problemy i perspektivy [Electronic writing of the peoples of the Russian Federation: Experience, problems and prospects]* : Proceedings of the International research conference, Syktyvkar, March 16–17, 2017 / ed. by M. S. Fedina. Syktyvkar, Komi Republican Academy of Public Service and Management. 308 p. Pp. 173–177. (In Russ.).

Saitbattalov, I. R., Lukmanova, R. Kh. and Saitbattalova, Yu. A. (2022) Teonimicheskaia leksika v perevodakh Evangelii na bashkirskii i tuvinskii iazyki [Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 137–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>

Salchak, A. Ya. and Ondar, V. S. (2020) Sozdanie russko-tuvinskogo parallel'nogo podkorpusa elektronnoogo korpusa tuvinskogo iazyka: pervye itogi [Setting up a parallel Russian-Tuvan subcorpus within the electronic corpus of Tuvan language: Preliminary outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 75–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.6>

Salchak, A. Ya. (2012) Elektronnyi korpus tekstov tuvinskogo iazyka [Electronic corpus of texts of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 110–114. (In Russ.).

Khiis, G. and Bavuu-Surun, M. V. (2016) Iazyk i fol'klor tuvintsev Mongolii v bazakh dannykh elektronnykh resursov na tuvinskom iazyke [Language and folklore of ethnic Tuvans in Mongolia in Tuvan electronic databases]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 77–87. (In Russ.).

Holmes, D. (2005) *Communication theory, media, technology and society*. London, Sage Publications. 272 p.

Kornai, A. (2013) Digital language death. *PLoS ONE*, 8 (10): e77056. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056>

Makhmutov, Z. A., Sagitova, A. G. and Ibragimova, E. R. (2015) Russian and Tatar languages in official internet resources. *International Review of Management and Marketing*, vol. 5, no 4, pp. 154–159.

Submission date: 01.02.2023.

Acceptance date: 15.02.2023.

Женщины в публичном дискурсе в период Тувинской Народной Республики (историко-социологический анализ по материалам периодической печати)

Органа Д. Натсак

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация*

В статье на основе материалов тувинских журналов и газет Тувинской Народной Республики (ТНР) проведён историко-социологический анализ формирования современной тувинской женщины. Через анализ публичного дискурса определено содержание политики в отношении женщин, описаны идеологически маркированные образы женщин, которые соотнесены с социокультурным и политическим контекстом рассматриваемого периода. В статье показаны методы и особенности правовой социализации женщин.

Автором описаны практики репрезентации женщин в тувинских журналах и газетах, а также через газетные нарративы раскрыто содержание социального проектирования «новой тувинской женщины». Представлены результаты интерпретативного анализа лозунгов для женщин, раскрывающих проблемы и задачи, которые решались на уровне государства, и целевая модель, к которой стремились. Разобраны принципы работы араткоров (народных корреспондентов) и последствия их писем в газеты для женских карьер в условиях формировавшейся тогда новой политической культуры, которая характеризуется признаками, схожими с чертами современной «культуры отмены», распространением борьбы с «врагами народа» и проникновением языка насилия в политическую коммуникацию.

Сделан вывод о том, что тувинские журналы и газеты периода ТНР способствовали ролевой революции женщин.

Ключевые слова: тувинцы; Тувинская Народная Республика; периодическая печать; история Тувы; женский вопрос; правовая социализация; социальное проектирование; модернизация; классовая борьба; политическая культура; культура анонимности; газетный нарратив

Для цитирования:

Натсак О. Д. Женщины в публичном дискурсе в период Тувинской Народной Республики (историко-социологический анализ по материалам периодической печати) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 208-227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Women in the public discourse in the period of the Tuvan People's Republic (A historical and sociological analysis based on materials of the periodical press)

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article presents a historical and sociological analysis of the development of a modern Tuvan woman. It is based on the materials of Tuvan magazines and newspapers published in the years of the Tuvan People's Republic (TPR). Through the analysis of public discourse, the author has described the content of the policy towards women, as well as ideologically marked images of females which were correlated with the sociocultural and political context of the period under consideration. The article showcases the methods and features of the legal socialization of women.

The author characterizes the practices of representation of women in Tuvan magazines and newspapers. Through newspaper narratives, the content of the social design of the "new Tuvan woman" has been revealed. The work presents the results of an interpretive analysis of slogans that were addressed to women. These mottos demonstrate challenges and tasks that were being handled at the state level as well as the target model that they were seeking. The author discloses the principles of the work of aratkors (people's correspondents) and the influence of their letters on women's careers in the conditions of the then emerging new political culture, which is characterized by features similar to those of contemporary "culture of cancellation", the spread of the fight against "enemies of the people" and the penetration of the language of violence into political communication.

It is concluded that Tuvan magazines and newspapers of the TPR period contributed to the female role revolution.

Keywords: *Tuvans; Tuvan People's Republic; periodical press; history of Tuva; women's issue; legal socialization; social design; modernization; class struggle; political culture; culture of anonymity; newspaper narrative*

For citation:

Natsak O. D. Zhenshchiny v publichnom diskurse v period Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (istoriko-sotsiologicheskii analiz po materialam periodicheskoi pechati) [Women in the public discourse in the period of the Tuvan People's Republic (A historical and sociological analysis based on materials of the periodical press)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 208–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>

Введение

Представленная статья посвящена историко-социологическому исследованию общественного дискурса о женщинах Тувы в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Именно в этот период в сложных социальных условиях происходили ликвидация безграмотности, внедрение новых социальных норм в семейно-брачной сфере, воспитание классовой идентичности, политико-правовая социализация женщин, в том числе включение в формирующийся рынок труда, а также привлечение их к борьбе с «врагами народа». В ходе этих фундаментальных процессов, изменивших социальную структуру тувинского общества, происходило проектирование «новой тувинской женщины», которая и по ценностям, и по поведению, роли в общественно-государственных делах, а в некоторой степени даже внешним видом отличалась от традиционной тувинской женщины.

Первые тувинские журналы и газеты стали главным средством информирования о политике государства, Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) и Тувинского революционного союза молодёжи (ТРСМ), а также размещения официальных документов, политической агитации, пропаганды. Через сеть аратских корреспондентов (араткоров) власть в ТНР в 1930-е гг. начала получать «обратную связь» с мест, а газеты всё более становились инструментом политического контроля. Роль журналов и газет в продвижении «женского вопроса» и формировании «новой тувинской женщины»

была большой. Вместе с тем этот ценный вид источников для историко-социологического анализа формирования современной тувинской женщины до сих пор остаётся недостаточно изученным и практически не введённым в научный оборот.

Периодическая печать ТНР в научных работах исследовалась с точки зрения истории возникновения, хронологии основных этапов развития, основного содержания. Этим вопросам посвящены монографические работы и научные статьи Е. Т. Тановой (Танова, 1979, 2006), В. С. Кан (Кан, 2009, 2015), М. С. Маадыр и М. М. Седип-оол (Маадыр, Седип-оол, 2020¹), которые внесли существенный вклад в изучение газетной и журнальной печати в Туве. Материалы тувинских газет и журналов периода ТНР использовались такими исследователями, как З. Ю. Доржу², Г. А. Забелина (Забелина, 2010), которые исследовали газетную и журнальную печать для изучения истории женского движения в тувинской историографии и указывали на необходимость анализа печатных материалов как важных источников.

Исследований, посвященных анализу газетных дискурсов в контексте социально-политических практик в обществе в период ТНР, а также социальной репрезентации женщин в публикациях тувинской печати рассматриваемого времени, пока не было.

В этой связи автором была поставлена *цель* исследовать особенности репрезентации женщин в публичном дискурсе на материалах журналов и газет ТНР, раскрыть содержание проектируемой тогда «новой тувинской женщины».

Задачи исследования заключались в содержательном анализе доступных номеров тувинских газет и журналов ТНР для отбора и дальнейшего интерпретативного дискурс-анализа материалов, посвященных «женскому вопросу»; анализе первых публикаций о женщинах в тувинской прессе и официальных газетных материалов о женщинах в конце 1930-х гг., включая вопросы правовой социализации; определении роли прессы в социальном конструировании «новой тувинской женщины», основных характеристик формируемого желаемого, эталонного образа женщин, влиянии на него социально-политических процессов, происходивших в ТНР; описании образа женщин в письмах араткоров и женщин в борьбе с «врагами нарта» с учётом формировавшейся тогда новой политической культуры в тувинском обществе.

Объектом анализа стали опубликованные материалы тувинских журналов и газет периода ТНР, *предметом* — риторика, содержание, форма, социальный и политический контекст текстов журнальных и газетных публикаций, включая лозунги и призывы.

Источниковой основой данной статьи стали материалы периодической печати ТНР: газеты и журналы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ) и Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (НА ТИГПИ):

— журнал «Hubisyalci arad» (Революционный арат) 1926, 1927, 1929 гг., всего 3 номера (на монг. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— журнал «jalaıučud-un jorily-a» (Задачи молодежи) 1926, 1927, 1928 гг., всего 3 номера (на монг. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— журнал «Revolustuq arat» (Революционный арат) 1938, 1939, 1941 г., всего 5 номеров (на тув. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— журнал «TAR Cazaanŋ kol medeezi» (Главный бюллетень Правительства ТНР), всего 1 номер (на тув. яз.), 1938 г. хранится в НА ТИГПИ;

— газета «Tangu-Tiva-yin ünén» (Правда Танну-Тувы) 1926 г., всего 2 номера (на монг. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

¹ Также: Маадыр М. С. Журналы Тувинской Народной Республики в современных архивохранилищах // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народа. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной службы России. 26 апр. 2018 г., Республика Тыва, г. Кызыл / отв. ред. Б. В. Мунге. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк», 2018. 124 с. С. 43–47.

² Доржу З. Ю. Социальное положение женщин в Республике Тува. История и современность (1921–1993 гг.) : дисс. ... д. ист. н. М., 1993.

— газета «Tiva-yin ünep» (Тувинская правда) 1927, 1928, 1929 гг., всего 9 номеров (на монг. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— газета «Ünen» (Правда) 1929, 1930 гг., всего 5 номеров (на монг. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— газета «Tiva arad-un ünep» (Правда тувинского арата) 1930 г., 1931 г., всего 13 номеров (на монг. яз.), хранятся в НА РТ;

— газета «Тъба arattъъ зъпъ» (Правда тувинского арата) 1930 г., всего 2 номера (на тув. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— газета «Хостуг арат» (Свободный арат) 1938 г., 97 номеров; 1939 г., 100 номеров; 1940 гг., (на тув. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— газета «Şьп» (Правда) 1938, 99 номеров; 1939 г., 100 номеров; 1943 г., 18 номеров; 1944 г., 57 номеров (на тув. яз.), хранятся в НА ТИГПИ;

— газета «AREVE зъпъ» (Правда ТРСМ), 1938 г., 68 номеров, 1939 г., 67 номеров (на тув. яз.), хранятся в НА ТИГПИ.

Сохранившихся номеров журналов и газет, которые выходили в ТНР до перехода к «левой» политике в 1929 г., мало, как в Национальном архиве Республики Тыва, так и в Научном архиве ТИГПИ. По мнению, исследователя истории тувинской прессы В. С. Кан, они могли быть уничтожены по политическим соображениям по решению III Пленума ЦК ТНРП в 1939 г. (Кан, 2009: 122).

В связи с тем, что в 1939 г. в газете «Хостуг арат» была введена постоянная рубрика для женщин, наибольшее внимание уделено материалам данной газеты.

В качестве источников также были использованы материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 5, лл. 101–102).

Автором использованы общенаучный принцип научного анализа, методы интерпретативного дискурс-анализа материалов периодической печати, посвященной женщинам и «женскому вопросу».

Первые публикации о женщинах в печати ТНР

История тувинской печати началось в 1925 г. с издания первой тувинской газеты «Erke čilüge-tei бүкүү Тива» («Свободная Тува»).

В 1926 г. представитель Коминтерна в ТНР С. Нацов писал наркому иностранных дел СССР Чичерину, руководителю Восточного Секретариата Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Ф. Петрову о том, что в республике крайне плохо организована работа тувинской народно-революционной партии (ТНРП) и Тувинского революционного союза молодёжи (ТРСМ), отсутствует партийная печать (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 5, лл. 101–102). При непосредственном участии С. Нацова была проведена подготовка выпуска журнала ЦК ТНРП «Hubisyalči arad» («Революционный арат»), первый номер которого вышел в сентябре 1926 г. В том же 1926 г. начал выходить журнал ТРСМ «jalayučud-un jorily-a» («Задачи молодёжи»). Ключевыми газетами были три издания:

1) Первая тувинская газета «Erke čilüge-tei бүкүү Тива» вышла в 1925 г., переименовывалась несколько раз — в «Tangnu-Tiva-yin ünep» в 1925 г., в «Tiva-yin ünep» в 1927 г., «Tiva arad-un ünep» в 1930 г., «Тъба arattъъ зъпъ» в 1930 г. в связи с частичным переходом на тувинский язык и в «Şьп» — орган ЦК ТНРП и ЦК ТРСМ;

2) «Хостуг арат», издаваемая с 1936 г. — орган Малого Хурала и Совета министров ТНР;

3) «Areve зъпъ» — орган ТРСМ.

Специальных газетных материалов, посвященных женщинам, на начальном этапе развития тувинских газет и журналов было мало. К ранним публикациям в тувинской периодической печати можно отнести статьи в журнале ТРСМ «jalayučud-un jorily-a» («Задачи молодёжи»).

Это была публикация председателя ЦК ТРСМ Шагдыржапа «Ревсомол и положение девушек» в первом номере журнала «jalayučud-un jorily-a» («Задачи молодёжи») в 1926 г., в которой он подчеркивал важность и необходимость работы ТРСМ с молодыми женщинами¹.

¹Hubisyalty jalayučud-un eblel ba büsegüičüd-ün bayidal // jalayučud-un jorily-a. 1926, № 1. С. 6–7.

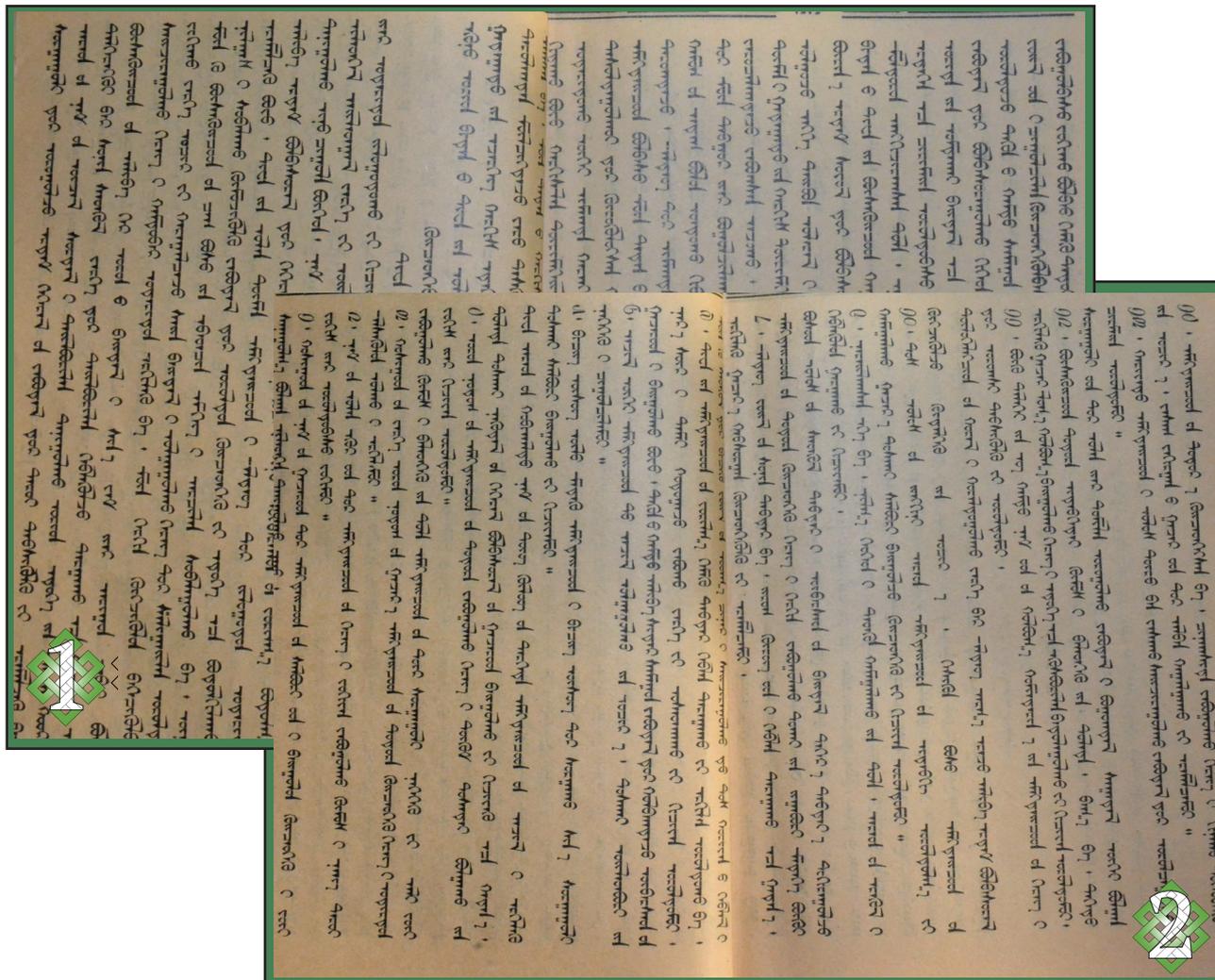

Фото 1–2. Первая, вторая, третья, четвёртая страницы материала под названием «О работах, необходимых к проведению среди аратских женщин Тувы», опубликованного в журнале «Hubisyalči arad» («Революционный арат»), № 4, 1929 г. (стр. 22–26) на монгольском языке. Хранится в научном архиве ТИГПИ.

Photo 1-2. The first, second, third and fourth pages of the material entitled "On Jobs to Be Done by Arat Women of Tuva", published in the magazine "Hubisyalči arad" ("Revolutionary Arat"), no. 4, 1929 (pp. 22–26) in Mongolian. It is kept in the research archives of Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research.

Следующей явилась статья Генин-Дарма Нацова¹ о правах женщин в том же журнале «jalayučud-un jorily-a» («Задачи молодёжи») в 1927 г. Начав с бесправного положения женщин, столетиями испытывавших самые горькие страдания, и получения прав в новом тувинском государстве, Г.-Д. Нацов указал на то, что женщины не слышали и не знают своих прав, до сих пор невежественны и темны, а их реальное положение во многих местах не изменилось. И в этой связи он призвал партию и ревсомол в качестве государственной задачи рассматривать включение женщин в свои ряды, руководство ими, обучение грамоте².

В 1928 г. в этом журнале была опубликована статья Бурбу «Прежнее и нынешнее положение женщин», которая была одновременно идеологической, и просветительской, и установочной, поскольку

¹ Генин-Дарма Нацов (Барбаков) работал в ТНР в 1927–1929 гг. Был двоюродным братом Сырена Нацова (Шой-желова), представителя Коминтерна, работавшего также в ТНР в 1926–1927 гг.
² Būsegüüčüd-ün // jalayučud-un jorily-a. 1927, № 3. С. 37–39.

журнал изначально был посвящен задачам, которые стоят перед тувинской революционной молодежью. В ней объяснялось, что тувинским женщинам для реализации полученных прав нужно учиться и повышать свою культуру¹.

Впервые в более систематизированном виде задачи работы с тувинскими женщинами были изложены в 1929 г. на страницах печатного органа Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) — журнале «Hubisyalči arad» («Революционный арат»), который начал выходить в 1926 г.² Задачи представлялись обзорным материалом «Прежнее и нынешнее положение наших тувинских женщин»³. Нарративы: многовековой гнёт, унижение тувинского народа иностранными эксплуататорами, которые держали народ в темноте, отсталости, невежестве, в особенности наши тувинские женщины, находясь под многократным угнетением, не рассматривались как люди, а считались грязными существами; после революции, освободившей от эксплуататоров, тувинский народ получил права и свободы, и мужчины, и женщины начали стремиться к образованию; для укрепления прав и свобод, полученных тувинскими женщинами, нужно пробуждать бедняцких и середняцких женщин от спящего состояния, развивать их активность, привлекать к обучению и культуре⁴. В этом же номере был представлен чёткий план организационных действий, состоявший из пятнадцати пунктов:

1. Открыть при хошунных комитетах партии подразделения для работы с женщинами;
2. При партийных ячейках найти людей, которые будут заниматься делами женщин;
3. Для подготовки лиц, которые будут руководить работой с женщинами в хошунах и на местах, открывать краткосрочные курсы обучения;
4. Для помощи работе среди женщин страны организовать кочевые школы, кроме того, открыть при ЦК ТНРП специальный отдел по работе с женщинами;
5. Открыть новые школы для обучения безграмотных женщин;
6. Для трудоустройства неработающих (безработных) женщин открывать специальные предприятия, вместе с этим уничтожать среди женщин проституцию, чтобы они не теряли свою честное имя;
7. Напечатать и распространить книгу «Задачи женщин»;
8. Издавать и распространять интересную литературу, портреты, разработать и издать инструкцию по ведению работы с женщинами, адаптировать журналы, литературу других государств к нашим условиям и издавать;
9. Для охраны здоровья матерей и младенцев в государственной больнице открыть соответствующее отделение;
10. Для повышения активности аратских женщин нашего государства необходимо использовать разные методы, как организация делегатских собраний для женщин, не являющихся членами (ТНРП и ТРСМ), тем самым приобщать их к обучению и развитию;
11. Установить связь с женским сектором Коминтерна, объединяющего коммунистические партии всего мира;
12. Для подготовки активисток из числа женщин без всяких промедлений и препятствий массово включать женщин в начальную и старшую школы;
13. В целях привлечения женщин к управлению государством принимать женщин служащими в органы власти;
14. Обсудить способы планирования и контроля проведенной работы с женщинами;
15. Лица, назначенные на работу с женщинами, включая тех, кто работает при ячейках партии, один раз в месяц должны отчитываться о проведенной работе в хошунном комитете партии⁵.

К первым публикациям о женщинах в газетах относится небольшой материал в «Tiva-yin ünep» («Тувинская правда») в 1927 г., в котором акцент сделан на вопросах просвещения тувинских женщин

¹ Emegteičüd-ün urid edüge-yin tobči bayidal // jalayučud-un jorily-a. 1928, № 4. С. 41–44. (На монг. яз.).

² Hubisyalči arad. 1926, № 1; 1929, № 4.

³ Biden-ü tiva-yin emegteičüd-ün urid edüge-yin bayidal // Hubisyalči arad. 1929, № 4. С. 19–22.

⁴ Tiva arad-un emegteičüd-ün dumda güyičedgebesü jokiqu kereg-üd ün tuqay // Hubisyalči arad. 1929, № 4. С. 22-26.

⁵ Там же.

как одном из важнейших направлений в деятельности ТНРП и ТРСМ¹. В этом материале повторялись оценки, изложенные ранее в журнале молодёжи, о том, что «тувинские женщины находились под гнетом не только внешних и внутренних эксплуататоров, но и мужчин, что они расценивались как домашние рабы, объект для купли-продажи, что женщины значительно отстали в своём культурном развитии»².

В 1930 г. в газете «Tiva arad-un ünén» («Правда тувинского арата») продолжали изредка выходить материалы с призывами «развивать права и свободы, просвещение тувинских женщин, которые с древности находились в отсталости»³. Задачи обучения, образования женщин приобрели особую актуальность в связи с началом кампании по изучению новой национальной письменности в Туве. В том же году на страницах указанной газеты отмечалось, что «прошедшие выборы в местные органы власти явились одним из достижений в части увеличения числа избранных женщин аратского происхождения, и местным органам власти следует обращать особое внимание на женщин»⁴. Тогда же вышла статья Тани Камовой (Сат) о необходимости усиления работы среди сельских женщин Тувы⁵.

Несмотря на то, что в ТНР в этот период было принято новое законодательство в сфере семейно-брачных отношений, на страницах газет появлялись материалы о том, что девушек продолжают сватать и выдавать замуж по старым правилам без учета их выбора и желания⁶.

Количественно и качественно материалы о женщинах начали расти в связи с переходом тувинскую национальную письменность. В переходный период «Tiva arad-un ünén» выходила на двух языках, затем она полностью перешла на тувинский язык.

В результате анализа первых публикаций в тувинских журналах и газетах мы приходим к выводу о том, что материалы о женщинах были спорадические, по содержанию были практически одинаковыми, описывающими бесправие до 1921 г., права и свободы, полученные в 1921 г. Красной нитью проходит констатация того факта, что женщины — отсталая и невежественная часть населения, которую нужно обучать и которой необходимо управлять. Женщины представлены исключительно как объекты воздействия. Ситуация изменилась в 1929 г., когда были сформулированы системные задачи работы с женщинами, описана организационная сеть. Этот материал, как выше указывалось, был опубликован в журнале ТНРП «Hubisyalči Arad» («Революционный арат»).

Официальные газетные материалы о женщинах

Усложнение общественно-политических задач, которые стояли перед тувинским государством, способствовало определённой специализации прессы и появлению новых газет, а внедрение национальной письменности способствовало росту тиражей и расширению охвата аудитории. Из трёх газет, которые начали выходить на тувинском языке после введения национальной письменности, каждая имела специфику. Газета «Џьп» в большей степени была официальным органом, печатавшим партийные и государственные решения, уделявшим большое внимание экономическим и хозяйственным вопросам. «Агеве џьп» была ориентирована на молодёжь, вопросы ТРСМ. В ней много было международных новостей, антифашистских материалов, которые передавались, как мы считаем, по линии молодёжного крыла Коминтерна. Также данная газета имела рубрику для пионеров. В обеих СМИ выходили материалы о женщинах, но наибольшее количество публиковалось в газете «Хостуг арат», в которой в 1939 г. была введена женская рубрика.

Первая специальная рубрика для женщин была презентована в январе 1939 г. Х. А. Анчимой, которая обратилась к женщинам со следующим призывом: «Женщины-аратки! Пишите в этой рубрике о своей работе, о том, как вы прививаете культуру, гигиену своим детям, как сами постигаете культуру и соблюдаете гигиену, о том, как вы привыкаете к современным больницам, как вы решительно ведёте борьбу с вредными учениями лам и шаманов»⁷.

¹ Tiva-yin ünén. 1927, № 6. 8 сентября.

² Там же.

³ Tiva arad-un ünén. 1930, № 24.

⁴ Tiva arad-un ünén. 1930, № 42. 5 декабря.

⁵ Tiva arad-un ünén. 1930, 18 июля.

⁶ Tiva arad-un ünén. 1931, № 11. 23 марта.

⁷ Хостуг арат. 1939, № 5 (255) 17 января.

Публикации в этой рубрике можно типологизировать следующим образом: доклады, отчёты, сообщения об организации работы с женщинами на местах; правовые материалы; разноплановая информация, направленная на формирование «новой тувинской женщины», включая лозунги как отдельный жанр; письма араткоров о женщинах и работе с ними.

Из большого массива информации о работе с женщинами остановимся на анализе правовой информации для женщин как на наименее изученных материалах.

В ТНР проводилась большая работа по формированию собственного законодательства как признака суверенности государства. Расширение объектов регулирования, содержательное совершенствование тувинских законов были непосредственно связаны с внутренними политическими процессами и внешними факторами. Тувинские женщины в ТНР стали полноправными субъектами права, получили конституционное равенство с мужчинами в политике, обществе и семье. Законы ТНР запретили физическое насилие над женщиной, насильственные браки, раннее замужество, привлечение женщины к занятию проституцией, а также была введена новая форма регистрации брака (Натсак, 2021a: 169). В этой связи перед правительством и ТНРП стояла более сложная задача — разъяснить смысл и содержание законов, в соответствии с ними менять устоявшиеся социальные нормы в обществе. Просвещать предстояло, прежде всего, «наиболее отсталую часть населения» — женщин. Одним из главных инструментов правового просвещения женщин в рассматриваемый период и выступили газеты.

В рубрике для женщин в газете «Xostug arat» описывались те страдания, которые испытывал тувинский народ в империи Цин и освещались преимущества нового строя в Туве. Схема работы была построена на противопоставлениях, порядков, царивших в «старое» время и норм, появившихся в «новое» время (таб. 1).

Таблица 1. Газетные антиномии о правовом положении тувинских женщин в «старое» и «новое» время
Table 1. Newspaper antinomies about the legal status of Tuvan women in “old” and “new” times

№	Женщины Тувы в «старое» время	Женщины Тувы в «новое» время
1	В империи Цин тувинские женщины были бесправны.	В ТНР получили права и свободы. Женщины такие же люди, как и мужчины, с такими же правами. В случае нарушения их прав имеют возможность подать жалобу.
2	Цинские законы были жестоки.	Тувинское законодательство имеет преимущества.
3	В старое время за женщин получали выкуп, продавали, насильно выдавали замуж без учета её желаний, решение о выдаче замуж принимали феодалы и ламы; выдавали замуж несовершеннолетних девушек; в семье они не имели права голоса, находились во власти мужчин.	Тувинские женщины в соответствии с новыми законами свободны от старых традиций выкупа, замужества не по своей воле, имеют право развестись с тем, с кем не хочет быть в браке. Женщины могут возглавить семью, делить власть в семье.
4	Женщин били не только мужа, но и родственники мужа.	Тувинские законы запрещают применять насилие к женщинам; факты насилия надо активно выявлять и передавать в судебные органы; нельзя допускать замалчивания фактов насилия.
5	Женщины столетиями испытывали самые горькие страдания и трудности.	Женщины сейчас имеют право получать зарплату, отпуск, лечиться, декретный отпуск, рожать в больнице, получать помощь государства за многодетность и в старости, потребовать средства на содержание незаконнорожденных детей от биологических отцов.

6	Тувинские женщины столетиями находились в отсталости.	Женщины наравне с мужчинами имеют право учиться, повышать свою культуру. Препятствование обучению и общественно-политической активности женщин карается законом.
7.	Женщины не принимали участие в управлении государством.	У женщин есть право избирать и быть избранными, право вступать в ТНРП, ТРСМ, профсоюзы.

Представляет интерес материал, детально описывающий виды и названия телесных экзекуций, которые применялись в Туве в рамках судебного производства в соответствии с уголовным законодательством Цинской империи: *шаагайттаар*¹, *манзыдаар*², *саспалдалаар*³, *төөннээр*⁴, *кулузун кагар*⁵, *дөңгулээр*⁶, и преимущества законодательства тувинского государства, которое рассматривает мужчин и женщин как равных⁷.

Разъясняя женщинам их правовое положение, использовали обзорные материалы, касающиеся особенностей положения женщин в капиталистических странах: уровень занятости женщин в капиталистических странах ниже, чем занятость мужчин; во многих странах женщины полностью зависят от мужа, ограничены в правах на труд, образование; в Индии, Японии, Гонконге женщины являются предметом купли-продажи⁸.

Во многих материалах правового характера в рубрике для женщин в газете «Хостуг арат», которые готовила агитатор среди женщин при Президиуме Малого Хурала ТНР Долчанмаа⁹, главной задачей ставились разъяснение норм уголовного законодательства ТНР в женской среде, борьба с бытовым насилием над женщинами, убийствами женщин на почве ревности, а также препятствование обучению и участию женщин в общественных делах¹⁰.

Публиковались также материалы судебных органов ТНР о вынесенных решениях судов о привлечении к штрафам, принудительным работам и лишении свободы по фактам избиений, унижении женщин мужьями, угрозах убийством; связи и последующего заключения брака с несовершеннолетней девушкой; отсутствия заботы в отношении больных жён и сестёр¹¹.

Кроме того, судебные решения выносились по фактам выдачи замуж дочерей за выкуп, избиения женщин не только мужьями, но и родственниками мужа, словесного оскорбления женщин. Указывалось на распространенность случаев сокрытия насилия над женщинами¹².

Об активности в ознакомлении женщин с законами свидетельствует тот факт, что только в 1938 г. было проведено 679 мероприятий правового просвещения. К недостаткам работы в этом направлении относили тот факт, что в 1938 г. 27 несовершеннолетних девушек вступили в брак¹³.

¹ *Шаагайттаар* — вид наказания, при котором били по щекам обвиненного толстой простроченной кожей.

² *Манзыдаар* — вид наказания, при котором 3–4 человека растягивают обвиненного в преступлении вниз лицом и бьют березовой доской по мягким местам до костей.

³ *Саспалдалаар* — вид наказания, при котором обвиненному лицу ломали пальцы.

⁴ *Төөннээр* — вид наказания, при котором вонзали в тело обвиненного горящий предмет.

⁵ *Кулузун кагар* — вид наказания, при котором вонзали под ногти обвиненного тростниковые прутья.

⁶ *Дөңгулээр* — вид наказания, при котором на шею обвиненного надевали деревянный «хомут» и закрывали на замок. С этим «хомутом» человек ходил в течение нескольких месяцев.

⁷ Хостуг арат. 1939, № 9 (259) 31 января.

⁸ Хостуг арат. 1939, № 19 (269)

⁹ 7 марта. Байкара Шожульбеевна Долчанмаа (1916–2002) — тувинский партийно-государственный деятель. В период ТНР работала в Верховном суде, аппарате Малого Хурала ТНР, МВД ТНР.

¹⁰ Хостуг арат. 1939, № 94 (344) 8 декабря.

¹¹ Хостуг арат. 1939, № 23 (273) 21 марта.

¹² Хостуг арат. 1939, № 74 (324) 26 сентября.

¹³ Хостуг арат. 1939, № 19 (269) 7 марта.

Практиковались выезды председателя Верховного суда ТНР Сугдур в сумоны с проверкой соблюдения законности в сфере прав женщин. Он спрашивал сумонных глав о количестве судебных решений по фактам насилия над женщинами, выдачи девушек замуж в несовершеннолетнем возрасте, за выкуп, заражения женщин венерическими заболеваниями¹. Содержание этих бесед публиковали в газете². Кроме того, из материалов, подготовленных лично председателем Верховного суда Сугдуром, мы видим, что законы как утверждённые государством новые социальные нормы должны были заменить устоявшиеся семейно-брачные практики и традиции, но для этого требовались время, разъяснение, наказание за их нарушение.

В обзорах судебных решений описывались также случаи нарушения законов со стороны женщин. В 1937 г., например, 52 женщины совершили преступления и были осуждены³. С января по апрель 1939 г. в Тес-Хеме, Дзун-Хемчике, Улуг-Хеме три женщин были осуждены за уголовные преступления, 5 женщин в Пий-Хеме, Каа-Хеме, Улуг-Хеме были осуждены за замужество в несовершеннолетнем возрасте. За посягательства на права мужчин были осуждены 2 женщины в Дзун-Хемчике и Пий-Хеме⁴.

В рассматриваемой рубрике араткорами анонимно сообщалось также о действиях женщин, которые по своему характеру подпадали под уголовно наказуемые деяния: воровство, вооруженная угроза убийством своим мужьям, избиения своих мужей, а также факты супружеской неверности, употребления алкоголя. Подобные факты ставят под сомнение нарративы, распространенные в тувинских журналах и газетах раннего этапа, о «забитых, многократно угнетенных, в том числе мужчинами в семье, тувинских женщинах, которых нужно раскрепощать», а также указывают на то, что эмансипация могла способствовать развитию социальных девиаций среди женщин.

Подытоживая данный раздел, нужно отметить, что официальные материалы в газете носили обзорно-аналитический характер, обобщающий практику работы с женщинами по вертикали «республика — хошун — сумон — арбан», а также по общественно-политической горизонтали «ТНРП — ТРСМ — профсоюзы». Ключевыми вопросами были обучение женщин, вовлечение их в общественно-политическую деятельность и экономическую активность. В этом комплексе вопросов правовая социализация тувинских женщин была одним важнейших направлений работы. Блок газетных правовых материалов свидетельствует о драматичных переходных процессах от письменно зафиксированных норм законов к их реальному действию и соблюдению. В газетных публикациях женщины имели образ жертв насилия, чьи права нарушались, прежде всего, по причине их необразованности и неосведомлённости, по этой же причине они сами становились субъектами противоправных действий.

Формирование «новой тувинской женщины»

Исследователи феномена большевистского проектирования «нового человека» рассматривали его как часть советской программы модернизационной трансформации 1920–1930-х гг., нацеленной на переделку сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека (Поршнева, 2019: 439). С точки зрения социального инжиниринга⁵ человеческие массы воспринимались как «материал», поддающийся социально-антропологическому изменению. Аналогичная советской модернизационная трансформация шла и в ТНР, во многом заимствовавшая советский опыт. Но здесь имелась своя специфика, обусловленная социокультурными, политическими факторами. Проектирование «новой тувинской женщины» и формирование её новой идентичности являлись одними из важнейших задач государства.

¹ Заражение кого-либо венерической болезнью подпадало под действие Уголовного закона ТНР: например, некий Торжу за заражение 5-х женщин был лишён свободы на 3 года. См.: Xostug arat. 1938, № 36 (186) 10 мая.

² Xostug arat. 1938, № 36 (186) 10 мая.

³ Там же.

⁴ Xostug arat. 1939, № 56 (306) 7 марта.

⁵ Социальный инжиниринг (социальный инженеризм) — целенаправленное формирование и воспитание социального поведения людей, которые должны были обладать конкретными социально-практическими качествами, необходимыми для ускорения модернизации разных аспектов жизни.

В формировании «новой женщины» важное значение имело языковое выражение, означающее гендерный признак, принадлежность к женскому полу. В июле 1930 г. в газету «Tiva arad-un ünep» обратилась Таня¹ с предложением заменить в тувинском языке идеологически устаревшее слово *херээжок*, которое дословно переводилось как «ненужная». Этим словом в тувинском языке обозначали женщину². Развернувшаяся дискуссия завершилась с принятием предложенного А. А. Пальмбахом слова «херээжен»³.

«Мое предложение — заменить слово “херээжок” новым словом “херээжен”, которое состоит из двух частей. Первая часть “херээ” взята из старого слова, вторая часть — во многих языках означает человека. В русском языке “жен” является частью слова “женщина”, в латинском, французском и других языках “жен” также имеет отношение к человеку, в китайском языке «жен» также означает человека. Если убрать “н” в конце, то слово становится похожим на тувинское слово “кижи-кижээ”. Концевая буква “н” присутствует в тувинских словах, обозначающих человека (человека определенного рода деятельности. — О. Н.) “тараачын”, “ажылчын”»⁴.

Актуализация данного вопроса именно в это время, как мы полагаем, является не случайной. В 1930 г. началось введение национальной тувинской письменности. До этого времени в старописьменном монгольском языке, который использовался тувинскими газетами, журналами, на котором писались официальные документы, законы ТНР, слово «женщины» передавалось нейтральными монгольскими словами *büsegüiçüd* ‘молодые женщины, девушки’ и *emegetiçüd* ‘женщины’. Когда начали вводить национальную тувинскую письменность, возник вопрос, какое слово использовать в отношении женщин в официальном языке газет, документов и законов, так как тувинское слово *херээжок* к этому времени приобрело негативно-уничижительный смысловой оттенок. В этой связи предложение А. А. Пальмбаха было принято, и в тувинском языке появилось новое слово для обозначения «новой тувинской женщины» — *херээжен*.

Газеты задавали новые паттерны поведения. Некоторые особенности и черты характера, которые были присущи большей части тувинских женщин, были обозначены как «препятствующие политико-культурному развитию женщин»: трусость, стеснительность, привычка скрывать лицо⁵. Призывали избавляться от них и взамен воспитывать в себе смелость, открытость, бодрость (активность) и самим бороться с притеснениями и унижениями⁶. В качестве примеров для следования приводили жён командиров Тувинской народно-революционной армии (ТНРА), которые успешно осваивают физическую культуру: катаются на лыжах, коньках на катке.

Популяризация положительных примеров носила всегда персональный характер. В качестве образцов для следования назывались конкретные женщины, их конкретные достижения или дела, поступки.

Лозунги как язык политической коммуникации, инструмент агитации и пропаганды стали частью газетного дискурса, отображавшего особенности политики в тот момент. Это были преимущественно лозунги-призывы к конкретным действиям, выполнявшие идеологическую и императивно-инструментальную функцию.

Представим интерпретацию некоторых лозунгов в контексте партийно-государственных задач, которые стояли перед руководством ТНР.

¹ Таня Камова (Сат) (1908–1988) — государственно-политический деятель периода ТНР, одна из первых женщин-активисток ТНР. После политических репрессий 1938 г., коснувшихся её супруга, попала в политическую опалу, и её партийно-государственная карьера закончилась.

² Tiva arad-un ünep. 1930, № 32. 18 июля.

³ Тьба arattъj џънь. 1930, № 37. 7 сентября.

⁴ Там же.

⁵ Xostuq arat. 1938, № 10 (163) 4 февраля.

⁶ Там же.

Таблица 2. Анализ лозунгов из газет, адресованных женщинам ТНР
Table 2. Analysis of slogans from newspapers addressed to women of TPR

№	Лозунги	Решаемые проблемы и задачи	Целевая модель
1	Женщины-аратки! Повышайте своё образование, расширяйте участие в народном хозяйстве, культуре и политике страны!	Комплексная задача борьбы с безграмотностью, культурной модернизации, включения женского труда в экономику страны, привлечения женщин к политической борьбе.	Женщина, умеющая не только читать, писать, но и обладающая профессией, работающая на предприятии, готовая к борьбе с «врагами народа», принимающая участие в выборах в органы власти.
2	Женщины-аратки! Вступайте в члены потребкооперации!	Экономическая задача выхода из натурального хозяйства, создания внутреннего рынка товаров и продукции, стимулирования товарооборота, закупки техники и оборудования в рамках простейших кооперативов и машинных товариществ.	Женщина, включающая или влияющая на решение о включении своего частного хозяйства в кооперацию, тем самым помогающая экономике молодого государства.
3	Женщины-аратки! Развивайте животноводство, всё дальше осваивайте технические приёмы!	Экономическая задача повышения производительности экстенсивного кочевого животноводства, внедрение в хозяйственную практику основ ветеринарии, зоотехники, подготовки кормов к зиме и теплых загонов.	Женщина, участвующая в хозяйственной модернизации страны, тем самым повышающая производительность сельскохозяйственного труда.
4	Женщины! Давайте обучаться профессии телефонистки и многим другим профессиям!	Экономическая и культурная задача по выстраиванию новой социально-профессиональной структуры тувинского общества, подготовки национальных кадров, в том числе из женщин, включение в экономику страны женского труда.	Работающая женщина, обладающая специальными знаниями и навыками.
5	Женщины-аратки! Принимайте участие в выборах местных органов власти!	Политическая задача по изменению социально-демографического состава низовых органов власти: включение бедноты, женщин; подготовка женщин к классовой борьбе в начале 1930-х гг., в конце 1930-х гг. — борьбе с «врагами народа».	Политически грамотная женщина, осознающая свою классовую идентичность, участвующая в государственном управлении и ведущая непримиримую борьбу с врагами.
6	Женщины-аратки! Выполним постановление 11-го Великого Хурала!	Задача вовлечения женщин в решение задач государственного значения	Женщины как социально-демографическая масса в авангарде реализации задач, поставленных государством.
7	Женщины-аратки, массово участвуйте в обороне страны!	Военно-политическая задача подготовки защиты государства, территории и населения в условиях возможных военных угроз со стороны других государств.	В защите и обороне страны женщины наравне с мужчинами выполняют все необходимые работы, при необходимости готовы воевать, заменить мужчин в хозяйственных работах.

Таким образом, «новые тувинские женщины» должны были:

- освоить грамоту;
- получить профессиональные навыки;
- работать по профессиям, которые не только для женщин были новыми, но и для всего тувинского общества;
- участвовать в женских собраниях;
- посещать просветительские кружки; знать законы;
- иметь подписку на тувинские газеты;
- участвовать в общественных работах и политике.

А для этого они должны были изменить своё сознание и поведение.

В военное время (с 1941 г. до вступления ТНР в состав СССР в 1944 г.) в газетах актуализируются темы трудовых подвигов и энтузиазма, взятие на себя сверхнормативов и обязательств, передовиков производства. Важность женского труда как важной составляющей борьбы с врагом и помощи фронту подкреплялась размещением на страницах тувинских газет военного времени фотографий советских женщин — работниц заводов, трактористок на рабочем месте¹, которые обеспечивали трудовой тыл, когда мужчины находились на фронте.

В тувинских газетах военного периода произошли определенные изменения в понимании роли женщин, изменился желаемый образ женщин, который всё более приобретает черты маскулинности: женщины обучаются обороне, женщины осваивают рабочие мужские профессии, выполняют план по охоте.

Таким образом, формирование «новой тувинской женщины» касалось всех сторон её жизни — общественной и личной, в ходе которой использовались эффективные социальные технологии, как распространение в газетах личного примера конкретных женщин, опыта советских женщин как референтной модели, использование лозунгов, сформулированных с учетом специфики государственных задач и роли женщин в их решении.

Женщины в письмах араткоров: влияние новой политической культуры

В рубрике для женщин газеты «Хостуг арат» присутствовал жанр писем с мест, которые содержали критику работы женотделов, женских кружков, указывали на необходимость улучшения, активизации работы. Как правило, такие критические письма публиковались под короткими псевдонимами (Кодан 'заяц', Кузег 'осеннее стойбище' и др.)². Таким образом, для читателей они были анонимными, так как реальные имена авторов не раскрывались. Но редакция газеты, разумеется, располагала информацией о реальных авторах. Эти письма, подписанные псевдонимами, готовились араткорами. Работа по организации сети араткорства для газет, как и «вербовка подписчиков» на печатные издания были составной частью основных установок политпросветработы и классовой борьбы (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 46, л. 203).

Одобрение на высшем уровне критики и самокритики при оценке работы с женщинами способствовало тому, что зачастую письма с мест по стилю и содержанию носили характер клеветы и доносов, не соблюдалось разграничение личной жизни и служебной деятельности тех лиц, которые подвергались критике. Немаловажным фактором в формировании доношительства был общий социально-политический фон, сформировавшийся в ходе состоявшихся репрессий 1938 г. Для многих материалов были характерны классовое противопоставление с «врагами народа», стигматизация или навешивание социальных ярлыков не только на тех, кто был подвергнут репрессии, но и на их родственников.

В материале «Недостатки женщины — председателя арбана Аякпан из сумона Сесерлиг Пий-Хема» араткор требовал незамедлительной проверки указанной женщины в связи с тем, что она поддерживала тесные связи с Ак-Ошку, супругой контрреволюционного Шавы, который был «приспешником»

¹ Ып. 1943, № 93 (1216) 20 октября; 1944, № 21 (1257) 6 марта.

² Хостуг арат. 1939, № 7 (257) 20 января.

контрреволюционера, убийцы, вредителя, шпиона Танчай¹; что она по происхождению не аратка, а её родители в 1931 г. были лишены политических прав; что она по старым устоям избивала своего мужа и уехала ночью верхом с другим мужчиной на одном коне; что была в невменяемом состоянии после употребления алкогольных напитков². Суть письма заключалась в том, что описанная женщина недостойна быть председателем арбана. Обращает на себя внимание уничижительная лексика, которая использовалась по отношению к объектам критики. Араткор призывал сместить с позиции Сендин-мей — руководителя женской группы из местечка Теректиг сумона Кок-Тей на том основании, что «она не является примером для других женщин, её супруг Дамбыра был ламой в сане «ловун» в монастыре в местечке Инек-Даш, и в настоящее время находится в местах лишения свободы»³; заместителя председателя арбана Сансанму — за то, что не проявила себя в работе, является женой ламы Кунгаа, который находится в местах лишения свободы⁴, Толгар-Сурун — за то, что она читала молитвы, плохо влияет на женщин, является дочерью ламы в сане *хелин* и женой шамана⁵. Аналогичных писем, в которых авторы требовали принять меры в отношении дочерей и жён лам за их происхождение, за то, что те поддерживали связи с людьми, лишёнными прав, как правило с бывшими феодалами и представителями духовенства, в женской рубрике печатали достаточно часто.

В подобных письмах встречаются случаи, когда подчеркивалась незначительная и неочевидная связь женщин, которые были объектами критики араткоров, с государственными деятелями ТНР, которые были репрессированы в 1938 г. Так, например, некто под псевдонимом Ылап билир («Точно знающий») требовал принятия мер в отношении женщины по имени Чимистей из сумона Хорум-Дага, «которая после возвращения из Кызыла, где она принимала участие в собрании, употребила алкогольные напитки, и ранее её не раз видели в машине Чурмит-Тажи»⁶.

По содержанию похожее письмо было опубликовано под псевдонимом Истеп-хынаан («Тот, кто расследовал») в отношении женщины Сагаачы — председателя арбана из сумона Межегей Тандынского кожууна: «Сагаачы, несмотря на то, что председатель арбана, никакую работу не проводит, на собраниях сидит, пряча свое лицо. По классовому признаку Сагаачы — сестра жены контрреволюционного Узун-Лопсана, ее отец Тембил был хелином, теократом, имевшим двух жен»⁷. В письме автор требовал проверить её и снять с должности председателя арбана.

«Руководитель третьей женской группы сумона Кобду Каа-Хемского кожууна Азиймаа неправильно работает, если посмотреть её происхождение, то она не должна работать в народном хозяйстве (государственных организациях), так как её отец Узер-Денги был высшим ламой в Салчакском хурээ, мать — была шаманкой, эксплуатировавшей народ до 1933 года. Поэтому сегодня важно убрать Азиймуу»⁸.

Данное письмо было опубликовано под псевдонимом Серемчилелдиг («Тот, кто настороже»).

Подобных писем было множество, их всех объединяло одно — требование проверить тех или иных женщин и принять меры. Это касалось преимущественно женщин, которые занимали выборные руководящие или общественные позиции на местном уровне.

Такому положению способствовала насаждаемая через газеты культура «политической бдительности»: «Нельзя ослаблять настороженность, ранее классовые враги, разные элементы проникли в образовательные учреждения, и это происходило по причине отсутствия бдительности»⁹.

Таким образом, газеты выступали не только инструментом для просвещения, источником социально значимой информации, но и в отдельных случаях способом классовой борьбы, разрушения карьеры и жизни конкретных женщин.

¹ Оюн Танчай (1894–1938) — тувинский государственный деятель, был послом ТНР в СССР, министром иностранных дел, руководил Госпланом ТНР, в должности председателя правления Тувинбанка в 1938 г. был репрессирован.

² Xostug arat. 1939, № 8 (258) 27 января.

³ Там же.

⁴ Xostug arat. 1939, № 31 (278) 7 апреля.

⁵ Xostug arat. 1939, № 28 (291) 26 мая.

⁶ Там же.

⁷ Xostug arat. № 18 (268) 3 марта 1939 г.

⁸ Xostug arat. 1939, № 46 (296) 13 июня.

⁹ Xostug arat. 1939, № 13 (263) 14 февраля.

В газетных материалах в целом всё активнее использовали поляризующий язык классовой вражды. Публичный дискурс о врагах народа, о феодалах, баях, тормозящих развитие тувинского общества, начался в 1929 г., проник в партийно-государственные документы, а также в газеты¹, но особое развитие получил с 1938 г.

Использование провокационных и вызывающих псевдонимов, информация на грани клеветы, доносительства и сообщения с мест о возможных нарушениях законодательства и недостатках в работе, требования принять меры, сместить тех или иных закономерно — все это было привнесённой извне, заимствованной технологией политической коммуникации. Во-первых, данное явление перешло на «тувинскую почву» из советской практики организации сети рабселькоров, которые работали под псевдонимами и во многом выступали как низовая часть развернувшейся системы политического контроля. А. А. Слезин в своей работе о специфике рабселькорского движения в 1920-е гг. в советской России указывает на то, что рабселькоры изначально предназначались для «обличения того, что мешало власти, компрометировало в глазах рабочих и крестьян (Слезин, 2002: 544). Он сообщает, что рабселькоры подкрепляли информацию в газеты политической подоплёкой, ссылаясь, в крайнем случае, на непролетарское происхождение виновных, и фактически письма в газеты были обращениями в компетентные органы. После этого рабселькоры с удовлетворением воспринимали сообщения об обысках и арестах по их «сигналам» (там же: 545).

Таким образом, в условиях защиты анонимности авторов таких писем грань между объективной оценкой ситуации и очернительством была зыбкой.

Деятельность араткорской сети в ТНР была выстроена по таким же лекалам и технологиям. «Араткоры» были теми людьми, которые выполняли функции «чутких ушей» и «зорких глаз» власти. И об этом открыто писали в тувинских газетах². Их называли «передовиками свободной критики и самокритики»³. С. Тока, говоря о сути «свободной критики, считал необходимым нацелить её на классовую борьбу и оздоровление общества⁴.

Анализ журналов и газет рассматриваемого периода показывает, что в Туве была сформирована целая сеть корреспондентов, к числу которых относились не только «араткоры», но и «молкоры»⁵, «стенкоры»⁶. Принципы работы у них был одинаковыми: анонимность автора для читателей, его критические сообщения о плохой, недостаточной работе должностных лиц и местных органов власти, о нарушениях законодательства, наблюдения и сообщения о выполнении местной властью особо важных партийно-государственных задач, выявления недостатков в работе и поведении отдельных лиц, «обратная связь» от газеты с комментариями к письмам, которые по тем или иным причинам не были опубликованы. Газеты сообщали о результатах разбирательства по описанным фактам (подтвердились или не подтвердились). Письма данной группы корреспондентов проходили фильтрацию на уровне редакции, по итогам которой выстраивалась дальнейшая «маршрутизация». Такой механизм работы был внедрён во всех трёх газетах, которые выходили на тувинском языке в 1930-е гг.: «*Şyn*», «*Xostuq arat*», «*Areve şyn*». На необъективность, допускаемую араткорами, которые «либо приукрашивают действительность, либо пишут, исходя из мести», указывалось в самих газетах по итогам обсуждений на собраниях араткоров и молкоров⁷.

На основе вышеуказанного можно сделать вывод о том, что сеть народных корреспондентов («араткоров», «молкоров», «стенкоров») и их работа стала институциональной формой политического контроля на местах. Они реализовывали классово дифференцированное отношение к женщинам. Развернувшаяся классовая борьба, внедрение в сознание аратского населения социального противопоставления и сословной нетерпимости, «политической бдительности» и настороженности, низкий культурный уровень бедняцких слоёв в социальной структуре тувинского населения, на которые опиралась власть «левых», использование партийным руководством в лице С. К. Тока языка насилия привели к явлению, во многом напоминающему современную «культуру отмены» (*cancel culture*).

¹ Tiva arad-un ünen. 1930, № 9 (52) 7 марта.

² Revolustug arat. 1939, № 1 (15). С. 5.

³ Şyn. 1938, № 62 (763) 20 августа.

⁴ Там же.

⁵ «Молкоры» (молодёжные корреспонденты) в основном писали в газету ТРСМ «Areve şyn».

⁶ «Стенкоры» – корреспонденты стенных газет. В тувинских текстах они назывались *ханакорлар* от слов *хана солун* ‘стенная газета’.

⁷ Xostuq arat. 1938, № 43 (196) 7 июня.

Исследуя историко-философские корни этого феномена, С. В. Чугров указывал на его связь с остракизмом — актом по преднамеренному исключению кого-либо из социальной группы или деятельности (Чугров, 2022: 92). В контексте рассматриваемой темы нужно указать на то, что женщин, которые являлись дочерьми и жёнами репрессированных в 1938 г. государственных деятелей Тувы, исключали из рядов ТРСМ, ТНРП, учёбы, работы. Получив, клеймо дочерей, жён «врага народа», «врага революции» или «классового врага», определённая часть тувинских женщин оказывалась исключённой из общественной, экономической активности, и даже в личных отношениях они становились нежелательными — осуждалось создание семьи или личные отношения с ними. В 1938 г. на II пленуме ЦК ТНРП председатель президиума ЦК ТРСМ Бадыраа, говоря о внутренних болезненных проблемах ревсомола, указал на слишком сильное стремление некоторых ревсомольцев к личным делам: созданию семей с детьми бесперспективных феодалов (тув. *putpes idegetter* — *bymnes idegetmer*), влюблённость в них и связи с ними¹. О том же шла речь на II Всетувинском собрании женщин в 1938 г.: к недостаткам политического воспитания женщин было отнесено вступление женщин в связи с классовыми врагами, заключение браков с ними².

Полагаем, что практика ручного стирания чернилами имён репрессированных государственных деятелей ТНР под официальными документами, которые были ими подписаны и опубликованы в тувинских газетах и журналах³ до их ареста, а также зачёркивание их портретов очень напоминает «главный ритуал отмены», на который указывает С. В. Чугров, когда древние египтяне соскабливали с плит имена неугодных фараонов (Чугров, 2022: 92). Точно также стремились стереть из тувинской истории имена отдельных государственных деятелей ТНР.

Эту ситуацию использовали араткоры, когда в тувинские газеты они направляли письма с критикой работы с женщинами или конкретных женщин. В духе отмены было также письмо араткора с требованием лишить Таню Камову (Сат) ордена ТНР и исключить из ТНРП, «так как она не могла не знать»⁴ (речь идет о том, что Таня Камова (Сат), по мнению араткора, не могла не знать о «контрреволюционной деятельности своего супруга Сата Лопсана, министра промышленности и торговли ТНР, который был арестован наряду с другими государственными деятелями ТНР в 1938 г., как Танчай, Хемчик-оол и другие. Всего их было 9 человек).

Эти факты показывают то, что социально-политическая поддержка тувинских женщин осуществлялась в зависимости от социального происхождения и политической надёжности (Натсак, 2021b: 237). И формирование государственной политики в отношении женщин происходило в условиях политической и классовой борьбы.

Женщины в борьбе с «врагами народа»

Выше на примере араткоров можно увидеть, что насилие стало поддерживаться не только властью, но и «низами». Это было следствием политики, которая внедрялась в тувинском обществе руководством ТНРП. Источником новой общественно-политической лексики классового антагонизма и нетерпимости выступал, прежде всего, партийный лидер С. К. Тока, выступления и доклады которого отличались использованием языка насилия. Так, он использовал выражение «смертельный ответ врагам» применительно к репрессиям 1938 г. в ТНР. В своём докладе «О единстве ТНР» в 1939 г. С. К. Тока подчеркивал, что «смертельный ответ врагам народа Чурмит-Тажи, Хемчик-оолу, Танчаю был дан по требованиям всего тувинского народа, в следственные органы поступило 109 телеграмм из сумонов и арбанов, состоялось 212 митингов в разных местах, в народных собраниях приняло участие 18 тысяч человек и все единогласно постановили, что ни одного дня на враги народа не должны оставаться на прекрасной тувинской земле»⁵. Это свидетельствует о дискурсивном доминировании, если использовать терминологию ван Дейка (ван Дейк, 2013: 26–27), политических манипуляциях со стороны С. Тока. Мы также видим результаты политического мифотворчества в том, что после обвинений «врагов народа» в намерениях продать Тувы частями или целиком Японии, аратское насе-

¹ 1938 сылдың 1 ажда полган АРН ТК-ниң 2 тугаар еелceглиц пленумунуң токтаалдарь полгаş materialdari. Къзыл, 1938. (II Пленум ЦК ТНРП). С. 107–108.

² Хостуq арат. 1938, № 67 (220) 13 сентября.

³ Хостуq арат. 1938, № 1 4 января, № 2 (155) 7 января; и мн. др.

⁴ Ын. 1938, № 72 (773) 24 сентября.

⁵ Revolustuq арат.

ление готово было требовать расправы над «врагами народа» и оправдать над ними насилие. Более того этот язык и целеполагание о беспощадной борьбе с «врагами народа» проникали в женскую среду.

В газетах тувинская женщина была представлена как субъект, ведущий перманентную борьбу. В соответствии с социально-политическими трансформациями менялись призывы против чего следует бороться: женщин призывали к борьбе против религии, лам, шаманов; против бывших феодалов и разных контрреволюционных элементов; против «врагов аратских женщин» (наряду с другими определениями так называли группу государственных деятелей ТНР, которые были репрессированы в 1938 г.).

Кунзенмаа, руководитель организационного отдела ТРСМ, агитировала женщин быть «передовиками в борьбе с контрреволюционерами, феодалами-теократами»¹.

С 1938 г. тувинские женщины должны были стать оружием борьбы с врагами народа. Сначала речь шла о «смелом ответе» со стороны женщин» врагам аратов, о решении женщин «вырывать с корнем феодалов и их пособников, разных контрреволюционеров и давать им смелый ответ»². После сентября 1938 г. в газетах всё чаще стали использовать такую фигуру речи, как «смертельный ответ», который должны были дать и женщины.

Инструктор при Президиуме Малого Хурала ТНР Сержинмаа подчеркивала следующее: «Ввиду уничтожения в стране остатков и идей контрреволюционных убийц Танчая — Чурмит-Тажи — Хемчик-оола все женщины без сна и отдыха должны проводить реальную работу, должны стать острым оружием, готовым сразу дать “смертельный ответ”, если возникнут такие недостойные дела»³.

В газетах публиковали тексты телеграмм, решений собраний народа, стихов с требованиями о лишении жизни Танчая, Чурмит-Тажи, Хемчик-оола, в которых было много выражений, которых ранее не наблюдалось в общественно-политической лексике: «уничтожить, оставив лишь сухие кости», «уничтожить так, чтобы лишь кости белели», «собачий труп», в стихотворной форме требовали уничтожить их, забросив в «черную яму»⁴.

В это же время на страницах тувинских газет появляется такой жанр, как политическая карикатура — для визуализации образа «врагов народа» с целью вызвать негативные эмоции по отношению к ним. Героями таких карикатур становятся репрессированные государственные деятели, которых рисовали в крайне уничижительном виде.

Изображения были следующие:

- собаки в цепи (с надписью «цепные псы фашизма»⁵);
- кулак с надписью «Революционный закон», который бьёт по головам трёх мужчин, изо рта которых течёт кровь⁶;
- кулак с надписью «Государство», который крепко сжал мужчин (надпись «Чурмит-Тажи — Танчай в крепком кулаке государства»⁷);
- мужчины держат карту Тувы, на которой написано «Продадим в любом виде, можно частями»,
- подпись к рисунку «Контрреволюционеры, продавшие японским милитаристко-фашистским империалистам, получили “смертельный ответ”».

На этих примерах можно наблюдать то, что в тувинских газетах были предприняты попытки не только словесно обосновать принятый политический акт в отношении тех, кто руководил страной, используя методы политического мифотворчества, но и визуализировать описанный выше мифологический ряд в контексте идеологических верований. Фокусирование на эмоциональной составляющей восприятия (эмоционализация) через использование отталкивающих и уничижительных образов и одновременно на когнитивной, основанной на продвижении идеи том, что они пытались

¹ Areve зьнь. № 14 (337). 8 марта 1939 г.

² Xostuq arat. № 67 (220). 13 сентября 1938 г.

³ Xostuq arat. 1938, № 71 27 сентября.

⁴ Areve зьнь. 1938, № 48 (303) 15 сентября; № 49 (304) 21 сентября.

⁵ Areve зьнь. 1938, № 48 (303) 15 сентября.

⁶ Зьн. 1938, № 78 (749) 15 октября.

⁷ Зьн. 1938, № 77 (778) 12 октября.

продать Туву, формировали соответствующее политическое поведение не только женщин, но и большинства населения, которых готовили к тому, чтобы они выявляли и уничтожали врагов внутри своего же общества.

Тем самым была подготовлена идеологическая почва для привлечения женщин к борьбе с «врагами народа», и в данном случае насаждение чувства отторжения и враждебности у женщин к «врагам народа» выполняло, по терминологии Л. Козера, функцию упрочения групповой идентичности и общности, группосозидательную функцию (Козер, 2000: 58).

Заключение

Тувинские журналы и газеты периода ТНР, будучи единственным каналом распространения политической и социально значимой информации среди кочевого населения в дорадийный и дотелевизионный этап развития коммуникаций в Туве, выполняли не только функции обнародования партийных и правительственных решений, но и выступали инструментом формирования «новой тувинской женщины», средством, способствовавшим ролевой революции женщин. С этой точки зрения периодика ТНР является весьма ценным источником для исследования трансформации социальной структуры тувинского общества, истории социогендерной политики и особенностей формирования политической культуры в период ТНР. Журналы и газеты были учреждены ТНРП и ТРСМ — авангардом модернизационных процессов и внутренней политики, которым принадлежал контроль за публичным дискурсом и общественными настроениями.

Женский вопрос поднимался с момента зарождения тувинской прессы, но наиболее системно он стал решаться с 1929 г., комплексно освещаться с 1939 г. в связи с открытием специальной рубрики для женщин в газете «Хостуq arat». Именно через эту рубрику проводилась правовая социализация женщин. Материалы судов показали, как непросто внедрялись новые социальные нормы, пришедшие на смену традиционным устоям в семейно-брачной сфере, и фактическая реализация женщинами своих прав. В то же время мы увидели то, что тувинские женщины не всегда были жертвами бытового насилия, они и сами совершали преступления.

Анализ содержания указанной газеты позволил проследить особенности репрезентации женщин, исходя из задачи социального проектирования «новой тувинской женщины». Непосредственно через газеты строились новые образы женщин, внедрялись новые ценности и социальные нормы. Ключевыми элементами проектирования «новой тувинской женщины» стали следующие качественные доминанты: образованная; работающая; занимающаяся общественно-политической активностью; участвующая в выборах в органы власти; придерживающаяся новых законов в семейно-брачной сфере; воспитывающая детей по типу нового революционного человека; признающая на практике гигиену и современную медицину; с чётким классовым сознанием и идентичностью, политически бдительная и решительная в борьбе с «врагами народа»; готовая к обороне страны наравне с мужчинами и заменить их в случае необходимости помогающая фронту и готовая бросить трудовой клич другим женщинам. Традиционные черты характера женщин, как стеснительность, закрытость элиминировались, через газеты внедрялся новый тип экстравертной личности: открытый, смелый, решительный, готовый к публичной критике и самокритике.

Анализ газетных материалов позволил проследить эволюцию тувинской женщины: от объекта, которым нужно было руководить, просвещать, включать, привлекать, поддерживать, до субъекта с выраженными маскулинными чертами в характере, внешнем облике (одежда, причёска) и в функциях. В эти годы женщины легко могли стать объектом критики как по объективным основаниям, так и по субъективно-эмоциональным, связанным с мотивом навредить или отомстить — в этом случае важным аргументом выступало социальное происхождение или классовая принадлежность. Принципы, на которых строилась деятельность араткоров, способствовали распространению практики доносов в обществе, негативно влияли на общественно-политическую карьеру отдельных женщин. В то же время письма араткоров показывали реальные недостатки в работе с женщинами и девиации в женской среде.

Исследование показало, что в газетах была организована системная работа, направленная на перевод политических репрессий в 1938 г. в более широкое поле социального конфликта, который должен был сплотить население, в особенности, женщин, вокруг политики и власти С. Тока и выполнить «группосозидательную функцию». Женщины должны были не только знать, в чём обвиняются «враги народа», но и стать передовиками в борьбе с ними, готовыми дать им «смертельный ответ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ван Дейк, Т. (2013) Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 344 с.
- Забелина, Г. А. (2010) Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 118 с.
- Кан, В. С. (2009) Возникновение и развитие газетной прессы на старомонгольском языке в Туве (1925–1929) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 120–134.
- Кан, В. С. (2015) Этапы становления и развития периодической печати Тувы (1924–1985 гг.) // Вестник Омского университета. № 2 (76). С. 121–125.
- Козер, Л. (2000) Функции социального конфликта : пер. с англ. О. А. Назаровой ; под. общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги. 208 с.
- Маадыр, М. С., Седип-оол, М. М. (2020) Газетный фонд Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.6>
- Натсак, О. Д. (2021а) Правовой статус тувинских женщин сквозь призму законов Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 1. С. 148–173. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.8>
- Натсак, О. Д. (2021b) Особенности политической социализации женщин в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.) // Власть. Т. 29. № 4. С. 231–239. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8410>
- Поршнева, О. С. (2019) «Новый человек» как феномен советского проекта модернизации 1920–1930 гг.: замыслы и реальность // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всероссийской научной конференции с межд. участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. / отв. ред. Е. Т. Артемов. Екатеринбург : Универсальная типография «Альфа-Прогресс». 540 с. С. 439–443.
- Слезин, А. А. (2002) Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 8. № 3. С. 544–548.
- Танова, Е. Т. (1979) Периодическая печать Тувы (1924–1944 гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 96 с.
- Танова, Е. Т. (2006) История возникновения и развития периодической печати Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 95 с.
- Чугров, С. В. (2022) Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. № 5. С. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

Дата поступления: 07.01.2023 г.

Дата принятия: 07.02.2023 г.

REFERENCES

- van Dijk, T. A. (2013) *Diskurs i vlast': reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii [Discourse and power]* / transl. from Engl. by E. A. Kozhemiakin, E. V. Pereverzev and A. M. Amatov. Moscow, Publishing House "LIBROKOM". 344 p.
- Zabelina, G. A. (2010) *Zhenshchiny Tuvy v sem'e i obshchestve v pervoi polovine XX veka [Women of Tuva in the family and society in the first half of the twentieth century]*. Kyzyl, Tuvan Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS. 118 p. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2009) *Vozniknovenie i razvitie gazetnoi pressy na staromongol'skom iazyke v Tuve (1925–1929 gg.) [The rise and development of newspapers in Mongolian language in Tuva (1925–1929)]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 120–134. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2015) *Etapy stanovleniia i razvitiia periodicheskoi pechati Tuvy (1924–1985) [Stages of formation of the press of Tuva (1924–1985)]*. *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 2 (76), pp. 121–125. (In Russ.).
- Coser, L. A. (2000) *Funksii sotsial'nogo konflikta [The functions of social conflict]* / transl. from Engl. by O. A. Nazarova ; ed. by L. G. Ionin. Moscow, Ideia-Press ; Dom intellektual'noi knigi. 208 p. (In Russ.).
- Maadyr, M. S. and Sedip-ool, M. M. (2020) *Gazetnyi fond Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva [Newspaper collections at the National Archives of the Republic of Tuva]*. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 87–102. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.6>
- Natsak, O. D. (2021a) *Pravovoi status tuvinskikh zhenshchin skvoz' prizmu zakonov Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [The legal status of Tuvan women through the prism of the laws of the Tuvan People's Republic]*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 148–173. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.8>

Natsak, O. D. (2021b) Osobennosti politicheskoi sotsializatsii zhenshchin v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921-1944 gg.) [Features of political socialization of Tuvan women: Historical comments and modern trends (1921-1944)]. *Vlast'*, vol. 29, no. 4, pp. 231–239. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8410>

Porshneva, O. S. (2019) «Novyi chelovek» kak fenomen sovetskogo proekta modernizatsii 1920–1930 gg.: zamysly i real'nost' [The “new man” as a phenomenon of the Soviet modernization project of the 1920s–1930s: Plans and reality]. In: *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii [Historical challenges and economic development of Russia]* : Proceedings of the All-Russian research conference with international participation. Ekaterinburg, September 25–26, 2019 / ed. by E. T. Artemov. Ekaterinburg, Universal'naia tipografiia “Al'fa-Progress”. 540 p. Pp. 439–443. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2002) Rabsel'korovskoe dvizhenie: neizvestnaia gran' [“Rabselkor” movement: Unknown facts]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 8, no. 3, pp. 544–548. (In Russ.).

Tanova E. T. (1979) *Periodicheskaia pechat' Tuvy (1921–1944 gg.) [Periodical press in Tuva, 1921–1944]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 112 p. (In Russ.).

Tanova, E. T. (2006) *Istoriia vzniknoveniia i razvitiia periodicheskoi pechati Tuvy [The history of the rise and development of periodicals of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 96 p. (In Russ.).

Chugrov, S. V. (2022) Kul'tura otmeny v mirovoj politike: istoriko-filosofskie korni [Cancel culture in world politics: Historical and philosophical roots]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 88–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

Submission date: 07.01.2023.

Acceptance date: 07.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.1.13

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков)

Михаил А. Бредис

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются тувинские фразеологизмы и фольклорные тексты с числовым компонентом «девять», извлеченные путём сплошной выборки из различных лексикографических источников, на фоне хакасского, алтайского, монгольского, калмыцкого и бурятского языков. Использовались методы лингвокультурологического, описательно-аналитического анализа, наряду с методом структурно-семантического моделирования для паремиологических единиц.

Установлено, что фольклорные тексты, фразеологические и паремиологические единицы тувинской лингвокультуры в большинстве своем основаны на семантике числа девять и его сакральном характере. Числовая символика пронизывает фольклорные тексты, мифологию, народные поверья, обряды. Особое сходство в символике числа девять обнаруживается с лингвокультурами монгольских народов, что объясняется родством тюркских и монгольских языков в рамках алтайской макросемьи языков, особенностями общей истории и лингвокультурным трансфером тувинцев, монголов и бурят. Отмечено, что символика числа девять в тувинской, а

также монгольской лингвокультуре, во многом вписывается в один ряд с китайской символикой, образуя общность для Дальнего Востока и части Центральной Азии.

Ключевые слова: фразеологизм; паремия; тувинский язык; тувинский фольклор; культурный трансфер; символика чисел; героический эпос; сказки; числовой код

Для цитирования:

Бредис М. А. Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 228-242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (910) 462-95-62. Эл. адреса: briedis@yandex.ru; bredis-ma@rudn.ru

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 462-95-62. E-mails: briedis@yandex.ru; bredis-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)

Mikhail A. Bredis

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article analyzes Tuvan phraseological units and folklore texts comprising the numerical component "nine". They were selected by continuous sampling from various lexicographic sources. The author examines them in contrast to the Khakass, Altai, Mongolian, Kalmyk and Buryat languages. Methods of the linguoculturological, descriptive and analytical analysis were used, as well as the method of structural and semantic modeling for analyzing paremiological units.

It has been found out that folklore texts, phraseological and paremiological units of Tuvan linguoculture are mostly based on the semantics of the number nine and its sacred character. Numerical symbolism pervades folklore texts, mythology, folk beliefs and rituals. A special similarity in the symbolism of the number nine can be found in the linguocultures of the Mongolian peoples. This is due to the kinship of the Turkic and Mongolian languages within the Altai macrofamily of languages, some features of the common history and the linguistic and cultural transfer of the Tuvans, Mongols and Buryats. It is noted that the symbolism of the number nine in Tuvan and Mongolian linguocultures is largely similar to Chinese symbols. This creates a commonality between the Far East and part of Central Asia.

Keywords: *phraseological unit; paremia; Tuvan language; Tuvan folklore; cultural transfer; symbolism of numbers; heroic epic; fairy tales; numerical code*

For citation:

Bredis M. A. Simvolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 228-242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Введение

Компонентами числового кода культуры являются числительные и слова, которые обозначают количество. Числа играют важную роль в лингвокультуре, они обладают, как мы ранее подчеркивали, «культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение во фразеологической системе языка» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020: 204).

Нумеративная лексика в тувинском фольклоре изучена на сегодняшний день еще недостаточно. Как пишут Е. Е. Иванов и его соавторы, «ни одна из дифференцированных на разных основаниях групп лексических компонентов тувинских пословиц и поговорок не имеет своего полного синхронического освещения (ни в описательном, ни в сопоставительном плане)» (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 49). Между тем знание лингвокультурного своеобразия компонентов лексической организации тувинских паремий, как показывают новейшие исследования, является одним из решающих факторов правильности их интерпретации как знаков культуры (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021, Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022), адекватности категоризации их семантического пространства (Иванов, 2022a), репрезентативности их лексикографического описания (Бредис и др., 2021), аутентичности их перевода на русский язык (Бредис, Иванов, 2022b).

Цель статьи — рассмотрение символики компонента-нумератива девять во фразеологии разных разрядов и фольклорных текстах в тувинском языке (на фоне ряда тюркских и монгольских языков), выявление особенностей его употребления. Из фольклорных текстов рассматриваются героические сказания, народные сказки (тоолдар). Выбор числа девять обусловлен тем, что это число является сакральным не только для тувинской, но и для других тюркских культур Саяно-Алтая, а также культур монгольских народов.

Методологическая база исследования включает в себя научные работы, в которых описывается числовой код культуры во фразеологии и фольклоре (Гармаева, 2008; Нам, 2016; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Каратаева, 2020; Мижит, 2010; Бредис и др., 2022), этнокультурные особенности традиций, мифологии и фольклора тюркских и монгольских народов (Бабуева, 2001; Курбатский, 2001; Самдан, 2016; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022), новейшие работы по теории паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрёстках ... , 2021), по теории лингвокультурного сопоставления паремий (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Бредис, Иванов, 2021, 2022a; Петрушевская, 2022ab). В исследовании использован описательный метод с элементами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа.

Источниковой базой исследования послужила авторская картотека, включающая тувинские (65), хакасские (24), алтайские (39), монгольские (48), бурятские (144), калмыцкие (16) фольклорные единицы (ФЕ) и примеры фольклорных текстов с компонентом-нумеративом девять (336 единиц).

Материал отобран приёмом сплошной выборки из авторитетных словарей и сборников¹ из области фразеологии разных разрядов, в том числе паремий, и собраний фольклорных текстов, относящихся к рассматриваемым лингвокультурам, а также ряда монографий и статей².

Символика числа девять у тюркских и монгольских народов

К числам, имеющим особую символику в тюркских языках, относятся числа первого десятка — три, четыре, семь, восемь, девять, связанные с определёнными архаическими традициями (Бредис и др., 2022). В системе шаманских верований народов Сибири числа *семь* и *девять* выделяются в качестве наиболее важных категорий для описания картины мира (Нам, 2016: 30).

¹ Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имененова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова ; вступ. ст. А. Уланова ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс. НИИ. Улан-Удэ, 1961–1964; Бальбурова Б. Буряд арадай оньон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. 368 с.; Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т.: ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001–2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 10.01.2023); Джаньгър: хальмг таньгъчин эпос = Джангар: калмыцкий народный эпос / пер. Семёна Липкина; худож. В. А. Фаворский. М.: Гослитиздат, 1940. 353 с.; Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. 474 с.; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Составление, перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 838 с.; Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12); Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994. 460 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханз, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.; Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари : около 1500 фразеологизмов; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. 204 с.; Хыйга сôs: сиспектер, сôsпектер паза таптыргастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.; Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ. 1992. 144 с. ² Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2022. 274 с.; Тагарова Т. Б. К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 112–117; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, выпуск 11. С. 432–436; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. № 10–2(37). С. 18–21.

Древнетюркское число *toquz* ‘девятнадцать’ известно как часть традиционных этнических наименований. Так, из истории Тувы мы знаем, что в VII в. в восточной части Центральной Азии возник каганат, населённый далёкими предками современных тувинцев, который назывался по-тюркски *токуз-огуз* ‘девятнадцать племён’. В летописях китайской династии Тан это государственное образование с 630 г. называется *девятнадцать племён*, что является переводом тюркского термина *токуз-огуз* (История Тувы, 2001: 80). В те времена у кочевых народов Центральной Азии существовала традиция называть племенные объединения по числу входящих в них племён, причём числовое название не всегда совпадало с действительным количеством племён (там же). Одним из объяснений этому, на наш взгляд, может служить особое отношение тюрков к числу *девятнадцать* и связанной с ним определённой символике.

В тюркских языках число девятнадцать символизирует полный предел количества предметов или действий (Сравнительно-историческая ..., 2001: 587).

Число *девятнадцать* также относится к сакральным числам монгольского мира. У буддистов оно символизирует небесную силу. В шаманском пантеоне монголов божества выступают группами по *девятнадцать*. Так, в бурятской мифологии небесный кузнец Божинтой имеет девятнадцать сыновей (Бабуева, 2001: 97). В «Сокровенном сказании» монголов Чингисхан, давая имущество или должности своим приближённым, говорит: «Пусть не вменяются тебе в вину девятнадцать проступков!» (Жуковская, 2002: 179). Число *девятнадцать* и *девятнадцать девяток* нередко встречается в юридических документах феодального права Монголии, в частности упоминаются штрафы в виде одной или девяти девяток голов скота (там же: 180). В быту возраст каждого монгола также подразделяется на девятки. Ритуальная монгольская ложка *цацал* имеет девятнадцать углублений. Из неё хозяйка юрты утром разбрызгивает свежее молоко духам неба, земли и предков. В системе ценностей монгольского народа почитаются *есөн эрдэнэ* ‘девятнадцать драгоценностей’, в числе которых золото, серебро, медь, сталь, коралл, бирюза, раковина, жемчужина, лазурит. В истории Монголии известны *есөн эрүү* ‘девятнадцать пыток’ девятнадцать видов наказаний¹.

На протяжении веков тувинская культура испытывала значительное монгольское влияние. В этом одна из причин большой популярности числа *девятнадцать*. Тувинское число *тос* ‘девятнадцать’ также относится к сакральным и часто встречается во фразеологии и произведениях разных фольклорных жанров (героическом эпосе, народных сказках, поговорках и др.). Из истории известно, что до начала XX в. на территории Тувы, как и в Монголии, существовали штрафы в девятнадцать голов скота (История Тувы, 2001: 222). Подобно Монголии, в истории Тувы печально известны *тос эрии* ‘девятнадцать пыток’, которым подвергали подозреваемых в преступлении.

С древними представлениями тувинского шаманизма о девяти небесах (Мижит, 2010: 169) связано существование ритуальной деревянной ложки-кропила с девятнадцатью углублениями для кропления, из которой во время обрядов разбрызгивают чай, молоко и священную воду. Эта ложка по-тувински носит название *тос-карак* ‘девятнадцатизубка’ и является этнокультурным достоянием тувинцев². Во время многолюдных праздников тувинцы до настоящего времени используют большие чугунные котлы объёмом около 100 литров для варки мяса. Эти котлы имеют название *тос-таңма* ‘девятнадцать печатей’, произошедшее от девяти китайских знаков, в старину выбиваемых на внешней стороне чана³.

Значение числа *тос* ‘девятнадцать’ для тувинцев подчёркивается в известной монографии М. Б. Кенин-Лопсана о традиционной тувинской культуре, в которой целая глава посвящена девяти обычаям. В ней описываются девятнадцать целебных источников (аржаанов), девятнадцать небес, девятнадцать сокровищ, девятнадцать подушек человека, девятнадцать верований, девятнадцать таёжных хребтов, девятнадцать трудностей, которые должен преодолеть мужчина, девятнадцать пыток (Кенин-Лопсан, 2021: 77–95). Ещё одна глава посвящена девяти обрядам освящения (неба, огня, родников, деревьев, священных знаков *оваа* и пр.) (там же: 95–118). Услышанное автором в Туве шутовское рифмованное выражение *Тоттум, четтирдим, тос аякты иштим* ‘Сыт, спасибо, словно девятнадцать пиал съел’ (запись 2021 г.) также подтверждает особенное отношение тувинцев к числу *девятнадцать*.

¹ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН ; [Ё. Баярсайхан и др.] ; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001-2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

² Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2022. С. 195.

³ Там же. С. 56.

Число девять в тувинских фольклорных текстах

В тувинском фольклоре (эпических произведениях и сказках) встречаются многочисленные события и объекты, в описании которых содержится число *тос* 'девять'. В героических сказаниях это число может быть символом большого количества, некоего предельного множества.

Э. Б. Мижит отмечает, что о значимости данного числового символа может свидетельствовать тот факт, что число «девять» в них упоминается чаще числа «семь» (Мижит, 2010: 167). Оно встречается и в описаниях фантастических жилищ в девять ярусов (тув. *каът* 'слой, пласт, ряд, этаж').

Так, в сказании «Тана-Херель», записанном Л. В. Гребневым, Шулубус-хан и Пат-Патпалчын-хан обитают в «стеклянном доме в девять рядов», герой другого сказания Мёге Шагаан-Тоолай живет в таком же необычном девятиэтажном жилище, а Бокту-Кириш выстроил два дома — для себя и для сестры — в девять рядов из костей убитых им маралов (Гребнев, 1960: 87). Такие жилища в девять этажей (тув. *тос каът*) представлялись древним тувинцам, живших в обычных юртах, фантастическими. И одновременно здесь прослеживается глубинная связь с мифологическими девятью небесами (слоями неба).

В сказании «Хунан-Кара» в описании ханского дома присутствует эпитет *тос каът хаалгалыг* (дом с девятью дверями, букв. 'с девятью рядами дверей')¹, что не только подчёркивает размеры жилища, но и, возможно, связано с девятью небесами. Если юрта — символическое отражение трех миров, то и дворцы героев сказаний должны отражать мифологическое мировоззрение тувинцев и их представления об устройстве мироздания.

Согласимся с Э. Б. Мижитом в том, что девять слоёв неба (девять небес) в символическом виде присутствуют в архитектуре необыкновенных дворцов, описываемых в героических сказаниях, а также в том, что основной пласт как сюжетообразующих, так и формообразующих элементов тувинского эпоса, является отголоском древних космогонических мифов (Мижит, 2010: 169, 171). В произведениях героического эпоса проводятся также символические действия. Так, в сказании «Хунан-Кара» ханского ребёнка обмывают водой девяти целебных источников-аржанов (*тос аржаан-биле*) как часть очистительного и целительного обряда, наряду с окуриванием можжевельником².

Другими объектами, в описании которых содержится число *девять*, являются сидения, покрытые стёгаными войлочными коврами — *олбук*. Этих ковров также девять, как девять небес мира. Обычно такие сидения принадлежат хану, который сидит на олбуке в девять рядов, положенном на низкое сидение (*ширээ*). Иногда девятислойными коврами *олбук* покрыт трон (*дүжүлге*): *тос каът олбук-дүжүлгеде көделээп хөлестеп чыдар эр иргин эвеспе* ('мужчина этот наслаждался, отдыхая на девятирядном олбук-дүжүлге') (Гребнев, 1960: 88). Речь идёт о низком кресле-троне, покрытом войлочными коврами. В сказании «Алдай-Буучу» встречается упоминавшийся нами выше *улуг тос-таңма паш* 'большой, с девятью клеймами, котел' (там же: 89).

Эпос полон необыкновенными предметами с волшебными свойствами. Такова, например, в сказании «Хунан-Кара» подзорная труба Далай-Байбын-хана — *тос айлыктыг орандан Бээр чыыра тыртып көрүп олурар Тос чүстүг хола-сарыг дуран* ('медно-жёлтая подзорная труба с девятью коленами, которая обозревает пространство в девятимесячный путь')³. Неслучайно такая труба имеет девять колен, это символизирует предельную дальность обзора (пространство на девять месяцев пути).

Число *тос* также символизирует протяженность во времени или необходимый установленный срок. Так, в сказании «Хунан-Кара» лама-учитель устанавливает срок особого вскармливания необыкновенного малыша — девять дней:

Тос хонукта

Улуг шил бажыңның иштинге өзүп,

Ижи шившикин кадайга

Азырадып турган иргин ийин

¹ Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 76.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 118.

‘Девять суток

В большом доме с окнами

Двум шивишкин велели вскармливать малыша’¹.

Характерен маленький отрывок из рассказа Далай-Байбын-хана (сказание «Хунан-Кара»), где число *тос* встречается четырежды:

Алды тос шагда дооступ көрбээн,

Тос ыттың дүгү дег,

Ус далай кара чааның

Чаштанчызы ындыг боор чүме.

Тос чүктүң тос экери

*Ында чыылган турар чүме болгай аан, оглум» — деп*².

Вот летучие искры

Ожесточённых войн у моря Ус,

Конца которым не видно шесть по девять сроков,

[Многочисленных] подобно шерсти на девяти собаках.

Там собралось

Девять удалцов с девяти сторон, сынок! — сказал³.

Здесь число девять выступает и гиперболой, и предельным сроком (недаром здесь указывается, что войны не заканчивались шесть раз по девять сроков). Причём неизвестно, сколько времени в одном эпическом сроке. Ясно, что очень много, практически бесконечно. Гипербола и в количестве войн, которых так много, как много шерсти на девяти собаках: сосчитать невозможно. А выражение *тос чүктүң* ‘с девяти сторон’ имеет гиперболическое значение ‘со всех сторон, со всего мира’. Сходный гиперболический образ мы видим в сказании «Тана Херель», где герой в одиночку сражается с огромным войском: *Чаа беп чүве тос беш куржалган...* ‘Война опоясала в девять по пять рядов...’ (Гребнев, 1960: 118).

Следует отметить, что в тувинских эпических произведениях часто встречаются и числа, кратные девяти. Так, в сказании «Алдай-Буучу» упоминаются *шургуулда* (комод с ящиками): *тозан тос карактыг шургуулда* ‘комод с девяносто девятью выдвигаемыми ящиками’ (там же: 92), а также девять-сотдевяностодевятiletняя старуха, пожелавшая дать имя младенцу, которому девяносто дней не могли придумать имя (там же: 117). Персонажи сказаний обладают девяносто девятью волшебными силами (*тозан тос илби-шидилиг*), принимают девяносто девять обликов (*тозан тос хуулар*)⁴.

Приведенные выше примеры подтверждают особое отношение тувинцев к числу *тос*.

Число *тос* ‘девять’ относится и к наиболее популярным в числовой символике художественного мира тувинских народных сказок-тоолдар. В тувинских сказках часто используются также производные от числа *девять*: 81, 90, 99, 108 и др. В них *девять* символизирует большое множество, например, *тос чүзүн малдыг Тозандай* ‘Тозандай, имеющий девять видов скота’⁵.

Девять видов скота — символическое обозначение богатства, обладания всеми видами скота. К девяти видам скота тувинцы традиционно причисляли коз, овец, крупный рогатый скот, лошадей, яков, верблюдов, оленей, ослов и собак (Кенин-Лопсан, 2021: 226–229).

В богатырской сказке «Хайырындырынмай Багай-оол» хан Булутай-Эге вызывает своих девять маадыров (богатырей) — *тос маадырын кел диртип*, приказывает истязать посыльных девятью пытками (*тос эрии-биле эриидеп*)⁶. Там же у грозного Сарыг-хана, что на девяти небесах, грозный желтый трон на девяти ножках (*тос дээриниң кырында Дошкун-Сарыг хаанның, тос буттуг ширээзи*); там у чудовища Аңгыла Маңгыс девять голов (*тос адыр баштыг Аңгыла Маңгыс*)⁷. А в сказке «Оскюс-оол с

¹ Там же. С. 70, 71.

² Там же. С. 96, 98.

³ Перевод автора.

⁴ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, Вып. 11. С. 435–436.

⁵ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. С. 24.

⁶ Там же. С. 62, 66.

⁷ Там же. С. 76, 140.

девятью красновато-рыжими конями» (*Тос шилги аъттыг Өскүс-оол*) ханский пастух с девятью красновато-рыжими конями преодолевал девятимесячный путь за девять дней (*тос айлыктыг черге тос хонукта*)¹.

Как видно из примеров, число *девять* в сказках, как и в эпосе, символизирует и множество, и временной отрезок, а также выступает и в функции гиперболы. Ещё большей гиперболой становится число, кратное девяти, а именно девяносто. В сказках круглая белая юрта такой величины, что и девяносто коням ее не объехать (*тозан аът долганьт четпес*)². В сказке «Хайырындырынмай Багай-оол» число девяносто символизирует огромные размеры мешка, сшитого из кожи девяносто волов (*тозан шары*), а также большой отрезок времени, за который люди не смогли съесть всего — *тозан хонукта* 'за девяносто суток'³.

В хакасских фольклорных текстах также часто встречается число *тоғыс* 'девять'. Это число используется для обозначения отрезка времени:

*Тоғыс күнге сығара той полған,
Тоғыс күннің пазында той тоозылып,
Толай чон тарап парған
'До девяти дней длилась свадьба,
Через девять дней свадьба закончилась,
Весь народ разошелся'*⁴.

Кроме того, число *тоғыс* характеризует окружающую среду (*Тоғыс сынның пазы сасхан чир, / Тоғыс талай суғ піріккен чир* — Место, где высятся девять вершин хребта, / Место, где соединились девять морей); определяет количество героев и родственного союза девятерых братьев (в сказании «Хара Хусхун» *Тоғыс Кизер — тоғыс харындас* 'Девять богатырей — девять братьев'); характеризует рост богатырских коней (*Тоғыс хулас сунның Ах Сабдар ат / Чечпее палғал парған турчадыр* 'Девятисаженный бело-игрневый конь / Стоит привязанный к коновязи'); описывает одежду и доспехи героев: *Тоғыс аастығ ах тас сундуғын азып, / Тоғыс мархалығ тынның хуя сығарып алған* ('Открыв сундук с девятью отверстиями, / Вытащил куйак с девятью пуговицами'); описывает структуру вселенной: *Тоғыс там чирнің ол саринда читі кизер чуртапча* ('За девятью слоями земли семь богатырей проживает')⁵.

Из примеров можно увидеть, что символика числа *тос* в тувинских сказаниях близка символике числа *тоғыс* в хакасских сказаниях. При этом, по замечанию А. Н. Чугунековой, в хакасских сказаниях число девяносто девять не обнаружено⁶.

В текстах алтайского фольклора число *тогус* 'девять' используется для формирования признаков пространства: девять сфер, девять слоёв или ступеней в Верхний и Нижний миры, девять «сыновей» Эрлика (Ойноткинова, 2021: 299). Мифическое чудовище Дьелбеген имеет девять голов (*тогус башту желбеген*):

*Тогус јолдын белтири болор.
Тогус јолдын белтиринде
Тогусон тогус толыкту,
Тогусон тогус тунүктү
Јер кара өргөдө турар,
Ол өргөдөдө јуртаган
Тогус башту желбеген бар*

¹ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. С. 254.

² Там же.

³ Там же. С. 61, 63.

⁴ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, выпуск 11. С. 434.

⁵ Там же. С. 435.

⁶ Там же. С. 436.

‘Перекрёсток девяти дорог будет,
 На перекрёстке девяти дорог
 С девяносто девятью углами,
 С девяноста девятью дымоходами
 Землянисто-чёрный дворец будет стоять.
 В том дворце
 С девятью головами дьелбеген живёт’ (там же: 297–298).

В алтайском сказании «Маадай-Кара» описывается слияние девяти рек в одну реку Тойбодым: *Тогус талай белтиринде / Тойбодым деп талай эмтир* (У слияния девяти заливов / Море Тойбодым, оказывается [есть]) (там же: 297). В сказании «Маадай-Кара» число *девять* встречается десятки раз, описывая количество, пространственные и временные факторы: берега синей реки на девять вершков промёрзли, в течение девяти дней происходит разграбление стойбища, описывается девятилетний бык, встречаются девять воронов и пр.¹ Также в алтайских, как и в тувинских сказаниях, встречаются числа, кратные девяти, в частности *тогузон тогус* («девяносто девять»).

В монгольском фольклоре также можно встретить числа *есөн* ‘девять’ и кратные девяти. Так, в сказании «Хан Харангуй» упоминается *девятишаговый* меч и *девяностодевятисуточное* расстояние (Жуковская, 2002: 182). В эпосе «Джангар» встречается *девять* чёрно-стальных клювов (у ведьм), *девять* женщин-бесовок, шёлковый полог в *девять* рядов и т. п. (Сравнительно-историческая ..., 2001: 588).

В бурятских преданиях и легендах фигурируют *Божинтойн юэн сагаан дархад, юэн сагаан моритон* (‘Девять белых кузнецов Божинтоя, на девять белых конях’), а также *Дээдэ юэн гүрүм тэнгэри* (‘Верхнее девятирусное небо’)², что восходит к древним корням сакральной мифологической символики числа *юэн* (девять). В обеих частях эпоса «Абай Гэсэр-Хубун» число *девять* встречается 118 раз: перед большой битвой противники должны ждать девять суток (*юһүн сүүдхэ хүлээхэ*); Ганиг Бухэ убеждает от Гэсэра к своим девяти чёрным коням (*юһүн хара мориндо*), запряженным в телегу с девятью колёсами (*юһэ мөөртэйтэргэтэй*) и т. д.³ Сам бурятский эпос состоит из девяти глав (ветвей) (*Гэсэри јүһүн һалаа*)⁴.

В калмыцком эпосе «Джангар» описывается девятирусный дворец Джангара, Джангар велит посланцам проделать девятимесячный путь в девять дней, один из героев выходит, приподняв девять завес и пр.⁵ Богатыри в этом эпосе обладают девяноста девятью способностями. В фольклорной традиции калмыков также бытует предание об эпосе «Джангар», в котором утверждается, что «эта поэма так велика, что если ее всю записать, то она стала бы вьюком девяноста девяти сильных и белых верблюдов» (Басангова, 2019: 81). В одной из калмыцких сказок фигурируют девять волков и волкшаман (там же).

Таким образом, на основе приведённых примеров можно утверждать, что произведения тувинского фольклора буквально пронизаны символикой, связанной с числом *тос* ‘девять’, которое гиперболически характеризует и большое множество, и временные отрезки и сроки, конкурируя с другими популярными числами *три* и *семь*. В фольклоре рассматриваемых тюркских и монгольских языков обнаруживается большое сходство с тувинской символикой числа девять. Выделяются хакасские героические сказания, в которых не используется число *девяносто девять*.

¹ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. 474 с.

² Бальбурава Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 48, 107.

³ Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант). Часть I / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова ; вступ. ст. А. Уланова ; АН СССР. Сиб. отд.-ние. Бурят. комплекс. НИИ. Улан-Удэ, 1961. С. 14, 41.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Джангър: хальмг таньгъчин эпос = Джангар: калмыцкий народный эпос / пер. Семёна Липкина; худож. В. А. Фаворский. М.: Гослитиздат, 1940. С. 21, 57.

Девять в тувинской фразеологии

Число *тос* нашло свое отражение и в тувинских ФЕ: *тос башка* (букв. ‘на девять сторон’) в целом соответствует русской ФЕ *на все четыре стороны*, но также имеет значение *кто в лес, кто по дрова*, или *разобранный на части, разный*¹. Компонент *тос* символизирует в этой ФЕ предельное значение, комплект, все стороны, больше уже быть не может.

ФЕ *Тос кавт довурак алдынга кирзин!* (букв. ‘пусть попадёт под девять слоёв земли’) соответствует русскому *Пропади он пропадом!*² Нумератив *тос* символизирует здесь предел, усиливая метафору — девять слоёв земли, из-под которых никто точно не выберется.

Высшую степень, предел холода обозначает тувинская ФЕ: *Тос тостуң соогу* (букв. ‘мороз девяти девять’), то есть лютый мороз³. Число *тос*, употребляющееся в степени, символизирует предельную степень холода. Эта ФЕ сходна с монгольским фразеологизмом о морозе — *ес тачигнах* (трескучий мороз, букв. ‘девять трескучий’). Период самых сильных морозов у монголов называется *таван ес* (‘пять девяток’), а вся продолжительность зимних холодов измеряется девятью девятками (*есөн ес*). Речь идёт о 81 дне с 22 декабря по 14 марта — самом холодном и суровом периоде года.

Относительно каждой зимней девятки у монголов имеется своё поверье: *Дөрвөн есийн хүйтэнд дөнөн үхрийн эвэр хуга хөлдөнө* (‘Четвёртая девятка такая морозная, что рога четырёхлетнего быка отмерзают’)⁴. Калмыки также считают холодную зиму девятками и говорят, например: *Тавн йисн дүүрхлэ тавгта махн көрхи* (‘Когда заканчивается пятая девятка зимы, Мясо в корытце уже не замерзает’)⁵.

В ФЕ *тос ура* (букв. ‘девять хитростей’) в значении хитрость, а также *тос уралыг* (букв. ‘с девятью хитростями’), обозначающий хитреца, число *тос* выражает предельную степень хитрости.

В монгольских ФЕ число *есөн* выступает как метафора без сакральной или мифологической подоплёки, указывая на народные бытовые представления: *есөн сүв нь (битүү) нээгдээгүй (амьтан)* (набитый дурак, круглый дурак, идиот (букв. ‘у кого все девять отверстий (закрыты) ещё не открылись’). У монголов, когда ребенку исполняется девять лет, ему на пояс вешают кожаный амулет с девятью отверстиями, чтобы он охранял все девять отверстий на его теле от проникновения зла и болезней (Жуковская, 2002: 182). К ФЕ бытового плана относится *есөн мөргөл* (девять поклонов, трижды по три раза поклониться)⁶. В ней прослеживается влияние китайской культуры. Отметим, что традиция девяти поклонов существовала и в императорском Китае, где число *九 (jiǔ, девять)* считалось символом неба, олицетворяло государственную власть и обязательно присутствовало в императорской символике (в дворцовой архитектуре, в придворном церемониале). Отмечая, что девятка сакрализована на всём Дальнем Востоке, главным образом, в китайской и вьетнамской культуре, Н. Л. Жуковская включает монгольскую культуру в этот же ряд культур Дальнего Востока (Жуковская, 2002: 183).

В тувинской паремии это число характеризует предельное количество времени, которое можно потратить, если идти напрямик: *Дорттааш, тос хонар* (‘Хотел напрямик, девять дней’)⁷. Приведённой семантической модели (*напрямик дольше*) соответствует хакасская паремия *Тоғырлаза – тоғыс хончан* (‘Тот, кто едет прямо, Ночует девять ночей’)⁸.

¹ Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словары: около 1500 фразеологизмов / Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С.156.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : около 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001-2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / составление, перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 727.

⁶ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : ок. 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН ; [Ё. Баярсайхан и др.] ; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001-2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 26.

⁸ Хыйга сӱс: сиспектер, сӱспектер паза таптырҕастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 143.

В алтайской и хакасской паремиях число *девять* также сравнивается с другими числами в том же контексте, с теми же образами: алт. *Тогроланда тогус конор, / Айланьшканда алты конор* ('Напрямик поедет — девять суток переночует, / Вкруговую поедет — шесть дней переночует') (Ойроткинова, 2012: 65); хакас. *Игирлеен ікі хонча, / Тоғырлаан тоғыс хонча* ('В обход идти — пару дней пути / Напрямик — девять дней пути')¹. Эти пословицы выражают семантическую модель *напрямик дольше*.

Число *тоғыс* 'девять' также используется в хакасской паремии в качестве гиперболы, превышения предела правил гостеприимства: *Тосхан чирде тоғыс хонмацаң* ('Как ни сытен твой обед, / Девять дней гостить не след; букв. в месте, где насытился, девять дней не ночуют')².

В бурятской паремии *Үгэһэн хүндэ юһэшье ехэ, абаһан хүндэ арбашье бага* ('Давшему и девять — много, взявшему и десять — мало')³ число девять символизирует предельное множество для дающего и противопоставляется числу десять. Временной отрезок обозначает *юһэн* в другой бурятской паремии *Ехэ юумэ ханаад юһэн хоног хооһон* ('Много возжелав, девять суток голодным быть')⁴.

В паремиях монгольских народов о девяти сыновьях число *девять* выступает символом предельного множества, девять сыновей — большая семейная ценность: монг. *Есөн хөвүүн төрүүлсэн эх их гэрийн хоймор суудаг* ('Мать, родившая девять сыновей, обычно занимает почётное место в большой юрте')⁵; калмыцк. *Йисн көвү һарһсн эк / Ик герин деед бийд суудг* ('Мать, родившая девять сыновей, Занимает почетное место в большом доме')⁶. В традиции монгольских народов знание девяти поколений рода. Кроме того, у бурят *һайн эрэ юһэн нагасаяя таниха* ('Хороший мужчина знает девять дядей по материнской линии')⁷.

Таким образом, в тувинской фразеологии число *тос* играет важную роль, символизируя предельную полноту и выступая в качестве гиперболы несметной силы, богатства, холода и т. п. Обнаруживается большое сходство семантики и символики числа девять в родственных тувинскому хакасском и алтайском языках. Большое влияние на тувинскую фразеологию оказала монгольская лингвокультура в силу общей истории и тюрко-монгольского языкового родства.

Заключение

Проведённый анализ собранного материала показал, насколько тувинская лингвокультура пронизана символикой числа *тос* 'девять', которое занимает особенное положение в менталитете тувинцев. Подтверждения этому находятся и в фольклоре (героических сказаниях и народных сказках), и в тувинской фразеологии. При сравнении с материалом ряда тюркских и монгольских языков выявилось много общего в символике числа *девять* в тувинской, хакасской, алтайской, монгольской, бурятской и калмыцкой лингвокультурах.

Число *тос* в тувинском фольклоре и фразеологии символизирует полноту и завершённость, определяет количество и возраст персонажей, периоды и сроки действий, описывает способности героев, выступает в качестве гиперболы размеров строений или количества богатств и пр. Это говорит о важности числа *тос* в числовом коде тувинской лингвокультуры.

¹ Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптыргастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 76.

² Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. № 10–2(37). С. 20.

³ Тагарова Т. Б. К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). Чита : ЗабГГПУ, 2011. С. 115.

⁴ Там же.

⁵ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН ; [Ё. Баярсайхан и др.] ; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001-2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

⁶ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / составление, перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 6.

⁷ Тагарова Т. Б. К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 115.

Особое сходство на примере символики числа *девять* обнаруживается с лингвокультурами монгольских народов, что объясняется особенностями общей истории и лингвокультурным трансфером тувинцев, монголов и бурят. Ещё одним объяснением такого сходства может послужить родство тюркских и монгольских языков в рамках алтайской макросемьи языков.

Монгольская культура в свою очередь испытала влияние китайской, в которой число девять символизирует предел, олицетворяет верховную власть и определяет церемонии (девять поклонов, девять ворот, девять стен во дворце, девять древних систем учений и т. д.). Поэтому осмелимся утверждать, что числовой код, выраженный числом *девять*, тувинской, а также монгольской лингвокультуры, во многом вписывается в один ряд с китайской символикой, образуя общность для Дальнего Востока и части Центральной Азии.

Также можно объяснить сходство числовой символики во всех рассматриваемых лингвокультурах и общечеловеческим фактором — математикой, поскольку в первом десятке число девять является самым большим.

Кроме того, следует отметить, что тувинцы, как монголы, буряты и калмыки — буддисты. В буддизме число девять широко почитается и символизирует высшую духовную силу, является небесным числом (девять небес). Также почитается *девять* в традиционном шаманизме тувинцев и соседних народов Саяно-Алтая.

Что касается фразеологии и паремиологии, лингвокультурологический анализ тувинских пословиц дал возможность выявить универсальные, общетюркские и этноспецифические стороны фрагмента числового кода, связанного с числом *девять* в составе паремий и ФЕ рассмотренных языков. Национально специфический характер носят в основном образы паремий, связанные с числовым кодом культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Басангова, Т. Г. (2019) Животные в калмыцком фольклоре. Элиста : КалмГУ. 192 с. (На рус. и калм. яз.).
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022а) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022б) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Изд-во восточной литературы. 148 с.

Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : учебное пособие. М. : Восточная литература. 247 с.

Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

История Тувы (2001) / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.

Каратаева, С. Т. (2020) Символика чисел в тюркских и монгольских языках // *Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева*. № 2. С. 91–97.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы» ; Тувинское книжное издательство. 248 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 149–172.

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нам, Е. В. (2016) Роль числовой символики в шаманской космологии и в процессе коммуникации между мирами (на материалах сибирского региона) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. № 1 (65). С. 29–33.

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Редакционно-издательский центр НГУ. 354 с.

Ойноктинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // *Вестник угроведения*. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на

фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М. : Наука. 822 с.

Дата поступления: 13.01.2023 г.

Дата принятия: 01.02.2023 г.

REFERENCES

- Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).
- Basangova, T. G. (2019) *Zhivotnye v kalmytskom fol'klore [Animals in Kalmyk folklore]*. Elista, Kalmyk State University. 192 p. (In Kalm. and Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko–finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic–Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislvoi kod tuvinskoi lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based of numerative units)]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Garmaeva, A. E. (2008) Chislvoia simbolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [Numerical symbolism in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).
- Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 148 p. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii : Kul'tura. Traditsii. Simbolika [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhitovnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiiia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatiiia i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Karataeva, S. T. (2020) Simvolika chisel v tiurkskikh i mongol'skikh iazykakh [Symbolism of numbers in the Turkic and Mongolian languages]. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabaeva*, no. 2, pp. 91–97. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy; Tuvan Book Publishing House. 2p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mizhit, E. B. (2010) Tuvinskaia traditsionnaia kosmologiiia v geroicheskome epose [Tuvan traditional cosmology in the heroic epos]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172. (In Russ.).

Moskvitheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore culturemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Nam, E. V. (2016) Rol' chislovoi simvoliki v shamanskoi kosmologii i v protsesse kommunikatsii mezhdu mirami (na materialakh sibirskogo regiona) [Numeric symbols in shamanic cosmology and in communication between the worlds (the case of Siberia)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (65), pp. 29–33. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskiiie dominanty paremii kak tipologicheskiiie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres]*. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of Novosibirsk State University. 354 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaiia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety [Mythological worldview of the Altaians: Concepts, motives, plots]*. Novosibirsk, Publishing and Printing Center of Novosibirsk State University. 622 p. (In Russ.).

Paremiologiiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiiia v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologiiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / M. A. Bredis et al. ; ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belorusskiiie paralleli vepsskikh poslovits: v poiskakh tipologicheskiiie obshchego i etnospetsificheskogo [Belarusian parallels of Vepsian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Ju. A. (2022b) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Samdan, Z. B. (2016) *Mif v fol'klornoi traditsii tuvintsev (formy bytovaniia, siuzhetnyi sostav, sistema personazhei)* [Myth in the folklore tradition of the Tuvans (forms of existence, plot composition, character system)]. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary] (2001) / ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed., enlarged. Moscow, Nauka. 822 p. (In Russ.).

Submission date: 13.01.2023.

Acceptance date: 01.02.2023.

Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Лингвокультурологический комментарий является одной из значимых зон паремиологического словаря и особенно актуален при описании тувинских пословиц в полилингвальной паремиографии, поскольку позволяет объективно репрезентировать их национально-культурную специфику на иноязычном фоне.

Цель исследования — определить принципы лингвокультурологического комментария в полилингвальной паремиографии и разработать приемы его использования в тувинско-русско-английском словаре пословиц. Материалом исследования послужили издания тувинских пословиц и поговорок, а также наиболее авторитетные словари пословиц русского, английского и других языков с лингвокультурологическими комментариями.

В результате исследования разработана методология использования лингвокультурологического комментирования пословиц в полилингвальном словаре, установлены характер и разновидности лингвокультурологического комментария в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре, определены состав и структура лексикографического описания национальной специфики тувинских пословиц на фоне русской и английской лингвокультур, выявлены особенности лингвокультурологической интерпретации пословиц, общих для тувинского, русского и английского языков.

Ключевые слова: лексикография; паремиология; пословица; словарь; лингвокультурологический комментарий; тувинский язык; русский язык; английский язык

Исследование выполнено благодаря Системе грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект D.2-F/S2022 (Российская Федерация).

Для цитирования:

Иванов Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 243-258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375(29)691-50-01. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375(29)691-50-01. Email: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Article

Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре

Eugene Eu. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

Linguoculturological commentary is one of the significant sections of a paremiological dictionary and it is especially relevant when describing Tuvan proverbs in polylingual paremiography, since it allows us to objectively represent their national and cultural features in a foreign language context.

The aim of the research is to determine the principles of linguoculturological commentary in multilingual paremiography and to develop techniques for its use in the Tuvan-Russian-English dictionary of proverbs. The research materials were acquired from collections of Tuvan proverbs and sayings, as well as from the most authoritative dictionaries of proverbs (in Russian, English and other languages) that comprise linguistic and cultural commentaries.

As a result of the research, a methodology for the application of linguoculturological commentaries on proverbs in a paremiological dictionary has been developed. The author has determined the character and varieties of the linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary as well as the composition and structure of a lexicographic description of national features of Tuvan proverbs in the contexts of Russian and English linguistic cultures. Some features of the linguoculturological interpretation of proverbs common to Tuvan, Russian and English have been found out.

Keywords: *lexicography; paremiology; proverb; dictionary; linguoculturological commentary; Tuvan language; Russian language; English language*

The research was carried out with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project D.2-F/S2022 (Russian Federation).

For citation:

Ivanov Eu. Eu. Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskome slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 243-258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Введение

Одной из актуальных задач тувинской паремиографии на сегодняшний день является создание тувинско-иноязычных словарей пословиц и поговорок, над чем с середины 2021 г. начала работать международная научная группа лингвистов, созданная в Российском университете дружбы народов с целью изучения фразеологии и паремиологии языков коренных народов России. Такие словари позволят не только познакомить носителей разных языков мира с богатством содержания и этнической спецификой пословиц тувинского народа, но и «преодолеть изолированность тувинского пословичного фонда, входящего в евразийский паремиологический континуум, от широкого сравнительного и типологического изучения пословиц европейских и азиатских народов» (Бредис и др., 2021: 145).

При разработке общей методологии лексикографического описания тувинских пословиц на европейском паремиологическом фоне предварительно были определены общелингвистические подходы к лингвокультурологическому комментированию в полилингвальной паремиографии (Бредис, Иванов, 2022а), а также некоторые принципы «этнолингвокультурологического комментария» тех пословиц тувинского языка, которые имеют «пословичные аналоги в европейских языках» и/или

«коррелятивные ключевые понятия и образы в европейских пословицах» (Бредис и др., 2021: 150–154). Вместе с тем остались неразработанными такие важные вопросы, как характер и разновидности лингвокультурологического комментирования пословиц в полилингвальном словаре, принципы и приемы комментирования этнолингвокультурной специфики тувинских пословиц.

Особенную актуальность приобретает решение перечисленных вопросов на материале лексикографического описания тувинских пословиц в сравнении с русским языком как государственным языком Российской Федерации, а также английским языком как основным языком межнациональной коммуникации в мире (Grigoryeva, Zakirova, 2022). В разрабатываемом автором статьи совместно с коллегами «Тувинско-русско-английском паремиологическом словаре» (Бредис и др., 2021) одной из центральных зон лексикографического описания будет именно зона лингвокультурологического комментария.

Цель исследования — определить общие принципы комментирования культурноносной семантики в полилингвальной паремиографии и разработать, приемы и образцы его использования в специальной лексикографической зоне тувинско-русско-английского словаря пословиц.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц и поговорок¹, а также их соответствия и эквиваленты из наиболее авторитетных паремиографических справочников в русском языке (свыше 1500 пословиц)² и в английском языке (около 1000 пословиц)³. Материалом для анализа лексикографической специфики лингвокультурного комментирования пословиц послужили наиболее репрезентативные в этом плане национальные⁴ и полилингвальные⁵ паремиографические справочники основных европейских языков.

¹ Пословицы отобраны методом фронтальной выборки из хронологически новейшего сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. Помимо этого, при анализе учитывались материалы изданий: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966 (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976 (На тув. и рус. яз.); а также словари: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968 (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014 (На тув. и рус. яз.).

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011; Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок = Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. Jefferson (North Carolina) & London: McFarland, 2000.

³ Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969; The Oxford Dictionary of English Proverbs / rev. by F.P. Wilson. 3 ed. Oxford: Clarendon, 1970; The Oxford Dictionary of Proverbs / ed. by J. Speake. 5th ed. New York: Oxford University Press, 2008.

⁴ См.: Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1988; Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск: БФС, 1997 (На белорус. яз.); Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева, 2002; Крылатые выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. Магілёў: МДУ, 2004 (На белорус. яз.); Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005; Крылатые выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў, В. В. Чэх. Магілёў: МДУ, 2006 (На белорус. яз.); Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2006; Иваноў Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: 3 іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011; Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 2014.

⁵ См.: Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н. А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993 (На белорус. яз.); Strauss E. Dictionary of European Proverbs: Vol. 1–3. London & New York: Routledge, 1994; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997; Muñoz J. S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S. A. Eiuinsa: Ediciones Internacionales Universitarias, 2001 (На исп. яз.); Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: в 2 ч. Могилёв: Брама, 2001; Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок = Sprichwörter sprichwörtliche redensarten russisch-deutsches wörterbuch. М.: Русский язык Медиа, 2006; Епифанов А. Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги = Türk atasözleri ve

В качестве методологического основания для исследования послужили работы последних лет по теории лингвокультурологической лексикографии (Чернобров, 2014; Разина, 2018), теории и практики лингвокультурологического комментария устойчивых единиц языка в словарях (Мокиенко, 2013; Ломакина, 2014; Вальтер, Иванов, Мокиенко, 2015; Никитина, 2015; Бредис, Иванов, 2022а), теории пословицы как лингвокультурологически значимого типа фразового текста (Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, 2022сd) и как единицы языка, детерминированной языковыми контактами и культурным трансфером (Паремиология на перекрестках ..., 2021).

Рассмотрение лингвокультурного своеобразия тувинских пословиц и поговорок базировалось на разноаспектных исследованиях их национально-культурной семантики (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Бредис и др., 2022; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис, Иванов, 2022b; Зиновьева, Алёшин, 2022; Иванов, 2022ab; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022; Петрушевская, 2022; Селиверстова, 2022), а также на работах, посвященных изучению особенностей фольклора и традиционной культуры тувинского народа (Липец, 1984; Курбатский, 2001).

Комментирование национально-культурной семантики тувинских и иноязычных пословиц

Сопоставление тувинских пословиц с русскими и английскими в рамках тувинско-русско-английского паремиологического словаря требует достаточно развернутого лингвокультурологического комментария на основе выделения принципов его использования в полилингвальном словаре.

Так, согласно первому принципу, комментирование не только тувинских, но также и иноязычных пословиц позволяет репрезентировать достаточно тонкие их национально-культурные различия, которые, как правило, ускользают в рамках монолингвального лингвокультурологического комментария.

Например, тувинская пословица *Чымааргайда ужур-ла бар, Чылбай сугда байлаң-на бар*¹ 'В тихоне есть что-то скрытное, В чуть тёплой воде мальков полно' имеет соответствия в русском языке *В тихом омуте черти водятся* и в английском языке *Still waters run deep* 'Тихие воды бегут глубоко'.

На первый взгляд, тувинская пословица отличается в этнокультурном плане от своих иноязычных эквивалентов двухчастной структурой, описание которой может быть включено в лингвокультурологический комментарий. «Большинство тувинских пословиц основано на прямом двучленном психологическом параллелизме. В них образы природные, зоологические и социальные, человеческие иногда сближаются по чисто внешнему сходству» (Курбатский, 2001: 343). В образно-

rus karşılıkları. Санкт-Петербург: КАРО, 2006; Иваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ, 2006; Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў: МДУ, 2007; Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007; Туровер Г. Я. Словарь пословиц. Испанско-русский и русско-испанский = Diccionario de refranes. Español-ruso y ruso-español. М.: Дрофа: Русский язык Медиа, 2009; Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / ред. Я. Я. Иваноў. Магілёў: МДУ, 2009; Mokienko V., Ruiz-Zorilla Cruzate M., Walter H., Zainouldinov A. Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen. Greifswald: E. M. A.-Universität, 2009; Шведченко И. Е. Словарь пословиц. Итальянско-русский и русско-итальянский = Dizionario dei proverbi. Italiano-russo e russo-italiano. М.: Дрофа: Русский язык Медиа, 2009; Гнездилова В. А. Французско-русский словарь пословиц и поговорок = Dictionnaire des proverbes français-russes. М.: Мирта-Принт, 2010; Храмцова О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. СПб.: КАРО, 2011; Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald: E.M.A.-Universität; Szczecin: Volumina, 2014; Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Беларуская навука, 2015; Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019; Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. (На беларус. яз.).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 70.

понятийном плане первая часть тувинской пословицы прямо соотносится и с русской, и с английской пословицами (ср. *чымааргай* 'тихий, смиренный'¹ — русск. *тихий*, англ. *still* 'неподвижный, тихий'), а вторая — только с английской (ср. *суг* 'вода' — англ. *water*). Важно обратить внимание также на использование в тувинской пословице усилительных частиц *-ла* и *-на* 'только'², которые используются для большей выразительности и создания эффекта иронии (ср. близкую по смыслу частицу *-ка* в русском языке).

Однако только этим лингвокультурологический комментарий в данном случае не должен ограничиваться, если прибегнуть к сопоставлению национально-культурной детерминированности образной семантики тувинской пословицы и ее иноязычных эквивалентов.

В таком случае обращают на себя внимание различия в образном плане пословиц тувинского и английского языков при выражении общего для них понятия 'вода'. В тувинской пословице это *чылбай суг* 'чуть теплая вода'³, а в английской — *still waters* 'неподвижная, тихая вода'. Различие здесь обусловлено существенной разницей в природных условиях жизни тувинского и английского народов, отразившихся в пословичных образах и требующих специального лингвокультурологического комментария.

Дело в том, что реки в Туве преимущественно относятся к горному типу, т. е. их русла имеют большой уклон за счет падения высоты от истока к устью, которое может достигать ста метров на один километр реки. По этой причине скорость течения воды в тувинских реках весьма велика и может достигать пяти метров в секунду, что способствует достаточно низкой температуре воды. В таких реках редко бывают спокойные места, где вода прогревается на солнце. В то же время в Туве много озер разных размеров, преимущественно ледникового происхождения, где вода значительно теплее, поскольку такие озера, как правило, не отличаются большой глубиной дна. Именно поэтому в тувинской пословице речь идет об озерной «теплой воде», а не о речной.

В свою очередь, в английской пословице говорится именно о речной воде, поскольку многочисленные реки в Англии почти все относятся к равнинному типу, берут свое начало преимущественно в болотах или источниках и отличаются тихим и спокойным течением, а также достаточной глубиной дна, что в свое время способствовало развитию судоходства, которое имело большое значение для английской экономики и сохранило во многих местах свою актуальность до сегодняшнего дня.

Страноведческая информация такого рода в случае своей предметной целесообразности и межкультурной коррелятивности обладает существенной лингвокультурной значимостью, дает возможность продемонстрировать глубину мотивированности национальной специфичности пословичной картины мира тувинского народа на фоне пословичных картин мира других народов.

Релевантность комментария тувинских пословиц и их иноязычных соответствий

Согласно второму принципу использования лингвокультурологического комментирования тувинских пословиц и их иноязычных эквивалентов, оно должно иметь равнозначный характер по своему содержанию (т. е. быть релевантным по объему, структуре, предметному характеру и глубине), что позволяет последовательно истолковывать в разных языках национально-культурную семантику пословиц и за счет этого более объективно ее дифференцировать.

Например, тувинская пословица *Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула (эрги, дең, чырыткы)-даа эвес*⁴ 'Ни чёрту щипцы, Ни бургану лампада' имеет в русском языке соответствие *Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*, однако в английском близких по образно-понятийному плану соответствий не имеет и может быть переведено только буквально как «Neither rake to aza nor lamp to Borgan» (Бредис, Иванов, 2022b: 29).

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 557.

² Там же. С. 281, 306.

³ Там же. С. 555.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 14.

Вместе с тем в английском языке есть пословица *Better the devil you know than the devil you don't* 'Черт знакомый лучше черта незнакомого', которая является частичным эквивалентом тувинской пословицы *Танывазы бургандан Танывазы аза дээрэ*¹ 'Чем неизвестный бог, Лучше незнакомый чёрт'.

Наличие в русском и английском языках пословиц с компонентом *черт / devil*, соответствующих тувинским пословицам с компонентом *аза* 'злой дух, сатана, черт'², требует параллельного лингвокультурологического комментирования данного компонента в каждом из языков. Такой комментарий обнаруживает как специфическое понимание в тувинской этнокультуре концепта и образа злого духа, так и ряд весьма близких и даже аналогичных в тувинской, английской и русской национальных культурах характеристик нечистой силы.

В частности, в тувинском шаманизме *аза* — это собирательное название невидимой злой силы, которая материальна и имеет конкретное воплощение. *Аза* негативно влияет на человека и других живых существ и может причинить им вред или даже умертвить.

Как пишут А.-Х. О. Базырчап и А. А. Конгу,

«Собственно вредоносные духи у тувинцев связаны с Верхним, Средним и Нижним мирами. Нижний мир шаманы делят на несколько частей и называют местом для мертвых (*өлген кижилер ораны*), страной чертей (*аза ораны* — страна злых существ). В "пантеоне" духов *аза* относился к особому народу, созданному во времена сотворения земли. Поэтому *аза* обитает и в подземном, Нижнем, мире, и в Среднем мире» (Базырчап, Конгу, 2020: 136–137; курсив источника. — Е. И.).

В традиционных верованиях тувинцев *аза* связан с ветром, который может приносить плохую погоду и злого духа в виде вихря. С *аза* боролись шаманы, но не всякие, а только

«ведущие свое происхождение от *алазаров*³ — чертей. Если камлал именно такой шаман, то больной быстро излечивался, поскольку эти духи являлись его помощниками. Но во время камлания *аза* мог и убить человека. Только шаману суждено видеть *аза*, когда он вступает с ним в бой, побеждает его в жестокой схватке и возвращает душу больному» (там же: 138; курсив источника. — Е. И.).

При сравнении верований в *аза* как злого духа в тувинской мифологии и в *черта / devil* как воплощения абсолютного зла в христианстве обнаруживается помимо существенных различий также и немало общего. Это и персонификация зла (его материализация в том или ином виде), и место обитания (под землей), и связь с миром мертвых, и появление в непогоду, и способы борьбы с ним (изгнание из человека с помощью ритуальных обрядов), и узурпация борьбы с ним (изгонять его могут только избранные).

Комментарии других этнолингвокультурно маркированных компонентов этой тувинской пословицы (*бурган* 'бог, божество, идол'⁴ и *кыскаш* 'щипцы, клещи'⁵) в их проекции на русскую и английскую лингвокультуры дается в аспекте ее перевода в более раннем нашем исследовании (Бредис, Иванов, 2022b: 28–29).

Параллельное толкование национально-культурной семантики пословиц в полилингвальном словаре дает возможность репрезентировать межкультурную общность разных пословичных картин мира на фоне их этнокультурной специфики.

Комментирование наиболее существенных компонентов пословиц в аспекте их межъязыкового сравнения

Третий принцип реализации лингвокультурного комментария в словаре пословиц тувинского, русского и английского языков предполагает обращение к наиболее существенным в аспекте межъязыкового сопоставления (национально-культурно маркированным) компонентам пословичного плана содержания.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 51.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 45.

³ Очевидно в цитате опечатка, правильно *азалар*.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 122.

⁵ Там же. С. 280.

Следует отметить, что в тувинской национальной паремиографии, как и в паремиографии других языков, имеет место практика комментирования отдельных лексических компонентов пословиц, требующих специального пояснения (архаизмов, историзмов, диалектизмов, религионимов, мифонимов и под.). Однако комментарии такого рода трудно квалифицировать как собственно лингвокультурологические, поскольку в этом случае, как правило, дается либо семантизация лексического значения соответствующего компонента пословицы, либо дефиниция понятия, которое им обозначается, напр.: «*лаң* — серебряная денежная единица в виде монеты»¹, «*тараа* — жареное и толченое просо, употребляемое как продукт питания»², «*үрен* — кизи»³, «*хереме* (диал.) — диин»⁴, «*хуурак* — ученик ламы»⁵ и т. п.

Собственно лингвокультурологический комментарий компонентов плана содержания и/или лексического состава тувинской пословицы предполагает описание, во-первых, той реалии, которая упоминается в пословице, во-вторых, комплекса этнокультурно значимых ассоциаций, которые устойчиво связаны с данной реалией в сознании носителей языка, в-третьих, ценности этой реалии и взаимосвязанных с ней ценностей в аксиологической системе традиционной картины мира тувинцев. При этом комментироваться должны в первую очередь те части тувинской пословицы, которые не имеют прямых соответствий или эквивалентов в других языках.

Например, тувинская пословица *Даг көргенде, бөрү омак, Даай көргенде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, А племянник рад, на дядю глядя'⁶ имеет частичные эквиваленты, соответствующие ее первой части, в русском языке *Волчья натура в лес тянет* и в английском *Nature is stronger than nurture* 'Натура сильнее воспитания', *Once a wolf always a wolf* 'Волк всегда остается волком'.

Однако вторая часть тувинской пословицы остается не вполне понятной без лингвокультурологического комментария, который может иметь следующее содержание. В тувинском языке *даай* означает не только 'дядя' как 'брат матери'⁷, но родственники по материнской линии (Кара-оол, 2006: 214), что отражает ранний период истории тувинского народа, для которого был характерен материнско-родовой строй (матриархат). Для тувинцев кровное родство всегда занимало центральное место в иерархии духовных ценностей. Особенная близость дяди по матери к своему племяннику сохранилась у тувинцев и в более позднее время. Поговорка о дяде и племяннике без упоминания о волке бытовала еще в древние времена, а образ волка присоединился позднее. Дядя по матери был обязан по древнему обычаю (восходящему своими корнями к эпохе матриархата) оказывать своему племяннику любую материальную помощь, нередко весьма разорительную. По этой причине родственное отношение племянника к своему дяде по матери довольно часто основывалось не на искренних чувствах, а на простом корыстном расчете, что в итоге привело к преобразованию содержания пословицы. «Если раньше образы племянника и волка сопоставлялись, сравнивались, то теперь они сблизилась чуть ли не до метафоры "племянник — волк"» (Курбатский, 2001: 217).

Как видим, в тувинской пословице компоненты «дядя» и «племянник» являются национально-культурно маркированными и требуют специального лингвокультурологического комментирования, без которого содержание пословицы не только искажается, но и воспринимается как «парадоксальное» (Иванов, 2022а).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 40.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 139.

Взаимное проецирование лингвокультурологических комментариев пословиц разных языков

Согласно четвертому принципу, лингвокультурологический комментарий национально-культурно маркированных компонентов тувинской пословицы в рамках полилингвального словаря требует проекции на лингвокультурно значимое содержание пословиц других языков. Такая проекция может иметь в полилингвальном словаре не только собственно лингвокультурологическую, но и типологическую значимость, если ее вектор направлен от других языков к тувинскому языку.

Например, тувинская пословица *Дарган кижиниң масказы чок, Бызаңчы кижиниң балдызы чок* 'У кузнеца нет молотка, У плотника — топора'¹ имеет прямые пословичные соответствия в русском языке *Без клещей кузнец, что без рук* и в английском *What is a workman without his tools?* 'Что такое работник без инструментов?'

Лингвокультурологическому комментарию в этом случае подлежит прежде всего национально-культурно маркированный компонент *дарган* 'кузнец', поскольку кузнечное дело в Туве является очень древним и почитаемым народным ремеслом. Кузнецы изготавливали как многочисленные жизненно необходимые в традиционном хозяйстве кочевника предметы, так и оружие и военное снаряжение, предметы шаманского и буддийского культа, украшения из серебра. Многие изделия были весьма искусны и обладали высоким уровнем сложности в изготовлении и незаурядными эстетическими качествами. Работа с металлом актуальна и до настоящего времени, является одним из народных традиционных ремесел в современной Туве.

В свою очередь, образ «плотник» в пословице не имеет национально-культурной специфичности, плотничье дело развилось в связи с переходом на оседлый образ жизни и непосредственно зависело от кузнечного ремесла, обеспечивающего плотника инструментами, о чем прямо говорится в пословице, которую в буквальном смысле следует понимать как «если кузнец без молотка, то и плотник без топора».

Значимость образа кузнеца в пословичной картине мира тувинского народа подтверждается и проекцией этнокультурного содержания семантики анализируемой пословицы на национально-культурную семантику коррелятивных пословиц русского и английского языков. Тувинская пословица «о кузнеце и плотнике» является национальным вариантом универсальной пословицы «о мастере, который не имеет инструментов и/или не пользуется плодами своего труда»², поэтому имеет также эквиваленты в русском *Сапожник без сапог, портной без порток* и в английском *He that makes shoes goes barefoot himself* 'Кто делает обувь, ходит босым'³.

Появление образа «сапожник» в русских и английских пословицах не случайно, поскольку указывает на значимость его ремесла в традиционной культуре европейских народов наряду с ремеслом портного и кузнеца. Так, в структурно-семантической модели универсальной пословицы «о мастере...» образы «кузнец» и «сапожник» имеют равную представленность (по два раза в четырех формальных вариантах): «The shoemaker has (often / always) bad / (the worst) / no shoes (goes barefoot) (variant 1); The shoemaker's wife and the smith's horse have no shoes (or walk barefoot) (variant 1a); The tailor has bad / no clothes (v2); The Smith has bad / no knife / axe (or has a wooden spoon) (variant 3)» 'Сапожник имеет (часто / всегда) плохую / наихудшую обувь / не имеет обуви (ходит босиком) (вариант 1); Жена сапожника и лошадь кузнеца не подкованы (ходят босиком) (вариант 1a); У портного плохая одежда / нет одежды (вариант 2); Кузнец имеет плохой нож (топор) / не имеет ножа (топора) (имеет деревянную ложку) (вариант 3)'⁴.

Кузнец обожествляется в мифологии большинства европейских народов. Бог-кузнец известен в древнегреческом пантеоне (*Гефест*), в древнеримском (*Вулкан*), в кельтском (*Гибниу*), в скандинавском (*Тор*), в славянском (*Сварог*), в прибалтийском (*Кальвис* и *Телявель*).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 96.

² Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 65–71.

³ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 37.

⁴ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 65.

Образ «кузнец» занимает в тувинской мифологии такое же высокое место, как и в европейской. «Необыкновенное искусство кузнецов было воспринято ими в свое время от небесных мастеров, посланцев небожителей на землю. Связанный с Верхним небесным миром искусный мастер кузнечного дела выполнял функцию культурного героя. Так, по одному из сюжетов тувинской мифологии небесный Моортай-кузнец, отправленный с Верхнего мира, изготовлял для мужчин — уздечки, заклепки недоуздов, бляхи к седлу, огнива, ножи; для женщин украшения — кольца, серьги; для хозяйства в юрте — чаши, чайники, ковши»¹. Кузнецов было не так много, тайны ремесла передавались по наследству. Как пишет С. М. Орус-оол, «кузнецы, по традиционным представлениям тувинцев, наряду с шаманами (*хам*), гадателями на лопатках (*чарынчы*), травниками (*оьтчу*), вызывателями погоды (*чатчы*), знахарями (*эмчи, тудужу*), принадлежали к особым людям, обладающим магическим даром и сверхъестественными способностями. Наличие дара, получаемого свыше, от небесных божеств расценивалось обществом как позитивное и полезное»².

Однако в традиционной культуре европейский кузнец существенно отличается от тувинского, поскольку не обладает таким почетом, не является социально и культурно значимым членом социума, селится вдали от остальных (из-за опасности огня, с которым всегда имеет дело), характеризуется нелюдимостью и необычным поведением, наделяется силой колдуна и знахаря из-за своего общения с злыми духами. Именно поэтому кузнец в европейских пословицах фигурирует рядом с сапожником, который не пользуется уважением, беден до нищеты (потому и не может позволить себе и своей жене хорошую обувь), часто пьянствует и так же, как и кузнец, знает с нечистой силой.

Межъязыковая проекция лингвокультурологического комментирования образа кузнеца дает возможность обнаружить типологически общие черты (его высокое место в мифологическом пантеоне) и различия (его разное место в традиционном социуме) в пословичных картинах мира тувинского народа и европейских (английского и русского) народов.

Комментирование компонентов тувинских пословиц, ассоциативно связанных с традиционной культурой

Пятый принцип использования лингвокультурологического комментария в полилингвальном словаре предполагает выявление и описание неочевидных (немаркированных) в тувинской пословице этнокультурных реалий, которые связаны с пословичным планом содержания лишь косвенно (не детерминируют прямо и непосредственно его национально-культурную семантику). Эти реалии могут даже называться в пословице, однако при буквальном переводе (который обязателен в полилингвальных словарях) восприниматься как нейтральные в лингвокультурном плане, не имеющие национальной специфики.

Например, в тувинской пословице *Күзээнин чедер, Хүрешкенин октаар* 'Для осуществления мечты надо биться, Для победы в борьбе надо тренироваться'³, имеющей эквиваленты в русском языке *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* и в английском *Nothing to be got without pains* 'Без усердия ничего не получишь', *No sweet without sweat* 'Не попотев, сладкого не получишь', используется лексический компонент *хүреш*, который буквально переводится как 'борьба' и означает в тувинском языке спортивный термин⁴.

Образ «борьба», как и образы «рыба» в русской пословице и «сладкое» в английской, не несет в себе никакой очевидной для современных представителей как русской, так и английской лингвокультур национальной специфики. Однако *хүреш* (русс. *хуреш*, англ. *khuresh / kuresh*⁵) — это не обычная борьба

¹ Орус-оол С. М. Традиционное кузнечное производство в тувинском фольклоре // Айыы таңара и кузнечный культ в тенгрианстве: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, с. Верхневилуйск, с. Кэнттик, Верхневилуйский район, Республика Саха, Якутия, 2–3 апреля 2020 г. Якутск: МФИТ, 2020. С. 141.

² Там же. С. 132.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 110.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 498.

⁵ Доржу Н. С., Очур Т. Х., Чыпсымаа О. О. Краткий справочник этнокультурных языковых реалий Саяно-Алтайского региона (на английском языке): справочное пособие. Кызыл: Издательство ТувГУ, 2016. С. 28.

как вид спортивных состязаний, а тувинская национальная разновидность единоборства, которая существенно отличается от традиционной борьбы у тюркских народов тем, что для победы достаточно, чтобы соперник упал или коснулся земли коленом, а также поднять соперника и удержать его в воздухе в течение нескольких секунд.

Хуреш является одним из трех (наряду со скачками и стрельбой из лука) основных традиционных видов спорта тувинцев. Известен по персидским письменным источникам с начала XIII века¹. Состязания по хурешу издавна приурочены к таким двум самым главным национальным праздникам тувинцев, как *Наадым* (празднество животноводов в середине августа) и *Шагаа* (празднование нового года по лунно-солнечному календарю в конце января — феврале, конкретная дата определяется ламами), а также проводятся во время традиционных обрядов по освящению местности *дагылга*, пиршеств *доя* и др. Борьба проходит на открытом воздухе попарно с выбыванием проигравшего, перед ее началом борцы исполняют ритуальный танец орла *деви́г*, который еще раз исполняется в конце победителем.

Без *хуреш* невозможно представить не только физическую подготовку тувинского мужчины, но духовную культуру всего тувинского народа: «Когда борцы-хурешисты, надев свои *содак-шудак* (специальная борцовская форма) под аккомпанемент “Доге-Баары” начинают исполнять танец орла “деви́г”, то кажется, что земля и небо начинают содрогаться от этой мощи, и начинаешь понимать, что для тувинца хуреш значит гораздо больше, чем просто спортивные состязания и больше, чем красивое зрелище, что это — народный праздник, исполненный глубокого и обширного смысла, одно из лучших сокровищ народной культуры»².

Как видим, лингвокультурологическое комментирование компонентов пословицы, не маркированных в плане их национальной специфики, дает возможность глубоко и адекватно понять систему духовных ценностей тувинского народа, отраженную в его фольклоре и языке.

Обращение в комментариях тувинских пословиц к национально-культурной семантике азиатских языков

Согласно шестому принципу, лингвокультурологический комментарий тувинских пословиц в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре целесообразно осуществлять на фоне языков, генетически и/или ареально близких тувинскому языку, что позволит включить в пространство словаря азиатские лингвокультуры, которые существенно расширят представление об истоках и характере национальной специфики тувинской пословичной картины мира.

Например, тувинская пословица *Эки аът орук часпас, Өдүрек куш хэл часпас* ‘Хороший конь не собьётся с дороги, Утка не пролетит мимо озера’³ имеет эквиваленты в русском языке *Старый конь борозды не портит (не теряет)* и в английском языке *An old ox makes a straight furrow* ‘Старый бык делает прямую борозду’, которые являются национальными вариантами общей для многих европейских языков пословицы «о коне (быке, воле), который пашет прямо»⁴.

Лингвокультурологический комментарий здесь предполагает прежде всего описание образа и реалии «конь» в тувинской национальной картине мира, которые, как показывают новейшие исследования (Бредис и др., 2022: 153–154) весьма существенно отличаются от их понимания в национальных культурах европейских народов.

Однако комментария требует и пословичный прототип, т. е. та типичная ситуация «о коне, который не собьётся с пути», отраженная в пословице и послужившая основой для образования пословицы.

На первый взгляд, такая типичная ситуация должна быть естественным образом свойственна жизни кочевника, неразрывно связанной с конем и с использованием коня при передвижении на дальние

¹ Ондар О. Ч. Борьба Хуреш. История, современность, будущее. Кызыл: ТувГУ. 2015. 192 с. С. 114.

² Монгуш А. Ч. Национальная борьба хуреш по фотографиям В. П. Ермолаева // Ермолаевские чтения: материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики, 26–27 августа 2021 г. Кызыл: Национальная библиотека им. А. С. Пушкина, 2021. С. 158–159.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 75.

⁴ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 270–271.

расстояния. И вполне логично было бы ожидать найти аналогичные или близкие пословицы у других кочевых тюркских и монгольских народов, чтобы провести при комментировании необходимые культурные параллели с тувинской пословицей.

Тем более неожиданно то, что в фольклоре тюркско-монгольских народов, как показало исследование, не упоминается о таком качестве коня, как «не сбиться с пути». Даже в тюркско-монгольском эпосе, где коню отводится роль культурного героя, где подробно перечисляются, восхваляются и гиперболизируются его качества и достоинства (выносливость, резвость, быстрота и легкость бега, прыгучесть, сила, неприхотливость, красота, верность, бесстрашие и др.), нет и намека на способность коня ориентироваться в пространстве, находить верную дорогу (Липец, 1984: 124–249).

В тувинском фольклоре такая способность коня также не актуализируется, но внимание обращается на умение самих наездников-кочевников ориентироваться в дороге, особенно незнакомой. «Самая трудная дорога незнакомая: “Если найти проводника, — спокойно и за себя, и за коня”. В трудной, далекой дороге многое зависело от искусства наездника» (Курбатский, 2001: 70). Только вскользь упоминается о коне, но главная роль всегда отводится его наезднику:

«Трудно ориентироваться в “изрезанной дорогами” степи. В этом должен помочь хороший конь: “Лишь конь мой знает, как далеко находится кочевье моих отца-матери”. Пословица об артельной повинности “... айбычы кижы аал эндевес” — “...гонец знает, где аал находится” свидетельствует о прекрасной ориентировке на местности. “Как бы далеко ни уехали мои парни, хоть десять суток пройдет, все равно они вернуться в свой родной сумон Салчак”» (там же: 71).

В этой связи показательно, что в русском фольклоре вербализована типичная ситуация «о коне, который не собьется с дороги», например, в тексте известной «Сказки о Иване-царевиче и Сером Волке» (в литературной обработке поэта В. А. Жуковского):

Ступай отсюда на восток;
 Придешь на луг зеленый; посреди
 Его растут три дуба; меж дубами
 В земле чугунная зарыта дверь
 С кольцом; за то кольцо ты подыми
 Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
 Там за двенадцатью дверями заперт
 Конь богатырский; сам из подземелья
 К тебе он выбежит; того коня
 Возьми и с богом поезжай; с дороги
 Он не собьется¹.

Тем не менее такой пословицы, как «Конь не собьется с пути» в русском языке нет.

Однако весьма близкая по форме и аналогичная по смыслу пословица есть в китайском языке 老马识途 ‘Старая лошадь знает дорогу’, где «говорится об опытном человеке, который знает, как себя вести в различных ситуациях, и умеет находить выход из трудных положений»².

¹ Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1960. Т. 3: Орлеанская дева. Сказки. Эпические произведения. С. 217.

² Происхождение этой пословицы восходит к историческому рассказу в трактате “Хань Фэй-цзы” китайского мыслителя Хань Фэя (около 280–233 гг. до н. э.): «В эпоху Чуньцю (эпоху «Весны и Осени») гун Хуань из царства Ци предпринял военный поход в царства Шаньжун и Гучжу. Кампания оказалась успешной, более слабые царства были покорены. Когда же пришла пора возвращаться домой, армия гуна Хуаня столкнулась с неожиданной проблемой. Гучжу находилось довольно далеко от царства Ци. В поход армия Хуаня отправлялась весной, а завершила его только зимой. К этому времени уже выпал снег, и окружающий пейзаж изменился настолько, что войска не могли найти обратную дорогу. В конце концов они окончательно сбились с пути. Настроение у всех было очень тревожное. Тогда главный советник Гуань Чжун сказал гуну Хуаню: “Старые лошади всегда помнят дорогу, по которой они уже прошли однажды. Почему бы нам не положиться на их мудрость? Пусть они сами введут нас”. Так они и сделали: поставили во главе колонны несколько старых лошадей и позволили им самим искать дорогу к дому. Спустя какое-то время лошади привели войско домой» (см.: Китайские пословицы и поговорки [Электронный ресурс] // StudyChinese.ru = Китайский язык онлайн. 2022. URL: <https://www.studychinese.ru/proverbs/114/> (дата обращения: 01.12.2022).

Если учитывать, что «Китай издревле распространял свое влияние на остальной мир, в том числе и на Туву» (Дыртык-оол, Чыргалан, 2012: 95), а аккультурация тувинцев под воздействием китайской культуры усилилась, как известно, с XVIII века, когда Тува стала одной из колоний Цинской империи, то можно считать, что своим возникновением тувинская пословица «о коне, который не собьется с дороги» обязана межкультурному китайско-тувинскому трансферу в области образных средств языка.

Обращение при лингвокультурологическом комментировании пословиц в тувинско-русско-английском словаре к фактам генетически и/или ареально близких тувинскому азиатских языков и культур дает возможность существенно объективизировать объяснение национально-культурной семантики единиц пословичного фонда тувинского языка.

Заключение

В результате исследования разработана методология использования лингвокультурологического комментария тувинских пословиц в полилингвальном словаре, определены состав и структура лексикографического описания национальной специфики тувинских пословиц на фоне русской и английской лингвокультур, выявлены особенности лингвокультурологической интерпретации пословиц, общих для тувинского, русского и английского языков.

Лингвокультурологический анализ национально-культурной семантики тувинских пословиц на русском и английском паремиологическом фоне позволил сформулировать шесть основных принципов их комментирования в полилингвальном словаре. Во-первых, пословицы всех описываемых в словаре языков могут и должны быть объектом комментирования; во-вторых, комментарии пословиц всех языков должны быть релевантны, не исключая различную степень своего предметного наполнения в разных языках; в-третьих, комментироваться должны наиболее существенные в аспекте межъязыкового сравнения компоненты пословиц; в-четвертых, комментарии пословиц разных языков должны проецироваться друг на друга; в-пятых, комментироваться должны не только этнолингвокультурно маркированные, но и ассоциативно связанные с традиционной культурой компоненты пословиц; в-шестых, комментарий пословиц должен проводиться на широком языковом фоне с учетом прежде всего генетически и/или ареально близких языков.

При разработке образцов лингвокультурологического комментария тувинских пословиц в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре был выделен ряд приемов описания их национально-культурной семантики. Так, комментирование производится на основе межъязыковой корреляции предмета описания; предусматривает один и тот же порядок и объем для разных языков; фокусируется не только на пословичных образах и концептах, но и на моделях и прототипах пословиц; осуществляется в межкультурной проекции пословичного плана содержания; актуализирует как вербализованную, так не вербализованную в пословице культуроносную информацию; реализуется в объективной связи с генетической общностью языков и трансфером культур.

Исследование показало, что лингвокультурологический комментарий является действенным при межъязыковом и межкультурном сопоставлении пословиц в случае, если представлен в равной степени и в равном объеме, одинаково предметно направлен и структурирован, взаимно коррелирует для всех языков в полилингвальном паремиологическом словаре.

Разработанные принципы, приемы и образцы лингвокультурологического комментария в полилингвальном паремиологическом словаре дают возможность описать в тувинско-русско-английском словаре пословиц не только этнокультурную специфику тувинской пословичной картины мира на фоне двух европейских языков, но и универсальные смыслы и ценности, общие для европейской и азиатской культур, обеспечивающие возможность и успешность межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базырчап, А.-Х. О., Конгу, А. А. (2020) Представления о злых духах у тувинцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 3. С. 134–146. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угрюдения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022а) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербильные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Вальтер, Х., Иванов, Е. Е., Мокиенко, В. М. (2015) Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін / адк. рэд. А. М. Макарэвіч. Магілёў : МДУ. 394 с. С. 209–214.

Дыртык-оол, А. О., Чыргалан, С. Ю. (2012) Влияние китайской культуры на традиционный быт тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 95–100.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е. (2022а) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кара-оол, Л. С. (2006) Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл : РИО ТывГУ. 252 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Липец, Р. С. (1984) Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М. : Наука. 264 с.

Ломакина, О. В. (2014) Историко-этимологическая справка в авторском словаре // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (45). С. 335–337.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мокиенко, В. М. (2013) Культурологические и историко-этимологические комментарии в паремиологическом тезаурусе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 12-1. С. 121–134.

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Никитина, Т. Г. (2015) Лингвокультурологический комментарий в словаре пословиц // Филология и культура. № 4 (42). С. 132–138.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Разина, А. С. (2018) Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. № 14. С. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/14/3>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Чернобров, А. А. (2014) Принципы формирования, содержание и типы лингвокультурологических словарей // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. № 3 (19). С. 37–47. DOI: <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.04>

Grigoryeva, L. L., Zakirova, R. R. (2022) The role of English in intercultural communication: Past, modernity and future global perspectives // Training, Language and Culture. Vol. 6. № 2. P. 45–55. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-45-55>

Дата поступления: 20.01.2023 г.

Дата принятия: 05.02.2023 г.

REFERENCES

Bazyrchap, A.-Kh. O. and Kongu, A. A. (2020) Predstavleniia o zlykh dukhakh u tuvintsev [Evil spirits as viewed by the Tuvans]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 3, pp. 134–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiiia poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovoriakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislivoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Valter, H., Ivanov, E. E. and Mokienko, V. M. (2015) Belorusskie poslovitsy v kontekste evropeiskoj paremiologii (o russko-nemetsko-belorusskom slovare poslovits s inoiazыchnymi paralleliami) [Belarusian proverbs in the context of European paremiology (about the Russian-German-Belarusian dictionary of proverbs with foreign language parallels)]. In: *Aktual'nyia prablemy filologii i metodyki vykladannia filalogichnykh dyscyplin [Actual problems of philology and methods of teaching philological disciplines]* / ed. by A. M. Makarevich. Mogilev, Mogilev State University. 394 p. Pp. 209–214. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. and Chyrgalan, S. Yu. (2012) Vliianie kitaiskoi kul'tury na traditsionnyi byt tuvintsev [Influence of the Chinese culture on the traditional life of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 95–100. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. C. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaiia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022c) Aforizm v krugu malykh tekstovykh form v ustnom, pis'mennom i elektronnom diskursakh [Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Funktsii aforisticheskikh edinit v russkom iazyke [Functions of aphoristic units in the Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiiia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatiiia i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kara-ool, L. S. (2006) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom iazyke* [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan State University. 252 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lipets, R. S. (1984) *Obrazy batyra i ego konia v tiurko-mongol'skom epose* [Images of the batyr and his horse in the Turkic-Mongol epic]. Moscow, Nauka. 264 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2014) Istoriko-etimologicheskaiia spravka v avtorskom slovare [The historical and etymological reference in the author's dictionary]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 3 (45), pp. 335–337. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mokienko, V. M. (2013) Kul'turologicheskii i istoriko-etimologicheskii kommentarii v paremiologicheskome tezauruse [Culturological and historical-etymological commentaries in the paremiological thesaurus]. *Herald of Chelyabinsk state pedagogical university*, no. 12-1, pp. 121–134. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskii dominanty paremii kak tipologicheskii markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikitina, T. G. (2015) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v slovare poslovits [Linguocultural comments in dictionaries of proverbs]. *Philology and Culture*, no. 4 (42), pp. 132–138. (In Russ.).

Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnyie paralleli (tipologicheskaiia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Razina, A. S. (2018) Etnolingvisticheskie, etnodialektnye i lingvokul'turologicheskie slovarei kak novyi etap leksikografii [Ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries as a new stage of lexicography]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 14, pp. 50–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/14/3>

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Chernobrov, A. A. (2014) Printsipy formirovaniia, sodержanie i tipy lingvokul'turologicheskikh slovarei [Principles, contents and types of linguocultural dictionaries]. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (19), pp. 37–47. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.04>

Grigoryeva, L. L. and Zakirova, R. R. (2022). The role of English in intercultural communication: Past, modernity and future global perspectives. *Training, Language and Culture*, vol. 6, no. 2, pp. 45–55. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-45-55>

Submission date: 20.01.2023.

Acceptance date: 05.02.2023.

Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков)

Юлия А. Петрушевская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация;
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь

Одной из наиболее важных проблем паремиологии как лингвистической дисциплины является выявление универсальных характеристик национальных пословичных фондов, что является необходимым условием построения общей теории пословицы как языковой единицы. Анализ пословиц тувинского языка в аспекте универсальных качеств их структуры и семантики позволит включить тувинский пословичный фонд в состав национальных корпусов, используемых для определения и верификации провербиальных универсалий языков мира.

Материалом исследования послужили издания тувинских пословиц и поговорок, а также наиболее авторитетные полилингвальные словари пословиц 55 европейских языков. В рассмотренном пословичном фонде тувинского языка выявляются типы и представленность семиотических, структурных и семантических провербиальных универсалий (на фоне пословиц европейских языков). Установлено, что в нем представлены все основные типы провербиальных универсалий в языках мира: универсальные пословичные единицы, универсальные структурные модели пословиц, универсальные пословичные образы и концепты. Универсальные пословичные единицы в тувинском языке составляют около 3% пословичного фонда и более чем на 65% этнолингвокультурно маркированы. Универсальные структурные модели зафиксированы в 11% тувинских пословиц и более чем на 81% имеют этнолингвокультурно детерминированные формальные варианты. Универсальные пословичные образы и концепты представлены в 27% тувинских пословицах и более чем на 78% функционируют в этнолингвокультурно маркированном пословичном контексте.

Ключевые слова: паремиология; пословица; межъязыковая общность; провербиальные универсалии; этнокультурная специфичность; тувинский язык; европейский язык

Исследование выполнено благодаря Системе грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект D.2-F/S2022 (Российская Федерация). Публикация частично выполнена при поддержке Государственной программы научных исследований 2021-2025 гг., научный проект ГР № 20211335 (Республика Беларусь).

Для цитирования:

Петрушевская Ю. А. Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 259-279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Петрушевская Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Тел.: +375 (29) 318-85-32. Эл. адреса: upetrushevskaya@inbox.ru; petrushevskaya@msu.by

PETRUSHEVSKAYA, Julia Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Junior Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Mogilev State A. Kuleshov University. Postal addresses: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation; 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Tel.: +375 (29) 318-85-32. E-mail addresses: upetrushevskaya@inbox.ru; petrushevskaya@msu.by **ORCID ID:** 0000-0002-7855-8309

Article

Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)

Julia A. Petrushevskaya

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation;
Mogilev State A. Kuleshov University,
Republic of Belarus

One of the most focal issues of paremiology as a linguistic discipline is the identification of universal characteristics of national proverb collections. This is a necessary condition for developing a general theory of the proverb as a linguistic unit. The analysis of the proverbs of the Tuvan language in terms of universal qualities of their structure and semantics will make it possible to incorporate the Tuvan proverbial fund into the number of national corpora used to identify and verify proverbial universals of the world's languages.

The research materials comprise published collections of Tuvan proverbs and sayings, as well as the most authoritative multilingual dictionaries of proverbs in 55 European languages. The author highlights the types and representation of semiotic, structural and semantic universals in the proverbial fund of the Tuvan language and compares them with proverbs of European languages. It has been discovered that all main types of proverbial universals of the world's languages can be found there: universal proverbial units, universal structural models of proverbs, universal proverbial images and concepts. Tuvan universal proverbial units make up about three per cent of the proverbial fund. More than 65 per cent of them are ethnically and linguoculturally marked. Universal structural models are found in 11 per cent of Tuvan proverbs. More than 81 per cent of them have formal variants that are ethnically and linguoculturally determined. Universal proverbial images and concepts are represented in 27 per cent of Tuvan proverbs. More than 78 per cent of them function in an ethnically and linguoculturally marked proverbial context.

Keywords: paremiology; proverb; interlanguage community; proverbial universals; ethnocultural specificity; Tuvan language; European language

Financing

The research was carried out with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project D.2-F/S2022 (Russian Federation). The article was partially prepared within the framework of the State Research Program for 2021–2025, project GR No. 20211335 (Republic of Belarus).

For citation:

Petrushevskaya Yu. A. Proverbial'nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 259-279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Введение

Выявление и дифференциация межъязыковой общности и этнокультурной специфичности пословиц являются наиболее актуальным и востребованным на сегодняшний день направлением в паремиологии как самостоятельном разделе лингвистики (Паремиология на перекрёстках ... , 2021). Одной из важнейших проблем сопоставительного и лингвокультурологического изучения пословиц разных языков мира является проблема установления универсальных характеристик национальных (этнокультурных) пословичных фондов. В качестве универсальных целесообразно рассматривать такие совпадения в разных языках пословичных единиц и/или отдельных свойств пословиц, которые невозможно объяснить с точки зрения генетической или ареальной близости данных языков, а также иноязычными заимствованиями или лингвокультурным трансфером (Петрушэўская, 2019: 117–118; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1006–1008). Выявление в языках мира провербиальных универсалий является необходимым условием построения не только общей теории пословицы как языковой единицы, но и общей для разных этносов модели традиционной культуры.

Тувинские пословицы в последнее десятилетие начали изучаться в плане их сопоставления с европейскими языками — английским (Салчак, 2019), белорусским (Петрушевская, 2022b), немецким (Болат-оол, Пелевина, 2017), шведским (Зиновьева, Алёшин, 2022). Однако тувинский пословичный

фонд никогда не рассматривался на предмет наличия в его составе универсальных единиц и/или универсальных компонентов пословиц.

Исследования последних лет убедительно показывают, что от правильного понимания и объективного разграничения универсального, интернационального и собственно национального в тувинском пословичном фонде непосредственно зависит решение таких проблем, как перевод пословиц на европейские языки (Бредис, Иванов, 2022b), определение этнокультурной специфики пословичной семантики (Иванов, 2022ab), выявление национально-культурно маркированных компонентов пословиц (Бредис и др., 2022; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022).

Актуальность исследования состоит в том, что выявление в структуре и семантике тувинских пословиц универсальных характеристик (совпадающих с пословицами тех европейских языков, которые не имеют с тувинским языком родственных, ареальных и культурных связей) позволит не только объективно дифференцировать и описать общее с другими лингвокультурами и этнокультурно специфическое в тувинском пословичном фонде, но и включить тувинский язык в число национальных корпусов, используемых для определения и верификации провербиальных универсалий языков мира.

Цель исследования — установить в составе пословичного фонда тувинского языка разновидности и объём семиотических, структурных и семантических провербиальных универсалий (на фоне пословичных фондов современных европейских языков).

Фактический материал для исследования — 770 тувинских пословиц¹, в которых выявлено 316 единиц, относящихся к разным типам провербиальных универсалий (всего более 41% от общего количества проанализированных пословиц). Материалом для межъязыкового сопоставления послужили свыше 30 000 пословиц 55 современных европейских языков² из наиболее авторитетных полилингвальных паремиографических и фразеографических источников³.

¹ Пословицы отобраны методом фронтальной выборки из хронологически новейшего сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. Помимо этого, при анализе учитывались материалы изданий: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966 (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976 (На тув. и рус. яз.); а также словари: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968 (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014 (На тув. и рус. яз.).

² Албанский, английский, армянский, африкаанс, баскский, белорусский, болгарский, бретонский, венгерский, вепсский, водский, греческий, грузинский, гэльский, датский, зырянский, идиш, ирландский, исландский, испанский, карельский, каталонский, латинский, латышский, ливский, литовский, македонский, мальтийский, марийский, мегрельский, мокшанский, немецкий, нидерландский, норвежский, окситанский, польский, португальский, румынский, ретороманский, русский, саамский, сербский, словацкий, словенский, удмуртский, украинский, уэльский, финский, французский, фризский, хорватский, чешский, шведский, шотландский (скотс), эстонский.

³ См.: Kuusi M. at al. Proverbia Septentrionalia, 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 1985. 451 p.; Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Vaga, 1987. 662 p. (На литов. яз.); Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н. А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993. 255 с. (На белорус. яз.); Strauss E. Dictionary of European Proverbs: Vol. 1–3. London & New York: Routledge, 1994. Vol. 1. XIII, 625 p.; Vol. 2. V, 627–1232 p.; Vol. 3. V, 789 p.; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 527 p.; Świerczyńska D., Świerczyński A. Słownik przysłów w ośmiu językach. Warszawa: PWN, 1998. 437 s. (На поль. яз.); Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.; Muñoz J. S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S. A. Eiusa: Ediciones Internacionales Universitarias, 2001. 444 p. (На исп. яз.); Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Беларуская навука, 2015. 480 с.; Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019. Т. 1. 334 с.; Т. 2. 308 с.; Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік: больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамоўных прыказак. Могилёў: МДУ, 2020. 312 с. (На белорус. яз.).

Методологической базой исследования послужили основные положения новейших исследований в области структурно-семантического и сопоставительно-типологического изучения пословиц (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021, 2022a; Иваноў, Петрушэўская, 2021, 2022; Бредис и др., 2022; Петрушевская, 2022a; Иванов, 2022cd), а также результаты ряда наших предыдущих работ, посвященных проблеме выделения проverbsиальных универсалий на материале белорусского языка (Петрушэўская, 2015ab, 2018, 2019; Петрушевская, 2021).

Установление этнокультурной специфики тувинских пословиц основывалось на сравнительных и лингвокультурологических исследованиях пословиц и поговорок тувинского народа (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Колесникова, 2022; Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022; Селиверстова, 2022).

Универсальные пословичные единицы в тувинском языке

В избранном для анализа тувинском пословичном фонде выявлено 3% пословичных единиц, которые можно рассматривать как универсальные на том основании, что тождественные (или максимально близкие) им по форме и содержанию пословицы зафиксированы у европейских народов, не имеющих с тувинским этносом генетической общности и не имевших с ним исторических, культурных, социальных и экономических связей. Такое количество можно оценить как относительно небольшое (в сравнении, например, с белорусским языком, в составе пословичного фонда которого выявлено 5,3% универсальных единиц, Петрушэўская, 2021: 122), однако следует рассматривать как весьма показательное в плане лингвистики универсалий (как известно, чем далее отстоят языки друг от друга генеалогически, географически и этнокультурно, тем менее у них общих черт и фактических совпадений). Часть универсальных пословичных единиц в тувинском языке была установлена в результате ранее проведенного исследования, в котором тувинские пословицы сравнивались в белорусскими (Петрушевская, 2022b: 245–246).

Все универсальные единицы в тувинском пословичном фонде можно дифференцировать на четыре группы по степени возрастания расхождений в форме по сравнению с аналогичными пословицами в европейских языках.

К первой группе относятся универсальные пословичные единицы, которые имеют абсолютно тождественные форму и содержание со своими иноязычными аналогами (не считая специфических грамматических особенностей, которые обычно не учитываются при систематизации пословиц разных языков мира в рамках одной универсальной единицы). Напр.:

— *Бакка бак улажыр* ‘Беда не приходит одна’¹, что соответствует формальному варианту «Misfortunes seldom / never come alone» универсальной пословицы с общей для ее национальных вариантов структурно-семантической моделью «Misfortunes seldom / never come alone (v1); One misfortune follows / leads the other (v2); From one misfortune many / another follow(s) (v3)»², ср.

- в английском *Troubles never come alone*,
- в белорусском *Бяда адна не ходзіць*,
- в болгарском *Нещастие то никога ни едва само*,
- в испанском *Un mal no viene solo*,
- в латышском *Nelāime nekad nenāk viena*,
- в литовском *Viena bėda nevaikščioja*,
- в немецком *Ein Unglück kommt selten allein*,
- в польском *Bieda nigdy sama jedna nie przychodzi*,
- в словацком *Jedna bieda nechodí sama*,
- в словенском *Nesreča pride redko sama*,
- в украинском *Біда ніколи не ходить одна*,

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 89.

² Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 59.

в французском *Un malheur ne vient jamais seul*,

в чешском *Neštěstí nikdy nechodí samo*¹;

– *Тенек баш бут човадыр* ‘Дурная голова ногам покоя не даёт’², что соответствует формальному варианту «A stupid head makes much work to the feet» универсальной пословицы с общей для ее национальных вариантов структурно-семантической моделью «He that has not (in his) head, should have (in his) feet (v1); A stupid head makes much work to the feet (v2)»³, ср.

в английском *Little wit in the head makes much work for the feet*,

в белорусском *За дурную галавою і нагам спакою няма*,

в венгерском *Ahol nincs fej, jaj a lábaknak*,

в литовском *Durna galva – kojoms klapatas*,

в украинском *За дурною головою і ногам нема спокою*,

в финском *Kun on tyhmä knippi, niin siitä kärsii koko kruppi*⁴.

Ко второй группе относятся те универсальные пословичные единицы, которые имеют в тувинском языке дополнительную структурную часть, не имеющую аналогов в национальных вариантах универсальной пословицы в европейских языках. Напр.:

– *Балык бажындан чыдыыр, Терек өзээнден ириир* ‘Рыба с головы тухнет’⁵, *Тополь с сердцевины гниёт*⁶, где вторая часть тувинской пословицы не имеет аналогов в европейских языках, а первая часть является универсальной и соответствует формальному варианту «Fish always begin to stink at the head» универсальной пословицы с общей для ее национальных вариантов структурно-семантической моделью «Fish always begin(s) to stink / decay at the head (or stink(s) first at the head)»⁷, ср.

в английском *Fish begins to stink at the head*,

в белорусском *Рыба пачынае смярдзець з галавы*,

в болгарском *Рибата от главата вонее*,

в венгерском *A hal is a fejétől bűdösödik*,

в испанском *El pez, por la cabeza hiede*,

в итальянском *Il pesce comincia a puzzare dal capo*,

в латышском *Zivs sāk pūt no galvas*,

в литовском *Žuvis nuo galvos pradeda dvokti*,

в немецком *Der Fisch fängt am Kopf an zu stinken*,

в польском *Od głowy ryba śmierdzi*,

в словацком *Ryba smrdí od hlavy*,

в словенском *Iz glave riba smrdi*,

в украинском *Риба від голови смердить*,

в французском *Le poisson commence toujours à sentir par la tête*,

в чешском *Od hlavy ryba smrdí*⁸;

¹ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 18–19.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 51.

³ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 280.

⁴ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 49–50.

⁵ Чыдыыр ‘воняет’, см.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 554.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 20.

⁷ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 441.

⁸ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 89.

— *Кежиглиг хемни үер үрээр, Кежээ келинни хон үрээр* ‘Половодье даже крепкие берега размывает, Наговоры даже терпеливую невестку портят’¹, где вторая часть тувинской пословицы не имеет аналогов в европейских языках, а первая часть является универсальной и соответствует формальному варианту «Still waters wash away the bank» универсальной пословицы с общей для ее национальных вариантов структурно-семантической моделью «Still waters are / run deep / deepest or have a deep bottom (v1); Still waters wash away the bank (v2); Keep away from still water or Still water is dangerous (v3)»², ср.

в белорусском *Ціхая вада берагі мые*,
в болгарском *Тихата вода брега ломе*,
в венгерском *Lassú víz partot mos*,
в итальянском *Acqua cheta rovina i ponti*,
в литовском *Ramus vanduo pakrantes išneša*,
в немецком *Stille Wasser wäscht die Ufer aus*,
в польском *Ciche wody brzegi podmywają*,
в словацком *Tichá voda breh podmýva*,
в словенском *Tiha voda breg izpodjeda*,
в украинском *Тиха вода береги ламає*,
в чешском *Tichá voda břehy rýje*³.

К третьей группе относятся те универсальные пословичные единицы, которые в тувинском языке характеризуются специфической лексической вариативностью, не затрагивающей доминантных лексических компонентов (смыслообразующих и структурно незаменимых) в составе всех национальных вариантов данной универсальной пословицы. Напр.:

— *Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, Ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр* ‘Близко стоят вершины двух гор, а не сойдутся, Далеко живут два человека, а встретятся’⁴, где в тувинской пословице использованы отдельные лексические компоненты, которых нет в ее иноязычных аналогах (*чоок* ‘близко’, *ырак* ‘далеко’ и др.), но сохранены все доминантные лексемы универсальной пословицы (*даг* ‘гора’, *кижи* ‘человек’, *көржүр* ‘встречаться’), что соответствует формальному варианту «A mountain never meets a mountain, but a man meets a man» универсальной пословицы с общей для ее национальных вариантов структурно-семантической моделью «A mountain never meets a mountain, but a man meets a man or Mountains never meet mountains but men meet men (v1); Mountains and valleys do not meet but men do (v2); A stone does not meet a stone but man always meets man (v3); (Only) mountains do not meet (v4)»⁵, ср.

в английском *A mountain never meets a mountain, but a man meets a man*,
в белорусском *Гара з гарою не сыйдзеца, а чалавек з чалавекам зыйдзеца*,
в болгарском *Гора с гора се не събира, а човек с човек се събира*,
в венгерском *Hégy (a) heggyel nem találkozik, de ember (az) emberrel egén*,
в итальянском *Si rincontrano gli uomini e non le montagne*,
в латышском *Kalns ar kalnu nesatiekas, cilvēks ar cilvēku satiekas*,
в литовском *Kalnas su kalnu nesueina, a žmogus su žmogumi susitinka*,
в немецком *Bergen kommen nicht zusammen, aber Menschen wohl*,

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 31.

² Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 373.

³ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 97.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 28.

⁵ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 213.

в польском *Góra z górą się nie zejdzie, ale człowiek z człowiekiem zejsć się może*,
 в словацком *Hory s horami sa neschádzajú, ale ľudia s ľuďmi*,
 в украинском *Гора с горою не зійдеться, а людина з людиною зійдеться*,
 в французском *Deux montagnes ne se rencontrent point / pas, mais deux hommes se rencontrent*,
 в чешском *Nescházejí se hory s horami, ale lidé s lidmi*¹;

— Дарган кижиниң масказы чок, Бызаңчы кижиниң балдызы чок ‘У кузнеца нет молотка, У плотника — топора’², где в тувинской пословице специфическим является сочетание лексем *бызаңчы* ‘плотник’ и *балды* ‘топор’, тогда как в иноязычных аналогах встречается сочетание «кузнец» и «топор» или «плотник» и «ворота (двери)», однако чаще всего используются другие наименования лиц по профессии — «портной» («без одежды») и «сапожник» («без сапог»), что соответствует формальному варианту «The Smith has bad / no axe» универсальной пословицы с общей для ее национальных вариантов структурно-семантической моделью «The shoemaker has (often/ always) bad / (the worst) / no shoes (goes barefoot) (v1); The shoemaker’s wife and the smith’s horse have no shoes (or walk barefoot) (v1a); The tailor has bad / no clothes (v2); The Smith has bad / no knife / axe (or has a wooden spoon) (v3)»³, ср.

в белорусском *Каваль без сякеры, а шавец без ботаў*,
 в венгерском *Ritka csizmadiának jó csizmaja*,
 в испанском *Sastre, mal vestido; zapatero, mal calzado*,
 в итальянском *In casa di calzolaio non si hanno scarpe*,
 в литовском *Šiaučius be batų, kriaučius be apsiausto*,
 в немецком *Der Schuster trägt die schlechtesten Stiefel*,
 в польском *Krawiec bez spodni, szewc bez butów*,
 в украинском *Чоботар без чобим, Швець без чобим, а тесля без ворим*,
 в финском *Suutari rajakengässä, räätäli paikka housuissa, ja seppä nykäpuukossa*⁴.

К четвертой группе относятся те универсальные пословичные единицы, которые в тувинском языке характеризуются специфической лексической вариативностью — синонимическими заменами доминантных лексических компонентов (смыслообразующих и структурно незаменимых) в составе всех национальных вариантов данной универсальной пословицы, а также имеют дополнительную структурную часть, не имеющую аналогов в национальных вариантах универсальной пословицы в европейских языках. Напр.:

— *Багай кижини бай бастыр, Байлаңны шортан чиир* ‘Над бедным издевается богач, Малька ест щука’⁵, где в тувинской пословице специфична первая структурная часть, не имеющая аналогов в национальных вариантах универсальной пословицы в европейских языках, а в универсальной второй структурной части доминантные лексические компоненты, характерные для иноязычных пословичных аналогов («большая рыба» и «маленькая рыба»), последовательно заменены на близкие по значению лексемы с предметной образностью *байлаң* ‘малек’ и *шортан* ‘щука’, что соответствует общей для всех национальных вариантов этой универсальной пословицы структурно-семантической модели «Big fish eat little fish»⁶, ср.

¹ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 38–39.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 96.

³ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 65.

⁴ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 36–38.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 89.

⁶ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 420.

в английском *The great fish eat up the small*,
 в болгарском *Големите риби ядат по-малките*,
 в испанском *El pece grande come al chico*,
 в итальянском *Il pesce grosso mangia il piccolo*,
 в немецком *Die grosse Fische fressen die kleine*,
 в польском *Wielkie ryby male żrą*,
 в сербско-хорватском *На малу се рибу велика хвата*,
 в французском *Les grands poissons mangent les petits*,
 в чешском *Velké ryby malé požírají*¹.

Как можно видеть, универсальные пословичные единицы в тувинском языке достаточно широко и разнообразно лингвокультурно и этнокультурно маркированы (всего 65% от их общего количества), что еще раз свидетельствует о существовании принципиально общего в человеческом мышлении способа обобщения действительности в форме пословиц при всем различии вербальных и образных средств выражения обобщенной мысли, детерминированных национальной спецификой языка и менталитета каждого народа.

Универсальные структурные модели пословиц в тувинском языке

Каждая универсальная структурная модель представляет собой идеальную конструкцию в форме обобщенной фразы, которая является инвариантной для всех национальных вариантов ее реализации в пословицах разных языков (без учета специфики их грамматических систем). Такое понимание пословичной универсальной структурной модели соответствует новейшему подходу к моделированию в паремиологии, согласно которому под моделью конкретной пословицы понимается «эмпирически верифицируемый идеальный образец формы и содержания данной пословицы, являющийся инвариантом для всех вариантных и факультативных форм ее лексико-семантического состава и грамматической организации, а также всех вариантов её общего значения» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1015).

В избранном для анализа тувинском пословичном фонде выявлено 11% пословиц, имеющих универсальные структурные модели, зафиксированные в пословицах разных европейских народов, не имеющих с тувинским этносом генетической общности и никогда не имевших исторических, культурных, социальных и экономических связей. Частично универсальные структурные модели тувинских пословиц были установлены нами ранее при сопоставлении пословичных фондов тувинского и белорусского языков (Петрушевская, 2022b: 250–253).

Все универсальные структурные модели пословиц в тувинском языке можно разграничить на четыре группы по степени увеличения расхождений в форме и содержании тувинских пословиц и тождественных им по структурной модели пословиц европейских языков.

Первую группу образуют такие универсальные пословичные структурные модели, в которых тувинские пословицы отличаются от своих иноязычных коррелятов рядом отдельных лексических компонентов, как правило, структурно (синтаксически) и содержательно связанных между собой. Напр.:

— «Старая тягловая скотина не сделает неправильно (сделает правильно)»: *Кырган аът орук часпас* ‘Старый конь не собьётся с дороги’², где в тувинской пословице используются специфические лексические компоненты *орук часпас* ‘не собьётся с дороги’, ср.

в английском *An old ox makes a straight furrow* ‘Старый бык делает прямую борозду’,

в белорусском *Стары конь баразны не сапусе* ‘Старый конь борозду не испортит’, *Стары вол ніколі баразну не скрывіць* ‘Старый вол никогда борозду не скривит’,

¹ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 420–423.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 37.

в испанском *Buey viejo lleva sulco derecho* 'Старый вол делает прямую борозду',
 в итальянском *Bue vecchio mena solco diritto* 'Старый вол делает прямую борозду',
 в латышском *Vecs zirgs vagas nezaudē* 'Старый конь борозду не потеряет',
 в литовском *Senas jautis tiesią vagą varo* 'Старый конь может гнать прямую борозду',
 в немецком *Ein alter Gaul (Ochs) macht gerade Furchen* 'Старый конь (бык) делает прямую борозду',
 в польском *Stary wól bruzdy nie psuje* 'Старый вол борозду не портит',
 в украинском *Старий кінь борозни не зіпсує* 'Старый конь борозду не испортит',
 в французском *Vieux boeuf fait sillon droit* 'Старый вол делает прямую борозду'¹;

— «Сделай позади себя — получишь результат впереди себя»: *Мурнун хынаар, Соон истээр* 'Наблюдай за тем, что впереди, Следи за тем, что позади'², где в тувинской пословице употребляются специфические синонимические лексические компоненты, образующие пословичный бинот (смысловую пару) *хынаар* 'наблюдай' и *истээр* 'следи', которых нет в иноязычных пословичных коррелятах, а также инверсированы доминантные лексические компоненты универсальной пословичной структурной модели, ср.

в белорусском *Закинь назад — наперадзе знойдзеш* 'Закинь назад — впереди найдёшь'; *Кінь за сабою — знойдзеш перад сабою* 'Брось за собою — найдёшь перед собою'; *Кінь ззаду — падымеш наперадзе* 'Брось сзади — поднимешь впереди',

в польском *Rzucaj za siebie, znajdziesz przed sobą* 'Бросай за собой — найдешь перад собой',

в украинском *Закинь назад — попередку знайдеш* 'Брось назад — впереди найдешь'³.

Вторую группу образуют такие универсальные пословичные структурные модели, в которых тувинские пословицы отличаются от своих иноязычных коррелятов наличием специфической структурной части, что репрезентирует этнокультурное своеобразие композиционного строя пословиц в тувинском языке, в большинстве основанных «на прямом двучленном психологическом параллелизме» (Курбатский, 2001: 343). Напр.:

— «Каждому свое дитя лучше чужих детей»: *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-киш артык* 'Матери дети дороги, Охотнику черные соболя дороги'⁴, где в тувинской пословице реализована специфическая структурная часть *аңчыга алды-киш артык* 'охотнику черные соболя дороги', которой нет в коррелятивных иноязычных пословицах, ср.

в английском *There is only one pretty child in the world, and every mother has it* 'В мире есть только одно милое дитя, и каждая мать имеет его',

в белорусском *Кожнаму роднае (сваё) дзіця міла* 'Каждому родное (свое) дитя милей', *Сваё дзіцятка мілей сэрцу маткі* 'Свое дитя милей сердцу матери',

в испанском *A nadie le pareceron sus hijos feos* 'Никто не считает свое дитя уродливым',

в итальянском *Agli occhi di madre tutti i figlioli sono belli* 'В глазах матери все ее дети прекрасны',

в немецком *Jede Mutter findet ihre Kinder hübsch* 'Каждая мать считает свое дитя красивым', *Jeder Vater lobt sein Kind* 'Каждый отец восхваляет свое дитя',

в французском *Tous ses enfants sont des prodiges* 'Все его (у отца) дети самые умные',

в украинском *Всяке дитя матері миле* 'Каждое дитя матери мило'⁵;

¹ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 270–271.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 201–211.

³ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 167–168.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

⁵ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 188–189.

— «Птица любит / не портит свое гнездо»: *Куш узынга ынак, Кулун иезинге ынак* 'Птица любит своё гнездо, Жеребёнок любит свою мать'¹, где в тувинской пословице добавлена новая структурная часть *кулун иезинге ынак* 'жеребёнок любит свою мать', которой нет в коррелятивных пословицах других языков, ср.

в английском *It's a foolish bird that fouls its own nest* 'Глупая птица, которая портит свое гнездо',

в белорусском *Для ўсякай птушкі сваё гняздо міла* 'Для всякой птицы свое гнездо дорого'; *Каждаму дразду жаль на свайму гнязду* 'У каждого дрозда нет милее своего гнезда', *Дурная птушка сваё гняздо не шануе* 'Плохая птица своим гнездом не дорожит',

в болгарском *Птицата е лома, ако замърсява гнездото си* 'Птица плохая, если загрязняет свое гнездо',

в венгерском *Csúnya madár az, mélyik saját fészékébe piszkít* 'Уродливая птица, которая гадит в свое гнездо',

в испанском *Pájaro mal nacido es el que ensucia su nido* 'Плохая птица, которая пачкает свое гнездо',

в латышском *Dumjš tas putns, kam sava lizda nav mīla* 'Глупая птица, которая не любит свое гнездо',

в литовском *Blogas paukštis, kurs savo lizdą teršia* 'Плохая птица, которая загрязняет свое гнездо',

в немецком *Es muss ein garstiger Vogel sein, der sein eigen Nest beschmeisst* 'Плохая птица, которая покидает свое гнездо',

в польском *Brzydki to ptak, co swe swoje gniazdo plugawi* 'Тадкая птица, которая свое гнездо паскудит',

в словацком *Mrcha vták, čo do vlastneho hniezda nečistí* 'Плохая птица, которая не чистит своего гнезда',

в французском *C'est un villain oiseau que celui qui salit son nid* 'Плохая птица, которая пачкает свое гнездо',

в финском *Paha linto peskänsä paskantaa* 'Плохая птица гадит в свое гнездо',

в чешском *Každý pták zlý, který do svého hnízda trouší* 'Каждая птица плохая, которая в свое гнездо мусор носит'².

Третью группу образуют такие универсальные пословичные структурные модели, в которых тувинские пословицы отличаются от своих иноязычных коррелятов всем или почти всем лексическим составом. Напр.:

— «Было бы одно, другое появится»: *Аът турда, эзер муңчок, Бижек турда, хын муңчок* 'Был бы конь — седло найдётся, Был бы нож — а ножны найдутся'³, где в тувинской пословице реализуется специфический лексический состав на основе использования пословичных биномов (парных компонентов) *аът* 'конь' и *эзер* 'седло', *бижек* 'нож' и *хын* 'ножны', не имеющих аналогов в иноязычных коррелятивных пословицах, ср.

в белорусском *Была б кароўка, а даёнка знайдзецца* 'Была бы коровка, а подоиник найдётся', *Былі б коці, а мяса нарасце* 'Были бы кости, а мясо нарастет', *Быў бы хлеб, а мышы знойдуцца* 'Был бы хлеб, а мыши найдутся',

в латышском *Kad tik būtu purvs, gan velns radīsies* 'Если будет болота, то дьявол придет',

в польском *Aby błoto było, to czart będzie* 'Было бы болото, а черт будет',

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 36.

² Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 26–27.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 18.

в украинском *Аби хліб, а зуби найдуться* 'Был бы хлеб, а зубы найдутся', *Були б кістки, м'ясо буде* 'Были бы кости, мясо будет'¹;

— «Тот, кто занимается чем-либо, не имеет инструментов / результатов своего занятия»: *Даңзазы чок — таакпызырак, Дашказы чок — арагазырак* 'Курильщик без трубки, Пьяница без рюмки'², где в тувинской пословице реализуется специфический лексический состав на основе использования пословичных биномов (парных компонентов) *таакпызырак* 'курильщик' и *даңза* 'трубка', *арагазырак* 'пьяница' и *дашка* 'рюмка (чарка)', не имеющих аналогов в иноязычных коррелятивных пословицах, ср.

в белорусском *Каваль без сякеры, а шавец без ботаў* 'Кузнец без топора, а сапожник без сапог', в венгерском *Ritka csizmediának jó csizmája* 'Сапожник не имеет хороших сапог',

в испанском *Sastre, mal vestido; zapatero, mal calzado* 'Портной, плохая одежда; сапожник, плохая обувь',

в итальянском *In casa di calzolaio non si hanno scarpe* 'В доме сапожника нет обуви',

в латышском *Ne kurpniekam labs zābaks, ne skroderim labas bikses* 'У сапожника плохая обувь, у портного плохие штаны',

в литовском *Šiaučius be batų, kriaučius be apsiausto* 'Сапожник без сапог, портной без плаща',

в немецком *Der Schuster trägt die schlechtesten Stiefel* 'Сапожник имеет плохую обувь',

в польском *Krawiec bez spodni, szewc bez butów* 'Портной без одежды, сапожник без сапог',

в украинском *Чоботар без чобіт* 'Сапожник без сапог', *Швець без чобіт, а тесля без воріт* 'Сапожник без сапог, а плотник без ворот',

в финском *Suutari rajakengässä, räätäli paikka housuissa, ja seppä nykäpiukossa* 'Сапожник без обуви, портной без штанов, а кузнец без ножа'³.

Четвертую группу образуют универсальные пословичные структурные модели, в которых тувинские пословицы отличаются от своих иноязычных коррелятов всем или почти всем лексическим составом, а также наличием специфической структурной части. Напр.:

— «Один всегда увидит / узнает такого же другого»: *Бак кижиге бак кижы ынак, Пакалаар кижиге ыт ынак* 'Плохой человек отыщет плохого, Собака найдет человеческий навоз'⁴, где в тувинской пословице специфичен лексический состав и добавлена новая структурная часть, чего не зафиксировано в коррелятивных пословицах европейских языков, ср.

в белорусском *Злодзей злодзея па вачах пазнае* 'Вор вора по глазам узнает', *Жабрак жабраку відзён па кіўку* 'Нищий нищему виден по дорожной палке', *Рыбак рыбака бачыць здалёку* 'Рыбак рыбака видит издалека', *Сарока сароку бачыць здалёку* 'Сорока сороку видит издалека', *Сваяк сваяка пазнае здаляка* 'Свой своего узнает издалека',

в итальянском *Il lupo riconosce il lupo* 'Волк узнает волка',

в немецком *Ein Wolf kennt den anderen wohl* 'Один волк хорошо знает другого волка',

в польском *Rybak rybaka widzi z daleka* 'Рыбак рыбака видит издалека',

в украинском *Рибак рибака пізнає здалека* 'Рыбак рыбака узнает издалека',

в французском *Le pêcheur aperçoit de loin pêcheur* 'Грешник видит грешника издалека'⁵;

¹ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 128–129.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 24.

³ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 36–38.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 90.

⁵ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 162.

— «Долгое время излечивает от всего»: *Аас белээ ачылыг, Аас халавы айыылдыг* ‘Доброе слово лечит, Оговор очень опасен’¹, где в тувинской пословице специфичен лексический состав, кроме одного (доминантного в универсальной структурной модели) компонента, и добавлена новая структурная часть, отсутствующая в иноязычных пословичных коррелятах, ср.

в английском *Time is the great healer* ‘Время — великий лекарь’,

в белорусском *Час лечыць* ‘Время излечивает’,

в испанском *El tiempo es médico para el alma y para el cuerpo* ‘Время — врач для души и тела’,

в итальянском *Il tempo è un gran medico* ‘Время — великий врач’,

в немецком *Die Zeit ist der beste Arzt* ‘Время — лучший врач’,

в польском *Czas to najlepszy lekarz* ‘Время — наилучший лекарь’,

в украинском *Час усе лікує* ‘Время все излечивает’,

в французском *Le temps est le médecin de l'âme* ‘Время — врач для души’².

Пословицы в тувинском языке, которые образованы по универсальным структурным пословичным моделям, имеют высокую степень национально-культурной маркированности (всего 81% от общего количества пословиц с универсальными моделями). Это, с одной стороны, подтверждает известный тезис о том, что универсальна логическая структура пословиц, а специфичен их образный план и вербальные средства его выражения, а с другой стороны, убедительно доказывает то, что при всем своеобразии образов и разнообразии языковой выразительности пословиц у каждого народа, они все же имеют много принципиально общего в способах (моделях) структурирования своей формы и содержания.

Универсальные пословичные образы и концепты в тувинском языке

В избранном для анализа тувинском пословичном фонде выявлено 27% пословиц, в план содержания которых входят универсальные пословичные образы и концепты, зафиксированные в пословицах европейских народов, не имеющих с тувинским этносом генетической общности и никогда не имевших исторических, культурных, социальных и экономических связей. Эмпирической базой для выявления в пословицах тувинского языка универсальных образов и концептов послужили установленные Д. Пацолаи доминантные лексические компоненты, содержащие смыслообразующие образы и концепты в пословицах, общих для 55 современных европейских языков³. Часть таких образов и концептов в тувинском пословичном фонде была установлена в результате ранее проведенного исследования, в котором сравнивались тувинские и белорусские пословицы (Петрушевская, 2022b: 253–256).

В большинстве тувинских пословиц с универсальными образами и концептами (в двух третях от их общего количества) зафиксированы наиболее частотные универсальные образы, которые характерны для плана содержания пословиц в европейских языках. Напр.:

— «water»⁴ / «суг» / «вода»:

Даг көрбейн, эдээң азынма, Суг көрбейн, идиң ужулба ‘Не увидев горы, не откидывай подол, Не увидев воды, не снимай сапоги’⁵,

Думчукка тулганда, Бызаа сугжу ‘Вода до носа дойдёт, И телёнок поплывёт’⁶,

Каң сугга кадар, Кижн бергээ кадар ‘Сталь закаляется в воде, Человек закаляется в беде’⁷,

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 80.

² Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Мaгiлёў: МДУ, 2020. С. 295–296.

³ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 498–500.

⁴ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 500.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 30.

Кудук суунда байлаң чок, Кургаг ыяшта чимис чок ‘В колодезной воде нет мальков, У сухого дерева нет плодов’¹,

Хавак черге суг ызырынмас, Халас чүве ажык болбас ‘Не держится вода на косогоре, Находка счастья не прибавит’²,

Аът — хаак, Арага — суг ‘Конь — тальник, Арака — вода’³,

Аштаза, адын чиир, Суксаза, узуп ижер ‘Чтобы голод утолить, надо дичь застрелить, Чтобы жажду утолить, надо воды попить’⁴;

— «eye»⁵ / «карак» / «глаз»:

Карак шевери хаая, Хол шевери ховар ‘Не каждые глаза красоту разглядят, Не всякие руки умелы’⁶,

Хырны тотса-даа, Караа тотпас ‘Живот сыт, А глаза голодны’⁷,

Чазыйның караа чагда ‘Глаза прожорливого — в сале’⁸,

Кажарның караа каттырбас ‘У хитрого глаза не смеются’⁹,

Карак-биле көргени шын, Кулак-биле дыңнааны дамчыыр ‘Что видели глаза – правда, Что слышали уши – молва’¹⁰;

— «head»¹¹ / «баш» / «голова»:

Хүндүлээрге — хүлге олурад, Мактаарга — башка олурад ‘Уважаешь — и на золу сядет, Захватишь — и на голову сядет’¹²,

Аш быт башка үнер ‘Голодная вошь на голову лезет’¹³,

Баш киргенде, хөрөк эрте бээр ‘Где голова пролезла, грудь обязательно пройдёт’¹⁴,

Дүвүрээн бот, Дүктөйген баш ‘Что бы ни случилось, Ответит моя голова’¹⁵,

Кара баштыг кижги аңдарлыр, Кара чудук аңдарылбас ‘Высохшее полено не зашелестит, Человек, имеющий голову, зашевелится’¹⁶,

Кара сагыш башка халдаар, Какпак будук бутка халдаар ‘Злой умысел вернётся на твою же голову, Корявая ветка ранит твою же ногу’¹⁷;

— «mountain»¹⁸ / «даг» / «гора»:

Даг дег караны Довук дег ак базар ‘Правда с ноготок Гору лжи победит’¹⁹,

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 35.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 498.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 30.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Там же.

¹¹ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 499.

¹² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 60.

¹³ Там же. С. 88.

¹⁴ Там же. С. 91.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 499.

¹⁹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

Даг көрбейн, эдээң азынма, Суг көрбейн, идиң ужулба ‘Не увидев горы, не откидывая подол, Не увидев воды, не снимай сапоги’¹,

Ажынгаш, арыг кирбе, Дарынгаш, даг үнме ‘Сердьясь, в лес не ходи, Злясь, в гору не иди’²,

Даг бедик-даа болза, кырлыг, Далай терең-даа болза, дүптүг ‘Тора хоть высока, но имеет пик, Море хоть глубоко, но имеет дно’³,

Даш дег ак Даг дег караны базар ‘Правда — с маленький белый камешек — Победит неправду с чёрную гору’⁴;

— «horse»⁵ / «аът» / «конь»:

«Але» дээр кижги авыастыг, Ала карактыг аът дезиг ‘Льстивый человек — лжец, Разноглазый конь — пуглив’⁶,

Аът багын мунуп билир, Төрел багын кирип билир ‘Хочешь узнать, хорош ли конь — объезжай, Хочешь узнать, какова родня — заезжай’⁷,

Өөрөнмээн аът хоюган болур ‘Необъезженный конь обычно пуглив’⁸, также образ «конь» подробно проанализирован при сравнении тувинских и европейских пословиц в отдельной работе (Бредис и др., 2021: 153–154);

— «blood»⁹ / «хан» / «кровь»:

Шогжаң бажы хаттыг, Шош бажы ханныг ‘На вершине горы ветер дует, Затеешь драку — кровь льётся’¹⁰,

Ыт аксынга кирген ханзыраар, Кижги аксынга кирген човаар ‘Собака укусит — кровь прольётся, Сплетник оговорит — слёзы прольются’¹¹,

Кара сагыш — хан өтпек ‘Злой умысел — кровавый понос’¹²,

Каткы бажы ханныг ‘Необдуманная насмешка кончается кровью’¹³;

— «dog»¹⁴ / «ыт» / «собака»:

Кижги төлүнге ынак, Ыт коданынга ынак ‘Человек любит своих детей, А собака — свой двор’¹⁵,

Кокпага киргенде, койгун чүгүрүк, Коданга киргенде, ыт ээрги ‘Заяц по знакомой тропе быстрее бежит, Собака в своём дворе громче лает’¹⁶,

Чут болурга, ыт семириир, Аарыг болурга, лама байыыр ‘От джута собака жиреет, От болезней лама богатеет’¹⁷,

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 499.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 15.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 498.

¹⁰ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 71.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Там же. С. 105.

¹³ Там же.

¹⁴ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 498.

¹⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 33.

¹⁶ Там же. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 69.

- Ыт коданынга ынак* ‘Даже собака привязана к своему двору’¹,
Ыт чараазын чылгааш, тотпас, Дүжүмет үндүт алгааш, тотпас ‘Собака слюной не насытится, Чиновник — поборами’²,
Кижиге өлүрге, ады көскү, Аят өлүрге, чоруу көскү ‘Человек умирает — имя вспоминают, Лошадь умирает — аллюр замечают’³;
 — «тап»⁴ / «кижи» / «человек»:
Кидис багы — чымчак, Кижиге багы — килең ‘Кошма плоха мягкая, Человек плох сварливый’⁵,
Кижиге аразында өре чыдывас, Ыт мойнунда хендир чыдывас ‘На шее собаки верёвка сгниёт, За человеком долг пропадёт’⁶,
Кижиге өзер, Кидис шөйлүр ‘Войлок растягивается, Человек растёт’⁷,
Кижиге экизи — хүн, Кижиге багы — чылан ‘Добрый человек — как солнце, Злой человек — как змея’⁸,
Мал алазы чараш, Кижиге алазы багай ‘Скот пёстрый — хорошо, Человек двуличный — плохо’⁹,
Чалгаа кижиге часка четпес, Чарык доскаар күске четпес ‘Ленивый человек весны не дожждётся, Дырявая бочка до осени не сохранится’¹⁰,
Челелиг бызаа арган, Чевен кижиге самдар ‘Привязанный бычок худеет, Неумелый человек беднеет’¹¹,
Чүвезин оорлаткан кижиге Чүс каралыг ‘Обворованный Сто человек подозревает’¹²,
Чүрээ чок кижиге каткыжы, Сүдү чок мал эдиген ‘Ленивый человек отшучивается, Голодная скотина мычит’¹³,
Кара баштыг кижиге аңдарлыр, Кара чудук аңдарылбас ‘Высохшее полено не зашелестит, Человек, имеющий голову, зашевелится’¹⁴,
Кижиге баксыраанда, Төрелин тыртар ‘Когда человеку плохо, Он примыкает к родне’¹⁵,
Кижиге шокары, Кижиге баксыраарга, көстүр ‘Человеческая сущность проявляется, Когда человеку трудно становится’¹⁶.

В меньшем количестве тувинских пословиц с универсальными образами и концептами (в одной трети от их общего числа) выявлены наиболее частотные универсальные концепты, характерные для плана содержания пословиц в европейских языках. Напр.:

- «time»¹⁷ / «үе», «шаг» / «время»:

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 73.

² Там же.

³ Там же. С. 107.

⁴ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 499.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 32.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 500.

Уе кээрге, «адыр» чок, Уер кээрге, чай чок ‘Времени не скажешь: подожди, Половодью не скажешь повремени’¹,

Шаг шаа-биле турбас, Чавылдак көгү-биле чытпас ‘Траве вечно не зеленеть, Времени на месте не стоять’²;

— «truth»³ / «шын» / «правда»:

Арга-ыяшты хат шимчедир, Ажылчы чонну шын шимчедир ‘Деревья ветер волнует, Народ правда подымает’⁴,

Шын күчүлүг, Шынар ачылыг ‘Правда — могуча, Качество — полезно’⁵,

Карак-биле көргени шын, Кулак-биле дыңнааны дамчыыр ‘Что видели глаза — правда, Что слышали уши — молва’⁶;

— «work»⁷ / «ажыл» / «работа»:

Эки кылган ажыл — Элеп чытпес алдар ‘Хорошая работа — Добрая слава’⁸,

Дарга көвүдээрге, Ажыл баксыраар ‘Начальников больше — Работа хуже’⁹,

Холум-холум кылдыр ажылдаар, Хырным-хырным кылдыр чиир ‘Работать иди — рук не щади, Попалась еда — не жалеяй живота’¹⁰;

— «eat»¹¹ / «чем» / «еда»:

Ажыл соонда Аыш-чем амданныг ‘С работой скоро управишься — Едой потом не нахвалишься’¹²,

Чадаг кижээ чер ырак, Чалгаа кижээ чем ырак ‘Пешему путь далёк, Ленивому еда далека’¹³,

Чалгаа кижиниң өөнде чарган ыяш чок, Чазый кижиниң өөнде аыш-чем чок ‘У лентяя не ищи дров, У скупого не ищи еды’¹⁴,

Чеңнээш чокта, хол соок, Чеңге чокта, чем соок ‘Без рукавиц — руки холодные, Без невестки — еда холодная’¹⁵,

Ада-ие сагынганда, Аыш-чемде амдан чок ‘Когда вспомнишь отчий дом, То вкус еды теряется’¹⁶,

Кижичурту хилеңниг, Кижичеми хирзиг ‘Чужая сторона с упреком, Чужая еда с запашком’¹⁷;

— «misfortune»¹⁸, «trouble»¹⁹ / «качыгдал», «хай», «халап» / «беда», «горе»:

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 55.

² Там же. С. 71.

³ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 500.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 16.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 500.

⁸ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 76.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 498.

¹² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 13.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 108.

¹⁸ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. P. 499.

¹⁹ Там же. С. 500.

Кара-паш хөөлүг, Кара аас хайлыг ‘На чёрной чаше — сажа, От злого языка — беда’¹,
Хай карак чивеш аразында болур ‘Для беды и мига довольно’²,
Кажыыдал, өөрүшкү Кажан-даа кады чорчуур ‘Горе и радость Всегда рядом идут’³,
Күскеге халап, Дишке оюнчук ‘Для мыши смерть (беда), Для кота игрушка’⁴.

Универсальные пословичные образы и концепты в большинстве случаев реализуются в тувинских пословицах в этнолингвокультурно маркированном пословичном контексте (всего в более чем в 78% от общего количества пословиц с универсальными образами и концептами), что является ярким свидетельством высокой степени этнокультурного своеобразия тувинской пословичной картины мира и требует специального изучения в рамках типологии образно-концептуального пространства пословиц тувинского языка на фоне различных языков.

Заключение

Сравнение рассмотренного тувинского пословичного фонда с пословичными фондами современных европейских языков с точки зрения выявления у пословиц общих характеристик позволило выявить в тувинском языке все типы индуктивных провербиальных универсалий (семиотические, структурные, семантические). К семиотическому типу провербиальных универсалий относятся универсальные пословичные единицы, к структурному типу — универсальные структурные модели пословиц, к семантическому — универсальные пословичные образы и концепты. Установлено, что в тувинском языке 41% пословиц характеризуется универсальностью на фоне 55 современных европейских языков, в том числе 3% составляют универсальные пословичные единицы, 11% составляют пословицы, имеющие универсальные структурные модели, 27% составляют пословицы, в которых реализуются универсальные пословичные образы и концепты.

Лингвокультурный анализ пословиц в тувинском языке, в которых репрезентированы различные типы провербиальных универсалий, позволил обнаружить весьма высокую степень их этнокультурного и лингвокультурного своеобразия. Установлено, что в рассмотренном тувинском пословичном фонде более чем 65% всех универсальных пословичных единиц этнолингвокультурно маркированы, более чем 81% всех пословиц, построенные по универсальным структурным моделям, имеют этнолингвокультурно детерминированные формальные варианты, более чем 78% всех универсальных пословичных образов и концептов функционируют в этнолингвокультурно маркированных пословичных контекстах.

Разработанные приемы установления и полученные списки тувинских пословиц, имеющих универсальный характер на фоне европейских языков, позволяют создать эмпирическую базу данных для широкого сопоставительного анализа тувинского пословичного фонда с пословичными фондами отдельных европейских языков и объективной дифференциации в нем общего с другими лингвокультурами и национально-специфического, а также включить тувинский язык в число национальных корпусов, используемых паремиологами для определения и верификации провербиальных универсалий языков мира.

Перспективным для дальнейших исследований является уточнение полученных данных об объеме и составе тувинских пословиц, обладающих универсальными характеристиками, на материале уже не только европейских, но и иных языков мира, а также детальное лингвокультурологическое описание национально-культурного своеобразия в тувинском языке универсальных пословичных единиц, пословиц с универсальными структурными моделями и пословиц с универсальными пословичными образами и концептами.

Выяснение соотношения в тувинском пословичном фонде нейтральных в этнолингвокультурном плане и национально-культурно маркированных единиц, относящихся к провербиальным универсалиям, позволит не только установить характер межъязыковой общности пословиц тувинского

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 31.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 110.

и других языков мира, но и более глубоко реконструировать на материале пословиц соотношение общечеловеческих и специфических фрагментов в тувинской традиционной картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>
- Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 48–52. (На беларус. яз.).
- Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2022) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 1. С. 75–79. (На беларус. яз.).
- Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). Т. 5. № 1. С. 61–72.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушэўская, Ю. А. (2015a) Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прынцыпы яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) // Філолагічны часопіс. № 1. С. 100–106. (На беларус. яз.).

Петрушэўская, Ю. А. (2015b) Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. Т. 6. С. 213–216.

Петрушэўская, Ю. А. (2018) Аб'ём і склад універсальных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Філолагічны студыі. Вип. 18. С. 48–62. (На беларус. яз.).

Петрушэўская, Ю. А. (2019) Лінгвістычныя ўніверсаліі і парэміялагічны фонд мовы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 2. С. 115–121. (На беларус. яз.).

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На беларус. яз.).

Салчак, А. М. (2019) Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. № 6. С. 25–27.

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Vol. 11. No. 2. P. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 01.02.2023 г.

Дата принятия: 10.02.2023 г.

REFERENCES

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovaryakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisaniye tuvinskih poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoj semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaja tipologija tuvinskih poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022c) Aforizm v krugu malyh tekstovyh form v ustnom, pis'mennom i elektronnom diskursah [Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Funktsii aforisticheskikh edinit v russkom iazyke [Functions of aphoristic units in the Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskih poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyiavleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskih poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanou, Ya. Ya. and Petrusheuskaia, Yu. A. (2021) Asnounyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: prykazkavaia struktura-semantichnaia madel' [The main components of a proverb as a linguistic unit: A proverbial structural and semantic model]. *Vesti BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*, no. 4, pp. 48–52. (In Belarusian).

Ivanou, Ya. Ya. and Petrusheuskaia, Yu. A. (2022) Asnounyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: leksichny sklad, gramatichnaia organizatsiia, formal'nyia i struktura-semantichnyia varyianty [Main components of a proverb as a language unit: Lexical content, grammatical organization, formal and structural and semantic variants]. *Vesti BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*, no. 1, pp. 75–79. (In Belarusian).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual'naia semantika russkikh i tuvinskih poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologija: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i frantsuzskoj etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Paremiologija na perekrestkakh jazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Metodologija opredelenija natsional'nogo, internatsional'nogo i universal'nogo v frazeologii i paremiologii belorusskogo jazyka [Methodology for determining national, international and universal in Belarusian phraseology and paremiology]. *WEST – EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*, vol. 5, no. 1, pp. 61–72. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belorusskie paralleli vepsskih poslovits: v poiskah tipologicheski obshchego i etnospecificeskogo [Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2022b) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaia, Yu. A. (2015a) Panyacce paremiialagichnaga fondu movy i pryncypy iago dyferencyiacyi (u suviasi z vyznachennem universal'naga i nacyianal'naga kampanentau u paremiialagichnai sisteme movy) [Concept paremiological stock language and the principles of its differentiation (in connection with the definition of universal and national components in paremiological language system)]. *Philological Review*, no. 1, pp. 100–106. (In Belarusian).

Petrushevskaia, Yu. A. (2015b) Universal'noe i nacional'noe v paremiologicheskoj sisteme jazyka (na materiale angliiskogo i belorusskogo jazykov) [Universal and national in the paremiological system of the language (on the material of the English and Belarusian languages)]. *Acta Germano-Slavica*, vol. 6, pp. 213–216. (In Russ.).

Petrushevskaia, Yu. A. (2018a) Ab'iom i sklad universal'nykh adzinak u paremiialagichnym skladze belaruskaj movy [The volume and composition of universal units in the Belarusian proverbial fund]. *Philological Studies*, issue 18, pp. 48–62. (In Belarusian).

Petrushevskaia, Yu. A. (2019) Lingvistichnyia universalii i paremiialagichny fond movy [Linguistic universals and paremiological fund of the language]. *Vestnik of Polotsk State University (Part A)*, no. 2, pp. 115–121. (In Belarusian).

Petrushevskaia, Yu. A. (2021) *Mounaia spetsyfichnasts' i natsyianal'naia admetnasts' prykazak belaruskaj movy [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]* / ed. by Ya. Ya. Ivanou. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University. 220 p. (In Belarusian).

Salchak, A. M. (2019) Obraz volka v tuvinskikh i angliiskikh poslovitsakh [The image of a wolf in Tuvan and English proverbs]. *Simvol nauki*, no. 6, pp. 25–27. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlennie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 01.02.2023.

Acceptance date: 10.02.2023.

Шаманские практики в системе верований казахов и тувинцев (1920–1960-е гг.): сравнительный анализ

Рустем К. Досмурзинов

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
Республика Казахстан

В статье выявляются общие и особенные характеристики шаманских практик у казахского и тувинского народов, зафиксированные в оставшихся традиционных формах начала XX века. Источниковой базой исследования являются публикации Ф. Я. Кона (1930-х гг.), Ф. А. Фиельструпа (1920-е гг.) и М. В. Кенин-Лопсана (первая половина XX в.). Исходной точкой для сравнения стало предположение о том, что в тувинском шаманизме в силу более длительного сохранения традиционного уклада жизни, традиционных верований закрепились и продолжали развиваться более архаичные по происхождению шаманские представления и практики, нежели в казахском шаманизме.

Сравнение данных показало, что: во-первых, структура шаманских практик казахских и тувинских шаманов является почти идентичной, включая такие этапы, как подготовка шамана к камланию; камлание, большей частью состоящего из чтения молитв и заклинаний; завершение камлания; во-вторых, важнейшую часть шаманских практик как у казахских, так и тувинских шаманов составили традиционные методы лечения. Выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась лишь отчасти, несмотря на более раннее развитие модернизационных процессов, а также влияние исламского вероучения, в казахских шаманских практиках также сохранились архаичные представления и элементы, находящие параллели в шаманизме тувинцев.

Ключевые слова: тувинцы; казахи; Тува; Казахстан; шаманизм; шаманские практики; ритуал; камлание; эрен; джинн

Для цитирования:

Досмурзинов Р. К. Шаманские практики в системе верований казахов и тувинцев (1920–1960-е гг.): сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 280–288. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.16>

Досмурзинов Рустем Куандыкулы — докторант образовательной программы «Археология и этнология» Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Адрес: 010000 Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2. Эл. адрес: rustem.dosmurzinov@mail.ru

DOSMURZINOV, Rustem Kuandykuly, PhD student of education programme “Archaeology and Ethnology”, L. N. Gumilyov Eurasian National University. Postal address: 2 Satpayev St., 010000 Astana, Kazakhstan. E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1756-8236

Shamanic practices in the belief system of the Kazakhs and Tuvans, 1920s-1960s: A comparative analysis

Rustem K. Dosmurzinov

Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan

The article highlights the general and distinctive characteristics of shamanic practices among the Kazakh and Tuvan peoples. They were captured in the remaining traditional forms of the early 20th century. The source base of the research includes the publications by F. A. Fielstrup (1920s), F. Ya. Kon (1930s) and M. B. Kenin-Lopsan (the first half of the 20th century). The starting point for comparison was the assumption that, due to the longer preservation of the traditional way of life and beliefs, more archaic shamanic ideas and practices became permanent and continued to develop in Tuvan shamanism rather than in Kazakh shamanism.

The comparison of the data showed that: firstly, the structure of shamanic practices of Kazakh and Tuvan shamans is almost identical, including such stages as preparation of the shaman for the *kamlanie* (shamanistic ritual), the *kamlanie* that mostly consists of reciting prayers and incantations and completion of this ritual; secondly, traditional methods of treatment are the most important part of shamanic practices of both Kazakh and Tuvan shamans. The proposed hypothesis of the research has been only partially confirmed: despite the earlier development of modernization processes, as well as the influence of the Islamic doctrine, archaic beliefs and elements that find parallels in the Shamanism of the Tuvans have also remained in Kazakh shamanic practices.

Keywords: Tuvans; Kazakhs; Tuva; Kazakhstan; Shamanism; shamanic practices; ritual; *kamlanie*; *eren*; *jinn*

For citation:

Dosmurzinov R. K. Shamanskii praktiki v sisteme verovaniia kazakhov i tuvintsev (1920–1960-e gg.): sravnitel'nyi analiz [Shamanic practices in the belief system of the Kazakhs and Tuvans, 1920s-1960s: A comparative analysis]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 280–288. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.16>

Введение

Изучение шаманизма у тюркских народов остается актуальным направлением научных исследований. Так, в современный период исследователи отмечают «возрождение» шаманских представлений и практик в Республике Тыва (Харитоновна, 2006: 93) и других регионах юга Сибири. В Казахстане шаманство продолжило свои традиции в деятельности народных целителей, вобравших многое из опыта казахских шаманов *баксы* прошлых времен¹.

Начиная со второй половины XIX в. шаманизм как религиозное явление у различных народов всесторонне изучался исследователями, в результате к нынешнему времени современная наука располагает не только солидным фактологическим материалом о шаманизме, но и теоретико-методологическими подходами к его изучению. К настоящему времени шаманизм у народов Сибири, Центральной Азии в целом хорошо изучен, уже разработаны основные теоретико-методологические

¹ Стасевич И. В. Баксылык и практика целительства в современном Казахстане (по материалам Западного Казахстана) [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-884314-159-6/978-5-884314-159-6_03.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

подходы для изучения данного религиозного феномена. Ключевыми работами являются труды Л. П. Потапова (Потапов, 1991), С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1961), М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1987), В. Н. Басилова (Басилов, 1992), М. Элиаде (Элиаде, 2000).

Целью статьи является выявить общие и особенные характеристики шаманских практик у казахского и тувинского этносов. В ракурсе сравнения этнографических сведений о казахских и тувинских шаманских практиках данная научная проблема выступает впервые, хотя исследователи всегда подразумевали в определенной степени культурное единство народов данных регионов. Автор настоящей статьи опирается на фактологические материалы о традиционном шаманизме у казахов и тувинцев до второй половины XX в. В данном исследовании охватывается период 1920–1960-х гг., т. к. в это время устои традиционного общества были еще сильны. Традиционное мировоззрение проявлялось в различных формах, в том числе в форме древней религии — шаманизме. Изучение шаманизма как религиозного феномена в условиях интенсивно протекавшей социальной модернизации раскрывает возможности для наиболее подробного определения его важнейших характеристик. Кроме того, в эти годы научное изучение традиционной культуры и религии расширяется, увеличивается количество научных работ по этнографии, в которых приводились описания шаманских ритуалов, также подвергавшихся изменениям.

Задачами настоящей статьи выступают, во-первых, анализ имеющихся сведений о шаманских практиках, под которыми подразумевается вся совокупность ритуальных действий, выполняемых шаманами, во-вторых, сравнение их основных элементов. Основными методами исследования являются метод анализа и сравнительно-исторический метод. Как уже было отмечено выше, хронологические рамки исследования охватывают период 1920–1960-х гг.

Источниковой базой исследования являются работы Ф. Я. Кона, Ф. А. Фиельструпа и М. Б. Кенин-Лопсана. В начале XX в. Ф. Кон совершил несколько поездок по Туве, в результате которых были собраны ценные материалы по этнографии тувинского народа (Кон, 1934). Труд Ф. Кона «Экспедиция в Сойотию», ставший итогом его научных исследований, по своей сути является энциклопедическим изданием по этнографии тувинцев, в третьем томе которого «За пятьдесят лет» (1934) содержатся сведения о тувинских шаманах, начиная от описания их ритуальной одежды до шаманского камлания (там же). Вместе с тем, как во многих работах данного периода, в этом труде представлено этнографическое описание о тувинских шаманах, составленное сквозь призму личного полевого опыта автора и потому содержащее субъективное понимание отдельных сторон шаманизма, а также влияние господствовавшего в те времена отношения к шаманизму как к недугу. Ф. А. Фиельструп, в сферу интересов которого входило изучение истории и этнографии тюркских народов, в 1920-х годах проводил исследования в различных регионах Казахстана, в результате которых собрал важные сведения о хозяйстве, быте и повседневной жизни казахского аула (Казахи, 2021). Сведения по этнографии казахов, собранные Ф. Фиельstrupом, так и не были изданы. К настоящему времени рукописные материалы Ф. Фиельstrupа хранятся в научном архиве Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (далее — ИЭА РАН). Данные труды были изучены в ходе научной стажировки (2022) в ИЭА РАН и используются в настоящей статье на основе оригинальных записей исследователя. Тувинский ученый М. Б. Кенин-Лопсан обратил внимание на то, что шаманство выступает сложным и противоречивым явлением (Кенин-Лопсан, 1987: 10). Поэтому, на основе применения системного подхода исследователь заключает, что шаманство у тувинцев является и мировоззрением, и обрядовой практикой, и фольклорной традицией (там же). Поскольку особую часть шаманских практик составляет чтение заклинаний, молитв (*алгыши*), М. Б. Кенин-Лопсан посвятил алгышам специальное исследование, а также предложил одну из первых классификаций молитвенных текстов (Кенин-Лопсан, 2007: 5).

Шаман у казахов и тувинцев: «обретение шаманского дара» и становление

Прежде чем перейти к анализу собственно шаманских практик у казахов и тувинцев, обозначим такой важный момент в их жизненном пути как становление шаманами. Начало шаманской деятельности, побуждение и условия раскрытия «шаманского дара» предопределяли дальнейшую судьбу шамана, а также применяемые ими методы и даже успех шаманской деятельности.

Среди тувинцев было распространено мнение о том, что душа шамана после его смерти вселялась в другого (Кон, 2002: 80). В этой связи, Ф. Кон приводит интересную легенду об одном тувинском шамане по имени Шагдыр.

Однажды шестнадцатилетний мальчик Шагдыр случайно очутился в степи во время грозы. Конец радуги, появившейся после черных туч, ударил его по голове, с этим ударом в него вселилась душа умершего шамана. Длительное время Шагдыр находился в обморочном состоянии, лишь после того как его окурили вереском, Шагдыр ожил. Впоследствии Шагдыр хватал куски дерева и железа и ударял одним в другое, как в бубен. Тогда стало понятно, что Шагдыр стал шаманом (там же: 80).

Следует отметить, что среди тюркских народов поверья о радуге в целом были широко распространены. Казахи называют радугу *кемпір қосақ, кемпірдің қосағы* («старушкин косаг»). Во второй половине XIX в. среди казахов бытовали поверья о том, что радуга является «косагом из разноцветных овец», которых богатая старуха «имеет привычку доить после дождя» (Валиханов, 2007: 86–87). Данные представления сохранялись вплоть до начала XX в. В работах Б. А. Куфтина содержится следующее описание этого персонажа: «Среди людей неба есть старуха; она огромного роста и съедает сразу 40 баранов, 40 таба (лепешек, выпеченных в золе) и выпивает 40 мес (турсук из козьей кожи) кумыса. В ноздри к ней могут въехать два всадника, зовут ее Мыстан-Кемпир» (Куфтин, 1916: 147). Балкарцы называли радугу *Тейри кбылыч* ‘меч Тенгри’ (Шаманов, 1982: 164).

Однако, только у тувинцев образ радуги был связан с шаманской деятельностью, причем с таким весьма важным событием, как становление шаманами. На связь традиционных представлений об этом природном явлении с шаманскими практиками указывает и отрывок из призываний тувинских шаманов: «...Сологай голым солонгыда, Онголым окторгайда» («Левою рукой (держусь) за радугу, правую за небо»; Потанин, 2002: 22).

У казахов занятие шаманскими практиками также считалось наследственным. Всеобщим покровителем казахских шаманов являлся пир Коркыт ата, образ которого определенно имеет древнее происхождение (Казахи, 1995: 246). Поскольку шаманами могли быть и мужчины, и женщины, соответственно передача шаманского дара могло произойти по обоим линиям родства. В рукописях Ф. Фиельструпа упоминается казахский баксы Телеу кожа, бабушка которого по имени Алтай бибе (*бибі*) тоже была шаманкой (НА ИЭА РАН, ф. 94, л. 307).

Ф. Фиельструп приводит сведения о казахском шамане Исламбеке, отец которого, умирая завещал, не отходить от его могилы в течение трех дней. Однако, Исламбек не выполнил завещания и уехал за своим конем. Увидев несколько человек в пути, Исламбек посчитал, что это конокрады. Исламбек начал готовиться к борьбе. Когда к нему приближался всадник, Исламбек вдруг почувствовал себя плохо, упал без памяти на землю. Так Исламбек пролежал до полудня. Все это время всадник приближался к Исламбеку и спрашивал почему он не послушался завещания отца (НА ИЭА РАН, ф. 94, л. 307). Когда Исламбек очнулся, всадник снова явился к нему и сказал, что духи вселятся в него. Исламбеку было указано играть на кобызе (музыкальный инструмент). Полтора года Исламбек сопротивлялся, отказывался, однако духи не отставали. Однажды даже кобыз слетел с кереге (остов юрты) и ударил его в грудь. В конце концов, Исламбек стал лечить людей. Духи Исламбека носили человеческие имена — Айдарбек, Дозой, Терек, Елшыгыс, Толыбек и др. (НА ИЭА РАН, ф. 94, л. 288). Некоторые из них имели человеческий облик. Так, Айдарбек был лицом похож на женщину, поведением на мужчину, полнокровным, круглолицым. Под ним был мухортый конь (НА ИЭА РАН, ф. 94, л. 288).

М. Б. Кенин-Лопсан обратил внимание на то, что «различия в способе обретения шаманского дара проявлялись и в обрядовой практике» (Кенин-Лопсан, 1987: 10). Шаманы могли происходить от шаманов-предков, духов земли и воды, небожителей, злых духов албысов, злых духов аза (там же: 11). При этом самыми сильными шаманами у тувинцев считались «потомственные», «настоящие» шаманы.

Определенный интерес вызывает категория тувинских шаманов, происходивших от небожителей. По шаманской мифологии, высоко в небесных сферах жили небожители — *азарлар* (там же: 14–15). Шаманы, возводящие родословную к ним, воспевали различные природные явления: грозу, молнию, град, дождь, необыкновенный восход и заход разных планет (там же).

Необходимо отметить, что у казахов бытовали поверья о том, что на небе жили люди, которые носили пояс под горлом, а подземные люди носили пояс на ногах (Валиханов, 2007: 86). Основу данных представлений составляла концепция о трехчастности мира, включавшего Верхний, Средний и Нижний мир. Однако прямая связь небесных жителей с шаманами в казахском шаманизме снова не прослеживается, поскольку в источниках первой четверти XX в. об этом сообщений нет. Лишь в более ранних трудах казахского этнографа Ч. Валиханова присутствуют упоминания о том, что во второй

половине XIX в. шаманы у казахов «почитались, как люди, покровительствуемые небом и духами» (Валиханов, 2007: 76).

Таким образом, шаманами у казахов и тувинцев становились чаще всего по наследству. Такие шаманы считались самыми сильными и уважаемыми, а их методы и деятельность наиболее успешной. Способы передачи шаманских умений в тувинском шаманизме гораздо шире и разнообразны, при этом необходимо подчеркнуть, что в этом аспекте отчетливо проявляется тесная связь тувинского шаманизма с представлениями о природных явлениях.

Ритуал казахских и тувинских шаманов: атрибутика и обрядовые действия

По сведениям Ф. Кона, упомянутый выше Шагдыр вскоре стал могущественным шаманом. Основной задачей Шагдыра, как и других шаманов, являлось лечение болезней. Весьма важно указать замечание Ф. Кона о том, что специальность шамана — борьба со злыми духами, заступничество перед ними за человека (Кон, 1934: 80–81). Ведь, по существу, шаманы выступали знахарями, обладавшими знаниями и умениями в области народной медицины.

Ф. Кон описывает начало шаманского камлания, называемого мистерией, так: «Шаман снимает с себя халат, шапку и обувь и одевает прежде всего обувь, — по большей части меховую» (там же: 84). При этом каждая часть шаманского туалета, за исключением шапки, сооружена с определенной целью: производить шум (там же). Затем одевался плащ. Это одеяние сплошь было увешано длинными, долженствующими изображать змей, скрученными из кожи шкурами. Верхняя часть плаща и рукава буквально унизаны железками, колокольчиками и довольно часто находимыми в курганах бронзовыми бляшками. Головной убор состоит из круга, утыканного перьями, по преимуществу орлиными, прикрепленными вертикально. Весь ободок шапки (без дна) украшен раковинами. Спереди, посередине, у одних — изображение черепа, у других — курганная бронзовая бляшка, у иных обходится и без какого-либо изображения (там же: 85).

Одевание каждого элемента шаманского костюма сопровождалось обращениями, например к шапке, к змеям на плаще. Интерес вызывают обращения к бубну, ведь в нем, согласно поверьям, обитала душа шамана: «Звонкий бубен, остановись; Обтянутый кожей бубен, Исполни мои моления — Хозяина и его жилью помилуй! Громкий твой звон да помилуй меня! Как воздушная волна, расстели, Превратись в перекасти-поле, Охрани наш хошун...» (там же). В более поздних работах С. И. Вайнштейн отмечал, что шаман у тувинцев-тодджинцев называл бубен также собственным именем коня (Вайнштейн, 1961: 182).

Во время камлания (шаманской мистерии) тувинский шаман отправляется на розыски духа, овладевшего душой больного, по дороге встречает всевозможные препятствия и преграды, переживает разные мытарства, но в конце концов добивается цели, дух соглашается за определенную мзду освободить тело больного (Кон, 1934: 84).

Прежде чем приступить к камланию, любой шаман у тувинцев, независимо от статуса, устраивал *саң салыры* — зажигание курильницы. Приготовление курильницы состояло в следующем: на плоском камне рассыпали золу и горячие угли, туда же клали горсть сушеного можжевельника (*артыш*). Если курильница сразу начинала дымить, значит, она «оживала». Тогда добавляли еще немного муки, *тараа* (очищенного от шелухи и поджаренного проса), масла и сала. Сначала шаман окуривал бубен, затем свою обувь, поднимая поочередно ноги, — считалось, что курильница очищает атрибуты шамана перед камланием и придает ему силу в предстоящей схватке со злыми духами (Кенин-Лопсан, 1987: 22–23). Завершив приготовления, шаман бил колотушкой в бубен и делал вокруг курильницы по солнцу три оборота правой, потом левой ногой. Под звук бубна он кричал то кукушкой, то вороном, что являлось как бы сигналом к началу камлания, наконец обращался к «эреням» (духам) и вел с ними неслышимый для окружающих разговор (там же: 23).

Тувинские шаманы использовали разные способы и приемы борьбы со злыми духами. По замечанию Ф. Кона, одни шаманы молили нечистых духов помиловать больного (Кон, 1934: 82). Напротив, «потомственные» шаманы, как было уже сказано, считавшиеся сильнейшими, пользовались большим уважением. Эти шаманы не церемонились, ловили нечистых духов, запихивали их в бубен и вышвыривали за дверь юрты. Для камлания шаманы изготавливали идолы, называемые «эренями» (там же: 81). «Эрени» использовались для того, чтобы «задобрить» духов, при этом каждый «эрень» обозначал определенное заболевание (там же).

М. Б. Кенин-Лопсан в своих трудах использует также термин *чуулу*:

«...Закончив “разговор с духами”, шаман приказывал сделать «образ болезни», которая мучит его пациента. Он вырезал ножницами из бумаги фигурки, олицетворяющие злых духов. К этим фигуркам прикреплялись разноцветные лоскутки материи. Готовый *чуулу* шаман прикреплял к специальной дощечке (*даспан*), и *аарыгнын чуулузун* — “образ болезни” — готов (Кенин-Лопсан, 1987: 23).

Завершив сеанс, шаман выходил из юрты только по левой стороне (от очага) юрты (там же).

Однако, кроме обрядов лечения, составной частью тувинских шаманских практик являлись гадание при помощи колотушки и обряды освящения. Так, М. Б. Кенин-Лопсан отмечает, что у каждого шамана было свое дерево, которое он ежегодно посещал и у которого организовывал торжественное камлание. Ритуал назывался *хам ыяш дыгыры* ‘освящение дерева-шамана’ (там же).

Перейдем к традиционным практикам казахских шаманов. В рукописи Ф. Фиельструга содержится описание шаманского сеанса казахского баксы Исламбека. По сведениям Ф. Фиельструга, перед камланием баксы Исламбек снял сапоги и стал играть на кобызе¹. В начале камлания баксы играл и пел одновременно, призывая своих друзей (имеются в виду духи шамана). В течение длительного времени Исламбек баксы сидел, поджав ноги, и склонившись над кобызом, обращенным лицом вперед (НА ИЭА, ф. 94, л. 312). Когда духи входили в него, шаман впадал в экстаз (НА ИЭА, ф. 94, л. 308). При этом Ф. Фиельструг обратил внимание на то, что одежда баксы является только внешним признаком его звания, но сама по себе никакой роли магической не играет (НА ИЭА, ф. 94, л. 308). *Баксы*, использовавший инструмент *аса* (*асатаяк*)², вовсе не имел костюма (НА ИЭА, ф. 94, л. 308).

Во время сеанса баксы сидел на полу юрты, немного покачиваясь из стороны в сторону и изредка соскакивал, чтобы покружиться на месте. Кружение считалось важным элементом камлания, так казахское восклицание «айналайын» («кружусь вокруг тебя») восходит к древнему обычаю, когда шаманы баксы кружились вокруг больного (Религиозные верования ... , 2007: 13). Помимо этого, казахский баксы использовал конский череп, который вымазывал краской и делал куклы девушек (НА ИЭА, ф. 94, л. 284).

Казахские шаманы опирались на помощь духов — джиннов (*жын*). Джинны подразделялись на мусульманских и языческих, добрых и злых. По сведениям Ф. Фиельструга, джинны болезней происходили от крови, огня, ветра, воды или от умерших людей (НА ИЭА, ф. 94, л. 286). Их изгоняли прежде всего шаманы баксы. Вместе с тем, у казахов были и другие знахари. Например, *кумалакши*³ лечили, гадая на бараньей лопатке, *тус коруши*⁴ — по сновидениям своим и пациента, *даригер*⁵ применяли лекарства (НА ИЭА, ф. 94, л. 285). Однако, представители всех этих категорий народных целителей значительно уступали шаманам в силе и влиянии.

«Покровители» тувинских шаманов представлялись в образе животных и птиц — кукушки, медведя, волка, филина и др. У казахских шаманов духи имели человеческий имена и облик, зачастую являлись сами еще до начала камлания. Особую часть шаманских практик тувинцев составляли обряды освящения — огня, родового дерева и пр. Эти ритуальные действия в первой четверти XX в. казахскими шаманами не совершались. Вместе с тем, и тувинские, и казахские шаманы изготавливали фигурки (в виде кукол), на которых в ходе сеансов «переносили» болезни. Тувинские и казахские шаманы обращались к коням, образ которого в шаманизме занимает особое место. Тувинские шаманы считали бубны своими конями, поскольку с помощью них отправлялись в иные миры. Духи казахских шаманов являлись на своих конях, кроме того, казахские баксы перед началом шаманских практик приносили конские черепа.

Таким образом, шаманские сеансы казахских и тувинских шаманов имели четкую структуру: начало сеанса, камлание и завершение сеанса. В основе шаманских сеансов казахов и тувинцев лежали сходные представления о борьбе со злыми духами, становившимися, согласно традиционным религиозным воззрениям, главной причиной заболеваний.

¹ Кобыз (каз. *қобыз*) — струнно-смычковый музыкальный инструмент. Согласно легенде, создателем данного музыкального инструмента является святой Коркыт (Казахи, 2021: 567).

² Асатаяк (каз. *асатаяқ*) — ударно-шумовой музыкальный инструмент (Казахи, 1995: 178).

³ Кумалакши (каз. *құмалақшы*) — гадатели.

⁴ Тус коруши (каз. *түс көруші*) — разгадыватели снов.

⁵ Даригер (каз. *дәрігер*; *дәрігерлер* (мн. ч.), от арабского слова *дарей* — лекарство) — врач, лекарь, народный целитель (Казахи, 1995: 212–213).

Как было уже сказано, шаманизм у народов Сибири и Центральной Азии в целом хорошо изучен. Л. П. Потапов доказывал на материалах шаманизма алтайцев о том, что шаманизм является религией и отмечал, что данные традиционные представления сложились естественным, историческим путем в рамках древнего дуалистического мировоззрения, базирующегося на олицетворении и почитании окружающей природы и ее стихийных, космических сил (Потапов, 1991: 307). М. Элиаде, обозначая шаманизм также как одну из архаических техник экстаза, обратил внимание на функции шамана и указывал на то, что «принципиальная роль шамана в защите психической целостности общества зиждется прежде всего на уверенности людей в том, что один из них сможет им помочь в критической ситуации, вызванной обитателями невидимого мира» (Элиаде, 2000: 275). М. Б. Кенин-Лопсан отмечал, что у тувинцев мировоззренческой предпосылкой для участия шаманов в излечении больных было представление о множественности человеческих «душ» (Кенин-Лопсан, 1987: 23). В. Н. Басилов в одной из своих последних работ о среднеазиатском шаманизме указывал на главную особенность казахского шаманизма — его слияние с исламом (Казахи: историко-этнографическое ... , 1995: 251). Выводы настоящей работы во многом подтверждают данные заключения. Вместе с тем, нужно отметить необходимость дальнейшего изучения шаманизма в сравнительном аспекте.

Заключение

Таким образом, мы видим, что представления у казахов и тувинцев о приобретении «шаманского дара» во многом являются сходными. Часто шаманами становились под влиянием духа предка-шамана, такие шаманы считались самыми сильными. Шаманы боролись со злыми духами, в основе представлений о них лежали воззрения о вполне конкретных заболеваниях. Поэтому основным видом традиционных практик казахских и тувинских шаманов являлось лечение болезней. Для этого казахские и тувинские шаманы использовали широкий арсенал средств и приемов.

Важнейшим среди них было использование музыкальных способностей, при этом если тувинские шаманы предпочитали использовать бубен, то казахские шаманы лечили, играя на кобызе. Своего рода «учителями» в этом призвании выступали духи шаманов. Тувинские шаманы обращались к духам, представлявшимся в образе животных и птиц, а казахские шаманы — к духам, имевшим человеческие имена и свойства.

В период первой четверти — второй половины XX в. тувинский шаманизм и тувинские шаманские практики, по своему содержанию, были гораздо ближе к древним формам, в отличие от казахского шаманизма. Это прослеживается и в костюме шаманов, и в элементах обрядности, некоторые из которых, например, освящение родового дерева не сохранились в традиционных практиках казахских шаманов. Вместе с тем, структура шаманских обрядовых действий и у казахов, и у тувинцев практически идентична, включая подготовку шамана к камланию; камлание (чтение молитв и заговоров); завершение сеанса камлания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басилов, В. Н. (1992) Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука. 328 с.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во восточной литературы. 218 с.
- Валиханов, Ч. Ч. (2007) Этнографическое наследие казахов. Астана : Алтын кітап. 291 с.
- Казахи (2021) / отв. ред. С. Е. Ажигали, О. Б. Наумова, И. В. Октябрьская. М. : Наука. 846 с.
- Казахи: историко-этнографическое исследование (1995) / ред. Г. Е. Тайжанова. Алматы : Казахстан. 352 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 165 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2007) Алгыши тувинских шаманов. Якутск : Бичик. 206 с.
- Кон, Ф. Я. (1934) Собрание сочинений. За пятьдесят лет : в 3 т. М. : Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. 293 с.
- Кон, Ф. Я. (2002) За пятьдесят лет // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подг. текстов, предисл. и комм. А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 69–108.

Куфтин, Б. А. (1916) Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. Кн. 111–112. № 3–4. 179 с. С. 123–155.

Потанин, Г. Н. (2002) Очерки Северо-Западной Монголии // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подг. текстов, предисл. и комм. А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 18–23.

Потапов, Л. П. (1991) Алтайский шаманизм. Ленинград : Наука. 321 с.

Религиозные верования и обряды казахов (2007) / отв. редактор Ж. О. Артыкбаев. Астана : Алтын-кітап. 322 с.

Харитоновна, В. И. (2006) Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М. : Наука. 372 с.

Шаманов, И. М. (1982) Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура) / редкол.: Е. П. Алексеева (отв. ред.), Х. Х. Биджиев, И. М. Шаманов. Черкесск : Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики. 224 с. С. 155–170.

Элиаде, М. (2000) Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев : София. 480 с.

Дата поступления: 13.06.2022 г.

Дата принятия: 07.09.2022 г.

REFERENCES

Basilov, V. N. (1992) *Shamanstvo u narodov Srednei Azii i Kazakhstana [Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]*. Moscow, Nauka. 328 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Valikhanov, Ch. Ch. (2007) *Etnograficheskoe nasledie kazakhov [Ethnographical heritage of the Kazakhs]*. Astana, Altyn kitap. 291 p. (In Russ.).

Kazakhi [The Kazakhs] (2021) / ed. by S. E. Azhigali, O. B. Naumova and I. V. Oktiabrskaya. Moscow, Nauka. 846 p. (In Russ.).

Kazakhi: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [The Kazakhs: Historical and ethnographical research] (1995) / ed. by G. E. Taizhanova. Almaty, Kazakhstan. 352 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late 19th — early 20th century]*. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2007) *Algyshehi tuvinskikh shamanov [Algyshehs of Tuvan shamans]*. Yakutsk, Bichik. 206 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (1934) *Za piat' desiat let [In fifty years]* : Collected works : in 3 vols. Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Vol. 3: Ekspeditsiia v Soiotiiu [An expedition to Soyotia]. 293 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (2002) *Za piat' desiat let [In fifty years]*. In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th — early 20th century)]* / text prep., preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 224 p. Pp. 69–108. (In Russ.).

Kuftin, B. A. (1916) *Kalendar' i pervobytnaia astronomiia kirgiz-kazatskogo naroda [The calendar and primitive astronomy of the Kyrgyz-Kazakh people]*. *Etnograficheskoe obozrenie*, books 111–112, no. 3–4, pp. 123–155. (In Russ.).

Potantin, G. N. (2002) *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on North-Western Mongolia]*. In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th — early 20th century)]* / text prep., preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 224 p. Pp. 18–23. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1991) *Altaiskii shamanizm [The Altaian Shamanism]*. Leningrad, Nauka. 321 p. (In Russ.).

Religioznye verovaniia i obriady kazakhov [Religious beliefs and rituals of the Kazakh people] (2007) / ed. by Zh. O. Artykbaev. Astana, Altyn-kitap. 322 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2006) *Feniks iz pepala? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysiacheletii [A Phoenix from the ashes? Siberian Shamanism at the turn of the millennium]*. Moscow, Nauka. 372 p. (In Russ.).

Shamanov, I. M. (1982) *Drevnetiurkskoe verkhovnoe bozhestvo Tengri (Teiri) v Karachae i Balkarii [The ancient Turkic supreme deity of Tengri (Teiri) in Karachay and Balkaria]*. In: *Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkesii (material'naia i dukhovnaia kul'tura) [Problems of archaeology and ethnography of Karachay-Cherkessia (material and spiritual*

culture]/ ed. by E. P. Alekseeva, Kh. Kh. Bidzhiev and I. M. Shamanov. Cherkessk, Karachay-Cherkess Research Institute of History, Philology and Economics. 224 p. Pp. 155–170. (In Russ.).

Eliade, M. (2000) *Shamanizm: arkhaischeskie tekhniki ekstaza [Shamanism: Archaic techniques of ecstasy]*. Kiev, Sophia. 480 p. (In Russ.).

Submission date: 13.06.2022.

Acceptance date: 07.09.2022.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редактор переводов *Б. Н. Гайдин.*

№ 1, 2023

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/57>

*Для иллюстрации обложки использована
фотография Александра Папына.*

Подписано к публикации 13.03.2023 г.

Объем - 36,3 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

Адрес: 117437, Россия, Москва, а/я 30.